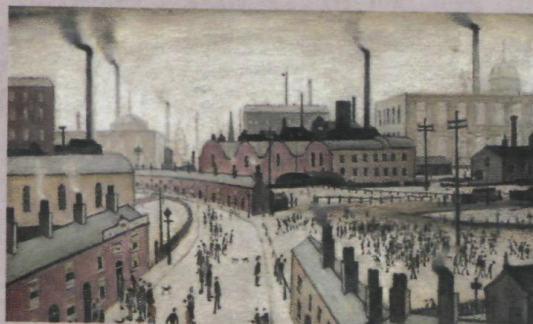

КЕМБРИДЖСКАЯ
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ИСТОРИЯ ЕВРОПЫ
НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

Том 1
1700–1870

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНСТИТУТА
ГАЙДАРА

КЕМБРИДЖСКАЯ
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ
ЕВРОПЫ НОВОГО
И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

Volume 1

1700-1870

Edited by
STEPHEN BROADBENT and
KEVIN H. O'Rourke

Translated by

ЮРИЙ НАУМЕНКО

Научный редактор

Татьяна Дмитриевна

✓

1

BRITISH LIBRARY

MOSCOW 1992

1030255

Российская академия наук
Институт экономики
Москва
1992

THE CAMBRIDGE
ECONOMIC HISTORY
OF MODERN EUROPE

Volume 1
1700–1870

Edited by
STEPHEN BROADBERRY *and*
KEVIN H. O'ROURKE

CAMBRIDGE UNIVERSITY PRESS • 2010

КЕМБРИДЖСКАЯ
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ИСТОРИЯ ЕВРОПЫ
НОВОГО И НОВЕЙШЕГО
ВРЕМЕНИ

Том 1
1700–1870

Под редакцией

Стивена Бродберри и Кевина О'Рурка

Перевод с английского

Юрия Каптуревского

Научная редакция

Татьяны Дробышевой

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНСТИТУТА ГАЙДАРА

МОСКВА • 2013

УДК 339.9
ББК 65.5
К35

**Кембриджская экономическая история Европы
Нового и Новейшего времени**

К35 Том 1: 1700–1870 [Текст] / пер. с англ. Ю. Каптуревского
под ред. Т. Дробышевской. — М.: Изд-во Института Гайдара,
2013. — 464 с.

ISBN 978-5-93255-355-8

Книги, выходящие в серии «Кембриджская экономическая история», общепризнанно являются наиболее авторитетными изданиями по экономической истории различных стран и регионов мира.

В отличие от большинства работ по экономической истории Европы Нового и Новейшего времени, в которых рассматривается развитие отдельных стран, в «Кембриджской экономической истории Европы Нового и Новейшего времени» европейское развитие с 1700 г. переосмысливается как единое панъевропейское явление, причем материал организован по нескольким крупным темам, а не по отдельным государствам. В томе I «Кембриджской экономической истории» рассматривается переход к современному экономическому росту, первоначально начавшийся в Англии и приблизительно к 1870 г. распространившийся на другие части Западной Европы. Каждая глава написана международной командой авторов, проанализировавших развитие трех важнейших регионов — Северной Европы, Южной Европы и Центральной и Восточной Европы. В центре внимания авторов первого тома находятся важнейшие темы экономической истории Нового и Новейшего времени, включая торговлю, урбанизацию, совокупный экономический рост, важнейшие сферы экономики (сельское хозяйство, промышленность и услуги), а также повышение уровня жизни населения и распределение доходов.

Эта книга представляет интерес не только для студентов и специалистов по экономической истории, но и для экономистов, историков, экономических социологов, а также для всех, кого интересуют преобразования, произошедшие в Европе эпохи Нового и Новейшего времени.

УДК 339.9
ББК 65.5

© Published by the Press Syndicate of the University of Cambridge, 2010
© Издательство Института Гайдара, 2013

ISBN 978-5-93255-355-8

Содержание

Авторский коллектив	· 7
Предисловие	· 9
Введение к первому тому	· 12

ЧАСТЬ I. АГРЕГИРОВАННЫЙ РОСТ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЦИКЛЫ

Глава 1. Экономический рост в Европе в 1700–1870 гг.: теория и фактические свидетельства · 17

Теоретические подходы · 19; «Исчезновение» Мальтуса · 28;
Институты — хорошие и плохие · 40; Человеческий капитал
и культура · 51; Технологии · 64; Заключение: недопонимание
как источник прогресса · 71

Глава 2. Демографический переход и человеческий капитал · 75

Доиндустриальный демографический режим · 78;
Мальтузианский режим в состоянии неравновесия
(1750–1870 гг.) · 91; Демографический переход · 102;
Заключение · 115

Глава 3. Государственные и частные институты · 117

Политические институты · 122; Налоговые институты · 130;
Коммерческое право · 138; Государство и сфера
инфраструктуры · 147; Заключение · 158

Глава 4. Торговля и империя · 161

Введение: взлет и падение европейского меркантилизма · 163;
Количественные тенденции (1700–1870 гг.) · 170; Торговля,
империя и рост · 178; Торговля и промышленная
революция · 192

Глава 5. Экономические циклы · 199

Экономические циклы до 1816 г. · 203; Экономические
циклы в 1816–1870 гг. · 218

ЧАСТЬ II. АНАЛИЗ ПО СФЕРАМ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Глава 6. Сельское хозяйство · 233

Сельское хозяйство и долгосрочный рост · 235;
Технологические изменения и их влияние на рост
производительности и численности населения · 241;
Урбанизация, рынки и специализация фермерства · 247;
Институты · 252; Заключение · 257

Глава 7. Промышленность · 259

Ключевые темы · 262; Структура европейской
промышленности · 268; Каменный уголь и пар · 272;
Производство текстильных изделий · 276; Продовольствие,
напитки и табачные изделия · 283; Черная металлургия · 285;
Заключение · 292

Глава 8. Сфера услуг · 293

Финансы · 298; Перевозка грузов · 307; Распределение · 319;
Заключение · 329

ЧАСТЬ III. УРОВЕНЬ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

Глава 9. Уровень жизни населения · 333

Экономический рост · 338; Реальная заработная плата · 341;
Возвращение к пессимистической позиции · 346; Индекс
развития человеческого потенциала · 354; Кривая
Кузнеца? · 355; Заключение · 358

Глава 10. Урбанизация · 361

География урбанизации · 364; Хронология урбанизации · 372;
Урбанистический переход · 380; Заключение · 388;
Приложение · 388

Глава 11. Европа в зеркале Азии: Великое расхождение · 397

Уровни жизни в Евразии · 401; Причины Великого
расхождения: рынки и институты · 415; Колониальное
правление и Великое расхождение · 424; Заключение · 428

Библиография · 429

Авторский коллектив

Джордж АЛТЕР (George Alter), исторический факультет, Мичиганский университет.

Дэн БОГАРТ (Dan Bogart), экономический факультет, Калифорнийский университет в Ирвайне.

Стивен БРОДБЕРРИ (Stephen Broadberry), экономический факультет, Уорикский университет.

КОНСЕПСЬОН ГАРСИЯ-ИГЛЕСИАС (Concepción García-Iglesias), факультет истории общественных наук, Хельсинкский университет.

ОСКАР ГЕЛЬДЕРБЛОМ (Oscar Gelderblom), исторический факультет, Утрехтский университет.

РЕГИНА ГРАФЕ (Regina Grafe), исторический факультет, Северо-Западный университет.

БИШНУПРИЯ ГУПТА (Bishnupriya Gupta), экономический факультет, Уорикский университет.

ТРЕЙСИ ДЕННИСОН (Tracy Dennison), отделение гуманитарных и общественных наук, Калифорнийский технологический институт.

ГИЙОМ ДОДЕН (Guillaume Daudin), Лилльский университет I, Французский центр экономической конъюнктуры (OFCE) и Парижский институт политических исследований.

МАУРИСИО ДРЕЛИХМАН (Mauricio Drelichman), отделение гуманитарных и общественных наук, Калифорнийский технологический институт.

ЯН ЛЕЙТЕН ВАН ЗАНДЕН (Jan-Luiten van Zanden), исторический факультет, Утрехтский университет.

ГРЕГОРИ КЛАРК (Gregory Clark), экономический факультет, Калифорнийский университет в Дэвисе.

ЛИ КРЕЙГ (Lee Craig), экономический факультет, Университет штата Северная Каролина.

ДЕБИН МА (Debin Ma), факультет экономической истории, Лондонская школа экономики.

ПАОЛО МАЛАНИМА (Paolo Malanima), Институт исследований средиземноморских обществ (IISM-CNR), Неаполь.

ДЖОЭЛЬ МОКИР (Joel Mokyr), факультеты экономики и экономической истории, Северо-Западный университет и Школа экономики им. Эйтана Бергласа, Тель-Авивский университет.

ЛАРРИ НИЛ (Larry Neal), экономический факультет, Иллинойский университет в Урбана-Шампейне.

КЕВИН О'РУРК (Kevin H. O'Rourke), экономический факультет, Тринити-колледж в Дублине.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ЕВРОПЫ. ТОМ 1

СЕВКЕТ ПАМУК (Şevket Pamuk), Институт истории Турции Нового и Новейшего времени им. Ататюрка, Босфорский университет (Стамбул) и Европейский институт Лондонской школы экономики.

ЛЕАНДРО ПРАДОС ДЕ ЛА ЭСКОСУРА (Leandro Prados de la Escosura), факультет экономической истории и институтов и Институт Фигеролы, Мадридский университет им. Карлоса III.

ЖАН-ЛОРАН РОЗЕНТАЛЬ (Jean-Laurent Rosenthal), отделение гуманитарных и общественных наук, Калифорнийский технологический институт.

ДЖЕЙМС СИМПСОН (James Simpson), факультет экономической истории и институтов, Мадридский университет им. Карлоса III.

ПИТЕР СОЛАР (Peter Solar), Везалий-колледж, Брюссельский свободный университет, Университетские факультеты Сен-Луи.

РИЧАРД УНГЕР (Richard W. Unger), исторический факультет, Университет Бригганской Колумбии.

ГАНС-ИОАХИМ ФОТХ (Hans-Joachim Voth), экономический факультет, Университет Помпеу Фабра (Барселона).

РАЙНЕР ФРЕМДЛИНГ (Rainer Fremdling), экономический факультет, Гронингенский университет.

Предисловие

АМЕРИКАНСКИЕ студенты были бы немало удивлены, услышав предложение прослушать курсы по экономической истории не США, а, например, штата, в котором расположен их университет. В то же время в большинстве современных учебников по европейской экономической истории рассматривается исключительно развитие отдельных стран. Данное построение сопряжено с риском, что студенты будут неправильно интерпретировать феномен континентального развития только в масштабе некоего одного государства, устанавливая характерные только для него причинно-следственные зависимости. Пришло время для учебника по европейской экономической истории, в котором явным образом использовался бы панъевропейский подход, когда предлагаемый к изучению материал организован по темам, а не по различным государствам.

Таким образом, цель нашего проекта заключается в том, чтобы предложить читателям единую экономическую историю Европы в Новое и Новейшее время. В качестве модели мы использовали изданную в Кембридже новаторскую работу под редакцией Р. Флауда и Д. Макклоски «Экономическая история Англии» (Floud and McCloskey, 1981). Каждая глава учебника написана двумя или тремя ведущими специалистами в рассматриваемой области, что позволило им охватить каждый из трех важнейших регионов Европы (Северную Европу, Южную Европу и Центральную и Восточную Европу). Следуя матрице, предложенной Флаудом и Макклоски, мы представили учебник в двух томах, охватывающих 1700–1870 гг. и 1870–2000 гг. соответственно. В каждом из томов содержатся главы, в которых рассматриваются доминирующие в современной экономической истории темы: агрегированный экономический рост и экономические циклы, анализ

различных сфер экономики и уровень жизни населения. Мы использовали количественный подход и явным образом выраженный экономический анализ. Полученные результаты преподносятся так, чтобы они были понятны студентам.

Еще два десятилетия назад подобный проект был немыслим. Для того чтобы наглядно убедиться в существовании традиции панъевропейской экономической истории, достаточно познакомиться с более ранними изданиями *Cambridge Economic History of Europe* («Кембриджской экономической истории Европы»). Данные, содержащиеся в трудах многих гигантов экономической истории, публиковавшихся в Кембридже, позволили нам взглянуть на экономическое развитие континента в целом. Однако впоследствии, в более поздних томах этой серии, начиная с тех, которые были посвящены Промышленной революции, возобладало представление событий в рамках истории отдельных государств. При этом выбор как государств, так и научных тем носил в высшей степени избирательный характер. Начиная с 1970-х гг. на экономических факультетах европейских университетов начала писаться количественная экономическая история, которая в большинстве своем была национальной по масштабам. Вероятно, это было неизбежно, поскольку количественные оценки долгосрочного экономического роста осуществлялись на основе национальной статистики стран, в которых работали специалисты-историки. Более того, количество клиометристов, работавших в других, помимо Великобритании и Ирландии, странах, оставалось сравнительно небольшим, а их профессиональный состав был раздробленным, особенно по сравнению с нашими североамериканскими коллегами.

Сегодня все изменилось. Критически важной поворотной точкой стало создание в 1991 г. Европейского общества исторической экономики (ЕОИЭ, EHES) с целью объединения специалистов по экономической истории нашего континента для совместной работы как в историческом направлении, так и в сфере экономической теории. В 1997 г. ЕОИЭ учредило журнал *European Economic History Review*, со временем превратившийся в своеобразный форум европейских специалистов. Еще одним важным прорывом стали начатые в 2003 г. инициативные исследования в области экономической истории лондонского Центра исследований экономической полити-

ПРЕДИСЛОВИЕ

ки (ЦИЭП, CERP), представляющего собой крупнейшую в Европе сетевую структуру в сфере экономических исследований. Результатом усилий ЦИЭП, подкрепленных финансированием панъевропейских исследовательских инициатив со стороны Европейского союза, стало появление динамичной профессиональной группы экономических историков, представители которой имеют полное право называть себя «европейскими» специалистами.

Мы «провели» наших авторов через две «тяжкие» конференции (в Лунде в 2006 г. и в ЦИЭП в 2007 г.), на которых обсуждались первоначальные наброски каждой главы учебника, и выражаем огромную признательность местным организаторам обоих форумов. Мы благодарны всем нашим авторам за проявленные ими в обоих случаях энтузиазм и стойкость, а также своевременное предоставление текстов.

Наш проект стал своего рода «ответвлением» финансируемой ЕС Исследовательской и учебной сети имени Марии Кюри «Изучение общего европейского опыта: исторические уроки панъевропейского развития» (контракт № MRTN-СТ-2004-512439). Разумеется, мы благодарны Европейской комиссии за щедрую финансовую поддержку, без которой наш проект, скорее всего, никогда не смог бы «оторваться от земли». Мы признательны персоналу ЦИЭП, предоставившему нам экспертную помощь в получении гранта и администрировании проектом. Значительная часть работы над этой книгой была проделана в то время, когда О'Рурк работал старшим научным сотрудником правительства Ирландии. Он благодарит за неоценимую помощь Ирландский совет по научным исследованиям в области гуманитарных и общественных наук.

В 2007 г. наша учебная сеть понесла невосполнимую утрату — безвременно, в возрасте 46 лет, скончался Стефан (Ларри) Эпштейн, один из наиболее уважаемых, пользовавшийся всеобщей любовью ее участник. Смерть Ларри стала огромной потерей для нашей профессии. Нам будет очень не хватать его. Эта книга посвящается Ларри.

*Стивен Бродберри
Кевин О'Рурк*

Введение к первому тому

СТИВЕН БРОДБЕРРИ

КЕВИН О'РУРК

ПЕРВЫЙ том экономической истории Европы Нового и Новейшего времени посвящен переходу к экономическому росту современного типа, определяя который С. Кузнец использовал следующие характеристики: 1) высокие темпы роста подушевого продукта и численности населения; 2) высокие темпы роста выпуска в расчете на единицу затрат всех видов — то есть совокупной производительности факторов; 3) высокие темпы структурной трансформации от сельского хозяйства к промышленности и сфере услуг и от «личных» предприятий к крупномасштабной обезличенной организации фирм; 4) изменения в структуре и идеологии общества, включая урбанизацию и секуляризацию; 5) открытие международных коммуникаций или глобализация; 6) ограниченное распространение роста, ведущее к расхождению уровней жизни населения «развитых» и «слаборазвитых» государств (Kuznets, 1974). В Европе переход к экономическому росту современного типа происходил в 1700–1870 гг. Он начался в Англии, а затем довольно быстро распространился на другие части Западной Европы.

Рассматриваемые в исторической перспективе, эти перемены носили радикальный характер и должны анализироваться в одном ряду с другими эпохальными изменениями, такими как переход от охоты и собирательства к оседлому сельскому хозяйству. В то же время, используя непрерывно расширявшиеся в последние десятилетия возможности реконструкции экономического развития в рассматриваемый период, исследователи пришли к выводу, что эти изменения носили в большей степени постепенный характер и происходили в разных сферах экономики, а не только в промышленности, как считалось в прошлом. Тем самым был поставлен вопрос о правомер-

ности использования самого понятия «промышленная революция». Однако мы продолжаем использовать этот термин, в какой-то степени потому, что он твердо укоренился и в общественном сознании, и в профессиональной литературе. Возможно, еще более важно помнить о следующем. Несмотря на более низкие, чем считалось ранее, темпы роста, происходившие в то время экономические изменения носили революционный характер в том смысле, что они были необратимыми и превратились в идеальный тип (de Vries, 2001). Ведь когда мы говорим о «Великой французской революции», то, как правило, имеем в виду события, происходившие на протяжении всего 1789 г., а не только короткий по времени штурм Бастилии. В конце концов никто не ставит под сомнение положение, согласно которому, по мере того как в процессе модернизации экономик ресурсы постепенно перетекали из сельского хозяйства в промышленность, последняя стала играть гораздо более важную роль (Crafts, 1985a).

Насколько быстро «росла» Европа в 1700–1850 гг.? Действительно ли результатом роста стал радикальный разрыв с прошлым? В последние годы европейские специалисты по экономической истории добились огромного прогресса с точки зрения количественной оценки экономического роста. Основные данные о годовых темпах роста в ряде европейских стран и сравнительных уровнях валового внутреннего продукта в расчете на душу населения приведены в табл. I.1. Одним из важнейших достижений недавнего времени стало систематическое отслеживание сравнительных уровней подушевых доходов, что открыло возможность последовательной сверки данных о темпах роста в отдельных европейских странах, которые обычно рассчитывались на основе данных государственной статистики.

Обратившись к табл. I.1, мы, во-первых, видим, что в 1820–1870-х гг. имели место гораздо более высокие темпы роста, чем в эпоху раннего Нового времени (1500–1700 гг.). Имеющаяся информация позволяет предположить, что в это время в некоторых частях Южной и Восточной Европы происходило снижение уровня жизни населения, в то время как на Северо-Западе континента, и, прежде всего, в Англии, Бельгии, Нидерландах, Люксембурге и части Франции, уровень доходов населения медленно повышался. В данном случае имела место известная «перемена участи» различных частей Европы, связанная с открыти-

ТАБЛИЦА 1.1.

Показатели ВВП в расчете на душу населения в странах Европы
в 1500–1870 гг.: темпы роста и сравнительные уровни

А. Темпы роста ВВП в расчете на душу населения (в % в год)

	1500–1700	1700–1750	1750–1820	1820–1870
Великобритания	0,12	0,35	0,20	1,25
Нидерланды	0,24	0,00	–0,02	0,83
Бельгия	0,09	0,19	0,02	1,44
Франция	н.д.	н.д.	н.д.	0,85
Италия	–0,08	0,14	–0,22	0,61
Испания	–0,02	–0,10	0,10	0,27
Швеция	0,02	0,03	0,06	0,65
Польша	–0,13	–0,24	0,21	0,59
Россия	н.д.	н.д.	н.д.	0,64
Турция	н.д.	0,16	0,07	0,52

Б. Сравнительные уровни ВВП в расчете на душу населения (Великобритания
в 1820 г. = 100)

	до 1500	до 1700	до 1750	1820	1870
Великобритания	57	73	87	100	187
Нидерланды	67	109	109	107	162
Бельгия	58	69	76	77	158
Франция	н.д.	н.д.	н.д.	72	110
Италия	83	71	76	65	88
Испания	63	61	58	62	71
Швеция	64	66	67	70	97
Польша	50–54	38–42	34–37	41	55
Россия	н.д.	н.д.	н.д.	40	55
Турция	н.д.	35	38	40	52

Источники: Приведенные данные заимствованы из работ ван Зандена (van Zanden, 2001), Мэддисона (Maddison, 2001), Памука (Pamuk, 2006), а также Альвареса-Ногала и Прадоса де ла Эскокура (Álvarez-Nogal and Prados de la Escosura, 2007).

ем новых торговых маршрутов на Восток через мыс Доброй Надежды и открытием Америки. Не так давно этот процесс перехода лидерства в подушевом доходе от региона Средиземноморья к «атлантическим» экономикам европейского Северо-Запада, был назван Малым расхождением (в отличие от произошедшего после 1800 г. Великого расхождения в уровнях жизни между Европой и Азией) (Pomeranz, 2000; Allen, 2001; Broadberry, 2007).

Во-вторых, при рассмотрении данных табл. I.1 мы видим, что переход к экономическому росту современного типа представлял собой длительный процесс. Даже в такой ведущей европейской стране как Великобритания, до начала XIX в. годовые темпы роста подушевого дохода не превышали 0,5%. Только после 1820 г. показатель темпов роста превысил 1% в год, да и то лишь в некоторых странах. И в-третьих, из табл. I.1 становится очевидным, что, несмотря на свое английское «происхождение», современный экономический рост относительно легко распространился на остальные страны Европы, и, конечно же, на колонии европейских поселенцев в Новом Свете. Происходивший после 1820 г. во всех представленных в табл. I.1 европейских странах рост подушевого дохода обусловил Великое расхождение в показателях уровня жизни населения Европы и Азии.

Организация этого тома отражает нашу убежденность в том, что переход к современному типу экономического роста имеет решающее значение для понимания европейской экономической истории в период между 1700 и 1870 гг. В части I рассматривается развитие событий в общем, включая как флуктуации краткосрочного экономического цикла (глава 5), так и долгосрочный экономический рост (глава 1). Включение в нее, наравне с главой об экономическом росте, отдельной главы, посвященной проблемам народонаселения (глава 2), отражает проведенное Кузнецом различие между экономическим ростом в Новое и Новейшее время и ростом в доиндустриальный период. В соответствии со знаменитым положением Т. Мальтуса, в доиндустриальное время повышение уровня жизни обычно носило кратковременный характер, так как непрерывно увеличивавшееся население буквально тут же «проедало» любое временное повышение реальной заработной платы (Malthus, 1798). Напротив, период Промышленной революции был отмечен «мирным сосуществованием» быстрого роста численности населения и повышения подушевых доходов, после чего в Европе начался демографический переход к режиму более медленного увеличения населения, сопровождавшегося устойчивым ростом подушевого дохода. В главе 4, посвященной торговле и созданию империй, отображается свойственный Кузнецу акцент на глобализации. В ней рассматриваются имеющие долгую историю дебаты о том, не является ли источником богатства Запада эксплуатация мировой пе-

риферии. В результате продолжительных научных изысканий специалистам по экономической истории удалось установить, что масштаб взаимодействий между Европой и остальным миром был недостаточно крупным. Поэтому, для того чтобы объяснить возвышение Запада, необходимо изучить и другие факторы (O'Brien, 1982). Альтернативный способ понимания причин «Европейского чуда» предполагает анализ институциональных изменений, позволивших Европе достичь экономического роста современного типа посредством формирования системы встроенных глубоко в институциональную структуру общества стимулов. Эти проблемы рассматриваются в главе 3, посвященной государственным и частным институтам.

В части II предлагается более подробный анализ различных сфер экономики. Развитие сельского хозяйства анализируется в главе 6, промышленности — в главе 7, а сферы услуг — в главе 8. В этих трех главах в центре внимания находятся проблемы роста выпуска и продуктивности, а также изменений в структуре и организации (вопросы, которым уделял большое внимание Кузнец). В заключительной части III этого тома рассматриваются вопросы, связанные с уровнем жизни населения. Если в главе 9 вы узнаете о динамике реальной заработной платы и других показателей уровня жизни, то глава 10 посвящена проблемам урбанизации. Это одно из структурных изменений, привлекавших особое внимание Кузнеца, поскольку влияние роста численности городского населения на уровень жизни представляется очевидным. И наконец, в главе 11 мы обращаемся к вопросам глобализации и расхождения в показателях уровней жизни между Европой и Азией.

ЧАСТЬ I
АГРЕГИРОВАННЫЙ РОСТ
И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЦИКЛЫ

ГЛАВА 1

Экономический рост
в Европе в 1700–1870 гг.:
теория и фактические
свидетельства

ДЖОЭЛЬ МОКИР
ГАНС-ИОАХИМ ФОТХ

СОДЕРЖАНИЕ

Теоретические подходы · 19
«Исчезновение» Мальтуса · 28
Институты — хорошие и плохие · 40
Человеческий капитал и культура · 51
Технологии · 64
Заключение: недопонимание как источник прогресса · 71

СЕГОДНЯ обычные жители экономически развитых стран получают доходы, превосходящие те, которыми на протяжении большей части истории человечества располагали богатейшие представители элит. В 1930 г. Джон Мейнард Кейнс немного скептически заметил, что экономические проблемы человечества уже решены, по крайней мере в Европе и Северной Америке (Keynes, 1930). Исчезла угроза голода. Чистая одежда, крыша над головой и тепло перестали быть роскошью и воспринимались как предметы первой необходимости. К 1870 г. процесс развития, благодаря которому в конечном счете было создано всеобщее богатство, уже набрал полный ход. В предлагаемой главе обобщаются результаты недавних экономических исследований в области теории роста, позволяющие ответить на вопрос, как человечеству удалось спастись от «неприятной, жестокой и короткой», по словам Томаса Гоббса, жизни. Предлагаемые интерпретации сопоставляются с известными историческими свидетельствами и последними научными результатами экономических историков. Самое пристальное внимание уделяется четырем областям — демографии, институтам, человеческому капиталу и технологии. В заключение мы высказываем предположения, которым еще предстоит пройти проверку в будущих исследованиях.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

В конце 1980-х — начале 1990-х гг. фокус внимания специалистов по макроэкономике начинает перемещаться с экономических циклов к детерминантам долгосрочного экономического роста. Авторы научных публикаций об эн-

1. Саймон Смит Кузнец (*Simon Smith Kuznets*; при рождении Семён Абрамович Кузнец; 1901, Пинск, Российская империя — 1985, Кембридж, Массачусетс) — американский экономист. Лауреат Нобелевской премии по экономике 1971 г. — *Прим. перев.*

догенном росте предлагали различные объяснения того факта, что в некоторых странах мира экономическое развитие происходило гораздо быстрее, чем в других. В большинстве своем предлагаемые модели применялись к периоду, наступившему после окончания Второй мировой войны. В результате произошло возвращение к классическому аргументу, выдвинутому Саймоном Кузнецом¹, — в случае обратной экстраполяции текущих темпов роста мы приходим к выводу, что в начале Нового времени и в предшествовавший ему период доходы находились на абсурдно низком уровне. Следовательно, началу роста современного типа должен был предшествовать продолжительный период стагнации. Возникает вопрос: что обусловило фазовый переход от мира очень низких или нулевых темпов роста к новому миру быстрого устойчивого роста?

Начиная с 1990-х гг. ученые пытаются создать всеобъемлющую теорию, позволяющую охватить как медленный рост, так и переход к быстро возрастающим среднедушевым доходам — унифицированную модель роста (*unified growth model*). И сегодня эта научная область пользуется повышенным вниманием исследователей. К важнейшим ее темам относятся демография, влияние институтов, человеческий капитал и культура, а также роль технологии. Прежде всего, мы предложим обзор некоторых, наиболее значительных, достижений в данной области, представленных в научной литературе. В основной части главы проводится сравнение теоретических предсказаний и главных открытых специалистами по экономической истории фактических свидетельств. В заключение выдвигается ряд предположений относительно дальнейших исследований в рассматриваемой нами области.

В ранних моделях в рамках унифицированной теории роста (например, Кремер, 1993) переход от стагнации к росту был представлен как процесс длительного постепенного ускорения темпов роста. Как и в некоторых других публикациях, посвященных эндогенному росту, в модели Кремера предполагается, что увеличение численности населения ведет к ускорению технологических изменений, так как вероятность выдвижения неким индивидом той или иной блестящей идеи является относительно постоянной величиной. Поскольку эти идеи никак не соперничают, происходит ускорение роста. Кремер показал, что некоторые базисные предсказания, сделанные на основе этой, достаточно простой модели роста, подтверждаются как при анализе

временных рядов, так и при кросс-секционном анализе. Располагая данными о текущей численности населения, мы можем предсказать темпы его роста начиная с 1 000 000 г. до н.э. Кроме того, географически отделенные друг от друга экономические единицы, занимающие значительные территории, продуцируют большее по численности население и более высокую его плотность. Поскольку рост численности населения и технологическое развитие происходят одновременно, в модели Кремера отсутствует состояние равновесия. Для того чтобы избежать взрывного роста всех переменных, необходим демографический переход, когда при достижении некоего порогового уровня увеличение доходов ведет к снижению рождаемости.

Напротив, в моделях экзогенного роста технология «просто случается», а решения о ее принятии не являются эксплицитными. Размер сам по себе не оказывает влияния ни на технологию, ни на изменение производительности. Один из примеров приложения концепции экзогенного роста к изучению перехода к самоподдерживающемуся устойчивому росту — модель перехода «от Мальтуса к Солоу» Г. Хансена и Э. Прескотта (Hansen and Prescott, 2002). Она основывается на допущении об экзогенной данности и постоянстве технологических изменений как в способе производства с использованием земли (при убывающей отдаче), так и в способе производства, не предполагающем ее применения. Первоначально используется только мальтузианская технология. В рассматриваемой модели в каждом поколении, продолжительность жизни которого составляет 35 лет, производительность в «мальтузианском секторе» (т.е. в сельском хозяйстве, в условиях убывающей предельной отдачи труда) увеличивается на 3,2%, в то время как в «секторе Солоу» (где все факторы производства являются воспроизводимыми) — на 52%. В конечном счете, поскольку производительность неиспользуемой технологии экспоненциально возрастает, технология Солоу становится конкурентоспособной и принимается. В этих условиях промышленная революция является неизбежной, а ее наступление зависит только от используемых при градуировке различных темпов роста производительности.

Ко второму классу моделей, для которых размер имеет значение, также относятся модели, в которых технологические изменения рассматриваются как экзогенные. Но здесь внимание исследователей сосредоточено на условиях, при

которых новые технологии найдут применение. Авторы первоначальных моделей, следуя традиции, заложенной К. Мерфи, А. Шлейфером и Р. Вишну (Murphy, Shleifer and Vishny, 1989), опирались на воздействия спроса и, соответственно, размеров экономик для обосновывания периода, когда мог произойти «большой скачок». Приверженцы этой концепции, следуя П. Розенштейну-Родану, понимают под «большим скачком» одновременный переход на новые технологии сразу во многих секторах экономики. Для того чтобы покрыть постоянные издержки, ассоциирующиеся с внедрением новых технологий производства, уровень спроса должен быть достаточно высок. Зачастую это возможно только в случае, если индустриализация охватывает целый ряд отраслей. По мере увеличения совокупного выпуска вероятность такого развития событий возрастает. Один из выводов рассматриваемых моделей состоит в том, что индустриализация могла бы начаться задолго до того, как она развернулась в полную силу, — если бы все приняли решение о более раннем инвестировании в технологии, связанные со значительными постоянными издержками, то прибыли были бы достаточно высокими, чтобы оправдать расходы. Новые технологические знания сами по себе не обязательно ведут к увеличению выпуска. Таким образом, недостаточная скоординированность может подорвать переход к современной технологии.

В моделях, где принятие решения зависит от диверсификации рисков, ключевую роль играют также высокие постоянные издержки и неделимость. Д. Асемоглу и Ф. Зилиботти представили модель, основанную на противоречии между требованиями производства и инвестициями домашних хозяйств (Acemoglu and Zilibotti, 1997). Производственные проекты, предусматривающие использование новых технологий, требуют высоких расходов на создание нового предприятия. В то же время домашние хозяйства стремятся к диверсификации своих инвестиций с целью минимизации рисков. В силу этого инвестиции в новые продуктивные технологии первоначально находятся на очень низком уровне, равно как и выпуск. Ситуация изменяется по мере того, как домашние хозяйства становятся богаче, — объем сбережений становится достаточно большим относительно требований, предъявляемых новыми технологиями к капиталу, что позволяет домохозяйствам не «складывать все яйца в одну корзину». По мере того как индустриализация набирает ход, она начинает генериро-

вать средства, обеспечивающие ее собственное развитие. Начинается своеобразная лотерея. В зависимости от того, насколько им повезло в первом раунде, две первоначально идентичные экономики могут встать на принципиально отличные друг от друга пути развития. В модели Асемоглу и Зилиботти подчеркивается, что домашние хозяйства не принимают во внимание воздействие своих инвестиционных решений на совокупную производительность. Существование возможности индустриализации не означает, что она будет использована. Модель включает в себя стохастический компонент — в определенной степени индустриализация может быть результатом удачного стечения обстоятельств. Одно из следствий его присутствия заключается в том, что не каждый компонент реальной индустриализации наполнен смыслом — и возможно, что стране, которая опередила остальных, просто повезло².

Во многих унифицированных моделях роста накопление человеческого капитала связывается с технологией и расширением возможностей продуцирования новых идей благодаря росту численности населения. В этих работах обосновывается положение, согласно которому переход к современному типу роста сопровождается возрастающим значением человеческого капитала (Becker and Barro, 1988; Lucas, 2002; Becker, Murphy, and Tamura, 1990). По мнению О. Галора и Д. Вейла, связь между человеческим капиталом и технологическими изменениями является краеугольным камнем перехода к быстрому росту (Galor and Weil, 2000). Они утверждают, что выход из стагнации осуществляется в два шага: сначала происходит переход от мальтузианского к постмальтузианскому состоянию и лишь затем — к режиму современного роста. В соответствии с ключевым допущением Галора и Вейла по мере ускорения технологических изменений возрастает ценность человеческого капитала: это позволяет людям приспособиться к переменам, происходящим на рабочих местах. Технологические изменения ускоряются, поскольку больше людей продуцируют большее количество идей в течение продолжительного мальтузианского периода. Поскольку доходы увеличиваются быстрее, чем численность населения, среднедушевой доход, пусть и очень медленно, но возрастает. В конечном итоге родители увеличивают инвестиции в человеческий капитал своих отпрысков, что, в свою очередь, обуславливает ускоренное расширение круга доступных знаний. Более высокие до-

2. Впервые высказанная Н. Крафтсом (Crafts, 1977), эта идея была предметом плодотворных дебатов историков экономики.

ходы создают возможность увеличения количества детей в семьях. В то же самое время возрастающая ценность человеческого капитала продуцирует стимулы к повышению «качества» детей и сокращению их количества. На первоначальном этапе роста современного типа доминирует эффект дохода, что ведет к увеличению рождаемости; впоследствии на первый план выходит эффект замещения и показатели рождаемости снижаются.

М. Червеллати и У. Сунде (Cervellati and Sunde (2005), а также Д. де ла Крюа (de la Croix, 2008) оценивают ситуацию несколько иначе, утверждая, что вместе с ростом производительности быстро увеличивается продолжительность ожидаемой жизни. В результате по мере того как горизонт окупаемости отодвигается все дальше, усиливаются стимулы к инвестициям в человеческий капитал. Даже если технологические изменения лишь в малой степени зависят от уровня квалификации работников, запускается самоподдерживающийся процесс улучшения технологий, увеличения продолжительности ожидаемой жизни и повышения объема инвестиций в человеческий капитал. Р. Боукеккине, Д. де ла Крюа и Д. Петерс показывают, что увеличивающаяся плотность населения может способствовать распространению грамотности, поскольку происходит удешевление предоставляемых школой услуг (Boucekkine, de la Croix and Peeters, 2007). Ч. Джонс предпринял попытку объединить механизм население — идеи и режим прав собственности, позволяющий инноваторам присваивать часть выпуска (Jones, 2001). Основываясь на своей собственной «градуировке», Джонс приходит к выводу, что единственным важнейшим фактором «взлета» экономики по окончании XIX в. стало более эффективное принуждение к соблюдению прав интеллектуальной собственности, что создало необходимые стимулы для сферы продуцирования идей.

Некоторые замечания с точки зрения экономической истории

Во многих унифицированных моделях роста ключевую роль играет положение о связи «население — идеи». Согласуется ли оно с историческими свидетельствами? Как подчеркивал Крафтс, выводы кросс-секционного межстранового анализа экономического роста в Европе и во всем

мире не подтверждаются имеющимися фактами — более крупные страны растут отнюдь не быстрее, чем другие (Crafts, 1995)³. Заключение исследователя подкрепляется современными данными: размер той или иной страны мира либо отрицательно связан с показателем ВВП в расчете на душу населения, либо такого рода связь отсутствует. Этот отрицательный научный результат представляется весьма правдоподобным, поскольку с увеличением размеров страны, значение одного из самых устойчивых коррелятов экономического роста — верховенства закона — снижается (Hansson and Olsson, 2006). Даже если мы заменим «население» более релевантными показателями, такими как размер рынка, определяющий уровень спроса на новые товары, данные об экономическом росте Англии и Франции, значительно отличающиеся друг от друга, едва ли будут соответствовать моделям эндогенного роста, в которых делается акцент на размерах⁴. Более того, как быть с тем фактом, что к 1750 г., в преддверии промышленной революции, Англия в течение вот уже половины столетия находилась в состоянии демографической стагнации? Если бы численность населения действительно играла решающую роль, то как быть с Китаем начального периода Нового времени? Население этой страны увеличилось со 130 млн человек в 1650 г. до 420 млн человек в 1850 г., однако никакой промышленной революции не произошло. Интересный аргумент приводит Дж. Лин (Lin, 1995). Исследователь убежден, что отношение между размерами населения и технологическими изменениями зависит от источника инноваций. В мире, в котором новые технологии целиком и полностью основываются на обучении в процессе труда, большая численность населения предполагает и большее количество инноваций, при условии в равной степени эффективного распространения в большей по численности населения стране. Как только условием прогресса становятся эксперименты и теоретические разработки, преимущество в размере исчезает. По мнению Лина, успехи Китая в период правления династии Сун (960–

3. Поразительно, но до выдвижения на лидирующие экономические позиции Англии наиболее успешными экономиками Европы были города-государства (Hicks, 1969, p. 42). Высокая плотность относительно небольшого по численности населения обуславливала преимущество в решении проблемы создания эффективных коммерческих и финансовых институтов. Размеры рынка не являлись серьезной проблемой, в определенной степени потому, что постоянные издержки учреждения институтов были относительно небольшими, а городская экономика чаще всего носила открытый характер. Главным источником экономики, обусловленной масштабами производства, была не экономика, но армия. Военная же власть зависела от совокупного дохода и численности населения.

4. Решение этой проблемы попытались предложить авторы других, более поздних моделей в духе Кремера, такие как Ч. Джонс (Jones, 2001). Последний исходит из допущений о возрастающей отдаче в производстве товаров, а также о том, что ряд новых идей является функцией уже существующего их запаса.

5. Р. Пирсон и Д. Ричардсон показывают, что в период промышленной революции деятельность типичного предпринимателя носила в высокой степени диверсифицированный характер (Pearson and Richardson, 2001). Авторы уделяют основное внимание не описанию целеустремленного, всю свою жизнь занятого одним делом владельца-менеджера, а тому, насколько сильно предприниматели того времени были вовлечены в различные побочные предприятия. Например, хозяева фабрик по переработке хлопка и другие владельцы текстильных предприятий из Манчестера, Лидса и Ливерпуля могли одновременно занимать посты директоров страховых или строительных (каналы и дороги) компаний, банков или газовых компаний, а также предприятий других отраслей.

1279 гг.), резко контрастирующие со стагнацией в XVII в. и далее, отражают изменение в источнике инноваций.

Даже если «размер имеет значение» с точки зрения данных, остается вопрос о путях влияния. Большее по численности население (в отсутствие коллапса в среднедушевых доходах) может ассоциироваться с положительными экстерналиями различных типов. Независимо от того, имеет ли размер значение с точки зрения генерирования или принятия новых технологий, в моделях эндогенного роста предполагается, что большие размеры, по крайней мере, способствуют углублению разделения труда, что само по себе могло способствовать ускорению роста выпуска. В созданной М. Келли «смитианской модели» роста фактором торговой интеграции является усовершенствование транспортной инфраструктуры, способствующей ускорению роста. Автор применяет эту модель к периоду правления династии Сун в Китае. Аналогично в Европе более высокая плотность населения могла генерировать целый ряд положительных экстерналий, частично — посредством усовершенствований дорог и каналов, частично — посредством междугородней и международной торговли (Bogart, 2005a, 2005b; Daudin, 2007). В этом смысле нам становится проще объяснить успехи средней по размерам, но плотно населенной и интегрированной в международную торговлю Республики Соединенных провинций Нидерланды в XVII–XVIII вв.

Авторы моделей, следующих традиции «большого скачка», сталкиваются с проблемами, во многом схожими с теми, которые присущи моделям эндогенного роста на основе численности населения; весь опыт развития Европы после 1700 г. отнюдь не предполагает, что абсолютный размер экономики является хорошим прогнозирующим параметром для времени индустриализации. Большая часть промышленных проектов никак не впечатляла своими размерами — создание даже самых крупных текстильных фабрик, если бы оно финансировалось одним человеком, не влекло за собой высокую концентрацию риска. До конца XIX в. объем постоянных издержек в промышленности был ограничен. Более того, во время промышленной революции имела место значительная диверсификация *уже существовавшей* производственной структуры Англии⁵. В тех случаях, когда речь идет о производственных технологиях, внедрение которых ассоциируется с высокими постоянными издержками, принятие

решений *после* 1870 г., возможно, объясняется в теоретической структуре «большого толчка». Но на тот момент международная торговля уже сделала очень многое для того, чтобы разорвать связь между размером внутренней экономики и возможностью применения технологий. До 1870 г. наиболее крупные постоянные издержки были связаны с созданием инфраструктуры, а не промышленного производства. В случае Англии никак нельзя сказать, что эти инфраструктурные инвестиции — строительство дорог, каналов, портов — страдали от недостатка капиталов. И это несмотря на многочисленные изъятия британской финансовой системы, начиная с Закона о дутых компаниях и до законов, направленных против ростовщичества, ограничивавших частное кредитование, а также беспрестанные государственные заимствования на протяжении большей части XVIII в. (Temin and Voth, 2008). В целом финансирование инфраструктурных проектов не вызывало особых трудностей и осуществлялось главным образом представителями местной аристократии.

И наконец, при попытке оценить унифицированные модели роста, в которых основное внимание уделяется различиям в производительности между сельскохозяйственным («традиционным») и промышленным («современным») секторами экономики, такими как модель Хансена и Прескотта (Hansen and Prescott, 2002), мы вновь сталкиваемся с эмпирическими трудностями. Когда совокупные темпы роста начали ускоряться, как в сельскохозяйственном, так и в промышленном секторе производительность возрастала — по некоторым оценкам, приблизительно одинаковыми темпами (Crafts, 1985a). Заметим, что модель Хансена и Прескотта, по определению, едва ли пригодна для установления того, какая страна первой начала индустриализацию и почему, поскольку в ней в качестве объекта наблюдения выступает весь мир.

Не следует воспринимать высказанные нами соображения как окончательный положительный или отрицательный вердикт относительно унифицированных моделей роста. Мы лишь попытались объяснить, почему теоретикам, экономистам-прикладникам и экономическим историкам необходимо «копать» еще глубже, и, прежде всего, в направлении взаимодействий между рождаемостью, человеческим капиталом, институтами и технологиями. Рассмотрению этих отношений и посвящены следующие разделы главы.

«ИСЧЕЗНОВЕНИЕ» МАЛЬТУСА

В начальный период Нового времени в большинстве регионов Европы происходил рост численности населения. В некоторых ее частях численность населения превысила уровни, существовавшие до прихода «черной смерти» (пандемии чумы). В конце XVIII в. во многих европейских странах произошло довольно значительное ускорение демографического роста. Однако нельзя не отметить и существование значительных вариаций, поскольку здесь лидировали Англия и Ирландия, в то время как Франция в целом избежала столь же резкого скачка. В период 1500–1870 гг. экономическое воздействие демографического фактора претерпело заметные изменения. Если первоначально в большинстве частей Европы численность населения была важнейшей детерминантой среднедушевых доходов, то по мере ускорения технологических изменений после 1800 г. важность этого фактора постепенно снижалась. Нередко теоретики роста называют период до 1750 г. мальтузианской эпохой. В этом разделе мы сначала опишем мальтузианскую модель и произошедшие после 1800 г. изменения во взаимодействиях демографических и экономических факторов, а затем рассмотрим соответствующие фактические свидетельства и суммируем, что мы знаем о том, как давление численности населения перестало быть одной из ключевых экономических переменных.

Мальтузианская модель основывается на двух главных допущениях: во-первых, рост населения положительно реагирует на рост среднедушевого дохода. В тех случаях, когда заработная плата или доход в расчете на душу населения сокращаются, происходит снижение рождаемости («превентивная мера»), а показатели смертности возрастают («естественное препятствие»), что на рис. 1.1 отображают восходящий наклонный график рождаемости BB и нисходящий наклонный график смертности DD . В соответствии со вторым допущением между среднедушевым доходом и численностью населения имеет место отрицательная связь, обусловленная убывающей отдачей от труда, что иллюстрируется нисходящей кривой предельного продукта труда MPL , положение которой, *inter alia*, отображает технологический уровень экономики. Один из наиболее известных примеров, иллюстрирующих выбор между доходами и численностью населения —

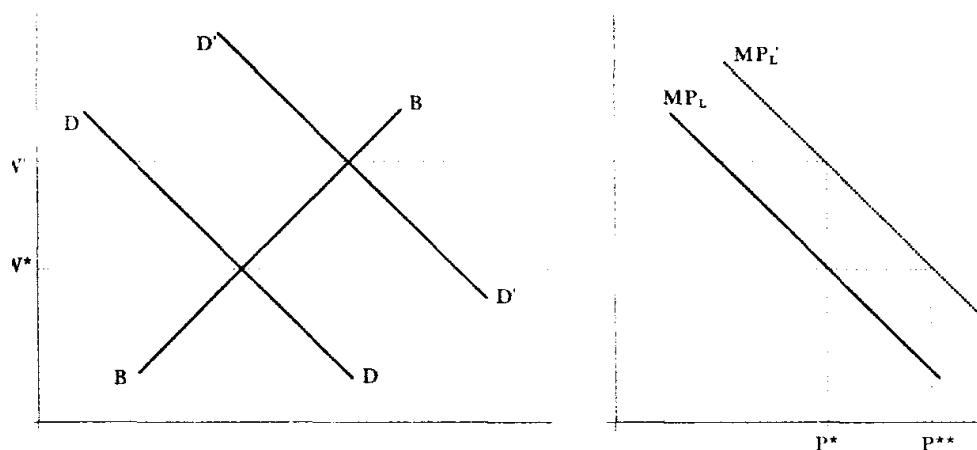

РИС. 1.1.
Мальтузианская модель

пандемия бубонной чумы, известная как «черная смерть». В силу того что население большинства европейских стран сократилось от одной трети до половины от предкризисных уровней, заработная плата повсеместно выросла. В XIV в. традиционно измеряемый уровень жизни в Англии повысился настолько, что впоследствии аналогичный показатель был достигнут лишь в XIX столетии.

Совместно основные допущения мальтузианской модели приводят к выводу, что любые положительные изменения доходов с неизбежностью сходят на нет благодаря увеличению количества появляющихся на свет младенцев. На рис. 1.1 графики рождаемости и смертности пересекаются на уровне заработной платы W^* . Исходя из графика технологий, представленного в правой части рисунка, в этом случае наиболее приемлемая численность населения составляет R^* . Если в случае временного технологического шока кривая MP_L сдвигается вправо до MP'_L , что обуславливает повышение заработной платы до W' , показатели смертности снижаются и начинается рост численности населения. В конечном счете в силу уменьшающейся предельной отдачи заработная плата сокращается до предшествующего уровня (численность населения находится на уровне R^{**}). Как однажды заметил Герберт Уэллс, «в бессмысленном и хаотическом воспроизведении обычной убогой жизни человечество транжирило великие дары науки с такой же быстротой, с какой их получало» (Wells, 2005)⁶. Г. Кларк идет еще дальше (Clark, 2007a). По его мнению, в 1800 г. положение типичного жителя Ан-

6. В соответствии с предположением Галора и Вейла между изменением уровня доходов и рождаемостью существует определенный временной лаг (Galor and Weil, 2000). Таким образом, ускорение технологических изменений в одном из периодов времени способно генерировать более высокие доходы в следующем периоде. Последовательность положительных шоков приводит к устойчивому росту. Принятие данной гипотезы позволяет нам найти техническое решение проблемы. Однако вопрос о том, почему на протяжении многих сотен лет реакция рождаемости так и не привела к постепенному уменьшению выгод, связанных с ростом реальной заработной платы, остается открытым.

глии было ничем не лучше положения его прародителей, живших на африканских равнинах миллионы лет назад.

Более высокие показатели смертности (отображены сдвигом графика смертности вправо от DD до D'D') подразумевают и более высокий уровень жизни населения. Например, плохие гигиенические условия и ухудшение микробиологической ситуации приведут к повышению доходов в силу увеличения детской смертности. Аналогичное воздействие оказывают и более низкие показатели рождаемости. Общее благосостояние, возможно, не изменится, но доходы живущих возрастут. Европейцы в период раннего Нового времени добивались снижения давления численности населения путем увеличения доли никогда не рожавших женщин. Одновременное повышение возраста вступления в брак привело к дальнейшему сокращению показателей рождаемости. Данная традиция является уникальной для Европы. Она «накрывала» территорию, расположенную к западу от воображаемой линии, проведенной между Петербургом и Триестом (Hajnal, 1965). В других частях мира, в частности в Китае, для того, чтобы добиться той же самой цели, практиковалось убийство новорожденных. Но этот метод оказался не слишком эффективным.

Известно два варианта мальтузианской модели. Корни ее наиболее сильной формы уходят в классический «железный закон заработной платы». В отсутствие сдвигов в графиках смертности и рождаемости она позволяет предсказать стагнацию реальной заработной платы. В отсутствие технологических изменений или других шоков на стороне предложения численность населения будет оставаться относительно постоянной. В более слабом варианте мальтузианской модели основной акцент делается на механизмах равновесия, а не на результатах. На демографический рост оказывают влияние идентифицированные Мальтусом естественные и превентивные меры. Этот слабый вариант приводит *в пределе* к возвращению заработной платы на уровень прожиточного минимума только в том случае, когда демографический отклик является достаточно сильным, и только в отсутствие дальнейших возмущений в системе.

Очевидно, что сильный вариант (стагнирующая на уровне прожиточного минимума заработная плата) не способен «заручиться» значительной эмпирической поддержкой. Такие переменные запасов, как численность

населения, относятся к числу медленно изменяющихся. Сдвиги графиков смертности (возможно, в результате урбанизации) могли бы привести к возникновению нового равновесия, но наши возможности наблюдать за ними будут зависеть от относительных величин краткосрочных и продолжительных изменений. Для Англии показатели реальной заработной платы, исчисленные Кларком (Clark, 2005, p. 131), пришли на смену показателям, рассчитывавшимся Г. Фелпсом-Брауном и Ш. Хопкинс. Они рассчитаны на основе широкой совокупности однородных товаров и всеобъемлющем наборе номинальных заработных плат. И расчеты Кларка, и расчеты Фелпса-Брауна демонстрируют вызывающее немалое удивление резкое снижение заработной платы в период правления в Англии Тюдоров в 1495–1575 гг. Оно выглядит загадочно, поскольку численность населения сначала оставалась стабильной, а затем начала расти, в то время как показатели ожидаемой продолжительности жизни были необычно высокими. Недавно выполненные Алленом (Allen, 2001) и другими исследователями расчеты показывают, что в долгосрочном периоде в Европе заработная плата находилась на расходящихся траекториях. На европейском Северо-Западе рыночная цена труда возрастала, во многих случаях одновременно с ростом численности населения. Если бы и Север, и Юг Европы были подвержены воздействию мальтузианских сил⁷, это противоречило бы сильному варианту модели. Более того, в некоторых дебатах относительно исхода мальтузианских процессов реальная зарплата смешивается с реальным уровнем среднедушевого ВВП или доходом. И это создает проблему, поскольку уровень занятости и количество отработанных часов могут изменяться, приводя к значительным изменениям душевого или семейного дохода даже при более или менее постоянной величине заработной платы. Конечно, повышение уровня занятости могло бы, при прочих равных условиях, привести и к тому, что реальная заработная плата и реальный среднедушевой доход будут двигаться в *противоположных* направлениях. Одним из примеров является рост кустарной промышленности в сельской местности после 1650 г., получивший известность как феномен «протоиндустриализации». У нас есть все основания полагать, что в течение всего предшествовавшего промышленной революции столетия происходил рост трудозатрат (De Vries, 1994, 2008; Voth, 1998, 2001a, 2001b).

7. Реальная зарплата может не отражать изменения в благосостоянии, потому что некоторые предлагавшиеся в городах надбавки к зарплате всего лишь компенсировали более высокий риск смертности. К тому же мы не знаем, в какой степени варьировалась с течением времени доля натуральных платежей и действительно ли более высокие выплаты наличными деньгами компенсировали снижение выплат, выраженных в зерне и т. д.

8. Например, в работе Галора представлены графики, согласно которым численность населения и реальные заработные платы в доиндустриальной Англии двигались в противоположных направлениях (по грубым оценкам), а между «черновыми» нормами рождаемости и смертности имела место отрицательная корреляция (Galor, 2005, pp. 183–184).

Сопоставление с предсказаниями слабой модели, в которой акцент делается на механизмах равновесия, не слишком информативно. Мы имеем возможность наблюдать поток таких переменных, как частые рождения и смерти, и соотносить их с ценами на продукты питания и реальными зарплатами. На коротких отрезках времени до 1750 г. движение в численности населения в некоторой степени подтверждает мальтузианский отклик⁸. Показатели смертности и брачности способны изменяться даже в краткосрочном периоде. Часто происходившие события, такие как голод, войны и эпидемии, имели далеко не столь значительные долгосрочные последствия, как об этом нередко думают: как правило, вслед за резким снижением численности населения следовал рост заработной платы. В течение нескольких лет необычно высокая рождаемость и низкая смертность компенсировали первоначальное снижение численности населения (Watkins and Menken, 1985; Watkins and van de Walle, 1985). В оригинальной работе Р. Ли, основанной на использовании данных о численности населения Ригли–Шофилда, демонстрируется быстрое изменение брачности (слабое и с лагом во времени, что снижает достоверность) в ответ на вариации заработной платы, в то время как ожидаемая продолжительность жизни остается в значительной степени не зависящей от этой динамики.

При проверке как сильного, так и слабого варианта мальтузианской модели основную проблему представляет эндогенность. Заработная плата оказывает влияние на численность населения и наоборот (Lee and Anderson, 2002). Одно из потенциально возможных направлений продвижения вперед — использование экзогенного источника идентификации. В недавней работе М. Келли высказывает предположение, что одним из полезных инструментов исследования вопросов, связанных с заработной платой, является погода — связанную с ней часть вариаций заработной платы никак нельзя объяснить обратной связью с численностью населения (Kelly, 2005). Соответствующие исчисления позволяют сделать вывод о наличии сильных доказательств действия мальтузианских ограничений в Англии до 1650 г., когда изменения в заработной плате вызывали сильную (и положительную) реакцию нормы брачности и сильный (и отрицательный) отклик нормы смертности. Полученные Келли результаты позволяют предположить, что происходившие флуктуации реаль-

ной заработной платы оказывали большее воздействие на брачность, чем на смертность. Следовательно, в краткосрочном периоде предупредительные меры были сильнее, чем реальные препятствия, но и те и другие играли важные роли.

Альтернативным методом являются векторные авторегрессии. Э. Николини (Nicolini, 2007), а также Крафтс и Миллс (Crafts and Mills, 2009) используют их в целях моделирования динамической обратной связи между рождаемостью, смертностью и реальной заработной платой в Англии. С ее помощью исследователи изучали силу предупредительных мер и реальных препятствий. Авторы обеих работ пришли к выводу о наличии более сильных доказательств в пользу мальтузианской системы сдержек и противовесов балансов в период до середины XVII в., чем для последующих десятилетий. Особенно действенным является канал связи с рождаемостью, в то время как канал связи со смертностью проявил себя значительно слабее. После 1650 г. сила первого из них ослабевает. Николини приходит к выводу, что «возможно, до Мальтуса мир был не таким уж мальтузианским» (Nicolini, 2007). Как и в случае со всеми отрицательными результатами, всегда остается вопрос о том, связаны ли они с недостатками применявшихся статистических процедур, ограниченности идентифицируемой вариации в данных, или истинного отсутствия причинно-следственной связи. В целом использовавшаяся Келли IV-процедура представляется более перспективным способом установления причинно-следственной зависимости и силы взаимодействий.

Таким образом, прослеживается определенный прогресс в исследованиях краткосрочных откликов. Однако вопрос о точной оценке вклада демографических факторов в расхождение показателей подушевого дохода в начале европейского Нового времени пока остается без удовлетворительного ответа. Во времена Золотого века в Голландии, по сравнению с остальной Европой, выплачивалась исключительно высокая заработная плата, тогда как численность населения была относительно стабильной. Мы не знаем, какие иные, помимо высоких уровней урбанизации, особенности поведения, связанного с рождаемостью, или графиков смертности (если они вообще имеют значение), определяли рассматриваемый феномен. Пример Голландии позволяет предположить, что в то время, как в краткосрочном периоде могли функциониро-

вать мальтузианские механизмы приспособления, многие важные изменения были вызваны другими факторами. Начиная с Позднего Средневековья по всей Европе было множество регионов и городов, жители которых получали доходы, превышавшие традиционно определявшийся прожиточный минимум, в отсутствие сопутствующего роста численности населения. Некоторые универсальные модели роста (Galor, 2005; Jones, 2001) предполагают (сдержанно) повышение подушевых доходов перед промышленной революцией. В целом это подтверждается: в некоторых частях Европы уровень жизни постепенно повышался вплоть до начала XIX в. Предлагаемое обоснование — отложенный во времени отклик на технологические достижения — представляется не слишком убедительным: и до наступления Нового времени во многих человеческих популяциях (особенно в европейских) совокупные нормы рождаемости были значительно ниже, чем их биологический максимум. После каждого периода голода нормы рождаемости значительно возрастали. Это позволяет предположить, что они могли увеличиться и в ответ на повышение уровня жизни. Но здесь возникает один очень важный вопрос: почему европейцы ограничивали рождаемость, причем довольно необычным способом, когда некоторые женщины вступали в отсроченные браки, а другие были обречены на безбрачие? Какие социальные институты ответственны за «европейскую брачную матрицу»? В соответствии с одной из интересных гипотез, возникновение ограничений на рождаемость связывается с высокой ценой труда после окончания пандемии бубонной чумы («черной смерти») (van Zanden and de Moog, 2010), что обусловило повышение ценности женщин как работниц. Тем самым их длительное пребывание в составе рабочей силы было весьма выгодным, что заставляло женщин переносить материнство на более поздний срок. Однако почему этот механизм работал в Нидерландах, но не работал, например, в Италии, Китае или Индии? Тем более что во всех перечисленных выше странах имели место вспышки эпидемии чумы.

Один из способов установления связи высокой заработной платы со специфическими для Европы особенностями требует рассмотрения графиков городской смертности. Европейские города были поистине смертельными ловушками (показатели смертности в них были гораздо выше, чем в сельской местности). Напротив, в Китае и Японии пока-

затели городской и сельской смертности не слишком отличались друг от друга (Woods, 2003). Важную роль в данном контексте могли играть различные культурные практики, такие как регулярный вывоз экскрементов в городах Дальнего Востока и использование их в качестве удобрений в сельской местности. Европейские города были не только гораздо более нездоровыми местами и не обеспечивали нормальных условий для жизни (в силу перенаселенности и плохих санитарных условий), они сильнее страдали от эпидемий инфекционных болезней и военных действий, в частности осады и грабежей со стороны противника. Следовательно, кривая DD на нашем графике, отображающая сельское и городское демографическое поведение, в силу эффекта сложения могла бы переместиться выше в некотором пространстве *W-D*. Тем самым возникает множественное равновесие: общества могли переходить от одного состояния (многочисленное население, низкая заработная плата, маленькие города и низкая агрегированная норма смертности) к другому, характеризующемуся меньшей численностью населения, но более высокой заработной платой, более крупными городами и высокой смертностью. Переход экономики от одного равновесного состояния к другому мог инициироваться сильными шоковыми воздействиями, такими как пандемия «черной смерти»⁹.

Впрочем, значение европейских городов определялось не только очень высокими показателями смертности. Это были места, в которых велась международная торговля, где создавались институты частной собственности, поддерживавшие функционирование рынков товаров, капитала и труда. Одновременно города были центрами изобретательской деятельности. Сама городская жизнедеятельность способствовала повышению вероятности изобретения новых технических приемов, имевших большое экономическое значение: возможно, что усовершенствование технологий самих по себе было результатом урбанизации (Clark and Hamilton, 2006; Voigtländer and Voth, 2006). Правомерно допустить, что рост городов шел рука об руку с медленным, постепенным сдвигом технологического графика, что способствовало приведению в соответствие более высокой заработной платы и более высокой численности населения. Это означает, что при любом уровне численности населения чем большим будет городской сектор, тем выше будет и доход. Таким образом, мы еще немного приблизились к объяснению голландской

9. Соответствующая модель была разработана Фойхтлендером и Фотхом (Voigtländer and Voth, 2008).

10. Интересный обзор представлен в работе Ж.-К. Шене (Chesnais, 1992). Предложенная ученым концепция возвращает нас к опубликованной в 1920-х гг. работе Уоррена Томпсона.

11. Э. Ригли показывал, что в отсутствие в XVIII в. снижения смертности рост ускорился бы на 1,25%, а в отсутствие изменений в рождаемости — на 0,5% (Wrigley, 1983). Это означает, что ускорение более чем на 70% было обусловлено изменениями в рождаемости. В другой совместной работе Ригли уточняет сделанные ранее выводы: снижение смертности происходило более высокими темпами, однако соотношение факторов, скорее всего, изменилось не слишком значительно (Wrigley et al., 1997).

«аномалии». Урбанизация является отнюдь не только *индикатором* производительности. Урбанизация способна сыграть роль движущей силы, стимулирующей рост производительности в расчете на душу населения. В этом случае в краткосрочном периоде продолжают доминировать мальтузианские силы, но ключевое *объясняемое* уже никак не следует из базисных принципов Мальтуса.

В какой-то момент в большинстве европейских стран произошло ускорение роста численности населения, имевшее очень важное значение. Довольно часто рост рождаемости и/или снижение смертности становится сигналом об окончании предшествовавшего режима. В конечном счете следовавшие за понижающей тенденцией смертности нормы рождаемости привели к завершению «демографического перехода»¹⁰. Последняя «сверка» оценок населения Англии Ригли–Шофилда (Wrigley et al., 1997) показывает, что увеличение рождаемости было доминирующей причиной более быстрого роста; определенную роль сыграла и смертность, но ее вклад в ускорение не превышал одной трети¹¹. Представляется, что к 1750 г. прежний демографический режим окончательно сошел со сцены. В работе Патрика Галлоуэя показывается, что в середине XVIII в. в Англии в краткосрочном периоде показатели естественного движения населения уже не реагировали на изменения цен (Galloway, 1988).

Хотя взрывной рост численности населения в Европе после 1800 г. был во многом связан с повышением рождаемости, в конечном счете снижение смертности сыграло более важную роль. Рождаемость следовала понижающей тенденции, во многих случаях с задержками, измерявшимися десятилетиями (Lee, 2003; Coale and Watkins, 1986). Основное снижение рождаемости происходило в течение нескольких десятков лет. Оно началось в 1870 г. и ускорилось после 1890 г. В ряде стран, таких как Великобритания, Германия, Швеция, Нидерланды, Финляндия и Бельгия, показатели рождаемости носили устойчивый характер, и в некоторых случаях спаду рождаемости предшествовало некоторое ее увеличение. Например, в Нидерландах в 1850–1880 гг. среднее количество детей в расчете на одну женщину увеличилось с 4,5 до 5,5. Но к 1890 г. показатель рождаемости вернулся к предшествовавшему уровню. В большинстве европейских стран первые значительные сокращения рождаемости произошли после 1880-х гг., значительно позднее начала охватившей континент индустриальной революции.

стриализации. В некоторых странах снижение рождаемости последовало после значительного сокращения младенческой смертности (Швеция, Бельгия, Дания); в других имело место одновременное снижение обоих показателей (Франция, Германия, Нидерланды) (Chesnais, 1992).

Установление экономических причин снижения рождаемости представляет собой не самую простую задачу. Пока специалисты так и не пришли к согласию относительно важнейших определивших это явление факторов (Alter, 1992). Правильную интерпретацию затрудняют как временные вариации этого показателя, так и различия между европейскими странами. Участники крупнейшего сравнительного исследования, посвященного изучению перехода в рождаемости, — Принстонского проекта изучения европейской рождаемости (ЕФР) — пришли к выводу об отсутствии четко выраженных связей между социально-экономическими факторами и изменениями показателей рождаемости. Вместо этого доминирующие роли в данном случае играли этнические, религиозные, лингвистические и культурные факторы (Coale and Watkins, 1986). Аналогичный вывод относительно Англии сделал Р. Вудс (Woods, 2000), приписывающий викторианское снижение рождаемости изменениям в сфере идеологии, и, прежде всего, «возникшим в начале 1860-х гг. желанию или готовности к ограничению размера семьи» (р. 150), и высказывающий довольно провокационное предположение, согласно которому «для большинства викторианцев внове был сам вопрос о том, „сколько детей они хотели бы иметь“» (р. 169). Изменения в рождаемости объясняет, прежде всего, «модель диффузии», согласно которой знания о технике предохранения распространялись по лингвистическим каналам. Основная причина принятия учеными научных результатов ЕФР заключается в продемонстрированной ЕФР примечательной синхронизации между демографическим переходом и ее распространением по лингвистическим каналам¹².

Исследователи, рассматривающие не только широкие агрегированные показатели, но и региональные данные, нередко приходят к иным, чем большинство специалистов, заключениям. Например, в Баварии важную роль сыграли альтернативные издержки, связанные с имевшимся у женщин временем, а также религия и политические предпочтения (Brown and Guinnane, 2002). Более того, возможно, что статистические данные, на которых

12. Дж. Клеланд и К. Уилсон убеждены, что «одновременный быстрый переход европейских стран ставит под сомнение возможность обнаружения любой достаточно мощной экономической силы, которая могла бы рассматриваться как разумное его объяснение» (Cleland and Wilson, 1987).

13. В настоящее время осуществляется гораздо более крупный исследовательский проект, посвященный изучению динамики рождаемости в Германии — «Экономика, гендер и социальный капитал в немецком демографическом переходе» — в котором участвуют Шейла Огилви, Тимоти Гуиннан и Ричард Смит, а также Маркус Кепкер и Джанин Мэйгрейт (узнать об этом проекте вы можете на сайте по адресу www.hpss.geog.cam.ac.uk/research/projects/german-demography/2005). Проект имеет очень важное значение, хотя бы потому, что исследователи получили доступ к источникам ценнейших данных.

основывались выводы участников EFR, являются менее надежными, чем считалось в прошлом¹³. Произошедший по всей Европе до 1914 г. одновременный спад показателей воспроизводства означает, что, объясняя снижение показателей рождаемости, мы должны принимать во внимание не только экономику. Вероятно, столь существенное падение европейской рождаемости было обусловлено доминирующей ролью экзогенных, неэкономических факторов. Впрочем, данное обстоятельство представляет собой дополнительную трудность отнюдь не для всех моделей. Однако для наиболее амбициозного класса структурных моделей, разработанных в традиции универсальных моделей роста, очевидная невозможность объяснить изменение рождаемости действием экономических факторов представляет проблему.

Во многих моделях долгосрочного роста переход в показателях рождаемости играет решающую роль, а временная динамика ее снижения занимает центральное место во многих теориях перехода к самоподдерживающемуся росту. Обычно спад моделируется как реакция на изменяющиеся экономические стимулы. В наиболее известных интерпретациях, предложенных Г. Беккером и Р. Барро (Becker and Barro, 1988), а также Р. Лукасом (Lucas, 2002), основное внимание уделяется количественно-качественному выбору, перед которым оказываются родители в контексте более быстрых технологических изменений и более высокой отдачи на человеческий капитал. Набор стандартных аргументов включает в себя: (i) повышение премии за квалификацию, зачастую обусловленное изменениями в технологии; и (ii) ограничиваемая родителями рождаемость как реакция на изменение в выборе между количеством и качеством детей. Впрочем, и здесь существуют определенные проблемы. Вероятнее всего, до наступления 1870 г. традиционно измеряемая отдача на человеческий капитал если и увеличилась, то незначительно. Авторы моделей, основывающихся на привязке динамики населения к технологическому прогрессу самому по себе, таких как модель Галора и Вейла (Galor and Weil, 2000), в случае их применения к Англии сталкиваются с временными проблемами, так как произошедшее здесь в середине XVIII в. ускорение демографического роста предшествовало сколько-нибудь серьезному воздействию технологических изменений на объем выпуска в расчете на душу населения. Более того, поскольку с точ-

ки зрения занятости рабочего класса экономические выгоды формального образования были, по всей вероятности, минимальными, любая модель родительского выбора относительно рождаемости, основывающаяся на решении проблемы количества-качества, в лучшем случае объясняет демографическое поведение относительно небольшой группы населения.

Ответы на вопрос о количественно-качественном выборе не подкрепляются достоверными фактическими свидетельствами. Более вероятным представляется довод, согласно которому во второй половине XIX столетия произошло увеличение чистых *затрат*, связанных с количеством детей в семье. В альтернативной интерпретации основное внимание уделяется важности государственного вмешательства, выразившегося в принятии законов об обязательном школьном образовании и регулировании детского труда. М.Депке приводит аргументы, согласно которым последнее имело решающее значение, и обосновывает положение, что другие меры в рамках политики государства не могли оказать столь же сильного влияния на рождаемость (например, предоставление субсидий на образование) (Доерке, 2004). Если мы соглашались с положением о важности государственного вмешательства, то решающее значение приобретает изучение экономического и других факторов, обусловивших принятие законов о детском труде или реформах в сфере образования (Doepke and Zilibotti, 2005). Галор и Моав (Galor and Moav, 2006) подчеркивают важное значение принятия Закона Бальфура, в соответствии с которым в Англии было введено обязательное школьное образование. По мнению исследователей, решающее значение для успеха реформы имела ее поддержка со стороны капиталистов, нуждавшихся в более квалифицированной рабочей силе¹⁴.

У нас нет оснований для решительного заявления о том, что вмешательство государства сыграло решающую роль в том, что английские дети оставили фабричные цеха и заполнили школьные классы. В США государственные законы о школьном образовании оказали незначительное влияние на детский труд (Moehling, 1999). В то же время проблемы с достоверностью данных ведут к смещению оценок эффективности данных мер и сводят на нет все усилия. В Великобритании, как считают К. Нардинелли (Nardinelli, 1980) и П. Кирби (Kirby, 1999), принятие законов о детском труде происходило одновремен-

14. Тем самым неудачные попытки повышения квалификационной премии (более подробно будут рассматриваться ниже) могут объясняться этим резким сдвигом предложения.

но с технологическими изменениями, которые привели к значительному снижению полезности детской занятости. Таким образом, имеет место противоречие между воззрениями экономистов-теоретиков, уделяющих основное внимание технологическим изменениям, обусловившим повышение квалификации работников, или последствиям государственного вмешательства, и оценками экономических историков, в основном отвергающих первое положение, в то время как фактические свидетельства в пользу второго рассматриваются как ограниченные.

Некоторые ограничения, связанные с имеющимися данными, представляются нам едва ли преодолимыми. Мы испытываем очевидный недостаток информации о факторах, определявших нормы рождаемости, инвестиции в образование, возраст вступления в брак и т. п. в промышленных городах Европы. Никто не проводил исследований фертильного поведения в различных возрастных когортах на микроуровне, которые могли бы однозначно идентифицировать воздействие прерывистых изменений в законах о школьном образовании и т. п. Знаменитая *Population History of England* («История населения Англии») Ригли и Шофилда основывалась на попытке воссоздания истории британских семей, а фокус внимания ее авторов был сосредоточен на сельских приходах. Используемые ими данные были ограничены 1837 г. Повсюду в Европе реконструкция истории отдельных семей в XIX веке сложнее, чем в предыдущие периоды из-за усилившейся мобильности населения. Будущие исследования должны быть направлены на углубление понимания фертильного поведения и релевантных издержек воспитания детей. Более подробный анализ фертильного выбора рабочего класса, дополненный информацией о показателях посещаемости школы и экономике обучения и т. п. до и после принятия законов об обязательном школьном образовании, будет способствовать более глубокому пониманию нами демографического перехода.

ИНСТИТУТЫ — ХОРОШИЕ И ПЛОХИЕ

В центре внимания немалой части современных дебатов, посвященных экономическому росту, находится вопрос об относительной важности институтов в сравнении с человеческим капиталом (Acemoglu and Johnson,

2005; Rodrik, Subramanian, and Trebbi, 2004; Glaeser et al., 2004). Согласно результатам межстранового кросс-секционного анализа в конце XX в. ограничения на исполнительную власть демонстрируют тенденцию к положительной корреляции с более высоким объемом выпуска в расчете на душу населения. Учитывая потенциальную возможность обратной причинности — более высокий подушевой доход способствует повышению институционального качества — работа с современными данными принципиально сосредоточена на поиске экзогенного фактора, воздействующего на институты, но не на экономические результаты (следовательно, он мог бы использоваться для координации их деятельности). Один из таких факторов, который с успехом используется, — смертность европейских колонистов в прошлом. В серии прорывных публикаций Д. Асемоглу, С. Джонсон и Дж. Робинсон показывают, что страны, благоприятные для жизни переселенцев из Европы, со временем приходили к более желательным институциональным соглашениям (например, Acemoglu, Johnson, and Robinson, 2001). По уровню богатства сегодня такие страны заметно превосходят другие государства. Следовательно, повышается вероятность того, что связь между институтами и эффективностью действительно является причинно-следственной.

В какой степени институциональные интерпретации способны помочь нам в понимании роста, происходившего в Европе до 1870 г.? Какую роль играют институциональные изменения в переходе к самоподдерживающемуся росту? Если мы анализируем институты в определенных исторических обстоятельствах, то не имеем права рассматривать только лишь роль государства и ограничений, налагаемых на исполнительную власть. В то же время мы не располагаем информацией, достаточной для вынесения суждения о функционировании европейских институтов в 1500–1870 гг. и их совокупном вкладе в экономический рост. Более всего мы нуждаемся в расширении круга знаний о юридических процессах, о роли «строительства государства» и о реальной значимости неформальных институциональных соглашений.

Возможно, самое известное заявление в традициях институционализма было сформулировано Д. Нортом и Б. Вайнгастом (North and Weingast, 1989). Исследователи пришли к выводу, что роль Славной революции и Билля о правах (1688–1689 гг.) не ограничивалась подведением

15. В прошлом такая возможность существовала как в рамках правовой системы (например, при обращении в Звездную палату, тайный Верховный суд, рассматривавший дела о наиболее тяжких преступлениях), так и с помощью грубой силы (использовавшейся, например, при захвате лондонского Тауэра и присвоении принадлежавших мастерам-ювелирам запасов золота и других благородных металлов).

16. Норт и Вейнгафт проявляют разумную осторожность и не проводят непосредственной связи между событиями 1688 г. и промышленной революцией, начавшейся примерно 70 лет спустя. Некоторые другие исследователи отнюдь не столь благоразумны (например, *Dam*, 2005, p. 84).

17. «Так как в этих последних [республиканских] государствах собственность более ограждена, то [торговцы] отваживаются на всевозможные предприятия... Будучи уверенными в неприкосновенности того, что ими приобретено, они не опасаются пускать свои приобретения в оборот, чтобы приобрести еще больше».

твердой основы под государственные финансы Англии. Повышение роли парламента и расширение влияния судов общего права означали сокращение властных полномочий английского монарха. Принято считать, что решающую роль в этом сыграли так называемые достоверные обязательства, обязательства, которым доверяют. Тем самым был положен конец бесцеремонным, своевольным разрывам контрактов и захватам чужой собственности¹⁵. Норт и Вейнгафт обосновывают положение, согласно которому твердое установление прав собственности и ограничений на исполнительную власть обуславливает снижение премии за риск. В результате происходит ускорение процесса накопления капитала и повышается прибыльность инвестирования в новые идеи. В конечном счете это и привело к «взлету» темпов роста Англии¹⁶.

Схожим образом большинство институциональных интерпретаций начального периода Нового времени сосредоточены на избавлении от капризного деспотического режима правления. Б. Де Лонг и А. Шлейфер (*DeLong and Shleifer*, 1993) возвращаются к знаменитому аргументу Ш.-Л. Монтескье о более высоких темпах роста в республиканских государствах, в меньшей степени страдающих от произвольных вмешательств властей¹⁷. Авторы убеждены, что пагубность абсолютистского правления определяется тремя причинами: государства, которыми управляют амбициозные властные государи, участвуют в большем количестве войн, их население вынуждено нести более тяжелое налоговое бремя, а права собственности не пользуются должным уважением со стороны власти. К тому же так уж случилось, что самодержавные государства находились в среднем дальше от новых торговых маршрутов в Америку и Азию. Заметим, что лишь одна из перечисленных выше «связок» непосредственно ассоциируется с институциональной интерпретацией в ее узком определении, а Де Лонгу со Шлейфером не удалось убедительно обосновать их важность.

В более поздней работе Д. Асемоглу, Д. Кантони, С. Джонсон и Дж. Робинсон (*Acemoglu, Cantoni, Johnson, and Robinson*, 2005) попытались продемонстрировать, что особым образом взаимодействуют

щие связи, установленные Де Лонгом и Шлейфером, способствуют усилению институтов. В странах, перед которыми открылись возможности атлантической торговли, происходило постепенное укрепление буржуазных общественных сил. Таким образом, в соответствии с расчетами исследователей в Англии и Соединенных провинциях Нидерландов усиливались «налагаемые на исполнительную власть ограничения». Асемоглу и его коллеги демонстрируют, что это повышение качества институтов имело значение с точки зрения роста — нормы урбанизации увеличились везде, где была географически обусловленная высокая «предрасположенность» к атлантической торговле.

Институциональные интерпретации промышленной революции и ее последствий означали возрастание роли политической экономии. Рассматривая сложившуюся в Англии в XIX в. ситуацию, Асемоглу, Джонсон и Робинсон (Acemoglu, Johnson, and Robinson, 2005) и Асемоглу и Робинсон (Acemoglu and Robinson, 2006) обосновывают положение, согласно которому политическая власть имеет значение во многом потому, что она способна осуществлять перераспределение дохода. Ученые различают власть *de jure*, т.е. власть принимать формальные законы и заключать соглашения, и власть *de facto*, включающую в себя материальную способность свергнуть режим правления, если ее носителю пришлось не по нраву та или иная политика. Уже к 1720 г. английский парламент сосредоточил в своих руках огромную власть *de jure*, возвысив себя до статуса метаинститута. Но парламентарии обязаны были учитывать, что власть *de facto* находилась в руках представителей среднего класса, аккумулировавших в своих руках постоянно возрастающее экономическое богатство. В то же время до проведения реформ в 1832 г. и в 1867 г. этот средний класс был в значительной степени ущемлен в гражданских правах. Асемоглу и его коллеги убеждены, что Французская революция стала своего рода экзогенным шоком для политических систем соседних государств (Acemoglu et al., 2006). Поражения, которые потерпели в наполеоновских войнах Пруссия и Австрия, подтолкнули правителей этих государств к реформам. В других завоеванных французской армией странах старые политические институты были отправлены на свалку истории. Авторы уверены, что усовершенствование институтов в окружавших Францию странах привело к ускорению их роста в начале XIX в., что в сочетании с поднимавшейся после 1850 г. волной техно-

логических изменений позволило им развиваться в правильном направлении.

В современной литературе, посвященной проблемам роста, институтам уделяется очень большое внимание (Rodrik et al., 2004; North, 2005). И все же специалисты, интерпретирующие данные о европейском экономическом росте главным образом на основе институтов, должны будут преодолеть целый ряд трудностей. Для начала упомянем об отсутствии единого мнения о том, что представляют собой институты и каким образом этот концепт должен применяться при изучении прошлого. Норт определяет институты как «комплекс правил, соответствующих процедур, а также моральных и этических норм поведения, разработанных для того, чтобы *ограничить* поведение отдельных людей в интересах максимизации богатства или полезности принципалов» (North, 1981; *курсив наш*). А. Грейф включает в это определение и другие способы поведения, способные создавать исторические закономерности (Greif, 2006). В предлагаемой ученым модели убеждения и идеология действуют как «глубинные» параметры, определяющие степень эффективности, с которой общества устанавливают правила, открывающие возможность обмена и инвестирования. Конечно, существует несколько теорий, позволяющих подробно объяснить процесс изменения институтов, а также причины того, что некоторые экономики демонстрируют «лучшие» результаты, чем другие. Все рассматриваемые в научной литературе стандартные показатели, такие как (воспринимаемый) риск экспроприации, эффективность правительства и ограничения на исполнительную власть, позволяют отобразить выбор, который делает то или иное государство, и могут быть быстро изменены. Однако это весьма проблематично для любой модели, основывающейся на допущении, согласно которому лучшие институты способны «творить чудеса» с точки зрения накопления капитала или технологического прогресса. Э. Глейзер и его коллеги показывают, что во многих случаях одни-единственные выборы приводят к изменению всех трех стандартных показателей качества институтов (Glaeser et al., 2004). По-видимому, в том случае, если единственной защитой прав собственности является прихоть правителя, их значение резко снижается. Волатильность, демонстрируемая этими показателями во времени, обуславливает меньшую вероятность того, что с их помощью будут идентифициро-

ваны те или иные структурные параметры политической системы. Другие, в большей степени очевидные переменные, такие как независимая судебная система, пропорциональное представительство и конституционный контроль, варьируются в значительно меньшей степени и, скорее всего, способны служить заменителями структурных ограничений на деятельность правительства, которые имел в виду Норт. Тем не менее в тех случаях, когда мы имеем дело с современными данными, эти переменные оказывают довольно слабое, несущественное воздействие. Для того чтобы окончательно ответить на данный вопрос, необходимо обратиться к такому «глубинному» параметру, как политическое устройство государства, изменение которого происходит относительно медленно и не является простым отражением текущих экономических и политических условий.

Для периода 1500–1800 гг. такая переменная, как «ограничения на исполнительную власть», как следует из работы Асемоглу и его коллег, позволяет успешно предсказать нормы урбанизации. То же можно сказать и об индикаторе абсолютизма Де Лонга и Шлейфера. Тем не менее, если речь идет о начальном периоде Нового времени, применение обоих концептов связано с трудностями. Проблемы с данными, столь характерные для многих европейских государств, если речь идет о периоде до 1800 г., и необходимость кодирования переменных, основывающихся на комплексных институциональных соглашениях, могут быть восприняты не самыми отважными исследователями как непреодолимые препятствия. В Испании времен Габсбургов, кодируемой Асемоглу и его коллегами как совершенно абсолютистское государство, короли нередко не могли добиться согласия Кастильских кортесов на уплату налогов или получить иные уступки. В других испанских королевствах, и, в частности, в Арагоне, власть монарха ограничивалась разнообразными средневековыми «свободами» и ассамблеями. Например, весьма принципиальные вопросы задаются даже в отношении живого воплощения абсолютистского правления, «короля-солнце» Франции Людовика XIV (Асемоглу и его коллеги кодируют этот режим как ничем не ограниченный «1»). Большинство историков отвергли идею о том, что его правление можно считать реализацией успешной, перспективной абсолютистской повестки дня. Целое поколение исследователей следует новому консенсусу, вдохновляемому работа-

ми, *inter alia*, Жоржа Паре и Роланда Моуснера (Pagès and Mousnier, 1970). Эти исследователи утверждают, что даже будучи на вершине абсолютистской пирамиды французские короли большую часть времени должны были править страной посредством социального компромисса и консенсуса, поддерживая стабильность традиционного общества и влияние старых элит. Мы не уверены, что используемые в настоящее время классификации «захватывают» достаточное количество данных, релевантных аргументу, согласно которому до начала XIX в. причиной экономического роста были институты и ограничения на исполнительную власть¹⁸.

18. Сравните с недавней критикой ревизионистских доводов в работе У. Бейка (Beik, 2005).

Безусловно, свобода действий правителей ограничивалась и в государствах, в которых функционировали комплексные системы сдержек и противовесов (Венецианская республика, Священная Римская империя, Польша). Однако они отнюдь не принадлежат к числу «парников», в которых пробивались бы ростки экономической динамики. Возможно, это было связано с тем, что до наступления Нового времени и образования государств с четко определенными стабильными границами, налагаемые на правителей ограничения не играли ни однозначно положительной, ни бесспорно отрицательной экономической роли. С. Эпштейн подчеркивал преимущества мощного государства, способного обуздать погоню за рентой на местах и решать проблемы координации (Epstein, 2000). Большая часть «ограничений на исполнительную власть» принимала форму заинтересованных в получении ренты групп, стремившихся обеспечить себе постоянную долю в общем «пироге». Неудивительно, что огромные фрагменты европейской истории раннего Нового времени читаются как одна затянувшаяся повесть о ведущем в тупик пути, когда перераспределение продукции то и дело вызывает пререкания преследующих самые разные интересы групп — от местных феодалов и купеческих лобби до церкви и цеховых корпораций ремесленников. Один из наиболее показательных примеров неэффективности французского сельскохозяйственного производства приводится в работе Ж.-Л. Розенталя (Rosenthal, 1992). Ни одна из групп, сопротивлявшихся централизации власти правителей во Франции, Испании, России, Швеции или где бы то ни было еще, не была заинтересована в росте. Если же им случалось одерживать верх, то ни о каком переходе к здоровой долгосрочной политике не было и речи. Чаще всего дело огра-

ничивалось заменой произвольного налогообложения (в прошлом назначавшегося правителем), произвольным взысканием платежей местными монополиями¹⁹.

В начале Нового времени многие государства, в которых функционировали хорошие с современной точки зрения институты, не относились к числу сильных. Присущая международной политике жестокость подрывала жизнеспособность искусного государственного руководства. Участие в войне Камбрейской лиги (1516 г.) привело к ослаблению венецианской мощи и обусловило окончание периода экономического процветания. Современные ограничения, накладываемые на исполнительную власть, идут рука об руку с существенно более низкой вероятностью военных конфликтов между демократиями (к тому же они чаще выигрывают в вооруженных столкновениях с недемократическими странами). В начале Нового времени эта корреляция, вероятно, имела обратный знак. Политические образования с эффективно ограниченной исполнительной властью быстро становились жертвами внешних врагов, правители которых действовали без оглядки на внутренних оппонентов. Таким образом, в раннем Новом времени менее развитые, но крупные и обладавшие сильными армиями политические единицы, такие как молодые национальные государства, во главе которых стояли Филипп II, Густав II Адольф и Людовик XIV, непосредственно угрожали более богатым, но небольшим городам-государствам в Италии, Германии, а также Нижним землям (историческим Нидерландам). Экономически успешные, но «компактные» государственные образования часто становились «добычей» для превосходящих военных сил или вынуждены были нести очень высокие, несоразмерные имевшейся налоговой базе, военные расходы²⁰. Этой незавидной судьбы избежали лишь две европейские области, обладавшие редко встречающимися географическими преимуществами, препятствовавшими вторжениям иностранных армий, — Англия и Северные Нидерланды. Но даже эти экономики вынуждены были нести бремя высоких налогов — издержки выживания в меркантилистском мире основывались на идее о том, что экономическая игра между государствами является антагонистической (с нулевой суммой), а торговля с зарубежными странами служит политическим и династическим интересам.

19. Показательным в рассматриваемом контексте является пример Венеции. С точки зрения институционального устройства это была едва ли не самая близкая к современному идеалу политическая конструкция. Права собственности были хорошо защищены. Политическая и судебная власть контролировалась высшей буржуазией. Теоретически глава государства (дож) избирался пожизненно, но в действительности все зависело от результатов его правления. Уже в XV в. в республике функционировала патентная система. Однако, несмотря на рано полученное богатство и успех в качестве одной из морских держав, впоследствии Венеции пришлось пережить военный и экономический спад.

20. Современные данные свидетельствуют об устойчивой отрицательной корреляции между военными конфликтами и политической нестабильностью с одной стороны и ростом с другой стороны (Alesina et al., 1996).

Возникает ситуация фундаментального выбора: мощное центральное правительство было более эффективным с точки зрения защиты экономики от иностранных мародеров, но в то же самое время оно оставалось практически безучастным к системе внутренних сдержек и противовесов. Если мы возьмем крайний польский случай, то строгие ограничения на исполнительную власть отнюдь не способствовали экономическому развитию — не в последнюю очередь потому, что они могли внести определенный вклад в исчезновение самого государства вследствие последовательных ужасных военных поражений. Наиболее важной институциональной чертой общества было не столько сильное или слабое правительство, сколько способность к быстрой институциональной перестройке, к адаптации институтов в соответствии с меняющимися обстоятельствами с минимальными противоречиями и потерями.

Пришел черед поделиться двумя нашими наблюдениями относительно значения институтов в трансформации Европы после 1750 г. Во-первых, на западе континента поднимается волна протеста, направленная против ориентированных на поиск собственной выгоды институтов, ассоциировавшихся с меркантилистским *ancien régime* (старым порядком) (Мокуг, 2006). Частично это движение основывалось на изменяющейся политической роли экономических элит, частично — на усиливающемся влиянии более либеральной идеологии. Во-вторых, во многих случаях условием осуществления изменений становилось применение силы (например, в США и во Франции). Важным исключением является Англия, в которой существование такого метаинститута, как парламент, открыло возможность адаптации к изменявшимся убеждениям и обстоятельствам, а также осуществления реформы системы без сколько-нибудь значительных беспорядков (Мокуг and Нye, 2007). Но даже в этом случае последовавшее после Славной революции переустройство было бы невозможно без предшествовавшего ему кровопролития во время гражданской войны.

В научной литературе, посвященной развитию европейских институтов в 1500–1870 гг., рассматриваются, главным образом, государственные и формальные институты. Неправительственным институтам, как формальным, так и неформальным, уделяется гораздо меньше внимания (но см. Мокуг, 2008). Данное обстоятельство

вызывает немалое удивление, так как в работах, посвященных Средневековью, такого рода соглашения признаются наиболее важными (Greif, 2006). Если, как это доказывается в фундаментальной институциональной литературе, уважение к правам собственности и обращение за помощью к правовому процессу являются ключевыми с точки зрения экономического развития, нам необходимо предложить переменные, позволяющие более полно «ухватить» эти параметры²¹. Для того чтобы количественно оценить эффективные правовые или основывающиеся на традициях ограничения на действия исполнительной власти или местных властных групп — нечто, что затрудняет признание правоты без обращения к закону, — необходим более сложный и исторически интерпретируемый набор индикаторов. Помимо прочего, оппортунистическое поведение, ведущее к равновесию по Парето, может быть преодолено посредством совокупности механизмов (помимо стандартного принуждения со стороны третьей силы), обеспечивающих членам избранных групп возможность подтвердить свою кредитоспособность посредством ряда связанных с высокими затратами сигналов (Greif, 2006) и сыграть в кооперативном стиле. Современная институциональная научная литература показала, что такого рода договоренности могут сохранять значительную часть своей объясняющей силы до наших дней (Ellickson, 1991; Posner, 2000). Исследователям необходимо изучить временные периоды не охваченные Грейфом, а также оценить значение договоренностей относительно уже рассматривавшихся формальных институтов, таких как парламент.

Показательный пример представляет собой Англия XVIII в. В одной из недавних работ Мокир утверждает, что неформальные соглашения и культурные изменения оказывали на функционирование рынка воздействие, сходное с влиянием государственных институтов (Mokyr, 2008). Возникающее в больших группах людей устойчивое равновесие позволяет сигнализировать о кредитоспособности. Представители среднего класса перенимали черты, обычно ассоциировавшиеся с поведением джентльменов; поскольку, как предполагалось, джентльменам не свойственна жадность, возникали основания для ожиданий кооперации в одноразовых играх типа «дилеммы заключенного» (Clark, 2000). Более того, в XVIII столетии в Англии происходил быстрый рост формальных и неформальных

21. Асегомглу и Джонсон утверждают, что институциональная защита собственности имеет решающее значение, в то время как «заключающие контракты институты» оказывают влияние лишь на тип финансового посредничества, участниками которого они являются (Acemoglu and Johnson, 2005).

социальных сетей. К 1800 г. количество членов различных дружеских обществ, масонских лож и различных клубов, в которых можно было пообедать, достигло 600 тыс. человек. Следствием этого роста стало повышение эффективности репутационных механизмов и более быстрое распространение сообщений о некооперативном поведении. В результате в XVIII в. в Англии, возможно, уменьшилось количество случаев «безбилетничества» в сфере предоставления общественных благ, включая местное администрирование, проекты, связанные с сокращением административно-хозяйственных затрат, образование и здравоохранение. Можно утверждать, что такого рода неформальные институты благоприятствовали не только функционированию рынков, но и выходу Англии на ведущие позиции в технологической сфере, так как успех этих институтов обеспечил значительное повышение эффективности системы обучения различным профессиям (Humphries, 2003). Контракты на профессиональное обучение были особенно уязвимы перед лицом оппортунистического поведения, тем более что цеховая система (в рамках которой осуществлялось это обучение) в Англии была относительно слабой (по сравнению с другими странами). Тем не менее система профессионального обучения функционировала и в Англии. В результате страна могла рассчитывать на большое количество высококвалифицированных ремесленников и механиков, которые, возможно, сыграли решающую роль в развертывании промышленной революции.

Асемоглу и Робинсон подчеркивают, что после 1830 г. бесперебойное функционирование английских институтов в какой-то мере обеспечивалось соглашениями о разделении власти между аристократией и богатейшей буржуазией. Рабочие, возможно, и не обладали властью *de jure*, но подразумеваемая способность к бунту наделяла их властью *de facto*. В анализе, основывающемся на «реальной политике», не учитывается возраставшее влияние идеологии Просвещения на политические институты; анализ, основанный на изучении распределения *de facto* власти, остается неполным. Английская армия эффективно подавила народные бунты в 1790-х гг., а также выступления луддитов. Чартистское движение носило в основном ненасильственный характер, а несколько наиболее опасных вспышек было быстро подавлено. Вероятно, в данном случае имело место проявление значительного совпадения друг с другом власти *de jure* и *de facto*. Возможно, это обстоятельство

было ключевым с точки зрения английской политической модели. Тем не менее поразительно, что носители политической власти того времени использовали ее для перераспределения доходов в свою пользу (один из самых показательных примеров — изменение Хлебных законов в 1815 г.). Однако на протяжении всего XIX в. стремление к получению такого рода выгод постепенно ослабевало, и к 1860 г. уровень поиска рентных возможностей достиг исторического минимума.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ И КУЛЬТУРА

Во многих моделях долгосрочного роста переход к самоподдерживающемуся его типу рассматривается едва ли не как синоним возрастающей отдачи от образования и значительного ускорения процесса подготовки квалифицированных кадров. Г. Беккер, К. Мерфи и Р. Тамура предложили модель экономики, в которой отсутствует постоянный капитал как фактор производства (Becker, Murphy, and Tamura, 1990). Развитие человеческого капитала непосредственно ведет к увеличению объема выпуска. Авторы исходят из того, что производство человеческого капитала основывается на родительских инвестициях в детей в форме уделяемого им времени. Родители максимизируют собственную полезность, которая выводится из уровня их потребления, количества детей в семье и их качества. Когда родители начинают массово инвестировать в образование своего потомства, темпы экономического роста повышаются. Если доходы достаточно велики, то показатели рождаемости снижаются, что обуславливает увеличение инвестиций в качество детей. Авторы этой модели рассматривают человеческий капитал и рост едва ли не как идентичные категории. Р. Лукас расширяет предложенный Беккером и его коллегами подход, добавляя к модели сферу использования земли с убывающей отдачей, а также сферу современного производства, в которую человеческий капитал входит линейно. Аналогичного направления придерживались и авторы многих других универсальных моделей роста, добавляя взаимодействия с темпами технологических изменений.

Однако происходившие в период промышленной революции в Англии события в значительной степени отличаются от этих предсказаний. До настоящего времени

большая часть фактических свидетельств основывается на способности отдельных людей написать собственное имя, что, возможно, подтверждает данные о низком уровне грамотности (Schofield, 1973). В период промышленной революции грамотность населения Англии была относительно низкой и, в общем, ее уровень оставался стабильным. Это тем более верно, если мы примем во внимание относительно высокий уровень богатства Англии перед промышленной революцией и повышение спроса на грамотность по мере роста доходов (Mitch, 1999). Да и в течение самой промышленной революции способность или желание британцев дать образование подрастающему поколению не слишком изменились. До 1870-х гг. показатели регистрации новых учеников в школах оставались примерно на одном и том же уровне (Flora, Kraus, and Pfenning, 1983).

Во многих случаях разработанные в традициях Лукаса модели предсказывают, что в период перехода к самоподдерживающемуся росту спрос на человеческий капитал возрастает. К тому же технологические изменения должны в значительной степени зависеть от уровня квалификации. С исторической точки зрения это довольно проблематично. Мы располагаем недостаточными знаниями об изменении премии за квалификацию во времени, так как соответствующие оценки были сделаны на основе лишь нескольких профессий и не являются репрезентативными. Более того, надбавка за квалификацию представляет собой редуцированный показатель и его изменения могут отражать любое сочетание изменяющихся факторов спроса и/или предложения. Количество достоверных свидетельств об увеличении отдачи от образования в XVIII или XIX столетиях совсем невелико. По утверждению Дж. Уильямсона, в 1750–1850 гг. в Англии премия за квалификацию повышалась, но впоследствии начала снижаться (Williamson, 1985). Однако большинство специалистов по экономической истории не разделяют предложенную Уильямсоном интерпретацию. Как убедительно показал Ч. Фейнштейн, мы вообще не располагаем сколько-нибудь надежными свидетельствами об изменении надбавки за квалификацию с течением времени (Feinstein, 1988)²².

Весьма сомнительно, что основные события в производстве во время промышленной революции и даже после нее зависели от увеличения человеческого капитала. Возможно, более важную роль играли некоторые админист-

22. См. также работу Я. ван Зандена (van Zanden, 2009).

ративные задачи. Отмеченное Г. Бутом повышение заработной платы хорошо образованных работников (Boot, 1999) позволяет предположить существование некоторых (небольших) частей экономики, в которых формальное образование могло приносить довольно высокую отдачу. В то же время технологические изменения сами по себе, вероятно, не зависели от квалификации работников. Более того, движение луддитов, сосредоточивших усилия на разрушении использовавшихся в производстве машин,шний раз привлекает внимание к тому, что первая промышленная революция сопровождалась деквалификацией рабочих²³. Таким образом, перед доминирующими экономическими моделями долгосрочного развития возникает трудная проблема. В текстильной промышленности внедрение мюль-машин для прядения хлопка, прядильных станков периодического действия и прядильных машин Аркрайта позволило заместить квалифицированный труд «смесью» капитала и неквалифицированного труда. Фактические свидетельства о положении в более традиционных сферах носят в большей степени противоречивый характер. Изучению соотношения заработной платы ремесленников и рабочих в Англии в 1700–1850 гг. была посвящена работа Кларка (Clark, 2007a). Согласно имеющимся у него данным в рассматриваемом периоде премия за квалификацию снизилась с 65 до 50%. Например, технологические изменения в строительстве носили ограниченный характер. Тем не менее, если мы можем рассматривать некую сферу как показательную с точки зрения более общих экономических тенденций, у нас есть все основания говорить о происходившей в течение полутора столетий, предшествовавших 1850 г., умеренной деквалификации рабочей силы. Возможно, сосредоточение внимания на *среднем* уровне развития человеческого капитала в индустриальных обществах менее полезно, чем изучение изменений в его распределении. Происходившие в XIX в. технологические изменения создавали спрос на высококвалифицированных механиков и инженеров в верхнем хвосте распределения и, вероятно, обуславливали снижение потребности в квалификации среди тех, кто был занят ручным трудом. За стагнацией (уменьшением) традиционно измеряемой надбавки за квалификацию, возможно, скрывается растущая степень поляризации рабочей силы, поскольку индустриализация ведет к повышению отдачи навыков линейного управления и контроля, а также знаний в обла-

23. Как писал в 1767 г. Адам Фергюсон, современник Адама Смита: «Многие ремесла не требуют никаких способностей ... невежество — мать не только суеверий, но и промышленности ... Отсюда, более всего процветают те промышленники, которые менее всего обращаются к разуму». Современная модель, в которой большое внимание уделяется роли деквалификации, разработана К. О'Рурком, А. Рахманом и А. Тейлором (O'Rourke, Rahman, and Taylor, 2008).

сти механики и сокращению оплаты стандартных умений (в кузнечном деле, плотницких работах, в ткачестве).

В настоящее время у нас нет достаточных свидетельств, позволяющих судить, должны ли мы рассматривать начавшееся в XIX в. и продолжающееся в наши дни увеличение инвестиций в человеческий капитал как эндогенный отклик на изменения в ценах на факторы производства и другие экономические стимулы как результат повышения реальных доходов (образование детей превратилось в обычное потребительское благо), или имели место «экзогенные» сдвиги в предложении образования, такие как значительно задержавшийся во времени эффект Просвещения, характерные для XIX столетия национализм и формирование национальных государств или попытки усиления общественного контроля над низшими классами²⁴.

24. Признание последнего эффекта было в духе работы Асемоглу и Робинсона, в которой расширение круга избирателей рассматривается как реакция на угрозы революции (Acemoglu and Robinson, 2000). Аналогичным образом может быть обосновано и введение обязательного школьного образования.

Если мы идентифицируем человеческий капитал исключительно с формальным образованием и разрывом с доиндустриальным периодом, произошедшим в Англии после 1750 г., у нас остается лишь ограниченное количество фактических свидетельств в поддержку универсальных моделей роста. Представляется, что основной вывод заключается в следующем. В то время как базирующиеся на человеческом капитале подходы показывают интересные результаты для периода после 1850 г., лишь некоторые модели роста способны сообщить нам нечто действительно ценное о первых попытках избавления от «оков» низкого роста. В настоящее время разработаны первые модели, позволяющие эндогенизировать, сделать внутренним по отношению к системе, переход от замещающих квалификацию к использующим квалификацию технологическим изменениям (O'Rourke, Rahman and Taylor, 2008). Однако в случае расширения фокуса наш вердикт претерпевает изменения. Если мы перейдем от рассмотрения частного случая Англии к европейским тенденциям в целом, подвергая анализу более длительный период (1500–1870 гг.), а также используем более общие определения человеческого капитала, включив в них такие факторы, как способность к количественному мышлению и дисциплина, равно как и неформальное образование (обучение ремеслу), то степень соответствия теории и истории заметно повышается.

Нет ни малейших сомнений в том, что в Европе некоторые формы человеческого капитала (знание основ грамоты и счета) находились на подъеме задолго до промышленной революции. В какой-то степени этому способство-

вала Реформация, в какой-то — медленный рост доходов. Не следует забывать и о растущем спросе на грамотность в сфере услуг в эпоху быстрого роста коммерции и финансов. Последовательные и сопоставимые оценки показателей грамотности едва ли проясняют ситуацию, тем более что источники данных до 1800 г. практически недоступны. В современной литературе приводятся данные о способности людей, живших на рубеже 1800 г. и позже, расписываться в документах. В Англии в это время доля мужчин, умевших написать собственное имя, составляла около 60%, а женщин — 40%, что примерно так же, как в Бельгии, чуть лучше, чем во Франции, но хуже, чем в Нидерландах и Германии (Reis, 2005, p. 202). Изучавшие книгопечатание в Европе в начале Нового времени Й. Батен и Я. ван Занден обнаружили, что после изобретения типографского набора произошел настоящий «взрыв» выпуска продукции в расчете на душу населения, производство увеличилось в 10–100 раз (Baten and van Zanden, 2008). Нидерланды и Великобритания значительно опережали все остальные страны — в самых богатых областях приобреталось и самое большое количество книг²⁵.

Одним из дополнительных показателей развития человеческого капитала является способность к количественному мышлению. Способность правильно понимать смысл чисел и запоминать их, а также осуществлять основные их преобразования является важнейшим навыком для лиц, участвующих в различных коммерческих сделках. Измерение показателей способности к количественному мышлению в определенных исторических условиях может быть осуществлено очень простым способом. В работе Мокира высказывается предположение о возможности использования в качестве индикатора количественного мышления возрастного распределения (Mokyr, 1985). Во многих исторических источниках имеет место тенденция указания возрастов кратных пяти, в то время как истинное распределение должно быть существенно более гладким. В процессе одного из исследований Б. А'Хирн, Й. Батен и Д. Крайен создали комплексную базу данных, охватывающую два тысячелетия нашей истории (A'Hearn, Baten and Craeyen, 2009). Они обнаружили фактические данные, свидетельствующие о тенденции к повышению в Европе способности населения к количественному мышлению начиная с XVI в. и до настоящего времени. В то же время английский опыт свидетельствует о стагнации уров-

25. Авторы уверены, что предложенный ими показатель накопления человеческого капитала является хорошим инструментом прогнозирования более позднего роста (Baten and van Zanden, 2008).

ня грамотности после 1800 г., несмотря на происходившие в экономике стремительные изменения. Чем больше фактических свидетельств мы получим из областей, находящихся вне пределов Европы, и чем теснее их удастся связать с данными о различиях в доходах, определяемых более развитой способностью к количественному мышлению, тем более эффективным будет тестирование моделей, разработанных в традиции Беккера и Лукаса.

Условием дальнейшего прогресса нам видится расширение историками и экономистами концепции навыков, квалификации работников. Как правило, квалификация приобреталась отнюдь не в школе или в других формальных институтах. Скорее, она передавалась, главным образом посредством личных контрактов. Ученичество было основной формой обучения. Ученики осваивали профессию под началом мастера. Согласно соответствующему контракту «стажер» должен был работать в течение всего периода обучения, а мастер обязан был обучать своего подопечного. В некоторых случаях родители ученика должны были оплачивать его обучение (Humphries, 2003). Новые технологические решения внедрялись, отлаживались и поддерживались небольшой армией высококвалифицированных специалистов своего дела. В нее входили часовщики и инструментальщики, плотники, изготовители игрушек, стекольных и других дел мастера, способные точно изготавливать необходимые детали, используя правильные измерения и материалы, умеющие читать чертежи и рассчитывать скорость, прекрасно знающие допустимые отклонения, законы сопротивления и трения, а также взаимозависимости механических частей. Эти неизвестные, но талантливые труженики служили опорой для изобретателей и инженеров, составляя, вероятно, 5–10% от общей численности рабочей силы. Благодаря их труду модели и проекты превращались в действующие машины и агрегаты, которыми необходимо было управлять и которые время от времени требовали ремонта. Усилиями этих работников набирала силу относительно небольшая, постепенно прирастающая «волна» накапливающихся ничем не заменимых микроизобретений, без которых Англия никогда не превратилась бы в «мастерскую мира».

Большая часть навыков, привнесенных рабочей элитой из числа наиболее умелых мастеров на фабрики, была своего рода наивысшей точкой развития, результатом многовекового процесса накопления экспертных знаний в тра-

диционных ремеслах. Если появление и распространение новых технологий, а также высокая степень взаимодополняемости квалификации и более продуктивного оборудования способствовали повышению ценности человеческого капитала специалистов, это должно было найти отражение в изменениях надбавки к заработной плате представителей рассматриваемой нами группы. Резкое сокращение заработной платы ткачей, занятых на ручных станках, могло компенсироваться растущим спросом на труд высококвалифицированных ремесленников, участвовавших в оснащении прядильного и ткацкого производств в Ланкашире новым оборудованием. Фактические свидетельства носят отрывочный характер, однако имеются некоторые указания на то, что в XVIII в. английские работодатели не жалели усилий на поиск квалифицированных стеклодувов, слесарей или хороших механиков (Musson and Robinson, 1960). Известно, что один из самых концептуально привлекательных тестов, применявшихся в отношении моделей развития человеческого капитала в период промышленной революции, основывался на изучении изменений в ставках оплаты труда этой рабочей аристократии по сравнению с основной массой рабочей силы, а также порожденным этими различиями откликом на стороне предложения.

Возможно, нам следовало бы еще более расширить определение релевантного человеческого капитала. Развитие фабричной системы требовало общих навыков, которые далеко не всегда могли быть приобретены в рамках формального школьного обучения — таких как дисциплина, пунктуальность и уважение, дополнявших грамотность и способность к количественному мышлению. В одной из недавних работ, посвященных экономике труда, рассматривались роль и значение некогнитивных навыков (Heckman and Rubinstein, 2001). Используя рабочие оборудование и материалы принадлежали капиталисту и были очень дорогими. Владельцам фабрик необходимо было прививать рабочим культуру лояльности и уравновешенности, а также культивировать готовность к выполнению инструкций и сотрудничеству с другими работниками. Еще в процессе обучения ремеслу мастера прилагали немалые усилия для того, чтобы приучить своих подопечных к дисциплине, привычка к которой еще более развивалась во время работы на дорогостоящем фабричном оборудовании²⁶. Помимо этого, более сложные техно-

26. Не следует приписывать этот научный результат исключительно современной теории. К. Маркс в одном из своих получивших широкую известность пассажей цитирует экономиста Нассау Сениора, рассказывавшего о своем разговоре с одним из промышленников: «Когда земледелец бросает свой заступ, он делает бесполезным на это время капитал в 18 пенсов. Когда один из наших людей оставляет фабрику, он делает бесполезным капитал, который стоил 100 000 фунтов стерлингов» (Маркс, 1967, I, pp. 405–406).

логии и более глубокое разделение труда создавали между рабочими взаимозависимости, требовавшие такого уровня координации, который едва ли был бы возможен в отсутствие соответствующей готовности и сотрудничества. Надбавка к зарплате за дисциплинированный труд на фабриках была выше, чем премии в других, в большей степени самостоятельных формах занятости, и прибыльность фабричной системы в решающей степени зависела от интенсивности труда (Pollard, 1965; Clark 1994). Вдобавок принятая в текстильной промышленности тарифная система, предусматривавшая увеличение заработной платы в зависимости от опыта, предлагала более высокую отдачу для работников, способных выработать привычку к фабричному труду. На начальной стадии работы, когда неквалифицированные рабочие, такие как кирпичники, могли получать более высокий доход, квалифицированные рабочие эффективно инвестировали в свой собственный человеческий капитал; к 35 годам они могли рассчитывать на то, что их заработная плата в 2,3 раза превысит заработок кирпичника и будет больше, чем у шахтеров (Boot, 1995)²⁷.

27. Вероятно, было бы лучше сравнить заработную плату работников текстильных фабрик с заработком шахтеров, так как первая будет отражать и различия в тяжести условий труда. Поскольку, как представляется, шахтеры трудятся в более тяжелых условиях, более высокий уровень квалификации текстильщиков может рассматриваться как правдоподобное объяснение близости размеров заработной платы обеих групп.

Во многом схожие причины определяли важность такой задачи, как наблюдение за рабочими. Если с точки зрения первой промышленной революции «дисциплинарный капитал» имел гораздо большее значение, чем традиционно измеряемый уровень образования, то экономические историки должны предложить более полные показатели заработной платы, способные захватывать денежное вознаграждение рабочих, успешно использовавших в своих интересах предъявлявшийся в начале века машин спрос. Кроме того, если дисциплинированные рабочие получали более высокую отдачу, мы должны были бы установить размеры более высоких и растущих надбавок к оплате труда для рабочих, выполнявших помимо основных еще и руководящие обязанности, а также других членов эволюционирующих иерархий, обеспечивавших в XIX в. бесперебойное функционирование фабрик и заводов. Наиболее очевидное проверяемое развитие этой идеи заключается в том, что в начальный период промышленной революции владельцы фабрик должны были предоставлять преференции в занятости сравнительно более сговорчивым работникам, даже в тех случаях, когда они не обладали высокой квалификацией, таким как женщины и дети. Данная практика была весьма распространена в начальной стадии появления новых текстильных фабрик. Аналогично

мы могли бы предложить тестирование подхода, основанного на человеческом капитале. Было бы целесообразно сосредоточить внимание на высококвалифицированных рабочих, таких как работники в текстильном производстве, труду которых были посвящены исследования Бута (Boot, 1995) и Т. Леюнига (Leunig, 2001), чтобы выяснить, действительно ли они получали более высокое вознаграждение в результате инвестирования в повышение квалификации (соглашаясь на годы малооплачиваемого обучения на рабочем месте), чем, скажем, ученики ремесленников в традиционных сферах экономики.

Эти наблюдения позволяют предположить, что с точки зрения объяснения европейского перехода к самоподдерживающемуся росту некогнитивные навыки и умения, а также неформальное образование имели большее значение, чем формальное школьное образование и традиционные навыки и умения чтения и письма. В этом смысле различие между образованием и человеческим капиталом с одной стороны и культурой с другой стороны приобретает все более искусственный характер. Со времени выхода в свет работы Макса Вебера о духе капитализма культура входит в число «обычных подозреваемых», которые могут определять богатство и производительность, с чем согласны и современные ученые (например, Jones, 2006, pp. 126–132; Temin 1997). Сегодня приходит понимание, что культурное воздействие может быть продемонстрировано и на основе современных данных. Это позволяет нам высказать предположение о том, что специалисты по экономической истории, возможно, захотят вновь вернуться к рассмотрению интересующего нас вопроса. В частности Л. Гуисо, П. Сапиенца и Л. Зингалес продемонстрировали экзогенное воздействие культуры на доход (Guiso, Sapienza and Zingales, 2006). К тому же отличительной чертой культуры является постоянство (см. также Tabellini, 2006). Здесь культура определяется, прежде всего, с точки зрения ценностей и убеждений отдельных людей. Для достижения эндогенности авторы научных работ стремятся в возможно большей степени расширить сферу контроля. Одновременно они показывают, что условиями экономического прогресса являются доверие людей друг к другу, убежденность в том, что упорный труд позволит улучшить свое положение, и вера в отсутствие угроз со стороны формальных государственных институтов. Конечно, мы не имеем возможности привести в подтверждение это-

го тезиса данные опросов живших в далеком прошлом людей. Поэтому новое подкрепление полученных научных результатов потребует немалых усилий. В то же время поразительно, сколь важную роль во многих европейских обществах играли в начале Нового времени институты частного права. Обычно они включали в себя культурные убеждения относительно того, что люди должны выполнять данные ими обещания и достойно вести себя. Только такое, а никак не оппортунистическое поведение было основой для установления повторяющихся, устойчивых взаимодействий между людьми. Репутации были активом, требовавшим в высшей степени осмотрительного управления. В этой интерпретации средние классы коммерческих обществ сделали выбор в пользу в большей степени кооперативного способа поведения, направленного на улучшения по Парето. Возможно, центральный момент этого равновесия заключался в том, что представители среднего класса воспринимали как «джентльменские кодексы поведения». Следование последнему означало, что индивид не заинтересован в получении денег; его более заботит честь, чем личная выгода. Это вело к ограничению риска обмана (Мокуг, 2008). Вполне вероятно, что подобные социальные нормы имели гораздо более важное значение, чем принятое на европейских рынках принуждение к исполнению законов и контрактов третьей стороной, особенно на рынках кредита и труда.

Однако где находится источник ценностей среднего класса? В своей новаторской работе М.Депке и Ф.Зилиботти сосредоточили внимание на выявлении поведенческих различий между аристократией и средним классом (Doerke and Zilibotti, 2008). Исследователи предложили модель формирования класса, основанную на эндогенных, наследуемых предпочтениях. По мнению Депке и Зилиботти, рост буржуазной элиты в период индустриализации Англии должен рассматриваться как своего рода сюрприз. До начала трансформации все возможные преимущества были на аристократической стороне — денежные средства, политические связи, доступность образования. Но после 1750 г. лишь очень небольшое количество членов старой политической элиты смогли преумножить свое богатство благодаря участию в промышленном производстве. Как полагают Депке и Зилиботти, это было связано с тем, что основной запас «обусловленного терпением капитала» был сосредоточен в «головах и сердцах» дру-

гой группы общества — среднего класса. Благодаря множеству культурных практик и норм его представители научились на некоторое время откладывать удовлетворение. Для того чтобы овладеть неким ремеслом, человеку необходимо пройти длительное обучение и приобрести опыт практической деятельности. И только после этого он становился настоящим мастером. С другой стороны, дети старой аристократии на опыте родителей обучались тому, как проводить время в праздности, наслаждаясь ею. Сама аристократическая культура отрицала и упорный труд, и инвестиции. Представители среднего класса, напротив, в течение веков делали сбережения и не жалели усилий для того, чтобы дать образование подрастающим поколениям. Тем самым был создан и финансовый капитал, и возвращены ценные культурные свойства. В период промышленной революции распространение новых технологий привело к значительному увеличению отдачи от умения проявлять терпение. Лучше всего распорядиться ими смогли не представители элиты, а те, кто обладал необходимым умением ждать, настойчиво идти к цели. Депке и Зилюботти убеждены, что культура этого типа сыграла решающую роль в последующем развитии капиталистической индустриализации. С точки зрения исследователей, ключевое значение в данном случае имело *отсутствие* исправно функционировавших финансовых рынков, к которым имел бы доступ средний класс — наличие сегментированных финансовых рынков является основным условием различий в отдаче за терпение между группами населения.

Концепция обусловленного терпением капитала обещает нам заманчивые перспективы. Возможно, совсем не случайно, что первыми начали осуществлять индустриализацию англичане, которых Адам Смит называл «нацией лавочников». В результате в стране сформировалась среда, в которой расцвели буржуазные ценности и практики, рассматривавшиеся как относительно важные. Тем более в предшествовавшее промышленной революции время распространение буржуазных ценностей в Европе сопровождалось повышением интенсивности труда и продолжительности рабочего дня для низших классов, а также растущей ориентацией на рынок ценой самообеспечения. Я. де Вриз охарактеризовал происходившие в то время изменения как «трудолюбивую революцию» (de Vries, 1994). За отмену праздничных дней выступили в XVIII в. даже католические иерархи, озаботившиеся не-

обходимостью повышения трудового вклада в церковную экономику (de Vries, 2008). Кларку удалось обнаружить фактические данные, свидетельствующие о том, что отличительной чертой наиболее развитых в экономическом отношении частей Европы была более высокая, чем где-либо еще, интенсивность труда (Clark, 1987). Согласно приведенным Фотхом данным уже в 1750 г. английский рабочий год был достаточно продолжительным и дальнейшее его увеличение происходило исключительно за счет уменьшения количества светских и религиозных праздничных дней и традиции невыхода на работу по понедельникам (св. Понедельник). Эти изменения полностью согласуются с моделью, предложенной Депке и Зилиботти, согласно которой те, у кого относительно ограничены «навыки праздности», в конечном счете становятся доминирующими классами (Doepke and Zilibotti, 2008).

Последние годы отмечены растущим интересом к использованию модели естественного отбора Ч. Дарвина при объяснении культурных изменений. О. Галор и О. Моав разработали модель, в которой в качестве решающей переменной состояния, претерпевшей изменение в доиндустриальный период, используется не численность населения, но «человеческое качество» (генетически заложенное или поведенческое) (Galor and Moav, 2002). Домохозяйства, члены которых наделены в большей степени желательными человеческими характеристиками (образование, правильные гены, экономически выгодные установки), продуцируют более приспособленное к выживанию потомство и постепенно, но неизбежно изменяют состав популяции. Таким образом, в предшествовавший промышленный революции период качество человеческой популяции постепенно повышалось. Не так давно предложенный Галором и Моавом подход получил ограниченную эмпирическую поддержку. Кларк и Гамильтон обнаружили, что в начале Нового времени дети более богатых и образованных англичан демонстрировали большую выживаемость по сравнению со сверстниками (Clark and Hamilton, 2006). Полученные результаты позволяют высказать предположение, согласно которому вместо того, чтобы, рассуждая о восходящем дрейфе, апеллировать к неизмеряемому, безымянному показателю человеческого качества, необходимо всего лишь рассмотреть увеличение доли в популяции людей, научивших сберегать (и инвестировать), а также тех, кто передал эти ценности своему потомству. Учи-

тывая, что в начальный период Нового времени имел место рост уровня жизни, значительно превысившего прожиточный минимум, были созданы все условия для повышения рождаемости. Ограничения на фертильное поведение носили преимущественно социальный и культурный характер (воздействия через нормы брачности). Возможно, эти изменения в составе популяции внесли определенный вклад в снижение в Англии, по сравнению с временами Средневековья, процентных ставок (Clark, 1988). Они уменьшились с 10–11% в XIII в. до 4% в XVIII в. Постепенное увеличение сбережений, обусловленное структурными эффектами, вызванными увеличением относительного количества более терпеливых людей, является альтернативой теориям, атрибутирующим рост сбережений «кальвинистской этике». Кроме того, структурные изменения позволяют нам глубже понять эволюционировавшее демографическое поведение. Как было обнаружено и историками, и экономистами, довольно часто в разных подгруппах наблюдаются различные нормы рождаемости и показатели возраста вступления в первый брак²⁸.

Впрочем, не следует воспринимать как установленный факт положение, в соответствии с которым естественный отбор привел в некоем определенном измерении к улучшению качества популяции в странах, сбросивших с себя «путы» мальтузианской модели еще до наступления XVIII в. Разделение изменений, обусловленных «врожденными качествами», и откликов на новые стимулы — в высшей степени трудная проблема. Учитывая, что в нормальных условиях репродуктивное поведение человеческих особей начинается в возрасте примерно 20 лет (немного раньше или немного позже), любой процесс, в основе которого лежит естественный отбор, требует длительного временного интервала — или уровни рождаемости должны очень сильно различаться²⁹. Нам слишком мало известно об относительных различиях в репродуктивном поведении (проявляющихся, например, в различном возрасте вступления в брак) и экономических успехах различных европейских стран в начальный период Нового времени. Возможно, структурные изменения и играют некую роль, но в настоящее время мы не можем утверждать ничего определенного. Громкие заявления о распространенности в Европе такого феномена, как «выживают только самые богатые»,

28. В дополнение к исследованию Кларка и Гамильтона (Clark and Hamilton, 2006) отметим работы Д. Герлихи (Herlihy, 1997, pp. 56–57) и Галора и Моавы (Galor and Moav, 2002).

29. Учитывая, что самые ранние доступные нам данные относятся к XVI в., мы можем быть твердо уверены, что воздействие естественного отбора могло распространяться на 5, в лучшем случае на 6 поколений. Учитывая незначительное репродуктивное преимущество, этот период никак нельзя назвать длительным. В то же время результаты недавних генетических исследований позволяют предположить, что «эволюционные изменения в геноме способны объяснить культурные особенности, передававшиеся от поколения к поколению по мере того, как общества адаптировались к различным видам давления» (New York Times, March 7 and 12, 2006).

и об его отсутствии на Дальнем Востоке (Clark, 2007a) опираются на еще более шаткие основания. Нам необходимо расширить круг фактических свидетельств, подобных тем, которые были собраны Кларком и Гамильтоном, документально подтверждающих различия в показателях рождаемости и выживания на протяжении длительных периодов времени и в разных частях мира.

Специалисты в области эволюции культуры, такие как Р. Бойд и П. Ричерсон (Boyd and Richerson, 1985, 2005), подчеркивают тот факт, что культурные изменения лишь в малой части являются следствием структурных эффектов естественного отбора. Основными же их источниками, по мнению исследователей, выступают обучение и имитация. Безусловно, некая часть культуры передается людям от родителей с генами или в процессе воспитания, однако на всем протяжении своей жизни они испытывают другие влияния, которые, возможно, и обуславливают их отличия от родителей. Эти «отклонения» могут принимать различные формы, но самой интересной из них является та, которая получила известность как «модельное отклонение», когда индивиды наблюдают за другими людьми, некоторые атрибуты которых рассматриваются как желаемые (например, социальный статус или богатство), тем самым избирая их в качестве собственной ролевой модели. В высокой степени стратифицированном, но мобильном обществе, таком как британское, действовали сильные стимулы к имитации поведения других людей, занимавших более высокое место в иерархии. Они обуславливали повторение наиболее успешными рабочими и ремесленниками поведения представителей буржуазии, мимикрию под них. Таким образом, рост среднего класса мог происходить быстрее, чем это могло быть предсказано на основании различий в воспроизводстве.

ТЕХНОЛОГИИ

Технологические изменения остаются «становым хребтом» современного экономического роста просто потому, что все другие потенциальные источники повышения продуктивности имеют тенденцию к убывающей отдаче. Накопление капитала, улучшенное распределение ресурсов, выгоды от торговли, более совершенные институты и экономия, обусловленная расширением масштаба производства, — все

эти факторы будут способствовать увеличению выпуска. В то же время отдача от каждого из них постепенно убывает. Условием создания исторически точной картины современного роста является понимание взаимосвязи между наукой и технологией в период промышленной революции и в дальнейшем. Специализирующиеся на изучении этих проблем ученые-историки разделились на относительно небольшую группу, по мнению представителей которой наука и научная культура имели решающее значение для успеха промышленной революции (Musson and Robinson, 1969; Rostow, 1975; Jacob, 1997; Lipsey, Carlaw, and Bekar, 2005), и большинство, рассматривающее роль науки как вторичную и маргинальную (Landes, 1969; Mathias, 1979; Hall, 1974; Gillispie, 1980). Конечно, мы могли бы привести множество примеров важнейшей роли, которую сыграли наука и математика с точки зрения некоторых изобретений, сделанных во время промышленной революции. Но не вызывает сомнений и тот факт, что многие из наиболее известных прорывов в промышленности, особенно те из них, которые имели отношение к машинной обработке текстиля, были осуществлены на основе научной базы, значительная часть которой была создана еще во времена Архимеда. В других областях, таких как применение энергии пара, гончарное дело и производство керамических изделий, животноводство, прогресс основывался на использовании метода проб и ошибок, а отнюдь не на глубоком понимании лежащих в их основе физических и биологических процессов.

Дебаты между теми, кто убежден в том, что наука сыграла ведущую роль в промышленной революции, и их оппонентами — это больше чем диспут о том, является стакан наполовину пустым или наполовину полным. Изначально «воды» в стакане было «на донышке», но начиная с 1750 г. ее уровень медленно повышался на протяжении более чем полутора столетий. Ученые и наука (не совсем то же самое) добились впечатляющих успехов в разработке новых производственных технических приемов (хлорсодержащие отбеливатели, изготовление углекислого натрия, изобретения таких естествоиспытателей, как Б. Франклин, Дж. Пристли, Э. Дэви и Б. Румфорд). Промышленная революция в ее классической форме, за некоторыми исключениями, была никак не связана со значительным прогрессом в науке. В то же время едва ли кто возьмется утверждать, что она переросла бы в охвативший всю Европу процесс непрерывного роста в отсутствие расширяющегося корпуса

производимых изобретателями и техническими специалистами полезных знаний. Никто не знает точную «дату» начала этого «сотрудничества». В некоторых областях оно существовало уже в середине XVIII столетия. В период после 1820-х гг. научные знания становятся важнейшей основой «новых» технологических областей, значение которых непрерывно возрастает. Одними из самых замечательных разработок последних десятилетий классической промышленной революции были электрический телеграф, а также прорыв в химии жирных кислот (использовались в производстве мыла и свечей). Метод проб и ошибок, а также чистая интуиция никогда не уходили со сцены. Однако все более углублявшиеся знания о том, как и почему функционируют машины и механизмы, значительно облегчили и ускорили процессы усовершенствования и устранения ошибок, допущенных при создании новой техники, ее использования в новых сферах производства, а также внедрения различных конструктивных изменений, которые в противном случае едва ли были бы возможны. После 1750 г. в химии и металлургии, в энергетике и пищевой промышленности, в энергомашиностроении, сельском хозяйстве и кораблестроении, все теснее и ближе становились связи между формально образованными людьми, усилия которых были направлены на изучение и достижение понимания природных явлений и наблюдаемых закономерностей, и людьми, достаток которых зависел от способности с пользой и выгодой использовать полученные учеными результаты. Они продолжают углубляться и развиваться и в наши дни (Mokyr, 2002).

30. Предложенный Джонсом параметр π определяет долю совокупного дохода, получаемого занятыми в «сфере идей»; в состоянии равновесия она равна той части труда, которое направляется в экономике на производство новых идей.

Институты, функционирование которых сделало возможным это, со временем становившееся все более тесным, сотрудничество были подвергнуты детальному исследованию. В данном контексте права на интеллектуальную собственность действительно имели определенное значение, но обращение исключительно к этому аспекту не позволяет объяснить процесс в целом. До настоящего времени единственной публикацией, в которой описывается попытка непосредственного моделирования изменяющихся со временем институциональных параметров, является работа Ч. Джонса (Jones, 2001). Используемые в модели параметры играют важную роль с точки зрения ответа на вопрос о «неизбежности» промышленной революции³⁰. Введенный Джонсом параметр π_t , отображающий долю совокупного потребления, назначаемую людям, занятым

в сфере генерирования идей, рассчитывается в соответствии с имеющимися фактическими данными. Вообще говоря, модель корректно «захватывает» рост исследований и разработок, основанных на интенсивном использовании ресурсов. При более высокой частотности ряды демонстрируют весьма странную историю (Jones, 2001, p. 24); на протяжении XVII в. параметр снижается с 0,44% до 0, в XVIII в. — резко возрастает, а в XIX в. — снижается более чем наполовину от достигнутого значения, после чего в XX столетии происходит огромный скачок (увеличение в 12 раз) до 5%. Впрочем, модель Джонса не способна объяснить сложную мотивацию, направлявшую действия представителей сферы идей в прошлом, когда многие естествоиспытатели и изобретатели были заинтересованы не только в финансовых выгодах, но и в распространении «сигналов», подобно разработчикам современного свободного программного обеспечения (Lerner and Tirole, 2004). В моделях, предназначенных для объяснения технологического роста в эпоху промышленной революции, необходимо учитывать использовавшиеся в двух отдельных секторах «сферы идей» различные способы приобретения прав собственности. В то время как прескриптивные знания, то есть различные технические приемы, могли быть защищены патентами и их собственники получали определенные права на изобретения, в области пропозициональных знаний (знания в виде высказываний, суждений) их «владелец» не приобретал никаких исключительных прав, за исключением известности в качестве первооткрывателя. Поэтому одним из условий достижения понимания факторов технологического роста в период промышленной революции является эксплицитное признание обратной связи между названными выше двумя формами знаний (Mokyr, 2002; см. также Dasgupta and David, 1994). До 1850 г. ученые в редких случаях проявляли интерес к «сбору» материальных выгод, которые могли принести им научные открытия. Они стремились не столько к прибыли, сколько к славе. «Джентльмены-философы» не желали «зарабатывать на пропитание» своими открытиями и настороженно относились к любому из коллег, кто поступал иначе (Bowler and Morus, 2005, pp. 320–321).

Следует отметить, что, согласно произведенным не так давно оценкам, доля доходов от изобретений, достаемая в современной Америке самим изобретателям, составляет всего лишь около 2,2% (Nordhaus, 2004). Маловероятно,

31. Функционированию патентной системы в Англии посвящена обширная литература; для первого знакомства мы рекомендуем работы Г. Даттона (Dutton, 1984), К. Маклеод (MacLeod, 1988) и К. Маклеод и А. Нуволари (MacLeod and Nuvolari, 2007).

что во времена промышленной революции этот показатель был выше. Все вроде бы «вертится» вокруг патентной системы, однако по вопросу о ее воздействии на процесс технологического прогресса во время промышленной революции по-прежнему ведется множество споров. Функционирование патентной системы означает, что изобретатели получают монополию на свои изобретения. В то же время разного рода нарушения и другие системные неудачи означают, что преимущества первопроходца и «старомодное» правительство, а также награды со стороны частного сектора играли не менее важную роль, чем рента, которую получали изобретатели³¹. Английскую патентную систему никак нельзя было назвать «дружественной по отношению к пользователю»: заявка на получение патента стоила довольно дорого; к тому же нередко возникали проблемы с защитой патентов от нарушителей прав изобретателей (Khan and Sokoloff, 1998; Dutton, 1984). Патентное законодательство подвергалось всеобщему порицанию как неэффективное с точки зрения защиты подавляющего большинства изобретателей, а также за высокую цену охраны их прав (MacLeod and Nuvolari, 2007). Значительная часть изобретений (даже самые успешные из них) не была защищена патентами (Moser, 2005). Однако то обстоятельство, что английская система в меньшей степени, чем соответствующая американская система, поощряла потенциальных изобретателей к действию, как представляется, не оказало отрицательного воздействия на технологическое лидерство Великобритании до 1850 г. Всегда называвший вещи своими именами Чарльз Бэббидж охарактеризовал патентное право как «мошенническую лотерею, в которой гении не получают ничего, а все призы достаются жуликам» (Babbage, 1830, pp. 333, 321). Возможно, что не менее эффективным с точки зрения побуждения к генерированию новых идей, чем защита со стороны патентной системы, были денежные вознаграждения за изобретения (назначавшиеся, например, английским парламентом) (Brunt, Lerner and Nicholas, 2008). Было ли в патентной системе хоть что-то хорошее? Да. *Ex ante* вера в то, что успешное изобретение способно принести отдачу нескольким счастливицам (то есть она сыграла положительную стимулирующую роль).

Впрочем, в рассматриваемом нами контексте гораздо более глубокую и всеохватывающую роль сыграл другой социальный феномен. Имеются в виду непрерывно растущие информационные потоки и улучшающиеся взаимодей-

ствия между теми, кто изготавливал различные вещи (предприниматели и инженеры), и теми, кто в них разбирался (естествоиспытателями). Это означало не только расширение возможности доступа к знаниям для тех, кто мог бы найти им наиболее полезное применение; научная повестка дня во все большей степени формировалась в соответствии с практическими потребностями экономики. «Мосты», наводившиеся между учеными и фабрикантами, принимали самые разные формы — от письменных технических руководств и учебников до академий и научных обществ, где представители сторон общались друг с другом и обменивались идеями. Уже в последние десятилетия XVIII в. самым обычным явлением стали консультации, за которыми обращались к ученым промышленники и фермеры, нуждавшиеся в усовершенствованных отбеливателях, более мощных двигателях или эффективных удобрениях.

К 1815 г. потребность в таком сотрудничестве получила всеобщее признание и европейские экономики уже конкурировали друг с другом в стремлении побудить ученых и производителей к взаимодействиям. В Англии примерами того, что частные институты способны решить эту задачу даже в стране, где люди более всего доверяют индивидуальным инициативам, стали учрежденное в 1754 г. Королевское общество покровительства искусстваам, основанная в 1799 г. Королевская ассоциация и механические институты (первый из них был основан в 1804 г. Джорджем Биркбеком). Одновременно в стране функционировало множество менее формальных институтов. Самым известным среди них является Лунное общество Бирмингема, объединявшее лучших ученых Англии и наиболее известных предпринимателей и инженеров. Не менее важную роль сыграло не столь известное Спиталфилдское математическое общество, основанное в 1717 г., и лондонская Чептерская кофейня, которая в 1780-х гг. была любимым местом встреч членов Королевского общества. Собиравшиеся в ней ученые мужи вели продолжительные дискуссии, обсуждая практические вопросы использования пара и различных химических веществ (Levere and Turner, 2002). Во Франции, Германии и Нижних землях (исторические Нидерланды) государство играло более активную роль в организации сотрудничества ученых и промышленников (например, см. Lepoig, 1998). Впрочем, далеко не все эти усилия позволили добиться безоговорочного успеха. Например, в исследованиях, направленных на получение

32. Немецкие университеты были вынуждены участвовать во все более обострявшейся конкуренции с техническими колледжами (*technische Hochschule*), первый из которых был учрежден в 1825 г. в Карлсруэ. Во Франции с целью придания образованию в большей степени практического характера были образованы новые *grandes écoles*, такие как Национальная высшая школа искусств и ремесел.

33. Вне всяких сомнений, было бы лучше, если бы этот аспект технологического прогресса был подвергнут анализу специалистами по поведенческой экономике и теории принятия решений, работающими с моделями, в которых люди систематически переоценивают свои шансы на достижение успеха. Это понимал еще Адам Смит, писавший: «Их абсурдная вера в собственную счастливую судьбу... носит еще более всеобщий характер [по сравнению с завышенной оценкой людьми своих способностей] ... каждый человек в большей или меньшей степени переоценивает свои шансы на получение прибыли и ... недооценивает шансы понести убытки» (Smith, 1976 [1776], p. 120).

практических результатов, выпускники парижской Политехнической школы зачастую демонстрировали лишь способность к абстракциям и склонность к формальному подходу. Система немецких университетов в целом оказалась значительно более консервативной, чем того ожидало правительство; преподаватели никак не желали участвовать в поиске способов практического применения научных знаний. По инициативе государства были созданы новые и более эффективные институты, а старые университеты были в конечном итоге реформированы³². Прошедшие после 1815 г. несколько десятилетий стали окончательным триумфом последователей философии Ф. Бэкона, послужившей идеологической основой создания в 1660 г. Королевского общества. Условием их торжества были осуществленные в Европе институциональные изменения в сфере накопления и распространения практически полезных знаний, хотя они и были «обстроены лесами» (используя термин Норта) идеологии Просвещения, основывавшейся на непоколебимой вере в материальный прогресс, а также на защите конкретных программ, направленных на его обеспечение.

Моделирование производства «новых идей» представляет собой главную трудность с точки зрения создания моделей роста; в свою очередь, эндогенные модели роста с неизбежностью «обрезают» большую часть широкой исторической картины. Неудивительно, что исследователи «не справляются» с анализом рискованного процесса изобретательства, представляя сферу «производства идей», скорее, как приобретение лотерейного билета, чем как выбор области деятельности³³. Авторы некоторых моделей явным образом ссылаются на «количество произведенных идей», однако эта концепция рассматривается нами как в высшей степени проблематичная. И не только потому, что идеи не подчиняются правилам арифметики, но и в силу того, что очень многие из них были мертворожденными, ошибочными или просто плодами фантазии. С другой стороны, большая часть новых технологий была результатом незначительных, но накапливавшихся усовершенствований, осуществлявшихся благодаря опыту и обучению действиям квалифицированных масте-

ров, а не разного рода когнитивным озарениям. Конечно, технологические изменения в период промышленной революции происходили не только благодаря этим «ремесленным» достижениям, но историки совершенно справедливо подчеркивают их важное значение (Berg, 2007).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: НЕДОПОНИМАНИЕ КАК ИСТОЧНИК ПРОГРЕССА

Нередко экономисты-теоретики и историки экономики, изучающие переход к самоподдерживающемуся росту, ведут себя как представители двух не имеющих между собой ничего общего, кроме предмета исследования, «кланов». Это разделение препятствует дальнейшему прогрессу в достижении понимания того, как именно произошло переключение «от Мальтуса к Солоу». Мы рассмотрим несколько отдельных источников недопонимания между учеными и представим предложения относительно будущих исследований, призванные урегулировать отношения между «кланами» и увеличить интеллектуальные выгоды от обмена мнениями представителей разных «племен».

Специалисты по экономической теории, труды которых посвящены исследованиям долгосрочного экономического роста, во многих случаях применяют свои модели к временам индустриализации Англии, рассматривая их как классический, первый пример промышленной революции. В результате они вынуждены игнорировать или принижать значение других, «неудобных» фактов экономической истории о том, «wie es wirklich gewesen ist» («как все было на самом деле»). Например, согласно предлагаемой Джонсом модели во время перехода продолжительность рабочего дня снижается (Jones, 2001), в то время как в действительности она, вероятно, возросла. В моделях, созданных в традиции Лукаса и Беккера, делается акцент на повышении спроса и отдачи на человеческий капитал, несмотря на ограниченное количество соответствующих фактических свидетельств. Асемоглу, Джонсон и Робинсон подчеркивают важность ограничений на исполнительную власть в начале Нового времени в Европе, несмотря на отсутствие данных о том, что действия сдерживающих ее групп способствовали экономическому росту. Этот перечень может быть расширен, однако его главное предназначение — иллюстративность.

Специалисты по экономической истории не преминули указать на наиболее очевидные противоречия, подчеркивая, что «в большинстве моделей роста промышленная революция имеет лишь отдаленное сходство с происходившими в XVIII в. в Англии экономическими событиями» (Voth, 2003). Мы убеждены, что дискуссия должна быть продолжена. Многие теоретики роста стремятся применять свои модели к классической английской промышленной революции (Galor, 2005; Hansen and Prescott, 2002; Lucas, 2002). Но логика, которой следует большинство универсальных моделей роста, не позволяет использовать их в качестве объясняющего инструментария. Эти модели гораздо лучше соответствуют начальному периоду Нового времени. С другой стороны, критика моделей экономическими историками во многом обусловлена исповедуемым ими чрезмерно узким подходом. Если мы расширим временные границы периода, в котором анализируются демографические изменения, и будем изучать накопление человеческого капитала в течение длительного времени, рассматривая в качестве релевантного набора навыков не только грамотность, которой традиционно уделяется повышенное внимание, но и другие умения, многие очевидные сегодня противоречия смягчатся. Период 1500–1800 гг. стал временем постепенного схождения на нет мальтузианского режима, и многие релевантные изменения в человеческом капитале начались, вероятно, после Реформации. Рассуждая в том же ключе заметим, что если специалисты по экономической истории и экономисты-теоретики будут уделять большее внимание некогнитивным навыкам и таким культурным особенностям личности как терпение, рассудительность и дисциплина, то перед теоретиками откроется возможность построения новых моделей, в большей степени соответствующих историческим данным. В этой связи универсальные теории роста обладают значительной объясняющей силой, особенно те из них, в которых рассматривается включающий в себя две фазы переход к современному росту (как в Galor and Moav, 2002), когда сначала происходит ослабление мальтузианских ограничений, а впоследствии большую важность приобретает человеческий капитал.

Длительность рассматриваемого периода времени — отнюдь не единственный важный источник недопонимания между учеными. Как подчеркивали немецкие философы Г. Риккерт и В. Виндельбанд, история «идеографична», то есть она стремится объяснить уникальное.

Теоретики же в силу необходимости «номотетичны» — заняты поиском всеобщих законов. В применении к дискуссии об английской промышленной революции это означает, например, что Хансен и Прескотт рассматривают ее как иллюстрацию модели, которая может быть применена к Европе в целом (и, конечно, ко всему миру) (Hansen and Prescott, 2002), а историки очень часто концентрируют внимание на эмпирически точном описании отдельных случаев. В равной степени проблематичной является тенденция к изучению логики исторических трудов с точки зрения кросс-секционного анализа. Немногие историки сумели устоять перед искушением и не потребовать демонстрации предсказательных возможностей для нашей собственной периодизации экономического развития от моделей, предназначенных исключительно для ответа на решающий вопрос о том, почему «первой пришла Англия», а не Франция или Китай (Crafts, 1995; Broadberry, 2007). Модели, рассматриваемые в работах Кремера (Kremer, 1993), а также Галора и Вейла (Galor and Weil, 2000), применимы к миру в целом. Тем не менее специалисты по экономической истории критикуют эндогенные модели роста за то, что они не способны предложить убедительных объяснений расхождения в доходах между странами. Очевидно, что в данном случае идет охота на носорога с помощью предварительно заостренных плодов киви.

Впрочем, и экономисты-теоретики, со своей стороны, не уделяют должного внимания важнейшим применениям кросс-секционного анализа для установления периодизации моментов, когда темпы экономического роста неожиданно возрастали³⁴. Например, Р. Холл и Ч. Джонс привели в своей работе документальные свидетельства о значительных различиях в выпуске в расчете на душу населения между богатыми и бедными странами (Hall and Jones, 1999). Исследователи приходят к заключению, что эти различия не могут быть объяснены ни различиями в капитале, ни различиями в человеческом капитале; ответственность за них должны нести совокупная факторная производительность и «социальная мощьность». Базисные модели наполняются смыслом только тогда, когда мы исходим из допущения, что экономики достигли устойчивого состояния или они располагают возможностями для быстрого перехода в него. В большинстве работ, посвященных росту и использующих набор данных А. Саммерса и Р. Хестона, разделяется это допущение. Однако ко-

34. Исключением из общего ряда является работа Н. Фойхтлендера и Г. Фотха, в которой предлагаются модели, призванные частично объяснить «Первое великое расхождение» между Европой и Китаем (Voigtländer and Voth, 2006, 2008).

гда мы заглядываем за дальний исторический горизонт, то приходим к выводу, что одним из самых поразительных феноменов является очень короткий временной отрезок, потребовавшийся для «побега» из мальтузианского мира. Например если мы возьмем последние 200 лет, то увидим, что в разных странах «взлет» в направлении самоподдерживающегося роста (мы не принимаем во внимание такие досадные возвраты к прошлому, как в Аргентине) происходил в различное время. Оказалось, что объяснить эти временные различия очень трудно. Со временем более позднее начало экономического роста приведет к появлению модели различий в производительности, принимающей вид обратный U-форме. Смягчение допущения о том, что экономики находятся в состоянии равновесия, и сосредоточение внимания на том, что позволяет им вступить в фазу быстрого, самоподдерживающегося роста, позволяет найти ответы на некоторые ключевые загадки, содержащиеся в текущей литературе на тему роста (Ngai, 2004). Относительно небольшие недостатки, несообразности, в том случае если они *задерживают* переход к современному росту, способны привести к весьма значительным различиям в показателях выпуска в расчете на душу населения. Следовательно, нам необходим целый комплекс теорий, моделирующих экономическую динамику: что стоит за такими феноменами, как распределение во времени, задержки во времени и значительный по историческим меркам разрыв между предшествовавшими историческими изменениями и началом современного роста? Это означает, что экономисты-теоретики могут как и прежде черпать вдохновение для своих моделей в выводах кросс-секционного анализа о расходящихся траекториях роста, однако экономическая история предлагает нечто гораздо большее. Более тесное сотрудничество между теми, кто пытается распознать всеобщие законы, и теми, кто пристально изучает исторические данные, способно принести очень высокую отдачу. Когда мы поймем, какие недостатки и определяющие отставание во времени влияния продуцируют временную матрицу экономического «взлета», наблюдаемого нами на протяжении последних двух столетий, только тогда у нас появятся основания для того, чтобы провозгласить о достижении того полного понимания, которое предполагает использование термина «универсальная теория роста».

ГЛАВА 2

Демографический переход
и человеческий капитал

ДЖОРДЖ АЛТЕР
ГРЕГОРИ КЛАРК

СОДЕРЖАНИЕ

Доиндустриальный демографический режим · 78
Мальтузианский режим в состоянии неравновесия (1750–1870 гг.) · 91
Демографический переход · 102
Заключение · 115

В 1700 г. Европа в целом характеризовалась такими чертами, как высокая рождаемость, относительно низкий уровень образования населения, доминирование материального капитала над человеческим и низкие темпы экономического роста. Но уже к 1870 г. в большей части Европы современный экономический рост набрал самый полный ход. Уровни рождаемости начали движение в сторону снижения до современных показателей, уровни образования, напротив, повышались, а человеческий капитал постепенно становился важным источником дохода. Эти совпадения во времени позволяют предположить наличие взаимосвязи между современным экономическим ростом, снижением рождаемости и увеличением человеческого капитала. Ее характер, безусловно, является предметом обсуждения. Что вызвало переход на современный демографический режим, когда, несмотря на высокие доходы, семья воспитывает одного-двух детей? Возможно, это самостоятельное явление, не менее значительное, чем промышленная революция? Или демографический переход представляет собой лишь ее задержавшееся эхо?

Промышленная революция и демографический переход — две важнейшие силы, объясняющие восходящую динамику современных доходов. Если рассматривать их независимо друг от друга, то снижение рождаемости в Европе началось более чем через столетие после промышленной революции. Однако, руководствуясь для начала интуицией, мы можем предположить, что между этими феноменами имела место скрытая от наших глаз взаимосвязь. Проблема состоит в установлении связи между промышленной революцией и демографическим переходом таким образом, чтобы мы могли бы объяснить различия

в показателях рождаемости между странами в доиндустриальном мире, факторы, обусловившие переход, и современное положение.

ДОИНДУСТРИАЛЬНЫЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ РЕЖИМ

В начале XVIII в. во всех европейских государствах наблюдалась высокая рождаемость, однако, учитывая высокие показатели смертности, темпы роста численности населения находились на относительно низком уровне. В 1700–1750 гг. в Европе средние темпы роста населения составляли 3,1%, варьируясь от 0,3% в Нидерландах до 8,9% в России (Livi Bacci, 2000, table 2.1). Например, на рис. 2.1 отображена динамика двух показателей рождаемости в Англии в 1540–2000 гг. Первый из них — брутто-коэффициент воспроизводства населения (БКВ, GRR), отображающий среднее количество дочерей, в расчете на одну женщину за весь репродуктивный период по десятилетиям. Начиная с 1540 г. и до наступления 1890-х гг. такая женщина родила бы примерно 5 детей (дочери и сыновья). Поскольку в Англии в каждой женской когорте около 10–15% женщин оставались незамужними, для замужних женщин среднее количество рождений повышалось примерно до 6.

Демографический переход к современным показателям рождаемости начался в Англии, как и в большинстве европейских стран, лишь в 1870-х гг., но протекал он относительно быстро. К 2000 г. английские женщины давали жизнь в среднем менее чем двум детям. Одновременно схожие изменения происходили в целом ряде других западноевропейских экономик.

Вторым показателем рождаемости является нетто-коэффициент воспроизводства населения (НКВ, NRR). Он определяется как среднее количество дочерей, рожденных за всю свою жизнь средней женщиной в каждом десятилетии. Если НКВ равен 1, то каждая женщина на протяжении жизни просто замещает себя дочерью. Произошедшее в период между доиндустриальной эрой и современностью снижение нетто-коэффициентов воспроизводства по сравнению с брутто-коэффициентами было существенно меньшим.

Мы уверены, что до начала промышленной революции соответствие между темпами роста населения и ресурсами

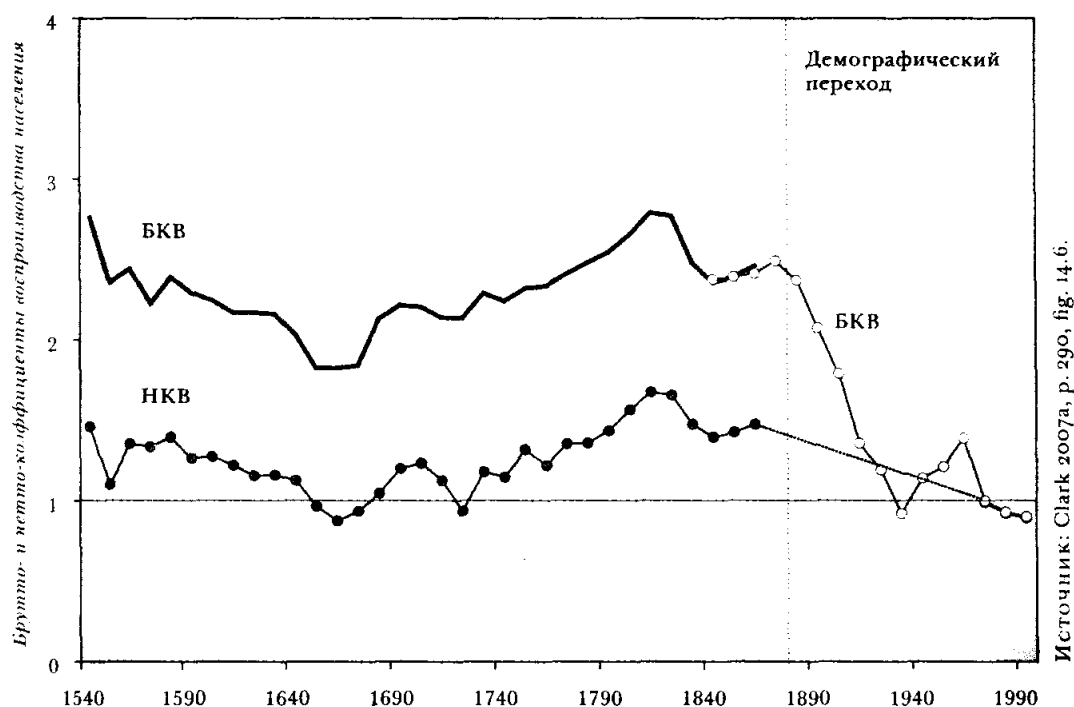

РИС. 2.1.
История рождаемости в Англии (1540–2000 гг.)

поддерживалось благодаря механизму «мальтузианской ловушки». Ее основой служат следующие три допущения:

1. *Коэффициент рождаемости* (количество рождений за год в расчете на 1 тыс. человек населения) оставался постоянным или повышался в условиях роста реальных доходов. При данном уровне дохода уровень рождаемости в различных странах варьируется в зависимости от социальных традиций воспроизводства населения.
2. По мере повышения уровня жизни *коэффициент смертности* (количество смертей за год в расчете на 1 тыс. человек населения) снижался. И вновь уровень смертности в разных странах зависит от климата и образа жизни населения.
3. Повышение численности населения вело к снижению *материального уровня жизни*.

Эти допущения представлены на рис. 2.2. В верхней его части по вертикальной оси отображаются коэффициенты рождаемости и смертности, а по горизонтальной — материальный доход в расчете на душу населения. Исходя

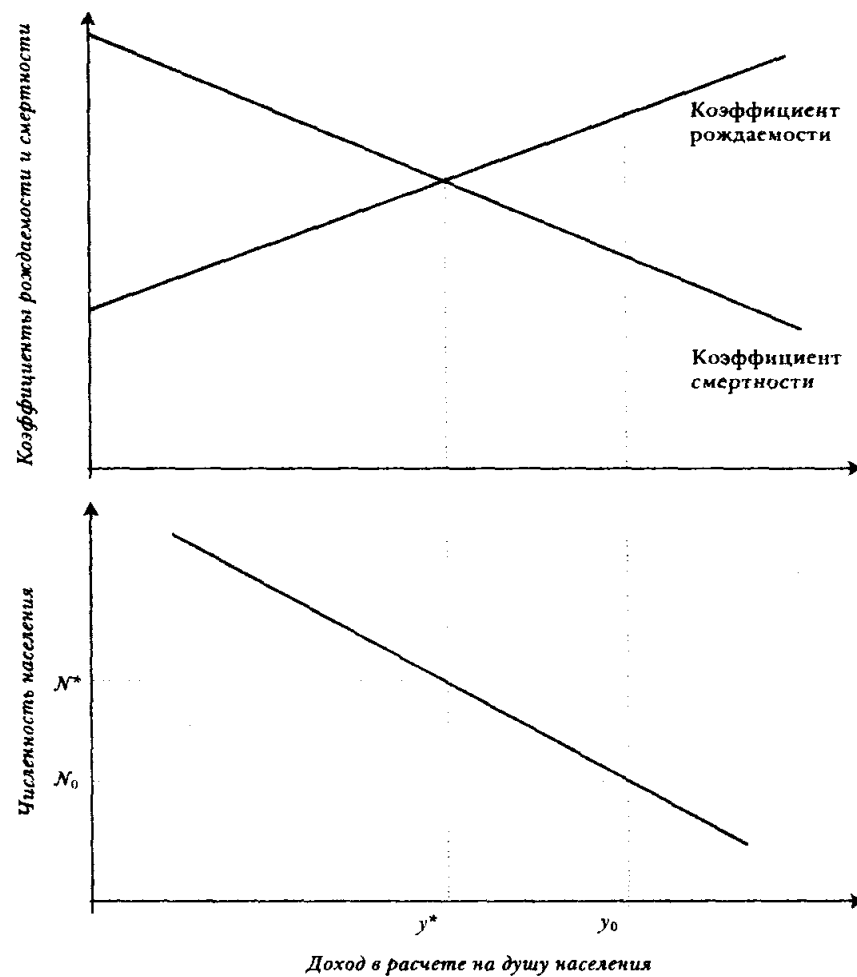

РИС. 2.2.
Мальтузианский режим

из первых двух мальтузианских допущений существует единственный уровень реальных доходов, при котором коэффициент рождаемости равен коэффициенту смертности, который мы обозначим как y^* . На этом уровне устанавливается устойчивое равное. Отметим, что y^* называется «уровнем дохода, равным прожиточному минимуму» в некоем обществе: получая соответствующий доход, население обеспечивает себе простое существование, в том смысле, что происходит простое его воспроизводство. Этот доход на уровне прожиточного минимума определяется независимо от технологии производства. Он зависит исключительно от факторов, благодаря которым устанавливаются коэффициенты рождаемости и смертности. Только они одни определяют уровень дохода, равный прожиточному минимуму.

Из анализа мальтузианской модели следует вывод о том, что в доиндустриальном мире высокие показатели рождаемости продуцировали высокие значения норм смертности и низкие показатели ожидаемой продолжительности жизни и доходов. С точки зрения общества доходы и ожидаемая продолжительность жизни могли увеличиться только в случае сокращения рождаемости при любом данном уровне дохода. Второй вывод заключается в том, что в отличие от современного мира в социальных группах с более высокими доходами имела место и более высокая чистая рождаемость. Таким образом, демографический переход должен был в большей степени отразиться на поведении богатых, чем бедных.

Нижняя панель рис. 2.2 является иллюстрацией третьего допущения. На ее вертикальной оси отображается обозначаемая как N численность населения, а на горизонтальной — материальный доход. Согласно рассматриваемому допущению по мере роста численности населения материальный доход в расчете на душу населения снижается. Кроме того, на рис. 2.2 мы видим, как в доиндустриальной экономике в долгосрочном периоде были достигнуты равновесные коэффициенты рождаемости и смертности, уровни численности населения и реального дохода. Предположим, что развитие начинается в произвольно выбранной на диаграмме точке N_0 , отображающей численность населения. Эта точка расположена ниже, чем точка N^* . В ней генерируется доход y_0 , превышающий уровень прожиточного минимума. При этом уровне дохода коэффициент рождаемости превышает коэффициент смертности и население увеличивается до тех пор, пока доход не упадет до y^* , а численность населения не достигнет уровня N^* .

Со времен выхода второго издания «Опыта о законе народонаселения» (*Essay on the Principle of Population*) Т. Мальтуса было принято считать, что в XVIII в. Северо-Запад Европы представлял собой сравнительно богатый регион. В нем сложилась уникальная доиндустриальная система ограничения рождаемости, вследствие чего экономический рост позволял несколько расширить рамки мальтузианских ограничений. Согласно самым ранним из имеющихся у нас исторических свидетельств нормы рождаемости на европейском Северо-Западе были значительно ниже, чем биологические возможности. Например, в Англии в 1650-х гг., когда рождаемость находилась на минимальном для доиндустриальной эпохи уров-

не, норма рождаемости составляла 27 на 1000 человек, что не достигает и половины от уровня биологического максимума. Таким образом, в среднем женщина дарила жизнь лишь 3,6 детям (Wrigley et al., 1997).

Ограниченная рождаемость на Северо-Западе Европы была продуктом уникальной доиндустриальной социальной традиции позднего выхода женщин замуж в сочетании со значительной долей женщин, так никогда и не вступивших в брак. Она получила известность как «европейский тип брачности» (Hajnal, 1965). По мнению самого Мальтуса, благосостояние Северо-Западной Европы основывалось на практике *предупредительных мер*, направленных на ограничение роста численности населения посредством брачного выбора. Также считалось, что ограниченная рождаемость в этом регионе отражала особенности в большей степени индивидуалистического, рационального общества, члены которого осознавали издержки рождаемости и предпринимали шаги по их ограничению. Таким образом, пережитому Европой в конечном итоге опыту промышленной революции предшествовало принятие за сотни лет до ее начала современного типа брачности и структуры семьи, основанной на индивидуальном выборе и сдержанности (Macfarlane, 1979, 1987).

Результаты последних исследований позволяют предположить, однако, что до 1800 г. в большинстве обществ практиковались не менее жесткие, чем в Северо-Западной Европе, ограничения на рождаемость, хотя и используя другие механизмы. Исключением из правила в доиндустриальный период был не столько регион Северо-Западной Европы, сколько Восточная Европа с ее очень высокой рождаемостью. Кроме того, исходя из полученных в процессе исследований данных напрашивается вывод о том, что действовавшие на Северо-Западе Европы ограничения на рождаемость были связаны не столько с рациональным индивидуальным расчетом, сколько с социальными обычаями и традициями.

Ограничение рождаемости в Европе

Европейский тип брачности как основной ограничитель рождаемости на Северо-Западе Европы до уровня, находившегося существенно ниже биологических возможностей, был весьма любопытным механизмом, поскольку мы

ТАБЛИЦА 2.1.

Количество рождений в расчете на одну женщину в год
(для замужних женщин) на Северо-Западе Европы до 1790 г.

Страна или группа	Возраст, лет					Всего рождений (20–44 года)
	20–24	25–29	30–34	35–39	40–44	
Гуттериты	0,55	0,50	0,45	0,41	0,22	10,6
Бельгия	0,48	0,45	0,38	0,32	0,20	9,1
Франция	0,48	0,45	0,40	0,32	0,16	9,1
Германия	0,45	0,43	0,37	0,30	0,16	8,6
Италия	0,43	0,41	0,38	0,31	0,16	8,5
Швейцария	0,45	0,38	0,34	0,22	0,16	7,8
Скандинавия	0,43	0,39	0,32	0,26	0,14	7,7
Англия	0,43	0,39	0,32	0,24	0,15	7,6

Источники: Clark, 2007a, p. 73, table 4.1; Livi Bacci, 2000, p. 110, table 5.3.

не располагаем достоверными свидетельствами о сознательном использовании в странах этого региона до 1800 г. тех или иных методов предупреждения беременности¹. Уровни рождаемости в браке были всегда высокими. Например, в табл. 2.1 представлены уровни рождаемости в браке в различных странах европейского Северо-Запада до 1790 г., по сравнению с гуттеритским стандартом. Гуттериты — одно из направлений анабаптизма, зародившееся в Германии. Сегодня большая часть его адептов проживает в Канаде. Приверженцы этого религиозного движения отличаются хорошим здоровьем, но относительно рано вступают в брак, в котором не устанавливается никаких ограничений на рождаемость. Тем самым гуттериты могут рассматриваться как пример возможностей неограниченной рождаемости.

Мы видим, что европейские нормы рождаемости в браке были ниже, чем в гуттеритских семьях, но между странами имели место значительные различия. Отклонения от гуттеритского уровня были вызваны главным образом различиями в здоровье и питании, а также в социальных практиках (таких как возраст прекращения грудного вскармливания). Какие-либо признаки индивидуального планирования в сфере рождаемости практически отсутствовали.

1. Во Франции признаки широкого распространения практики ограничения численности семьи появляются в самом конце XVIII столетия. Известно лишь несколько примеров контроля над рождаемостью в начале XVIII в. в элитах ряда европейских стран, в частности среди женевской буржуазии (Henry, 1956).

В какой-то степени об отсутствии осознанных практик предохранения от беременности свидетельствует недостаток матриц рождаемости, которые могли бы быть обнаружены в случае сознательного контроля над фертильностью. В последнем случае замужние женщины в возрасте, скорее всего, уже «выполнившие норму» рождения детей, направили бы усилия на то, чтобы избежать дальнейших рождений. В этом случае в отсутствие противодействующих факторов показатели рождаемости для замужних женщин в европейских странах должны были бы быть существенно ниже, чем гуттеритский стандарт для женщин старшего возраста. Напротив, согласно данным, представленным в табл. 2.1, относительные показатели рождаемости в Европе в начале Нового времени сравнимы с соответствующими коэффициентами гуттеритов независимо от возраста.

2. К сожалению, в случае и первого, и второго теста, возникает проблема различия целей людей относительно размеров семьи. Те, кто хотел больше детей, могли заключать браки в более раннем возрасте, демонстрируя более высокие уровни рождаемости и в старших возрастах.

Аналогично, если бы европейские семьи заранее планировали рождаемость, то женщины, имевшие к некоему данному возрасту большое количество детей, впоследствии демонстрировали бы более низкую фертильность². Или, в случае если в семье была установлена цель относительно количества детей, то смерть одного из них в раннем возрасте повышала вероятность рождения в последующие годы, поскольку родители стремились бы к осуществлению своих намерений. Такие целевые установки не были распространены среди европейских брачных пар, за исключением Франции, до 1800 г.

Итак, несмотря на очевидное отсутствие практик контрацепции, европейский тип брачности способствовал низким коэффициентам рождаемости в странах, расположенных на Северо-Западе Европы. Они находились на уровне 30–40 рождений на 1000 человек населения. Этот тип брачности характеризовался следующими чертами:

1. Поздний средний возраст вступления женщин в первый брак (обычно в возрасте 24–26 лет).
2. Высокая рождаемость в браке.
3. Многие женщины (обычно 10–25%) никогда не вступали в брак.
4. Низкие показатели незаконнорожденных детей (обычно 3–4% от общего количества родившихся).

Рассматриваемый нами тип брачности «ответственен» за то, что реальные коэффициенты рождаемости составляли не более половины от потенциально возможных показате-

ТАБЛИЦА 2.2.
Совокупные показатели рождаемости в 1790–1870 гг.

Страна или группа стран	Средний возраст первого вступления в брак	Количество рождений в расчете на замужнюю женщину	Коэффициент суммарной рождаемости (КСР, TFR)	КСР 1870 г.
Бельгия	24,9	6,8	6,2	—
Франция	25,3	6,5	5,8	2,8
Германия	26,6	5,6	5,1	5,3
Англия	25,2	5,4	4,9	4,9
Нидерланды	26,5	5,4	4,9	5,2
Скандинавия	26,1	5,1	4,5	4,6

Источники: Clark, 2007a, p. 76, table 4.2; Livi Bacci, 2000, p. 136.

телей. Практически одна треть детородного периода средней женщины приходилась на время до брака. Количество рождений уменьшалось еще на 10–25% благодаря женщинам, которые никогда не выходили замуж. Таким образом, в силу типа брачности рождаемость сокращалась на 30–50%.

В табл. 2.2 представлены данные, иллюстрирующие, что благодаря европейскому типу брачности в странах, расположенных на Северо-Западе Европы, суммарные коэффициенты рождаемости находились на уровне значительно более низком, чем биологические возможности. Интересно, что согласно данным последней колонки табл. 2.2 к 1870 г., за исключением Франции, эти суммарные коэффициенты рождаемости остались в основном неизменными (хотя после начала промышленной революции прошло уже значительное время).

Впрочем, рассматриваемые нами ограничения на рождаемость отнюдь не являются уникальными. В обществах, основанных на присваивающем хозяйстве, действуют не менее строгие ограничения на рождаемость, однако они основаны на другом механизме — увеличении продолжительности периода между рожденьями детей. Данные, полученные в недавних исследованиях, позволяют предположить, что в XVIII в. в равной степени строгие ограничения на рождаемость имели место в Японии и Китае, несмотря на принятый в них более ранний и универсальный брак. В Восточной Азии в качестве инструментов снижения рождаемости использовались более длительные пе-

ТАБЛИЦА 2.3.
Совокупные показатели рождаемости в различных
доиндустриальных обществах

Страна или группа стран	Средний возраст вступления в первый брак	Доля никогда не вступавших в брак (%)	Суммарный коэффициент рождаемости
Европейский Северо-Запад	26	12	5,0
Россия	16	1	7,3
Китай	19	1	5,0
Япония	19	1	5,2
Присваиваемые общества	17	1	4,6

Источники: Clark, 2007a, pp. 71–90; Mironov and Eklof, 2000, pp. 57, 67, 73.

риод между рожденьями детей и детоубийство (Lee and Campbell, 1997; Skinner, 1997; Smith et al., 1977).

Согласно знаменитому наблюдению Дж. Хаджнала европейский тип брачности обнаруживается только в Европе к западу от гипотетической линии, проведенной от Петербурга до Триеста. К востоку от нее до 1800 г. брак носил универсальный характер и заключался довольно рано. Какие-либо ограничения на рождение детей в браке отсутствовали. Поэтому здесь наблюдались очень высокие, близкие к биологическому максимуму коэффициенты рождаемости. Данные, приведенные в табл. 2.3, демонстрируют, что в отличие от Северо-Запада на Востоке Европы имел место необычно высокий для доиндустриальных обществ уровень рождаемости.

По-видимому, снижение рождаемости после 1870 г. было обусловлено воздействиями двух движущих сил. Первой из них был последовавший после промышленной революции рост доходов, второй — общее увеличение инвестиций в человеческий капитал, ассоциировавшийся с детьми, вызванное стремлением к «качеству» в противоположность «количеству». В то же время фактические данные, относящиеся к периоду до 1800 г., свидетельствуют о том, что наибольшее количество детей выживало в семьях с наиболее высокими доходами, вкладывавших значительные средства в формирование человеческого капитала детей.

Наглядным примером тому является доиндустриальная Англия. Изучение архивных завещаний позволяет выявить как количество выживших детей, так и объем акти-

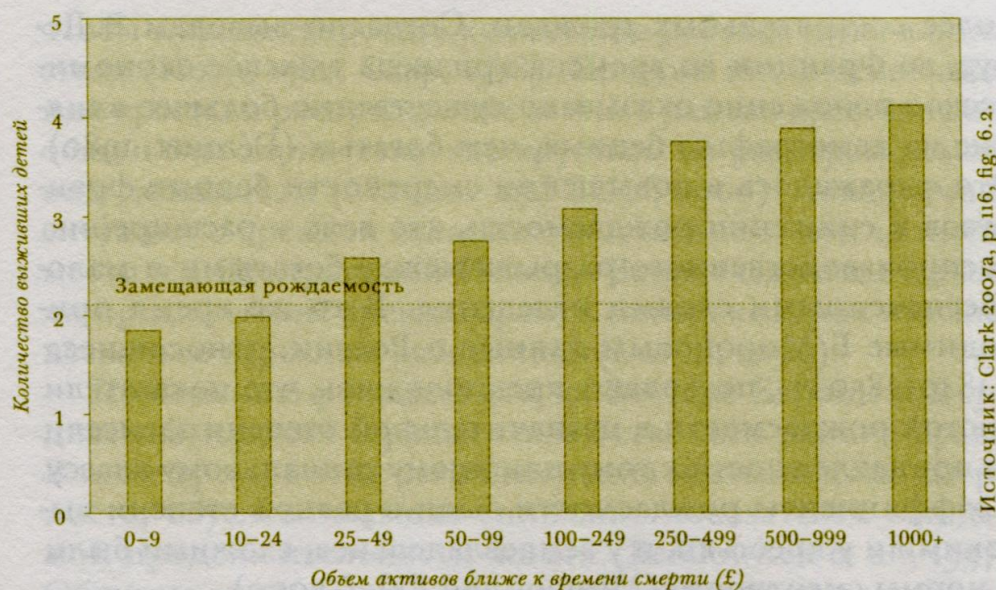

РИС. 2.3.
Богатство семей и выживание детей в Англии
(1585–1640 гг.)

вов, которыми владел индивид ближе к времени своей смерти. На рис. 2.3 на основе данных, полученных благодаря анализу завещаний, составленных в начале XVII в., отображается количество выживших детей в расчете на мужчину, принадлежащего по размерам своего состояния к одной из восьми категорий. На рисунке прослеживается тесная связь между объемом активов индивида и количеством выживших детей. Мужчины, которые завещали наследникам менее £ 25, в среднем имели менее двоих детей. Человек, располагавший £ 1000 и более, завещал их в среднем более чем четырем детям. Поскольку более богатый человек с большей вероятностью был грамотным, мы можем сделать вывод о позитивной связи чистой рождаемости и грамотности. Вероятно, что те, кто вкладывал большие средства в формирование человеческого капитала своего потомства, имел и больше выживших детей. Интересно, что согласно имеющимся свидетельствам этот эффект начинал проявляться главным образом в случаях более высоких коэффициентов брачной рождаемости среди богатых (Clark and Hamilton, 2006, p. 730).

Данные о рождаемости в сельских районах Швеции в середине XIX в. и во Франции в XVIII столетии позволяют высказать предположение о существовании схожей матрицы более высоких показателей воспроизводства для

более состоятельных граждан. Согласно выводам Б. Деруэ, во Франции во времена кризисов тяжелое экономическое положение оказывало существенно большее влияние на демографию бедных, чем богатых (Dérouet, 1980). Это выражалось в повышении смертности бедных французов и снижении рождаемости, что вело к расширению воспроизводственного разрыва между богатыми и малообеспеченными слоями населения. В то же время приводимые Б. Мироновым данные о России, относящиеся к 1840–1850 гг., позволяют предположить, что показатели чистой рождаемости в незначительной степени зависели от принадлежности к тому или иному социальному классу. Коэффициенты рождаемости были в равной степени высокими и у крестьян, и у землевладельцев; схожими были и нормы смертности (Mironov and Eklof, 2000).

Мы приходим к выводу, что, по крайней мере в областях доминирования европейского типа брачности, имела место положительная связь между чистой рождаемостью, доходом и образованием. Однако после 1870 г. в результате неких изменений между этими факторами возникла отрицательная корреляция.

Мальтузианское равновесие на Востоке Европы и в европейском Средиземноморье

Демографический режим на Северо-Западе Европы весьма значительно отличался от режимов, установившихся на Востоке и Юге континента. В первом случае в качестве основы брака рассматривалось формирование семейными парами экономически независимых домашних хозяйств (Laslett, 1977). Напротив, на Востоке Европы и в европейском Средиземноморье домашние хозяйства отличались крупными размерами и сложным устройством (Laslett and Wall, 1974; Wall et al., 1982). Утверждалось, что эти различия в структуре семьи и обуславливают более высокую рождаемость в южных и восточных регионах континента. Многие исследователи объясняют формирование сложно устроенных домохозяйств тем, что сложившаяся система землепользования благоприятствовала большим по размерам семьям. Русских землевладельцев обвиняют в том, что они поощряли ранние браки своих крепостных крестьян,

чтобы максимизировать количество рабочей силы в поместьях (Hoch, 1982; Czar, 1978). Но даже после освобождения крестьян распределение земли в рамках крестьянских общин благоприятствовало крупным по размерам домашним хозяйствам (Mironov and Eklof, 2000). Аналогичная ситуация с арендой сельскохозяйственных земель имела место и в Центральной Италии. Землевладельцы отдавали предпочтение арендаторам, в семьях которых имелось несколько взрослых работников (Doveri, 2000).

Повышению рождаемости на Востоке Европы и в средиземноморских странах способствовали ранние браки. В то же время в этих регионах имела место высокая смертность, обуславливавшая снижение показателей ожидаемой продолжительности жизни (Berelowitch et al., 1997). Общины этнических русских страдали от высокой младенческой смертности, даже если мы сравним ее с аналогичными показателями живших по соседству еврейских или казахских семей (Ransel, 2000). Наблюдатели объясняют это явление ранним отнятием детей от груди, плохими санитарными условиями, а также предрассудком, согласно которому пережитые в детстве трудности «закаляют» взрослых (Ransel, 2000; Mironov and Eklof, 2000).

Эффективность мальтузианского регулирования

Т. Мальтус описывал мир, в котором численность населения приводится в соответствие с ресурсами посредством ограничения ее роста и возвращения реальной заработной платы к прожиточному минимуму. Насколько сильными являются эти механизмы регулирования? Имеем ли мы основания рассматривать доиндустриальную Европу как самостоятельно приходящую в равновесие (гомеостатическую) систему?

Рональд Ли приходит к выводу, что европейское население было «слабо гомеостатическим». Но как подчеркивает исследователь:

Существенно важно отдавать себе отчет в том, что до тех пор, пока существует некий признак зависимости от плотности, независимо от того, насколько слабым он является, это напряжение в силу его систематического характера будет оказывать влияние на динамику человеческой популяции если не в кратко-, то в долгосрочном периоде (Lee, 1987, 452).

Самым сильным гомеостатическим механизмом было снижение реальной заработной платы по мере роста численности населения. Для Европы в целом значение эластичности заработной платы применительно к размерам населения составляло примерно $-1,6$. Это означает, что увеличение численности населения на 10% приводило к сокращению реальной заработной платы на 16%. Перед нами мальтузианская ловушка в действии.

Популяционный отклик на изменения величины реальной заработной платы, позитивные и профилактические меры, был значительно более слабым. Ли и другие исследователи обнаружили, что резкие изменения реальных доходов вели к сильной краткосрочной реакции с точки зрения смертности и рождаемости (Bengtsson and Reher, 1998; Galloway, 1988; Lee, 1981). Следствием высоких цен на продукты питания в случаях неурожаев становились повышение коэффициентов смертности и сокращение уровня рождаемости. Однако через пять лет чистые эффекты этих изменений ослабевали. По оценкам Р. Ли и М. Андерсона, для того чтобы восстановить хотя бы наполовину численность населения после вызванной, например, эпидемией резкой его убыли, Англии требовалось 107 лет (Lee and Anderson, 2002). Столь медленные процессы регулирования обусловили то обстоятельство, что заработная плата находилась на уровне близком к прожиточному минимуму в течение столетий. В то же время они никак не могли воспрепятствовать значительным изменениям заработной платы в середине жизни поколений. Значительные колебания численности населения и реальной заработной платы в Европе в XII–XIX столетиях были вызваны главным образом внешними шоковыми воздействиями, такими как эпидемии чумы, приходившие из Азии в период 1240–1720 гг.

Это позволяет предположить, что положительные мальтузианские воздействия («естественные меры») едва ли сдержали бы рост численности населения в случае значительного снижения уровня средней смертности, что произошло в Европе после 1800 г. В результате Европа вступила в беспрецедентный период роста населения.

МАЛЬТУЗИАНСКИЙ РЕЖИМ В СОСТОЯНИИ
НЕРАВНОВЕСИЯ (1750–1870 ГГ.)

По замечанию некоторых наблюдателей, Мальтус опубликовал свое описание демографической системы доиндустриальной Европы как раз тогда, когда она прекратила свое существование. В 1720 г. после победы над чумой, а затем и над оспой (посредством вакцинации) показатели смертности начали снижаться. В XIX в. имели место и другие эпидемии (например, холеры или новая вспышка оспы в 1871 г.), но ни одна из них не была настолько сильной, чтобы показатели смертности вернулись к прежним уровням. Вследствие этого происходил быстрый рост численности населения во всех европейских странах.

Согласно данным, приведенным в табл. 2.4, численность населения увеличивалась по всей Европе. Годовые темпы роста численности варьировались от 0,4% до 1,3%, за исключением Франции и Ирландии. В течение XIX в. численность европейцев увеличилась более чем в два раза (в XVI столетии она возросла на 32%, в XVII в. — на 13%, в XVIII в. — на 56%) (Livi Bacci, 2000).

Происходивший в рассматриваемый нами период рост населения не оказал отрицательного воздействия на уровень жизни населения, как это было в прошлом, в 1200–1315 гг., 1500–1650 гг. и в XVIII столетии. В XIX в. предложение продуктов питания опережало рост численности населения. Сельскохозяйственная революция помогала справляться с увеличением населения еще до переполнения рынков дешевым зерном из Северной Америки в конце века. Это отнюдь не означает, что в Европе настал конец кризисам в производстве продуктов питания, которые влекли за собой демографические последствия. Достаточно вспомнить лишь «картофельный голод» 1846 г. Но рост доходов привел к разрыву взаимосвязи между урожаями сельскохозяйственной продукции и смертностью.

Удивительно, но этот общий рост населения происходил в условиях функционирования различных демографических режимов на Северо-Западе, Востоке Европы и в европейском Средиземноморье. Обратившись к рис. 2.4, мы видим, что рост населения в лучшем случае слабо связан с уровнем экономического развития. Имеет место не более чем незначительная ассоциация между среднедушевым ВВП в 1850 г. и коэффициентом естест-

ТАБЛИЦА 2.4.

Темпы роста населения и коэффициенты его естественного прироста в ряде европейских стран в 1750–1900 гг.

Страны	Темпы роста населения (человек в расчете на 1000 человек населения в год)			Коэффициент естественного прироста в 1850–1900 гг.
	1750–1800	1800–1850	1850–1900	
Англия	7,9	13,2	12,1	12,8
Норвегия	6,4	9,4	9,3	13,9
Финляндия		8,9	9,4	10,1
Россия		8,6	12,1	
Дания		8,6	10,5	12,2
Румыния		8,1	9,3	
Швеция	5,6	7,9	7,8	11,5
Европа	5,8	7,8	7,6	
Нидерланды	2,0	7,8	10,0	13,0
Бельгия		7,6	8,5	9,0
Греция		7,4	11,1	7,5
Германия	7,3	7,4	9,3	11,3
Испания	4,2	6,7	4,6	6,0
Сербия		6,6	13,8	
Швейцария		6,3	6,5	7,2
Австро-Венгрия		6,1	7,4	8,1
Италия	2,9	6,0	6,3	8,9
Ирландия	10,1	4,4	-7,7	6,9
Франция	3,5	4,3	2,2	2,0
Болгария		4,1	6,5	
Португалия		4,1	7,1	9,6

Источники: Livi Bacci, 2000, table 1.1; Sundbärg, 1968, table 11; Rothenbacher, 2002, CD-ROM, table 8

венного прироста населения (коэффициент рождаемости минус коэффициент смертности) в 1850–1900 гг. Наиболее быстрый рост наблюдался в Англии, которая в то время была ведущей, с точки зрения промышленного производства, державой мира. Однако Бельгия, еще одна прошедшая стадию индустриализации страна, росла гораздо более медленными темпами, чем сельские Скандинавия и Восточная Европа. Франция имела средние показатели ВВП в расчете на душу населения, но население страны увеличивалось гораздо медленнее, чем в остальной Европе.

ГЛАВА 2. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПЕРЕХОД

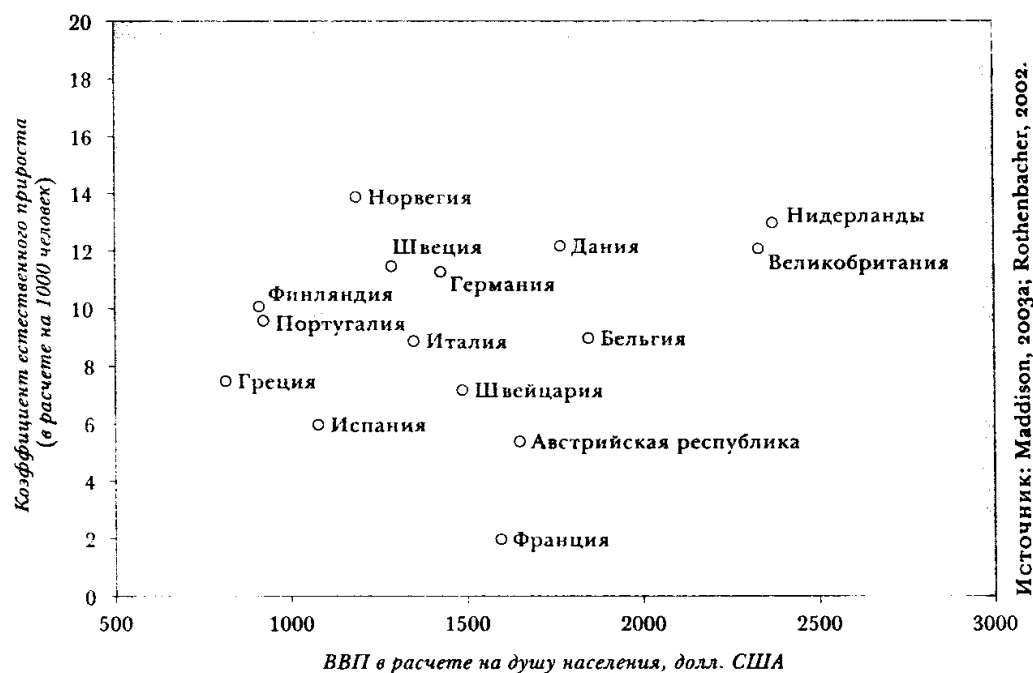

РИС. 2.4.
Коэффициенты естественного прироста населения
в 1850–1990 гг. и показатели подушевого ВВП в 1850 г.

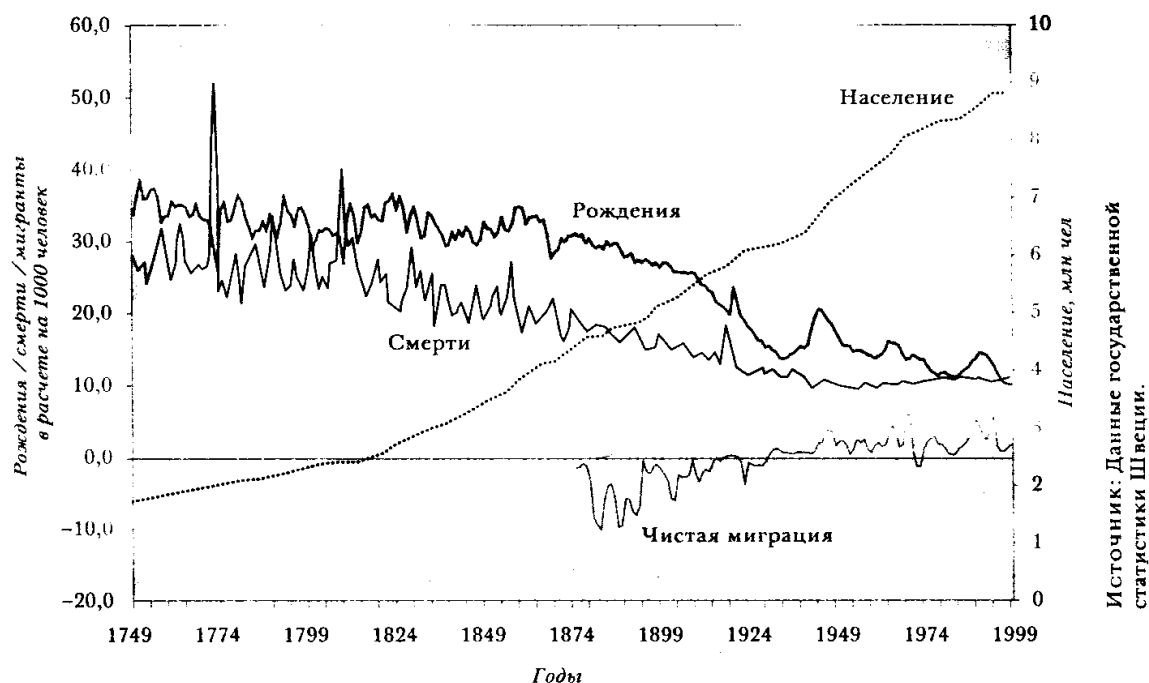

РИС. 2.5.
Демографические коэффициенты
и численность населения Швеции в 1749–1999 гг.

В XIX в. рост населения на Северо-Западе Европы происходил в соответствии с классической траекторией, известной как демографический переход. На рис. 2.5 приводится вид этой траектории для Швеции. Общий коэффициент смертности (количество смертей в расчете на 1000 человек) начал снижаться в этой стране еще в середине XVIII в. В то же время общий коэффициент рождаемости (количество рождений в расчете на 1000 человек) оставался в основном постоянным до начала 1870-х гг. По мере расширения разрыва между коэффициентами рождаемости и смертности численность населения Швеции возрастала ускоренными темпами. В конце XX в. снижение коэффициентов рождаемости привело к исчезновению разрыва между рожденьями и смертями и рост населения прекратился. Таким образом, основной причиной роста в XIX в. численности населения в Швеции и в большинстве стран Северо-Западной Европы было снижение коэффициентов смертности.

Иначе объясняется рост населения в Российской империи и на Востоке Европы. Здесь смертность, особенно младенческая, оставалась на очень высоком уровне. Согласно оценке А. Блюма и И. Троицкой (1996), в середине XIX столетия в Московской губернии ожидаемая продолжительность жизни при рождении составляла около 24 лет, в то время как в Западной Европе — около 40 лет. Коэффициенты рождаемости на Востоке Европы были гораздо выше, чем на Западе. Широкое распространение ранних браков было одной из причин того, что общий коэффициент рождаемости в России достигал 50 на 1000 человек населения (Mironov and Eklof, 2000).

Уникальная ситуация сложилась во Франции. В этой стране уже в конце XVIII в. широко распространился контроль над рождаемостью, обусловивший снижение соответствующих коэффициентов раньше, чем в других европейских странах. Поскольку снижение рождаемости происходило одновременно со снижением смертности темпы роста населения Франции находились на низком уровне. Если в XIX столетии население Европы увеличилось более чем вдвое, то во Франции оно выросло на 65%, с 29 млн до 41 млн человек. В то же самое время население Англии и Уэльса возросло с 9 млн до свыше 30 млн человек, а Германии — с 25 млн до 56 млн человек.

Три различные демографические модели наглядно представлены на рис. 2.6 (оценки общих коэффициентов

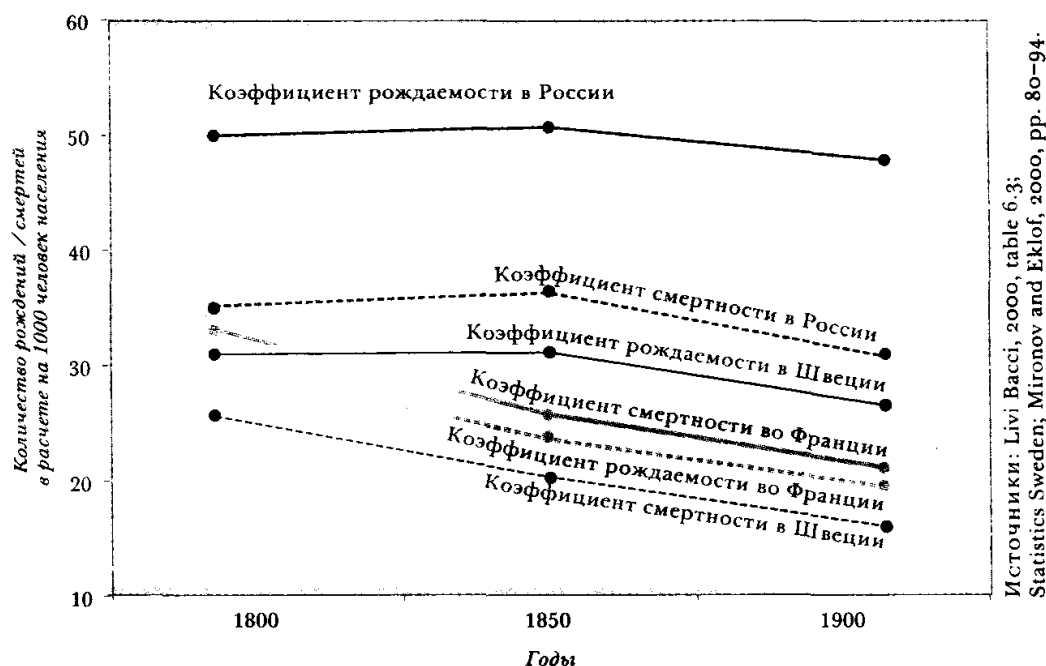

РИС. 2.6.

Общие коэффициенты рождаемости и смертности в Швеции, России и Франции в 1800 г., 1850 г. и 1900 г.

рождаемости и смертности в Швеции, России и Франции в 1800 г., 1850 г. и 1900 г.). Как мы уже видели, в Швеции коэффициенты смертности постепенно снижались уже к 1800 г., но падение коэффициентов рождаемости началось лишь после 1870-х гг. В России имели место гораздо более высокие коэффициенты рождаемости и смертности, чем в Швеции и во Франции, однако к 1900 г. и тот и другой начали снижаться.

Какие причины обусловили снижение смертности?

В своей получившей большую известность статье и в опубликованной впоследствии книге Томас Маккеон обосновал положение, согласно которому основной причиной падения смертности в 1800–1870 гг. было улучшение питания европейцев благодаря росту доходов (McKeown, 1976; McKeown and Record, 1962). Однако последующие исследования поставили под сомнение вывод Маккеона. В настоящее время на смену тезису о прямом воздействии повыше-

ния доходов на улучшение питания пришло положение о косвенных взаимосвязях между экономическим развитием и смертностью. К важнейшим из них относятся расширение и углубление научных знаний, повышение эффективности государства и растущая интеграция товарных и информационных рынков.

Приводимое Маккеоном обоснование важнейшей роли питания базируется, прежде всего, на критике других объяснений причин снижения показателей смертности. В трудах исследователя приводится слишком мало прямых свидетельств связи питания или уровня жизни с более низкой смертностью. В частности он утверждал, что снижение показателей заболеваемости болезнями, передающимися воздушным путем, особенно туберкулезом, не может объясняться никакими другими причинами, кроме повышения иммунитета, обусловленного изменением в лучшую сторону рациона питания. Придерживающийся иной точки зрения Ливи Баччи указывал на результаты исследования, позволяющие предположить, что недостаточное питание ведет лишь к повышению смертности (Livi Bacci, 1991, 2000). Поскольку данное явление довольно необычно (за исключением возникновения голода), Ливи Баччи утверждает, что улучшение диеты оказывало лишь незначительное воздействие на долгосрочные тенденции смертности.

Медицинские знания

Большинство исследователей, высказывающих те или иные точки зрения о причинах снижения смертности, недооценивают роль медицины как науки. Предполагается, что до появления микробной теории инфекционных заболеваний врачи были лишены возможности эффективно излечивать или предупреждать заболевания. Однако Джеймс Райли придерживается противоположной точки зрения. Он убежден в том, что даже распространенные в XIX в. ошибочные медицинские идеи («теория грязных рук») способствовали борьбе с различными болезнями, поскольку они привлекали внимание к факторам внешней среды, таким как воздух, вода и почва (Riley 1986a, 2001). Поскольку вызывавшие всеобщий страх «миазмы» ассоциировались с гниением, европейцы не жалели сил для осушения болот, следили за уборкой и вывозом мусора и старались держаться подальше от кладбищ,

скотобоен и свалок. По мнению Райли, это движение сыграло важнейшую роль, прежде всего, в борьбе с малярией.

Практика вакцинации, направленная на предупреждение заболевания оспой, позволила победить еще одно тяжелое эпидемическое заболевание. В XVIII в. периодичность оспы в сельских районах составляла приблизительно 7 лет, а в городах эта болезнь носила эндемический характер. В XIX в. кампании по вакцинации населения привели к резкому сокращению случаев заболевания оспой.

В некоторых регионах важное воздействие оказали новые идеи в сфере ухода за детьми. Особенно высокой была младенческая смертность в таких областях, как Бавария, где практиковалось раннее отнятие ребенка от груди. Но грудные дети не способны переваривать никакое другое молоко, кроме женского. К тому же в нем содержатся вещества, обеспечивающие иммунную защиту организма новорожденного. Однако в некоторых местах матери традиционно сцеживали молозиво, вырабатываемое в организме в течение первых нескольких дней после родов, особенно богатое питательными веществами и антителами. К XVIII в. медики пришли к положительному заключению о необходимости кормления детей грудью. В середине XVIII столетия в Швеции началось обучение и лицензирование акушерок, в обязанности которых была вменена пропаганда грудного вскармливания, и младенческая смертность пошла на убыль (Brändström, 1997). Олоф Гардарсдоттир описывает, как молодому врачу удалось добиться сокращения наполовину младенческой смертности на острове Вестманнаэйяр, обучая матерей удалению остатков пуповины (Garðarsdóttir, 2002).

Меры в области общественного здравоохранения

На начальной стадии существования общественное движение, направленное на охрану здоровья людей, было многим обязано теориям обусловленности болезней различными загрязнениями. Еще до появления и принятия «микробной концепции» распространение этих теорий способствовало повышению заинтересованности в чистой воде, строительстве закрытых канализационных систем и улучшении вентиляции. Приверженцы «теории грязных рук», такие как Э. Чедвик в Англии, пропагандировали необходимость сбора и вывоза мусора, создания систем

водоснабжения и канализации, освещения и обеспечения притока свежего воздуха в быстро растущих городских трущобах. Несмотря на то что они во многих случаях критически воспринимали микробную теорию возникновения заболеваний, сторонники концепции загрязнений как источника болезней активно участвовали в продвижении крупных инфраструктурных проектов, которые в конечном итоге положили конец «проклятию городов».

По мнению Саймона Зретера, предпринимавшиеся в области социальной гигиены меры были гораздо более эффективными, чем это следует из предложенных Маккеоном оценок. Зретер (Szreter, 1988) по новому интерпретирует приведенные Маккеоном свидетельства и показывает, что передававшиеся через воду инфекции играли значительно более важную роль в формировании тенденций смертности (Szreter, 1988). Наиболее заметное снижение показателей смертности произошло в последней четверти XIX в., когда при создании городской инфраструктуры начали учитываться выводы теории микробного распространения болезней. Например, Гамбург, городское управление которого длительное время противилось осуществлению мер, основанных на микробной теории, пережил в 1892 г. опустошительную эпидемию холеры, в то время как соседний городок Альтона, в котором функционировала эффективная система очистки воды, пострадал гораздо меньше (Evans, 2005).

Многие из решений в этой области, успешно прошедшие практическую проверку на Западе, впоследствии были использованы и на Востоке Европы. Так, Миронов описывает процессы расширения сферы предоставлявшихся в России медицинских услуг и увеличения количества организаций, деятельность которых была направлена на сокращение младенческой смертности (Mironov and Eklof, 2000).

Эпидемический контроль

В XIII–XVIII вв. важнейшие циклы роста и спада численности населения в Европе находились под очень сильным влиянием эпидемий, особенно бубонной чумы. После того как эпидемия заканчивалась, чума, как правило, исчезала, но вновь возвращалась вместе с купцами и их товарами из Азии, где она носила эндемический для популяций животных характер.

Исследователи предлагали различные объяснения причин исчезновений чумы, выделяя в качестве основных факторов мутации вируса конкуренцию между различными видами крыс и использование новых строительных материалов. Современные авторы подчеркивают важность повышения эффективности государственного вмешательства и коммуникаций (Bourdelaïs, 2006; Livi Bacci, 2000). К 1720 г., когда в Марселе началась последняя эпидемия чумы, французское правительство продемонстрировало способность установить более эффективные санитарные кордоны на суше и принудить судовладельцев к более строгому соблюдению карантина.

Усовершенствования в области транспорта

Во многих случаях своеобразными спусковыми крючками эпидемических вспышек в доиндустриальной Европе становились такие события, как война или голод. В трудные времена «рядом» с беженцами всегда «шли» различные инфекционные болезни. Например, за поражением Бонапарта в битве при Ватерлоо последовала эпидемия тифа. Усовершенствования в области транспорта привели к сокращению потоков беженцев в силу создания более широкого рынка продовольственных товаров в меньшей степени подверженного локальным неурожаям зерновых культур.

Брак

История брачности в Европе XIX в. во многих отношениях сродни повествованию о собаке, которая так и не подала голос. Несмотря на разительные изменения в экономических условиях и динамике смертности, традиции брачности в европейских странах оставались одними и теми же. «Превентивные меры» в форме позднего вступления в брак и постоянного безбрачия не позволяли избавиться от растущего разрыва между рожденьями и смертями. Новые промышленные рабочие, количество которых непрерывно увеличивалось, несмотря на избавление от родительского контроля, отнюдь не стремились к вступлению в брак в более раннем возрасте, как того опасались многие современники. К тому же сохранялись различия в типах брачности между Востоком и Западом Европы.

ТАБЛИЦА 2.5.
Доля людей, состоявших в браке (I_m),
в ряде европейских стран в 1850–1900 гг.

	1850	1860	1870	1880	1890	1900
Сербия						0,804
Румыния						0,735
Европейская Россия			0,609			0,684
Венгрия				0,688	0,712	0,676
Греция						0,637
Польша						0,634
Испания					0,591	0,573
Франция	0,533	0,539	0,542	0,550	0,555	0,557
Италия		0,551	0,558	0,533	0,530	0,527
Германия			0,462	0,498	0,493	0,505
Финляндия				0,496	0,490	0,487
Дания	0,440	0,474	0,455	0,462	0,475	0,480
Англия и Уэльс	0,482	0,499	0,504	0,496	0,471	0,468
Португалия		0,441		0,459	0,462	0,466
Бельгия				0,427	0,425	0,464
Люксембург						0,461
Австрия					0,458	0,457
Нидерланды		0,407	0,440	0,468	0,449	0,454
Швейцария		0,375	0,411	0,444	0,428	0,438
Норвегия				0,410	0,424	0,425
Швеция				0,419		0,422
Шотландия		0,399	0,399	0,400	0,380	0,384
Исландия	0,357	0,385	0,357	0,294	0,332	0,383
Ирландия			0,399	0,364	0,330	0,316

Источник: Coale and Watkins, 1986.

В табл. 2.5 представлены значения доли людей, состоявших в браке (I_m), отображающие воздействия брака на рождаемость, рассчитанные в рамках осуществления Европейского проекта по изучению рождаемости (Coale and Watkins, 1986). Приведенные в таблице оценки ранжированы в убывающем порядке, в зависимости от их значений на 1900 г. Полученные результаты воспроизводят предложенные Дж. Хаджналом обобщения относительно Востока и Запада Европы. Наибольшие значения I_m наблюдались на Востоке Европы, а самые низкие — на Северо-Западе. Между этими двумя полюсами находились страны евро-

пейского Средиземноморья. В наибольшей степени выделяются из общего ряда, представленного в табл. 2.5, две страны — Франция и Ирландия. Изучая табл. 2.4, мы видели, что в этих странах наблюдались и необычно низкие коэффициенты роста населения. Однако сейчас мы обнаруживаем, что отличия Франции и Ирландии от остальных государств были обусловлены различными причинами. Франция находится между Испанией и Италией. При этом доля замужних женщин в ней была выше, чем в любой из стран Северо-Запада Европы. В 1900 г. последнее в Европе место по доле состоявших в браке людей занимала Ирландия. Невысокие темпы роста населения Франции определялись очень низкими показателями рождаемости в браке, обусловленными ранним введением контроля над рождаемостью. В Ирландии брачная рождаемость оставалась высокой, но сами браки заключались очень поздно. К тому же широкое распространение в этой стране получило постоянное безбрачие.

На Востоке Европы браки по-прежнему заключались гораздо раньше, чем на Западе. В то же время начинают появляться первые признаки движения к более позднему вступлению в супружеские союзы. Ранние браки заключались в областях, в которых в расчете на душу населения приходились большие по площади земельные участки, а более поздние — в индустриальных регионах (Berelowitch et al., 1997).

Миграция

Происходивший в XIX в. быстрый рост населения открывал Европе дорогу напрямик в мрачное мальтузианское будущее. Его наступлению помешали повышение продуктивности сельскохозяйственного производства и эмиграция в Новый Свет, способствовавшая ослаблению давления большой численности населения. В 1815 г. численность населения Европы достигла 223 млн человек. К 1913 г. количество эмигрировавших в Новый Свет европейцев составило 40 млн человек. В процессе эмиграции в Америку мы можем выделить две основные фазы. До 1880 г. большую часть эмигрантов составляли выходцы с Северо-Запада Европы, прежде всего, из Англии и Германии. После 1880 г. начала нарастать волна «новой миграции» из Скандинавии, Италии и с Востока Европы, сначала дополнявшая,

но вскоре превзошедшая «старую миграцию» (Poussou, 1997). К 1900 г. количество эмигрантов в США (основной пункт назначения для большинства европейцев) достигло более 1 млн человек в год. По мере снижения затрат на пересечение Атлантики все большая доля мигрантов отправлялась в Новый Свет, скорее, на заработки, чем выбирала его в качестве постоянного места жительства (Moch, 1992). Если мы обратимся к данным об эмиграции из отдельных стран, то увидим, что в некоторых случаях более половины из отправившихся в Америку людей впоследствии возвратились в Европу. В то же время в Новом Свете навсегда остались подавляющее большинство эмигрантов из числа ирландцев и евреев из стран Восточной Европы (Willcox, 1929, pp. 206–207).

Что касается внутренней европейской миграции, то по мере роста доходов значительно увеличилось количество переезжавших в города сельских жителей. В 1815–1913 гг. численность сельского населения возросла со 197 млн до 319 млн человек, а городского — с 26 млн до 162 млн человек (Baigoch, 1997).

Для XIX в. миграция отнюдь не была чем-то новым, не виданным ранее. В начале Нового времени европейские города непосредственно зависели от миграции, так как в большинстве урбанизированных областей уровень смертности превосходил уровень рождаемости до конца XIX века. Большая часть миграционных потоков была связана с переездами сельских жителей на относительно короткие расстояния в близлежащие города. Данная традиция сохранялась на протяжении всего XIX в., а также в последующий период. Однако одновременный рост численности населения и промышленная революция обусловили резкое повышение уровня миграции (Poussou, 1997).

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПЕРЕХОД

В 1870-е гг. в большинстве стран Западной Европы началось снижение коэффициентов рождаемости и соответствующее сокращение разрыва между нормами рождаемости и смертности. В Южной и Восточной Европе аналогичные процессы развернулись через несколько десятилетий, хотя в некоторых местах высокая рождаемость сохранялась и после 1945 г. Разрыв между рождаемостью и смертностью не удалось полностью преодолеть до на-

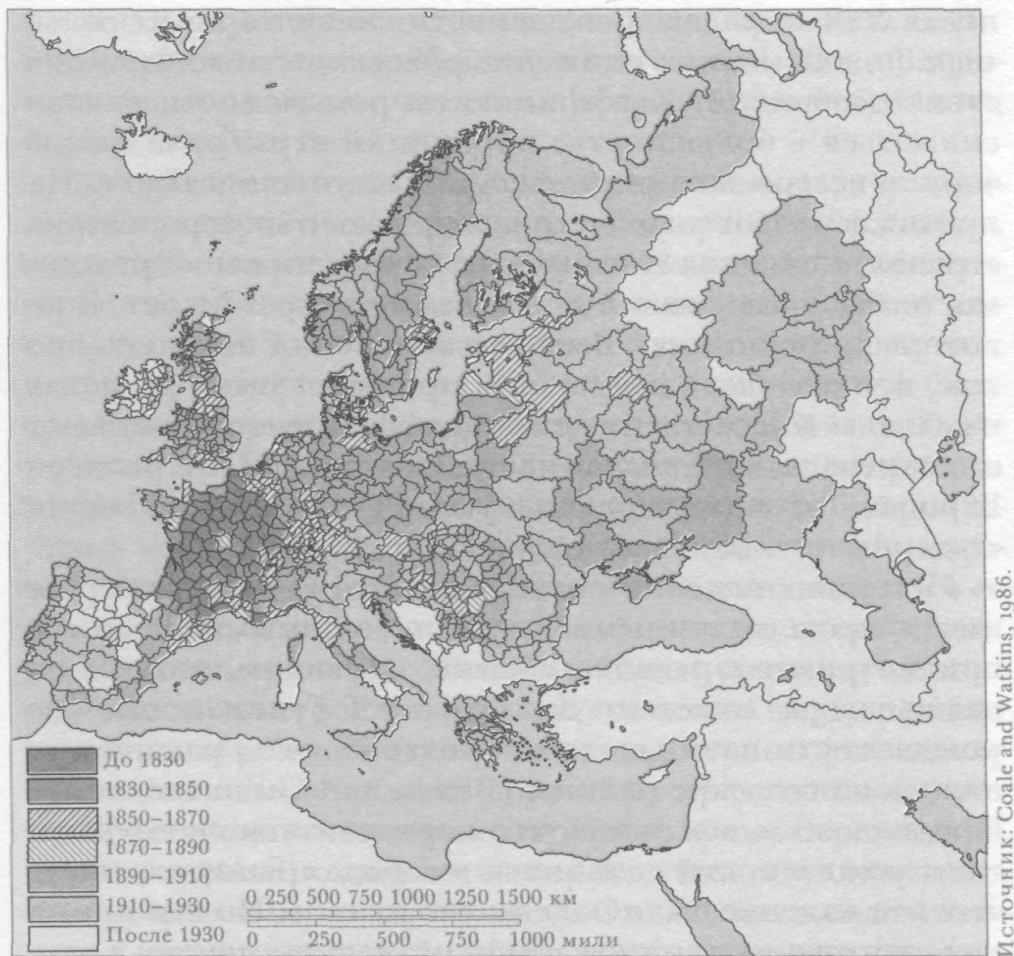

РИС. 2.7.

Начальные данные о снижении рождаемости на 10%
в различных европейских провинциях

ступления XX в., несмотря на то что в некоторых частях континента тенденция к уменьшению размеров семей начала проявляться задолго до 1870-х гг. Некоторые группы элит ряда стран контролировали рождаемость еще в начале XVIII столетия. Во Франции поворотным пунктом стали 1780-е гг., что в XIX в. отозвалось четко выраженными низкими коэффициентами роста численности населения.

На рис. 2.7 отображены данные, полученные в процессе осуществления Европейского проекта исследования рождаемости, участники которого использовали для оценки рождаемости в различных регионах Европы данные переписей и записи актов гражданского состояния (Coale and Watkins, 1986). Наиболее темным цветом выделены европейские провинции, в которых в первые десяти-

летия XIX в. индекс рождаемости снизился по меньшей мере на 10%. Раннее снижение рождаемости во Франции стоит особняком. Коэффициенты рождаемости начали снижаться в большинстве провинций страны, за исключением северо-западных, еще до наступления 1830 г. Напротив, в наиболее индустриально развитых европейских странах, таких как Англия и Бельгия, снижение рождаемости было отмечено лишь более чем через 50 лет. В некоторых провинциях Венгрии изменения начались прежде, чем они были отмечены в промышленных регионах на западе. К 1900 г. снижение коэффициентов рождаемости отмечалось в большей части Западной и Центральной Европы. Только несколько областей Испании и Италии «задержались» до начала 1930-х гг.

История снижения рождаемости отнюдь не исчерпывается представленными на рис. 2.7 данными. Если мы присмотримся к регионам ближе, то увидим, что, как недавно еще раз отметили Дж. Браун и Т. Гуиннан, падение рождаемости начиналось в городах, а затем распространялось на сельские районы (Brown and Guinnane, 2007). Предположим, мы знаем, что первоначально коэффициенты рождаемости снизились в городах Баварии, после чего это падение было подхвачено на селе. Но как применить это знание для того, чтобы объяснить, почему в сельских районах Франции снижение рождаемости началось гораздо раньше, чем в урбанизированной Бельгии?

Исследователи, принимавшие участие в Европейском проекте по исследованию рождаемости, обнаружили одну примечательную черту, связанную с географией перехода к новому типу рождаемости. Например, в Испании региональные различия в рождаемости соответствовали языковым границам диалектов испанского или других языков, таких как баскский или каталанский (Leasure, 1963). Во Франции на путь снижения рождаемости первыми вступили департаменты, население которых говорило преимущественно на бретонском языке. Но наиболее наглядно важность языковых границ прослеживается на примере Бельгии, разделенной на фламандско- и франкоговорящие регионы. В 1970-х гг. Р. Лестхеге провел историческое сравнение 70 пар валлонских и фламандских деревень, находившихся в идентичных экономических условиях (Lesthaeghe, 1977). В 62 случаях первой рождаемость снизилась в валлонской деревне, причем в среднем на 20 лет раньше, чем во фламандских селениях. Если

по соседству с фламандскими парами, проживавшими в бельгийском городе Левене, жили мигранты из Валлонии, то вероятность, что семья первых будет небольшой, была выше (Van Bavel, 2004).

Все вышесказанное позволяет предположить, что «движение» за ограничение размеров семьи распространялось посредством культурной диффузии. Значение лингвистических границ определялось тем, что они затрудняли распространение идей и информации. В то же время остается неясным, какие идеи способны были преодолеть эти барьеры. Некоторые исследователи, участвовавшие в Европейском проекте по исследованию рождаемости, пришли к выводу, что важнейшую роль в преодолении сопротивления контролю над рождаемостью сыграло распространение новых идей о науке, человеческой деятельности и ее основаниях, а не знания о специфических технических приемах контроля. Необходимо было признание целесообразности контроля над размером семьи, ведь средства сокращения рождаемости были общедоступны (поскольку имеющиеся свидетельства позволяют предположить, что наиболее общим методом контроля во время переходного с точки зрения рождаемости периода был *coitus interruptus*, или прерывание полового акта). Однако идея вмешательства в «естественный» процесс воспроизводства рода человеческого, возможно, была «*impensable*» (немыслимой) или «находилась вне пределов осознанного выбора» (Ariès, 1960; Coale, 1973). В соответствии с рассматриваемой точкой зрения около 1800 г. большинство европейцев имели большее количество детей, чем им того хотелось бы, но, руководствуясь религиозными мотивами или культурными традициями, они не были готовы к установлению контроля над рождаемостью.

Отличительной чертой христианской доктрины, особенно в интерпретации католической церкви, является тема поощрения рождаемости. Даже Т. Мальтус отвергал возможность контроля над рождаемостью в браке. Но идеи эпохи Просвещения о причинах существования человечества и его роли в природе, так же, как и противостояние церковной власти, способствовали социальному принятию контроля над рождаемостью в браке. В поддержку этой точки зрения Лестхеге демонстрирует наличие сильных ассоциаций между светскими установками и снижением рождаемости. В Бельгии снижение рождаемости происходило сначала в областях, в которых

население голосовало, скорее, за либеральные или социалистические партии, чем за партии, ассоциировавшиеся с католической церковью. Будучи номинально католическими, эти области также продемонстрировали независимость от церковной доктрины, нарушая запрет на заключение браков в Великий и Рождественский посты (Lesthaeghe, 1991). Во Франции XIX в. более позднее падение рождаемости отмечалось в тех местах, где служители церкви отказывались присягать в верности принятой в 1791 г. революционной конституции (Lesthaeghe, 1992).

Даже если религиозные идеи и сыграли роль в переходе к новому типу рождаемости, мы имеем дело лишь с одним фактором. По мнению Р. Лестхере и К. Уилсона, временные сроки перехода к более низкой рождаемости определялись воздействием как религии, так и способа производства (Lesthaeghe and Wilson, 1986). Уменьшение численности семьи происходило медленнее там, где основой производства выступали широко использовавшие ручной труд семейные единицы (фермы, протоиндустриальные мастерские), в которых родители сохраняли более пристальный контроль над работой детей. Мы не имеем права недооценивать роль экономического развития в переходе к меньшим по размерам семьям. В то же время отношения между доходом и рождаемостью подверглись существенным изменениям.

Доходы и рождаемость

Создатели экономических моделей рождаемости сталкиваются с одной и той же проблемой. Все правдоподобные модели регулирования численности населения в доиндустриальном мире находятся в зависимости от положительной связи между чистой рождаемостью и доходом. В период демографического перехода в Европе после 1870 г. положительная корреляция между рождаемостью и доходом сменяется отрицательной. В современных обществах, характеризующихся высоким доходом и низкой рождаемостью, как представляется, отсутствует какая-либо связь между доходом и рождаемостью. Проведенные в 1980 г. и в 2000 г. в Канаде, Финляндии, Швеции, Великобритании и США исследования показали, что количество детей в домохозяйствах замужних женщин в возрасте 30–42 лет в значительной степени не коррелирует

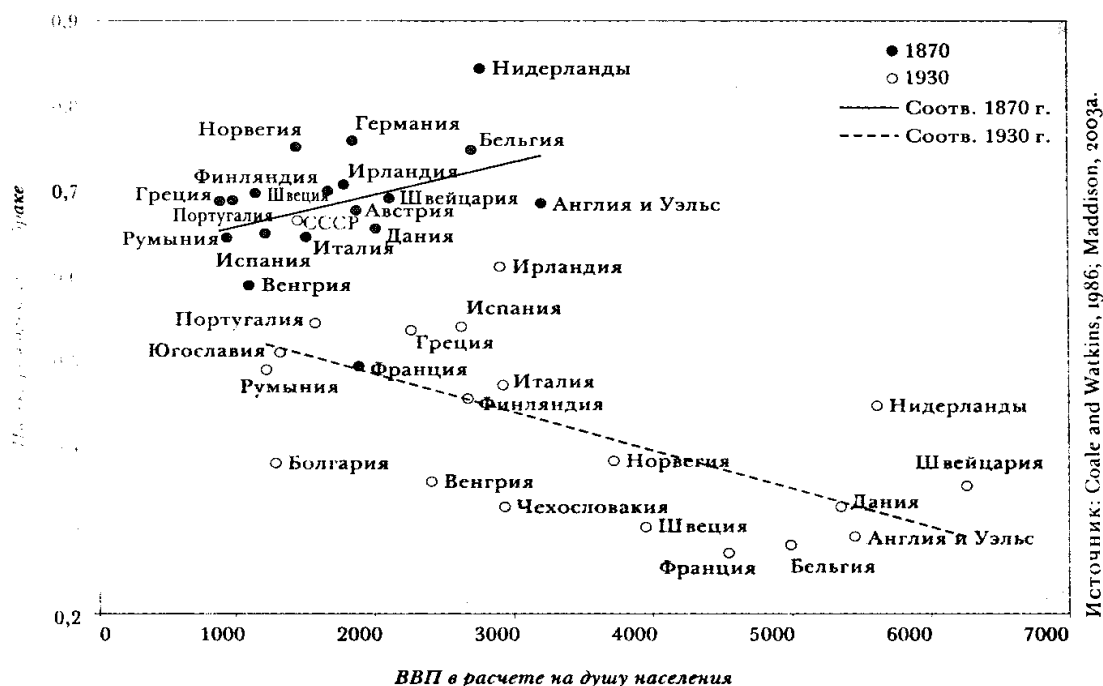

РИС. 2.8.

Индексы рождаемости в браке и валовый внутренний продукт в расчете на душу населения в 1870 г. и в 1930 г.

с доходом (Dickmann, 2003, table 2). Это позволяет предположить, что с течением времени существовавшие в обществах взаимосвязи между доходом и рождаемостью коренным образом изменились.

В конце XIX в. с положительной на отрицательную изменилась и взаимозависимость между благосостоянием и размером семьи на уровне отдельных стран. Эта трансформация наглядно представлена на рис. 2.8, на котором сравнивается индекс рождаемости в браке I_g , разработанный в рамках Европейского проекта по исследованию рождаемости, и показатели среднедушевого ВВП в 1870 г. и в 1930 г. В 1870 г. имела место положительная, но слабая корреляция между рождаемостью и доходом в расчете на душу населения. В то время в Англии, богатейшем государстве мира, показатели рождаемости, в общем, соответствовали среднему европейскому уровню. Существенно более высокие коэффициенты рождаемости имели место в процветающих Нидерландах, основное население которых составляли протестанты. Католическая Франция, имевшая значительную долю сельского населения, была единственной страной, в которой в 1870 г. показатели ро-

ждаемости были гораздо ниже среднеевропейского уровня. Из рис. 2.8 мы видим, что к 1930 г. установилась сильная отрицательная зависимость между рождаемостью и национальным доходом. Показатели рождаемости снизились во всех странах, но более всего — в самых развитых государствах.

Предпринималось множество попыток разрешить этот парадокс. Так, в одной из них исследователи попытались обосновать возникшую у родителей необходимость нового выбора. Нередко снижение в конце XIX в. среднего размера семьи среди наиболее обеспеченных слоев населения объясняли растущей тягой к «роскошной жизни» у богатых женщин. Последние якобы уделяли слишком большое внимание различным приемам, посещению театров и маскарадов. Они не желали взваливать на себя бремя рождения и воспитания детей, которое, непременно, затруднило бы получение радостей жизни. К 1930 гг. этот аргумент формулировался уже более мягко, на основе исключительно экономических факторов. Появление в растущих городских обществах, сформировавшихся в результате промышленной революции, новых товаров и формирование нового образа жизни, привело к расширению выбора. Богатые семьи откликнулись на него увеличением потребления новых товаров и услуг и сокращением «производства» детей. Потенциально такого рода объяснения («фазовый переход») могут быть применены и к ситуации, когда после всеобщего перехода на новый режим в странах с более высокими доходами зависимости доход–рождаемость перестали быть сильно отрицательными (в странах с более низкими уровнями доходов они остались негативными).

Большинство историков разделяют положение об изменении к XIX в. установок относительно количества детей в семье. У европейцев сформировались более романтические воззрения на детство и семейную жизнь в целом. Такие педагоги-теоретики, как Фридрих Фребель и Иоганн Песталоцци подчеркивали, что раннее детство является особым периодом развития, когда игра стимулирует обучение. Они ожидали, что женщины будут вести домашнее хозяйство, обеспечивая детям возможность на время укрыться от конкурентного и конфликтного мира труда. Очевидно, что в XIX столетии принадлежавшие к среднему классу женщины были в существенно меньшей степени вовлечены в деловые предприятия мужей, чем раньше (Smith, 1981). К 1900 г. «семья кормильца» уже рассматри-

валась профсоюзным движением как одна из основных целей (Humphries, 2007; Maynes, 2002).

В своей опубликованной в 1960 г. знаменитой статье Гэри Беккер высказал предложение, что в экономическом анализе дети должны рассматриваться «как потребительские товары длительного пользования». Согласно его наблюдениям, дети гораздо больше похожи на автомобили или холодильники, чем на бензин или продукты питания. Родители получают выгоды от детей в течение длительного времени, и взрослым нет смысла «приобретать» новые их источники. По мере роста доходов перед людьми открывается возможность увеличить расходы на приобретение «товаров длительного пользования». Однако они направляют свои деньги не на покупку добавочных товаров, а на улучшение свойств уже имеющихся (приобретают один «Мерседес», а не пять корейских автомобилей). Богатые родители тратят на своих детей больше, чем бедные люди. Но и они инвестируют средства в повышение «качества» детей, а не в увеличение их «количества» в семье. Более того, с ростом доходов предпочтения родителей могут систематически изменяться, так что спрос на качество ребенка повышается быстрее, чем на количество детей. В результате количество детей в богатых семьях меньше, чем в бедных (Sanderson, 1976).

Беккер и другие исследователи подчеркивали, что воспитание детей требует больших затрат времени, а как известно, в случае роста доходов люди отдают предпочтение потреблению товаров, не требующих значительных временных издержек (Becker, 1965). По мере роста заработной платы каждый отданный отдыху час означает отказ от большего количества благ, которые могли бы быть приобретены, если бы этот отрезок времени был проведен в трудах праведных. Родители с высокими доходами стремятся отдавать ограниченное, но «качественное время» меньшему количеству детей. Казалось бы, этот аргумент уже сам по себе исключает положительную связь дохода и рождаемости до 1870 г. Но для того чтобы объяснить распространенные в доиндустриальном мире большие семьи богатых родителей, нам необходимо внимательнее присмотреться к источникам их доходов. В прошлом основные доходы приносило владение материальными активами, в то время как сегодня они извлекаются преимущественно из человеческого капитала. Доходы праздных богачей мало зависели от того, что они уделяли большее

время своим детям. И наоборот, для тех, кто не поскупился на траты ради приобретения квалификации и образования, альтернативные издержки большой по размерам семьи будут значительно более высокими.

Как подчеркивает Беккер, предложенные им обоснования не следует смешивать с общеизвестным, но ошибочным утверждением, в соответствии с которым со временем дети обходятся родителям все дороже (Becker, 1960). Цены на материальные блага, которые были необходимы в XIX в. для того, чтобы вырастить детей, — жилье, продукты питания и одежда — увеличивались медленнее, чем доходы. «Удорожание» детей было вызвано не ростом цен на различные товары и услуги, а изменениями родительских предпочтений. Это восприятие было обусловлено стремлением родителей обеспечить своему потомству более комфортабельную жизнь, составной частью которой было продолжение образования, а не раннее начало трудовой жизни (Szreter, 1996, 445).

Образование и рождаемость

Для того чтобы объяснить динамику рождаемости в периоды до и после промышленной революции, мы можем попытаться использовать такую переменную, как образование. Но ее воздействие на сокращение рождаемости могло происходить двумя различными способами. Первый из них предполагает изменение желаний и устремлений родителей. Этой точки зрения придерживался, например, сам Т. Мальтус. В последнем издании «Опыта о законе народонаселения» говорится, что образование прививает людям осмотрительность и развивает способность к предвидению, а также желание обеспечить лучшую жизнь своим детям. Образование, и прежде всего, то, которое получают женщины, и сегодня является наилучшим признаком ограничения размеров семьи, хотя, как мы вскоре увидим, провести корреляцию между образованием и снижением рождаемости в XIX в. не так-то просто.

Альтернативный способ воздействия образования заключается в повышении ассоциирующихся с детьми издержек. С этой точки зрения формальное образование после промышленной революции становится более тесно связано с доходами, что побуждало людей к увеличению инвестиций в образование в расчете на одного ребен-

ка при сокращении количества детей в семьях. Например, в XIX в. в Англии сельскохозяйственные рабочие к 20 годам начинали получать максимальную по размерам возможную для себя заработную плату. Затем их доходы стабилизировались, а по достижении работниками 60 лет начинали снижаться (Burnette, 2006). По мнению многих исследователей, в экономике такого типа родители предпочитают «количество» детей, а не их «качество» (Galor and Weil, 1996; Becker et al., 1990).

В начале XIX в. спрос на образование в развивающихся отраслях промышленности оставался относительно слабым. Большинство рабочих мест, трансформировавшихся уже на первой стадии промышленной революции (в текстильной промышленности, металлургии, в добыче угля), не требовали не только образования, но и грамотности (Mitch, 1991). Согласно имеющимся оценкам в середине XIX столетия в Англии экономическая отдача образования была положительной, но не слишком большой (Long, 2006; Mitch, 1991). Принадлежавшие к среднему классу писатели, как правило, делали акцент на моральной стороне обучения и выработке привычки к регулярному труду, а не на овладении ценными с экономической точки зрения навыками (Mitch, 1991). Ни в Англии, ни в Бельгии, лидерах первой промышленной революции, система массового образования не представляет из себя ничего особенного по сравнению с другими европейскими странами.

Как правило, лидерство в сфере образования было связано с религиозными и идеологическими причинами, а не с ожидаемыми экономическими выгодами (см. табл. 2.6). В общем, более высокий уровень грамотности наблюдался в протестантских странах, где ожидалось, что Библию должен самостоятельно прочитать каждый человек, а не в католических. На протяжении всего XIX столетия католическая церковь вкладывала значительные средства в создание школ, однако в некоторых местах конфликты между либеральными и католическими политическими партиями по поводу учебных планов отрицательно сказались на государственной поддержке образования (Soysal and Strang, 1989). Такие правители, как Фридрих IV в Пруссии и Наполеон Бонапарт во Франции, признавали огромный потенциал образования с точки зрения национальной интеграции. В этих странах школьное образование использовалось для формирования граждан, преданных своему государству-нации (Ramirez and Boli, 1987).

ТАБЛИЦА 2.6.

Количество учеников начальных школ в расчете на 1000 детей в возрасте 5–14 лет в 1870–1930 гг. в разных странах Европы

	1870	1900	1930
Франция	736,6	859,2	802,8
Германия	732,0	767,8	
Шотландия	697,4	764,8	675,4
Англия и Уэльс	608,6	741,5	755,2
Швейцария	759,2*	726,5*	701,3*
Дания		717,5	673,7
Швеция	588,6*	688,8*	779,4*
Австрия	425,9	670,3	838,8
Норвегия	658,0	668,0*	716,3*
Нидерланды	638,7	663,4	779,7
Бельгия	582,3	592,4	700,8
Венгрия	334,2	541,6	494,5
Ирландия	384,0	525,5	750,8
Испания	401,4	475,3	717,0
Италия	286,3	382,0	594,1
Болгария		331,8	471,9
Греция	252,8	323,9	616,6
Румыния		255,8*	588,4*
Португалия	131,6*	194,2*	300,4*
Финляндия		188,3*	582,2
Россия		148,6	

* Только в государственных школах.

Источник: Lindert, 2004.

В то же время, по мнению Питера ЛиндERTA, не менее важное значение имел способ финансирования школ. Хорошо развитая система школ была создана в Пруссии благодаря контролю местных властей над финансами, а не призывам королевского правительства (Lindert, 2004).

В конце XIX в. связь между экономическим ростом и формальным образованием еще более усилилась (Easterlin, 1981; Sandberg, 1979). С ростом экономики и богатства, а также увеличением доли городского населения повышается значение науки и инженерного искусства. Сформировавшиеся в промышленности и органах власти сложные бюрократические системы предъявляли все более высокий

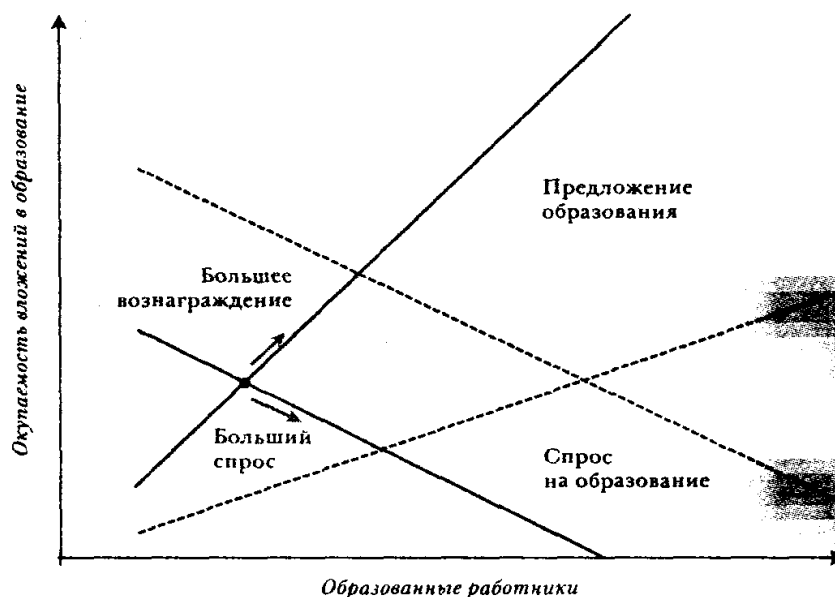

РИС. 2.9.
Воздействие на образование
изменений в спросе и предложении

спрос на служащих, бухгалтеров и управляющих. Ощущалась настоятельная потребность в навыках и умениях всех типов, как тех, которые могли быть получены посредством формального образования, так и в ремесленной квалификации и услугах.

Не объясняет ли возрастание значимости уже созданного человеческого капитала переход к новому типу рождаемости? Повышение спроса на образование может обусловить сокращение рождаемости ввиду относительного увеличения ценности качественных (образованных) детей, что ведет к замене количества качеством. В то же время отсутствие непосредственной связи между современной низкой рождаемостью и уровнями высшего образования не вызывает ни малейших сомнений. Как показано на рис. 2.9, после 1870 г. такая связь обязана была бы проявиться в предложении повышенной оплаты квалифицированным работникам на рынке труда. К сожалению, фактические данные о существовании премии за формальное образование за столь длительный период ограничены, но что касается Англии, то здесь такая премия снижается (Williamson, 1982). В то же время имеется значительный объем фактических данных о повышенной заработной плате за высокую ремесленную квалификацию

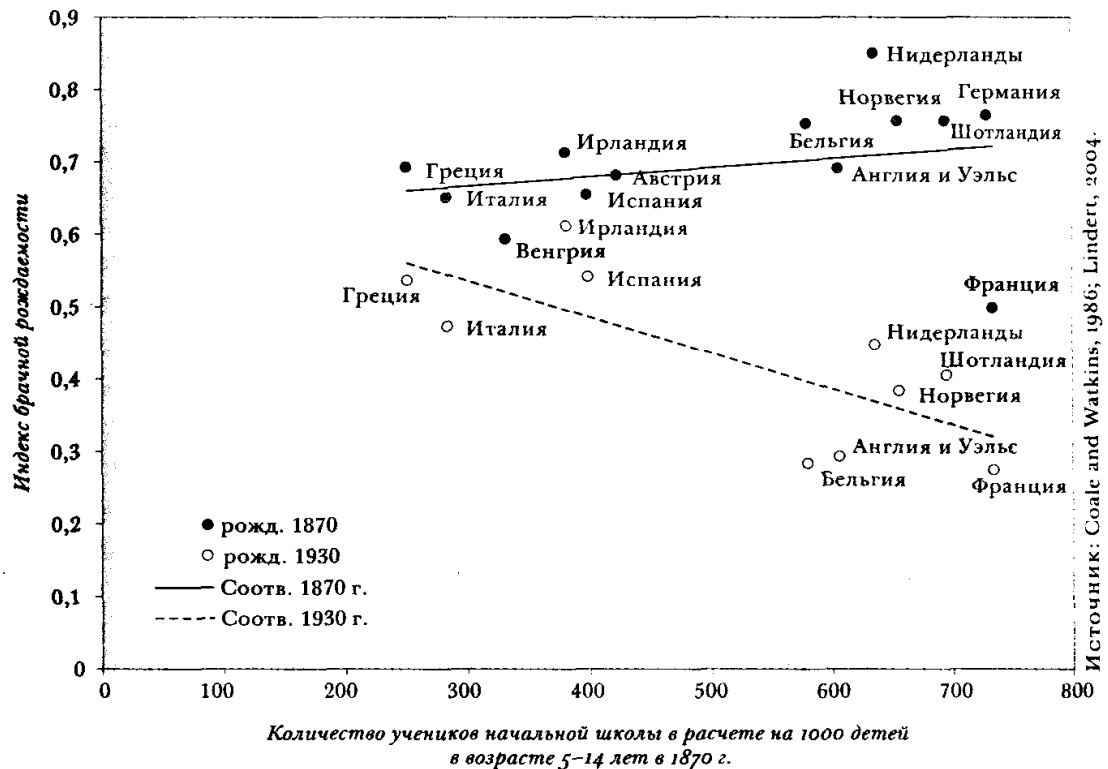

РИС. 2.10.
Брачная рождаемость в 1870–1930 гг.
и численность школьников в 1870 г.

в Англии и Европе. И вновь, анализ этих сведений позволяет сделать вывод о том, что в рассматриваемый период эта надбавка снижалась (Clark, 2007a). Таким образом, на основе данных рынка труда мы можем высказать предположение о том, что предложение образованных и обладающих определенными навыками и умениями работников опережало спрос на них. Следовательно, в конце XIX столетия в Европе родители делали выбор в пользу получения детьми более высоких уровней образования притом, что образованные работники получали относительно небольшую надбавку к заработной плате.

Рост предложения квалифицированного труда в европейских экономиках первоначально был достигнут без какого бы то ни было снижения количества детей в семье. На рис. 2.10 отображены зависимости между рождаемостью в браке в 1870 г. и в 1930 г. и численностью учеников школ в 1870 г. В 1870 г. имела место незначительная положительная корреляция между брачной рождаемостью и текущей численностью школьников. Между ро-

ждаемостью и охватом школьным образованием в 1930 г. (на рис. 2.10 эти данные не представлены) наблюдалась лишь незначительная отрицательная корреляция, в какой-то степени обусловленная схождением коэффициентов зачисления в школы в разных европейских странах (см. табл. 2.6).

Обратившись к рис. 2.10, мы видим, что между показателями рождаемости в браке в 1930 г. и численностью школьников в 1870 г. имела место четко выраженная отрицательная корреляция. Следовательно, образование воздействовало на показатели рождаемости не посредством повышения издержек воспитания текущего поколения детей (в этом случае имело бы место непосредственное воздействие), но путем изменения ценностей следующего поколения родителей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Промышленная революция и демографический переход были важнейшими элементами процесса устойчивого роста уровня жизни в европейских странах. Да, первую отделяют от второй три поколения людей, но слабо верится, что эти события никак не связаны друг с другом. Скорее, мы имеем дело с различными гранями одного и того же основополагающего процесса социальных или экономических изменений. Однако, как было показано в настоящей главе, большинство теорий, авторы которых пытались обнаружить связи между этими гранями, не позволяют прогнозировать различия в рождаемости до наступления, в период разворачивания и после окончания промышленной революции.

ГЛАВА 3

Государственные
и частные институты

ДЭН БОГАРТ
МАУРИСИО ДРЕЛИХМАН
ОСКАР ГЕЛЬДЕРБЛОМ
ЖАН-ЛОРАН РОЗЕНТАЛЬ

СОДЕРЖАНИЕ

Политические институты ·	122
Налоговые институты ·	130
Коммерческое право ·	138
Государство и сфера инфраструктуры ·	147
Заключение ·	158

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ рост зависит от институтов (правил, ограничивающих человеческое поведение, и соответствующих механизмов принуждения: North, 1981; Greif, 2006). Некоторые из этих правил формируются в рамках публичных процессов, в то время как другие принимаются в частном порядке; какие-то правила выражаются в явном виде (формулируются в письменной форме в законах или контрактах), другие — в неявном. Принуждение к соблюдению правил может основываться на публичном применении силы, на репутации или осуществляться частным образом третьими сторонами. В этой главе наше внимание сосредоточено на формальных институтах, полагающихся на общественное принуждение. Наш выбор отнюдь не связан с упадком неформальных институтов в процессе модернизации. Он определяется тем, что в рассматриваемом нами периоде формальные институты оказались в числе тех, которые претерпели наиболее значительные изменения. Многие формы правления основывались на изложенных в письменной форме конституциях. В государствах были созданы формальные организации, обладающие правом законодательной инициативы, а также внесены изменения в ранее принятые законы. Даже в Англии, не имеющей формальной конституции, была осуществлена избирательная реформа и резко активизировалась законодательная деятельность.

Долгое время специалисты по экономической истории подчеркивали ведущую роль институтов в обеспечении процветания; впоследствии аналогичную позицию заняли и представители экономики развития (см., например, Acemoglu et al., 2001; Engerman and Sokoloff, 1997; Banerjee and Iyer, 2005). Основное внимание исследователи уделяли выгодам защиты прав собственности. И в этом смыс-

ле успехи Англии как ведущей с точки зрения экономики державы основывались на достигнутом в процессе Славной революции институциональном соглашении (North and Weingast, 1989). Огромное разнообразие европейских политических и экономических, государственных и частных институтов позволяет нам проверить приведенный Д. Нортом и Б. Вейнгастом в значительной степени индуктивный аргумент, почерпнутый из изучения английской истории. Устоять против этого искушения очень трудно. Хотя разнообразие институтов чрезвычайно широко и их деятельность хорошо представлена в архивных документах, и здесь возникает проблема: какие институты выбрать, архаические или современные. Более того, в долгосрочном периоде деятельность любого из институтов является субоптимальной; а условием дальнейшего роста является изменение институтов. Учитывая, что в рассматриваемый нами период наиболее успешной была экономика Англии, представляется естественным выбрать ее в качестве базы для сравнений. При этом следует помнить, что предшествовавшие успехи итальянских городов-государств, нидерландских провинций и последующего догоняющего развития Германии были достигнуты с помощью институтов, которые имели лишь отдаленное сходство с английскими. И наконец, внимание специалистов по экономике сосредоточено преимущественно на изучении национального производства, в то время как региональные различия остаются на периферии. Британские институты времен промышленной революции в равной мере ответственны за состояние ирландской экономики и картофельный голод. Поэтому нам придется проявить должную осторожность.

Следует отметить, что если в 1870 г. понятия нации и государства уже были взаимозаменяемыми, то в начале XVIII в. они отнюдь не были синонимами. Суверенные государства существовали давным-давно, но на протяжении значительной части европейской истории они не были тождественны нациям (некоторые из первых государственных образований были многокультурными и занимали огромные пространства, а другие — совсем крошечными). Конкуренция за обладание территориями носила экстраординарно длительный и ожесточенный характер. Любая попытка централизации была связана с опасностью подвергнуться нападению извне и сопротивлением со стороны провинций. Более того, если начиная с XVIII в. к западу от Альп и Рейна политические границы

изменились относительно незначительно, то на востоке была иная ситуация. Рекомбинация территорий в Восточной и Центральной Европе означает, что мы сталкиваемся с рядом очевидных проблем и в некоторых случаях лишаемся возможности рассмотреть Европу как целое.

Несмотря на то что специалисты по экономической истории нередко описывают развитие Европы как непрерывную борьбу за освобождение народов от угнетавших их правителей, во многих частях континента источником роста было избавление от географической раздробленности и связанных с ней местных привилегий и практик (Erstein, 2000). Существование последних было обусловлено тем, что они служили защитой от налоговой ненасытности правителей. В Англии необходимость в подобной защите практически отсутствовала в силу небольшой по размерам территории. К тому же начиная с 1066 г. Англия получила возможность в полной мере использовать выгоды централизованного и унифицированного комплекса институтов. Таким образом, в этой главе мы попытаемся ответить на два вопроса: (i) насколько важными были проблемы разграничения полномочий между властями разного уровня (отказа от независимости) по сравнению с проблемами фрагментации полномочий (раздробленности); и (ii) в какой степени в различных частях Европы для решения сходных проблем в таких областях, как защита собственности, коммерческое право и инфраструктурные инвестиции, использовались разные институты?

В нашем анализе уделяется значительно большее, чем в прошлом, внимание международным отношениям (т.е. войнам). Обратимся хотя бы к классическому труду Александра Гершенкрона *Economic Backwardness in Historical Perspective* («Экономическая отсталость в исторической перспективе») (Gerschenkron, 1962). По мнению автора, если экономические инновации подталкивали государственные и частные институты к эволюции, то внутренние политические баталии могли тормозить их развитие. Этот нарратив представляется весьма привлекательным для Центральной Европы и России, поскольку реформы и индустриализация пришли сюда позже. Но даже в этом регионе институциональные изменения вышли из горнила войны (период от французской интервенции в Италию в 1857 г. до [гражданской. — Пер.] войны, последовавшей за Октябрьской революцией в России). На Западе институциональные изменения произошли в большей степени

благодаря легионам Наполеона Бонапарта, чем индустриализации.

Точно так же, как мы обязаны учитывать в процессе анализа институциональных изменений обмен пулями и ядрами, мы не вправе игнорировать поток идей, связанных с деятельностью политических и экономических институтов. Но взаимосвязи между европейскими политическими системами не нашли отражения в институциональной конвергенции. Хотя осуществлявшиеся в большинстве стран реформы способствовали расширению представительства, повышению налогов, нововведениям в правовой сфере и инвестициям в инфраструктуру, для достижения этих целей использовались значительно отличавшиеся друг от друга инструменты. В какой-то степени эти различия определялись зависимостью от предыдущей траектории развития. В то же время они были результатом стремления политиков к формированию национальной идентичности при сохранении различий между институтами своей страны и соперничающих с ней государств. Мы начинаем с рассмотрения очень широкого вопроса, а именно — с эволюции политических институтов, а затем переходим к анализу комплекса более узких проблем, таких как налогообложение, коммерческое право и инфраструктурные инвестиции. Неполнота избранных нами тем очевидна, но они позволяют осветить ключевые аналитические вопросы европейского институционального развития в 1700–1870 гг.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ

В период между 1700 и 1870 гг. европейские политические структуры претерпели комплексные, глубокие и во многих случаях имевшие локальную специфику трансформации. Мы сосредоточим внимание на трех генеральных тенденциях: (i) продолжавшемся в XVI–XVIII вв. подъеме абсолютизма; (ii) едва ли не всеобщем его вытеснении конституционными режимами в XIX столетии; (iii) стремлении национальных государств к лидерству как над территориальными империями, так и над конфедерациями небольших суверенных государственных единиц.

В империи правитель или государство распространяет политический и военный контроль над множеством территориальных образований, навязывая им различ-

ные комбинации правовых, экономических и культурных единообразных правил. В период между Древним Римом и Первой мировой войной на территории Европы существовала, по крайней мере, одна империя. К созданию своих собственных империй стремилось большинство европейских монархов. На протяжении тысячелетия империи были доминирующей во всем мире формой правления. Однако в Европе они были вынуждены уступить поднимающейся после заключения в 1648 г. Вестфальского мира волне создания национальных государств. Священная Римская империя и империя Габсбургов сохранились ценой утраты контроля над принадлежавшими им в прошлом, за исключением традиционных, землями. Ослабление влияния Османской империи на европейские владения сопровождалось одновременным усилением контроля над азиатскими территориями. И наконец, начало войны за испанское наследство в 1702 г. означало, что хозяевами положения в Европе становятся национальные государства.

Успехи национальных государств в деле поглощения системы налогообложения и военных организаций, действовавших в административных единицах, прослеживаются Чарльзом Тилли (Tilly, 1992). В начале Нового времени европейские формы правления основывались на преимущественно косвенных (децентрализованных) методах принуждения и налогообложения. В то время было известно, что централизация является более эффективной, однако она была сопряжена с более высокими затратами. По мнению Я. Гонсалес де Лара, А. Грейфа и С. Джа, средневековые монархи отдали предпочтение методу косвенного правления, поскольку оно обходилось дешевле, и этот их организационный выбор оказался достаточно устойчивым (Gonzalez de Lara, Greif, and Jah, 2008). Децентрализованное администрирование ограничивало возможность европейских правителей присваивать ресурсы подданных, вести войну и контролировать обширные территории. К началу XVIII столетия начинается откат волны. Правители все чаще встраивают налоговые и военные структуры в свои административные структуры, избавляясь тем самым от прослойки посредников, к услугам которых они прибегали в переговорах с элитами. Общие для многих государств в предшествующие пять столетий собрания представительных ассамблей проводятся все реже; сбор налогов контролировался уже не частны-

ми лицами, а превратился в объект надзора из центра; короли, нуждавшиеся в средствах для удовлетворения собственных нужд, все чаще обращались к государственным министрам финансов, а не к банкирам и капиталистам; на смену профессиональным наемникам пришли постоянные армии, комплектуемые в большинстве своем соотечественниками (Drelichman and Voth, 2008).

Эта беглая характеристика, конечно же, не отображает все многообразие принятых в европейских государствах форм правления. Мы стремились проиллюстрировать лишь отличие новых государств от структур, на смену которым они пришли. Важнейшее значение процесса преобразований подтверждается хотя бы незавидной судьбой государств, игнорировавших необходимость рассматриваемых нами реформ. Власть аграрной знати польско-литовской Речи Посполитой основывалась на принципе *liberum veto*, согласно которому любой член парламента имел право объявить о прекращении обсуждения законов и окончании текущей сессии. В результате к началу XVIII в. от польского государства осталось не слишком много, по сравнению с недавним прошлым. Начавшиеся в 1764 г. реформы оказались запоздалыми: Польша была разделена между Россией, Австрией и Пруссией. Схожая система правления была создана и в Венгрии. В результате в XVI в. эта страна была присоединена к Османской империи. Как правило, небольшие государства, в которых доминировали традиционные элиты, не имели возможности содержать собственные постоянные армии и присоединялись к «большей силе». Хрестоматийный пример — Венеция, утратившая во времена наполеоновских войн свою тысячелетнюю независимость. Аналогичная судьба постигала и многие другие европейские коммерческие и аристократические города-государства. Немного большие по размерам государства, такие как немецкие княжества, были встроены в налогово-военные «машины» своих более мощных соседей. Швейцарская конфедерация, объединявшая несколько управлявшихся местной знатью кантонов, была завоевана войсками Бонапарта. Но после Венского конгресса конфедерация была возрождена и в ней было создано правительство, которое в какой-то степени можно охарактеризовать как центральное. Несмотря на свободную организацию, Швейцарской конфедерации удалось отстоять независимость в условиях ожесточенной борьбы за влияние между Францией и Австрией, что явля-

ется еще одной иллюстрацией «убывающей отдачи» имперской модели в Европе.

В авангарде изменений находились формы правления, принятые в двух государствах. Одно из отличий Англии от европейских норм заключалось, в частности, в институциональных нововведениях, последовавших после Славной революции (например, принцип верховной власти «Корона в парламенте»). «Большое соглашение» 1689 г. положило начало процессу, в рамках которого королевство получило представительную ассамблею, сильную исполнительную власть, профессиональную бюрократию и финансовые институты, создававшиеся для обслуживания потребностей государства; эта «мускулатура власти» продемонстрировала высочайшую эффективность с точки зрения консолидации государства и наращивания его военной мощи (North and Weingast, 1989; Brewer, 1989). В действительности многие из этих нововведений были адаптированы или «импортированы» из Нидерландов, наиболее успешной из тех, кому удалось выжить, европейских республик. В то же время в Голландии процесс изменений вскоре «заглох». После длительных дебатов налоговая централизация была остановлена. Она стала реальностью только после 1795 г. под давлением Франции.

Несмотря на то что некоторым представительным органам, наделенным исполнительной властью, удалось выжить, большинство форм правления смещалось к прямому абсолютизму. Одним из основных измерений, которое может быть использовано для классификации абсолютных монархий, является устранение с «арены» всех альтернативных политических сил — особенно церкви, родовой знати, сборщиков налогов, местных и региональных судов и утверждавших размер налогообложения ассамблей (Finer, 1997). Процессы лишения власти традиционных заинтересованных групп носили специфический для каждой страны характер и отнюдь не были необратимыми. Наиболее сильные корни идея устранения посредников как часть программы Просвещения пустила в таких странах, как Пруссия, Россия и Австрия. Они превратились в абсолютные монархии еще на ранних стадиях государственного строительства, вследствие чего центральные правительства должны были преодолеть относительно незначительное сопротивление. Правители-реформаторы добились успеха в Испании (Карл III и его министр Кампоманес), Португалии (в основном благодаря усили-

ям наиболее влиятельного министра маркиза де Помбала) и Швеции (Густав III). Однако после ухода реформаторов с политической сцены их наследники не только остановили преобразования, но и во многих случаях осуществили контрреформы. Некоторого прогресса удалось добиться Франции в период правления Людовика XIV, заручившегося поддержкой знати и ограничившего возможности блокирования королевских эдиктов *parlements* (парламенты — высшие суды в 13 областях страны). В то же время коррумпированная французская система блокировала более глубокие реформы. Государственные должности были не только частной и, к XVIII в., зачастую передаваемой по наследству собственностью, но и представляли одну из основных форм государственного долга. Без альтернативного источника финансирования реформа была невозможна. Натолкнувшись на нежелание знати платить новые налоги, Франция не имела достаточных для выпуска новых долговых обязательств средств. В конечном итоге эта помеха предопределила все более частые неудачи Франции на полях сражений и подтолкнула к поиску возможностей для осуществления более радикальных реформ (Bordo and White, 1991; Brewer, 1989; Ertman, 1997).

Французский *Ancien Régime* (старый режим, порядок) представляет собой классический пример того, что Т. Эртман называет «патримониальным абсолютизмом», когда различные образующие государство органы власти и администрирования превращаются в частную собственность отдельных элит (Ertman, 1997). После смерти Людовика XIV элиты использовали контроль над государственными институтами, и, прежде всего, над *parlements*, для отстаивания своих особых интересов, воспрепятствовав нескольким попыткам начала просвещенных реформ. Конфронтация между короной и элитами по поводу распределения налогового бремени в конечном итоге приведет к Великой французской революции и радикальному изменению политических и налоговых институтов.

Великая французская революция — один из самых ярких примеров созидательного разрушения в истории человечества. Национальное собрание с самого начала своей деятельности стремилось к устранению посреднических органов, действовавших при *Ancien Régime*. *Parlements* были распущены; местные собрания (*Etats*) были упразднены вместе со всеми феодальными привилегиями; церковь была вынуждена расстаться со значительной частью своих

богатств; и наконец, были распущены едва ли не все гильдии. В центре плана Национального собрания по улучшению администрирования находились центральные бюрократические органы, укомплектованные гражданскими служащими. Впрочем, вскоре революционеры уже должны были сражаться за свои собственные жизни, и их реформистский пыл то разгорался, то затухал в зависимости от побед и поражений французской армии. В конечном счете силы, которым удалось «выместить» из страны все остатки патримониального режима, обнаружили, что они не способны установить во Франции устойчивый политический порядок. Решение этой задачи выпало на долю Наполеона Бонапарта, что повлекло за собой возрождение в Европе автократической империи.

Важнейшим и самым долговечным нововведением Бонапарта стала кодификация гражданского права. Необходимость реформы определялась стремлением к сохранению революционных завоеваний и заполнению пустоты, возникшей после упразднения законных провинциальных и местных привилегий. Кодифицированное право было важнейшим предметом революционного экспорта (к этому вопросу мы еще вернемся), а инструментом его распространения по всей Европе стала французская армия. Большинство низвергнутых Бонапартом абсолютных монархов вернули власть в процессе реставрации, но только самые упорные из них, такие как король Испании Фердинанд VII, не пожалели сил, чтобы полностью избавиться от внедренных благодаря французам нововведений.

Помимо прочего, Наполеон Бонапарт был блестящим военачальником, сумевшим использовать в интересах Франции всю мощь армии, сформированной из граждан страны. Практически мгновенно крупнейшие державы мира поставили эти человеческие «приливные волны» себе на службу. Широкомасштабное распространение воинской повинности завершило интеграцию государства и армии. Как и многие другие военные нововведения, введение воинской повинности стоило весьма дорого и стало одним из импульсов к эволюции бюрократий и администраций. Последовавшие вслед за этим военные конфликты нового типа были сопряжены с гораздо более высокими человеческими потерями. Количество погибших в наполеоновских войнах, длившихся 15 лет, было примерно таким же, как в Тридцатилетней войне; если же к ним добавить жертв французской революционной войны, то общее

количество погибших увеличится до 2,5 млн человек, что составляет одну треть людских потерь во время Первой мировой войны (Tilly, 1992, pp. 165–166).

Граждане, положившие свои жизни к ногам государства, должны были иметь веские причины для подобных действий. Следовательно, необходимо было создание пенсионных систем для ветеранов-инвалидов и семей погибших военнослужащих. В то же время правители не имели возможности оставаться глухими к нарастающим требованиям о представительстве в органах исполнительной власти. Таким образом, вторая и третья четверти XIX столетия были временем, которое С.Файнер охарактеризовал как «конституционализацию» Европы (Finer, 1997). В подавляющем большинстве случаев конституции, которым удалось «прожить» более чем несколько лет, были дарованы народу монархами, а не провозглашены революционными собраниями и ассамблеями. Первой на этот путь в 1809 г. встала Швеция (хотя строго говоря, здесь произошел возврат к принятой в 1772 г. хартии Густава III), за которой в 1814–1819 гг. и в 1830–1834 гг. последовали Норвегия и целый ряд немецких государств. После свержения Наполеона Бонапарта во Франции и Нидерландах были приняты новые, ограниченные, конституции. После революционных событий 1848 г. либеральные конституции были приняты во многих других европейских странах; впоследствии многие из них были отменены или изменены для того, чтобы сократить народное представительство.

С.Файнер выделяет конституции четырех типов. Неоабсолютистские хартии оставляли большую часть власти в руках правителя. Одновременно предусматривалось «охвостье» в виде органов законодательной власти, во многих случаях передававшейся знати и землевладельческим элитам. В эту категорию входят Испания (за исключением либерального периода в развитии страны), Нидерланды в эпоху правления Вильгельма I, Неаполитанское королевство, Греция в 1843–1848 гг. и целый ряд немецких государств. В качестве двух других типов исследователь выделяет конституционные монархии, в которых власть делегировалась министрам, ответственным перед королем (например, Австрия и Пьемонт), и парламентские монархии, когда министры правительства несут ответственность перед избранными законодательными органами (например, Англия). Между этими группами

пролегает менее четкая разделительная линия, поскольку большинство государств, начинавших как конституционные монархии, впоследствии эволюционировали в сторону парламентских монархий. Например, как известно, Австрия управлялась железной рукой К. Меттерниха, ответственного исключительно перед императором; но революции 1848 г. привели к фатальному ослаблению этой системы. В конечном счете в 1867 г. в Австрии была введена парламентская система. Франция колебалась между двумя этими системами. В 1830–1848 гг. в ней было принято парламентское правление, после чего произошел «откат» к авторитаризму Второй империи, а затем, к концу 1860-х гг., вновь возросла роль законодательной власти. В конечном итоге Франция превратилась в парламентскую республику — конституционное государство четвертого типа. К 1870 г. абсолютистское правление, не ограниченное конституциями, осуществлялось только в России и в Османской империи.

Принятые в Европе формы правления предоставляли широкий круг политических и экономических свобод. Хотя задолго до начала XVIII в. жители (мужчины) многих государств уже имели политические права, едва ли не везде значительная часть населения была не только лишена гражданских прав, но и находилась в рабстве, крепостной зависимости или придерживалась других трудовых соглашений, значительно ограничивавших свободу накопления богатства или передвижения. К 1870 г. рабство и крепостное право были отменены во всех европейских областях, принадлежавших в то время Османской империи, даже в тех из них, где население имело ограниченные (вообще не имело) гражданские права (Bush, 1996). Впрочем, мы не должны переоценивать экономическую свободу, поскольку в течение нескольких десятилетий после освобождения мобильность рабочей силы во многих частях экономики ограничивалась паспортными системами, что ставило работодателей в заведомо более выгодные условия. Эволюция индивидуальных свобод была результатом взаимодействий конституционных процессов, централизации государств и зарождения армий, комплектовавшихся на основе всеобщей воинской обязанности. Противоречия между индивидуальной и общественной сферами привели к зарождению феномена национализма с мириадами присущих ему форм, что во многом определяет судьбы континента и в наши дни.

НАЛОГОВЫЕ ИНСТИТУТЫ

В XVIII столетии европейские государства добились увеличения налоговых поступлений, необходимых для ведения войн. Независимо от целей войны (расширение своих владений или их защита) правители обязаны были предоставить своим военным денежное содержание (Brewer, 1989; Hoffman and Rosenthal, 1997). Наиболее мощные европейские государства, и, прежде всего, Франция, Англия, Пруссия и Австрия, должны были финансировать либо крупную постоянную армию, либо военный флот (в некоторых случаях и тех и других). Необходимые средства изыскивались посредством различных сочетаний налоговых поступлений, заимствований в период войн и постоянно растущего государственного долга. Не имевшие должных средств государства могли либо перейти на сторону более мощных держав, либо принять нейтралитет. В частности в отсутствие финансовых возможностей Испания и Республика Соединенных провинций Нидерландов вынуждены были смириться с исполнением роли «вторых скрипок» европейской политики (van Zanden and van Riel, 2004; Tortella and Comín, 2001).

Правители прекрасно осознавали, что международная конкуренция — дело дорогостоящее. Понимание данного обстоятельства, в свою очередь, накладывало отпечаток на все внутренние политические процессы. Летом 1764 г. министр иностранных дел Франции герцог Праслен разослал директиву в зарубежные посольства, предписывавшую сбор информации о налоговых системах стран пребывания (Hartmann, 1979). Одновременно Жан-Луи Моро, сеньор де Бомон, интендант финансов, подготовил отчет о налогообложении во Франции. Эти доклады в сочетании с данными современных историков позволяют сделать вывод об огромных различиях в государственных доходах европейских стран в середине XVIII в.

Данные, представленные в табл. 3.1, еще раз привлекают внимание к огромной финансовой мощи, которой обладали в середине XVIII столетия две великие державы — Англия и Франция. Доходы монархии Габсбургов, Испании и Пруссии уступали английским и французским в 2–4 раза. Голландия, способности которой в области налогообложения граждан рассматривались как пример для подражания, находилась лишь на пятом месте с большим отрывом. Приведенная классификация отражает европейскую

ТАБЛИЦА 3.1.

Годовые государственные доходы различных европейских стран около 1765 г. и примерная доля прямых налогов в совокупных налоговых поступлениях в 1770 г.

Страна	Годовые налоговые доходы (около 1765 г.), фунтов стерлингов	Доля прямых налогов (около 1770 г.), %
Франция	12 350 000	49
Великобритания	9 702 172	24
Монархия Габсбургов	3 972 749	51
Испания	3 944 000	10
Голландия	2 417 807	43
Пруссия	2 104 077	32
Швеция	1 734 108	н.д.
Дания	1 029 918	49
Бавария	476 667	46
Австрийские Нидерланды	244 141	0
Гамбург	184 223	30
Республика Соединенных провинций	117 700	0

Источники: Hartmann, 1979; Tortella and Comín, 2001, p. 156 (Испания); Corpens, 1992, p. 293 (Австрийские Нидерланды, 1760–1769 гг.); Fritschy and Liesker, 2004 (Голландия, 1760–1769 гг.); Dormans, 1991, p. 158 (Республика Соединенных провинций, 1762–1768 гг.). Приблизительные валютные курсы на 1766 г. приводятся по Маккаскеру (McCusker, 1978).

политическую реальность, когда за лидерство на континенте соперничали между собой Франция и Англия. Кроме того, мы еще раз убеждаемся, что размер имеет значение. Например, в вольном имперском городе Гамбурге налоговые доходы в расчете на душу населения были такими же, как в Англии. Однако небольшое население не позволяло ни ему, ни любому другому свободному городу сыграть сколько-нибудь заметную роль в европейской политике — военное и политическое лидерство основывалось исключительно на совокупных доходах государства.

Как раз в силу различий в размерах мы не имеем возможности рассматривать государственные доходы, полученные в 1765 г., как показатель налоговой интенсивности. «Блеск» измеренных относительно ВВП доходов Англии просто затмевает аналогичные достижения ее главного соперника — Франции (Mathias and O'Brien, 1976). В 1665–

РИС. 3.1.

Налоговое давление в различных европейских странах, выраженное в размере дневной заработной платы (в серебряной монете) в расчете на душу населения в 1740–1790 гг.

1800 гг. совокупные государственные доходы Англии увеличились с 3,4% ВВП до, по меньшей мере, 12,9%. В то же время во Франции доля налогов в ВВП постепенно уменьшалась: в начале XVIII в. она достигала 9,4%, а в 1788 г. составила лишь 6,8% (White, 2001). Тем самым с точки зрения налоговых институтов Франция оказалась в кругу меньших по размерам стран (таких как, например, Швеция), в которых доходы центрального правительства варьировались в диапазоне 5–10% ВВП (Fregert and Gustafsson, 2005). Уникальный налоговый режим функционировал в Голландии, где в начале 1740-х гг. доходы центрального правительства составляли не менее 14% дохода провинций (Fritschy and Liesker, 2004; de Vries and van der Woude, 1997).

Существенные расхождения в налоговых успехах государств в XVIII в. подтверждаются и данными о соответствующем подушечном налоговом бремени, измеренном в дневном заработке неквалифицированных рабочих. Согласно имеющимся сведениям за 1740–1790 гг. налоговым «чемпионом Европы» вновь была Голландия, с которой в 1780-х гг. сравнилась Англия (рис. 3.1). В обеих странах в 1790-х гг. средний гражданин уплачивал государству в форме налогов эквивалент получаемой в течение месяца дневной заработной платы. В 1740–1770 гг. существен-

но улучшились и налоговые результаты Франции. Однако вплоть до Великой революции она оставалась далеко позади Англии и Голландии. То же самое относится и к занимавшим территории Австрии, Венгрии и Богемии землям империи Габсбургов. Ее подданные никогда не отдавали центральному правительству за год более чем тринадцатидневный эквивалент дневной заработной платы за неквалифицированный труд.

Одно из возможных объяснений этих межстрановых различий заключается в замене косвенных налогов (таможенные сборы и акцизы) прямыми налогами на недвижимость, поступлениями из принадлежавших короне областей или от продажи монопольных прав. Образцовой в этом смысле страной являлась Англия: к 1765 г. земельные налоги обеспечивали поступление едва ли не четверти государственных доходов. Остальная часть доходов формировалась благодаря импортным и экспортным пошлинам, а также налогам на потребительские товары. Еще один наглядный пример — Голландия. Но здесь на долю прямых налогов на землю, недвижимость, финансовые активы и доход приходилось уже 43% совокупных поступлений в государственный бюджет. Во Франции в середине XVIII в. прямые налоги составляли почти половину государственных доходов (Riley, 1986b, pp. 55–65). С другой стороны, такие страны, как Пруссия и монархия Габсбургов, в большей степени полагались на налоги на собственность, налоги на землю и продажи монопольных прав. В 1765 г. правители земель Габсбургов (16%), Австрийских Нидерландов¹ (16%) и Пруссии (31%) все так же получали значительную часть дохода из своих собственных владений (Hartmann, 1979, p. 318). Аналогичное положение имело место и в Испании; свыше одной трети доходов приносили таможенные пошлины и акцизы, но остальные средства поступали в форме денежных трансферов из колоний, от продажи монополий и земельных налогов (Tortella and Comín, 2001).

Однако, если косвенно налогообложение было настолько более эффективным, почему другим странам не удалось воспользоваться опытом Англии или Голландии? Конечно, отнюдь не из-за недостатка

1. Австрийские Нидерланды — южная часть Нижних земель, которая с XVI в. по 1713 год находилась под властью испанских Габсбургов (Испанские Нидерланды), а с 1713 по 1794 гг. — под властью австрийских Габсбургов. Местное население было недовольно таким поворотом и восстало против австрийских чиновников в 1789–1790 гг., в результате чего в январе 1790 г. были созданы Бельгийские соединенные штаты, просуществовавшие до декабря того же года. Во время революционных войн в 1794 г. Южные Нидерланды были присоединены к Франции, разделены на 9 департаментов и оставались в таком положении до 1815 г.

Венский конгресс (1815) объединил Южные Нидерланды с Северными (а также епископством Льежским) в единое королевство Нидерланды, однако уже через 15 лет католическое большинство бывших испанских и австрийских провинций вновь обрело политическую самостоятельность, выделившись в королевство Бельгия. Помимо Бельгии, на территории Южных Нидерландов ныне находится еще одно политическое образование — великое герцогство Люксембургское.

желающих. Европейские правители хорошо знали особенности финансовой политики своих соперников и стремились усовершенствовать собственные налоговые системы (Bonney, 1995, pp. 428–430). К 1720 г. большинство правителей пришли к выводу о пагубных последствиях практики порчи монеты. В то же самое время важнейшие игроки и многие из меньших по размерам государств учредили центральные органы, призванные наблюдать за сбором налоговых платежей, усовершенствовали практику регистрации владельцев крупных состояний и пригласили специалистов для рассмотрения целесообразности налоговых реформ (Fritschy and Liesker, 2004; Capra, 1995; Irigoien and Grafe, 2006). В XVII в. в большинстве стран в той или иной степени взимались акцизные сборы, а в XVIII столетии широкое распространение получили эксперименты с налогообложением дохода (O'Brien, 1988a; White, 2001; Tortella and Comín, 2001; de Vries and van der Woude, 1997, p. 112).

Практический сбор налогов тоже вообще не был проблемой. Подавляющее большинство европейских правителей отдавало сбор значительной части причитавшихся им налогов на откуп. Система откупов обеспечивала краткосрочный кредит и устойчивый поток доходов. Основным недостатком практики предоставления налоговых откупов были неизбежные накладные расходы. В XVII в. в Испании около 40% доходов, возможно, «прилипало к рукам» откупщиков (Tortella and Comín, 2001). Сбор налоговых платежей государственными служащими требовал гораздо меньших затрат. Например, в Голландии после 1750 г. прямой сбор налогов обходился в 8–9% совокупных поступлений (Fritschy and Liesker, 2004, pp. 57–62). Безусловно, представляется маловероятным, что правители смирились бы со слишком высокими безвозвратными потерями. И действительно, в конце XVIII в. во Франции издержки сбора налогов могли быть такими же низкими, как в Англии (Norberg, 1994; Lindert, 2004).

Вслед за Питером Диксоном и его основополагающей работой, посвященной государственным финансам Англии, сегодня многие специалисты по экономической истории подчеркивают ценность представительного правительства. В ходе Славной революции 1688 г. были консолидированы права парламента по контролю над «кошельком» короны; в обмен парламентарии голосовали даже за повышение налогов. В данном случае расширение влияния британского парламента происходило

одновременно с общим ограничением полномочий представительных ассамблей в Испании, Франции и странах Восточной Европы. В рассматриваемом контексте интересен феномен Республики Соединенных провинций Нидерландов. Несмотря на представительное правительство и высокие уровни косвенного налогообложения, после 1715 г. ей так и не удалось собрать средства, достаточные для продолжения борьбы за военное первенство.

Менее успешные в решении финансовых проблем государства отличал не только недостаток или отсутствие парламентского контроля над налогообложением и расходами. Аналогичные трудности испытывали и сложно устроенные монархии, в состав которых входили территории, пользовавшиеся традиционными свободами, имевшие собственные политические структуры и налоговые системы. Во Франции, в Испании и на землях Габсбургов центральное правительство безуспешно пыталось преодолеть исторически унаследованные институциональные барьеры (Dickson, 1987; Irigoien and Grafe, 2006). Например, налоговые платежи в расчете на душу населения жителей таких французских *généralités*, как Париж, Лион и Руан, всегда значительно превышали налогообложение Бретани, Бургундии или Прованса (White, 2001). От раздробленности страдали даже наиболее успешные из налоговых режимов. Англии пришлось согласиться на получение очень низких платежей из отдаленной Шотландии (O'Brien, 1988a), а центральное правительство Республики Соединенных провинций было вынуждено вести непрерывные переговоры о размерах налоговых платежей, поступавших из семи ее областей.

В данном контексте следует упомянуть и о проблеме местного партикуляризма. В соответствии со своими традиционными свободами города и провинции осуществляли налоговое администрирование и присваивали значительную часть доходов (O'Brien, 2001; Dincesso, 2007). Например, во Франции провинциальные власти противодействовали изменениям ставок земельного налога и увеличению совокупных платежей. Кроме того, были установлены твердые налоговые квоты для городов и регионов. Ограничение доходов центрального правительства имело особенно важное значение в тех случаях, когда местные экономики успешно развивались и набирали силу, как в случае с фландрскими и брабантскими городами в Австрийских Нидерландах, городскими респуб-

ликами Швейцарской Конфедерации или каталонскими портами. Городская автономия означала, что монархии сталкиваются с еще одним непреодолимым ограничением. Голландии пришлось пережить тяжелый политический кризис (в 1570-х гг. ее армия потерпела неизбежное поражение в сражениях с испанцами), прежде чем города согласились передавать центральному правительству две трети получаемых на местах доходов. И наконец, во многих регионах налоговые освобождения несли с собой немалые выгоды знати, духовенству, а в некоторых случаях и значительной части населения. В целом при *Ancien Régime* традиционные привилегии подрывали налоговую базу государства. Для того чтобы укрепить свои позиции, правители Франции и Австрии обратились к *ad hoc* налоговой политике, что, скорее, усложнило, чем облегчило ситуацию с государственными финансами (Dickson, 1987; Vonnep, 1999). Такая политика не только требовала более высоких затрат с точки зрения администрирования; произвольный характер многих первоочередных мер ограничивает степень соответствия налоговой системы и поставленных перед нею задач.

Налоговая централизация позволила бы решить все эти проблемы. Однако основным условием ее осуществления было значительное перераспределение политической власти во всех государствах Европы за исключением Англии (Dincesso, 2007). Этим во многом определяется важнейшее значение Великой французской революции и последующих наполеоновских войн. Для того чтобы финансировать европейские завоевания Франции, необходимо было повысить налоги и увеличить заимствования. Впоследствии она в большей степени могла положиться на контрибуции, получаемые с зависимых территорий. Единственный оставшийся ее противник — Англия, должен был изыскать средства для ведения беспрецедентной военной кампании. Первой реакцией английской власти стало введение добавочных налогов на богатство и доходы. В Англии по инициативе У. Питта-мл. были введены первые налоги на доходы. В конце XVIII в. для покрытия возросших расходов налогообложение доходов было введено и в Республике Соединенных провинций Нидерландов (Fritschy, 1988). Наполеоновские завоевания ускорили меры по централизации налоговых систем, предпринимаемые правительствами Пруссии, Испании и Соединенных провинций (Poell, 2008).

Мы уже упоминали, что произошедшая после поражения Бонапарта и Венского конгресса 1815 г. политическая реконфигурация обусловила частичный отказ от изменений в налоговой сфере. Налоговая централизация не имела успеха в Нидерландах до либеральной «революции» 1848 г., поскольку принятие абсолютистской конституции Вильгельма I позволило уклониться от парламентского контроля над государственными финансами (van Zanden and van Riel, 2004). В Испании унификации налоговой системы в 1845 г. предшествовали несколько десятилетий острого внутреннего соперничества между абсолютистами, реакционерами и либералами (Tortella and Comín, 2001). В свою очередь, англичане отказались от налогов на доходы и вернулись к акцизам и таможенным пошлинам. В данном случае им удалось добиться снижения издержек, связанных со сбором налогов, до 5% от общего объема поступлений (Lindert, 2004). В большинстве стран проблемы налоговой централизации находили отражение в доле косвенных налогов в совокупных налоговых платежах. В 1870 г. типичной была ситуация, когда центральное правительство обеспечивало благодаря налогам на состояние или доходы от 20% до 40% поступлений в бюджет. Остальная их часть приходилась на таможенные платежи и, особенно, после либерализации торговли в 1850–1860 гг., акцизные сборы (Flora, 1983; Mitchell, 2003).

Неудивительно, что в сложившихся условиях доходы центрального правительства возрастали довольно медленно (в лучшем случае). В 1870 г. в большинстве стран налоговое бремя было не тяжелее, чем столетие назад. Совокупные налоговые платежи, собиравшиеся центральными правительствами, по-прежнему не превышали 10% ВВП. Во Франции доля налогов в ВВП в действительности снизилась с 10,4% в 1820 г. до 6,9% в 1870 г. В Соединенных провинциях расходы центрального правительства снизились с 14% ВВП в 1840 г. до 8% в 1870 г. (van Zanden and van Riel, 2004). В какой-то степени это снижение объяснялось расширением национальных экономик — абсолютные налоговые поступления увеличились, так как после 1815 г. в европейских странах заметно возросли темпы роста ВВП (по сравнению с периодом до 1789 г.). Таким образом, страны, расположенные на Северо-Западе Европы, не могли пожаловаться на пустоту государственных «кошельков». Впрочем, картина, складывавшаяся в Южной и Центральной Европе, была далеко не столь «розовой»,

так как в этих регионах темпы роста ВВП были значительно более низкими.

В ослаблении налогового бремени проявилось и уменьшение количества периодически вспыхивавших в Европе военных конфликтов. Англия, Франция и Испания продолжали борьбу за расширение своих заморских империй. Но эти колониальные войны требовали значительно меньших затрат, или, как в случае с Испанией, были проиграны уже в самом начале. В то же самое время правительства продемонстрировали неспособность или нежелание предложить в обмен на собранные налоги что-то другое, помимо сильной армии. В этом смысле за 1700–1870 гг. Европа практически не изменилась. Центральные правительства проявили великолепные способности к созданию налоговых институтов, необходимых для сбора денег. Но полученные средства едва ли не в полном объеме направлялись на ведение войн или обслуживание возникавших в связи с ними долгов. Европейские правительства даже не рассматривали возможность использования растущих налоговых платежей для предоставления общественных благ в большем, чем прежде, объеме. В этом отношении в XIX в., по мнению многих исследователей, правительства большинства европейских стран предпочитали перекладывать бремя или выгоды инфраструктурных работ на местные органы власти или на частный сектор.

КОММЕРЧЕСКОЕ ПРАВО

Обсуждавшиеся выше политические и налоговые изменения совпали по времени с правовой реформой. В экономической истории установилось мнение, согласно которому в развитых экономиках движущей силой права являются, скорее, технологические, а не политические изменения. В «отсталых» же экономиках, напротив, экономический рост рассматривается как «заложник» правового консерватизма, прежде всего, с точки зрения ограничений на создание компаний (инкорпорацию) (Landes, 1969, Freedeman, 1979). В последнее время экономисты утверждают, что институты общего права ряда государств (в Европе, Ирландии и Великобритании) более быстро реагируют на воздействия экономических сил (La Porta et al., 1997). Институты стран, системы права в которых ведут свою историю от римского и более позднего французского кодек-

сов (к ним относятся все страны европейского Средиземноморья и те государства, которые в прошлом входили в состав Османской империи), демонстрируют не столь быструю отзывчивость. Германская и скандинавская традиции находятся где-то между этими двумя полюсами.

Ни один из приводимых историками аргументов не является полностью удовлетворительным. Конечно, первые преследовавшие деловые цели корпорации появляются около 1600 г., в то время как общие законы, регулирующие их создание, по большей части были приняты после 1850 г., *после* начала индустриализации. Согласно второму выдвигаемому ими аргументу существовавшие институты (право) рассматриваются как неизменные, в то время как они непрерывно эволюционировали. В то же время соответствующие кодексы были весьма ограниченными в объеме, что открывало возможность для широких интерпретаций их положений судьями и для пересмотра законодателями. В странах общего права судьи, принимая решения, должны были опираться и на прецедент, и на установления законов. Представляется, что на континенте на практике дело обстоит также. Европейское коммерческое право повсеместно зависело от накопленных юридических знаний и опыта, уходивших в глубь веков (Hilaire, 1986). Поэтому, прежде чем мы перейдем к анализу изменений, связанных с Великой французской революцией и общими законами создания деловых предприятий, обратимся к наследию прошлого.

Как известно, каноническое (церковное) правило изначально было весьма недружелюбно в отношении кредита. Однако основные, связанные с долгами юридические проблемы были решены уже к 1700 г. Везде, включая христианские и иудейские общины Османской империи, занимавшиеся коммерцией люди имели право выпускать и индоссировать векселя и коммерческие облигации. Вообще говоря, частные лица могли осуществлять заимствования посредством передачи в залог земли и других активов или просто подписывая частные обязательства. Более сложным в этом контексте был вопрос о капитале. До начала XIX в. фирмы, принадлежавшие нескольким собственникам, как правило, были партнерствами. Однако и здесь были исключения. В торговом судоходстве и горном деле издавна прижилась такая форма, как совместные предприятия (Harris, 2000). Доли в капитале этих фирм могли покупаться и продаваться, а обязатель-

ства инвесторов носили ограниченный характер. Однако во многих других отношениях они имели значительное сходство с партнерствами, поскольку «рынок» капитала был в высшей степени ограниченным (в нем участвовали либо вовлеченные в предприятие отдельные люди, либо жители этого же города). Участники партнерства принимали на себя неограниченную ответственность, а капитал предприятия относился к неторгуемым объектам. И в этом смысле право, регулировавшее область деловых отношений, было довольно примитивным. Даже в негласных партнерствах (законных только в некоторых странах) доли в капитале были личными, а продать или приобрести их было очень трудно. До наступления XVIII в. деятельность лишь нескольких из существовавших в то время корпораций была тесно связана с государством.

На протяжении XVIII в. возможность изменений ограничивалась последствиями финансового кризиса 1720–1721 гг. В Англии они были успешно преодолены, в частности, благодаря появлению такого инструмента как консолидированный торгуемый государственный долг. «Закон о пузыре» (1720) существенно ограничил развитие новых форм привлечения капитала. Французское и голландское правительства заняли в равной степени ограничительную позицию в отношении привилегированных корпораций. Но им не удалось консолидировать государственный долг в публично торгуемых финансовых инструментах. Тем не менее начало реформам было положено еще при старом режиме, прежде всего с французского *Code de Commerce* («Коммерческий кодекс») 1673 г. (Hilaire, 1986, ch. 2).

Переломным моментом в эволюции права, а также всех остальных аспектов жизни, стала Великая французская революция. Реформы носили очень широкий характер, а их кульминацией стало принятие целого ряда кодексов (наиболее известными из них являются гражданский, уголовный и коммерческий). Военные успехи Франции гарантировали, что написанные в Париже законы получают самое широкое распространение в Европе. Однако импульс к реформам имел местное происхождение. До 1789 г. большинство провинций Франции пользовались общепризнанными привилегиями (собственные законы и налоговая автономия)². В провинциях функционировали специальные апелляционные суды (*parlement*), рассматривавшие новые королевские законы на предмет их соответствия местным традициям и прецедентам. К 1789 г. во Франции

2. Региональная правовая специфика была неременным атрибутом всех, за исключением самых мелких европейских государств, включая Великобританию (о чем свидетельствует, например, практика предоставления банковских услуг в Шотландии).

оставались значительные региональные различия в правах собственности, кредита, наследования и, в меньшей степени, в праве, регулировавшем область деловых отношений. Революция не могла смириться с этим беспорядком. Согласно получившим широкое распространение оценкам принятые в период правления Наполеона Бонапарта унифицированные кодексы предоставляли слишком много полномочий исполнительной власти. Кроме того, они отражают стремление революционеров к едва ли не полному разрыву с прошлым. *Ancien Régime* может быть охарактеризован как аристократический, основанный на первородстве мужчины и привилегиях, получавшихся по праву рождения, месту жительства, области деятельности и даже богатству. Поэтому в гражданском кодексе была предпринята попытка предложить такие законы в сфере собственности и семейных отношений, которые не «замечали» бы всех этих различий.

Законодатели стремились ограничить сферу влияния лиц, обладавших значительной властью и ресурсами, и предоставить защиту людям, позиции которых воспринимались как слабые. Гражданский кодекс ввел новые правила раздела имущества, ограничив возможности завещателей в выборе наследников. Кроме того, были введены четкие правила администрирования собственностью несовершеннолетних и недееспособных, защиты принадлежавшего женщинам приданого от претензий кредиторов их мужей, а также определены права и обязанности должников перед кредиторами³. В кодексе устанавливались простые правила аренды и продажи имущества. Одновременно благодаря реформам были созданы существенно важные элементы режима прав собственности, предназначенного для защиты недвижимости и требований о возврате частных долгов посредством регистрации титулов и залогов. Более традиционным, возможно, было сохранение за нотариусами роли посредников в семейных отношениях. Необходимость вмешательства нотариусов, пусть и относительно редко, в гражданские дела была повсеместной (Hoffman et al., 2000). Во время революции была предпринята попытка придания им статуса гражданских служащих, но она потерпела неудачу. Поэтому консульское правительство санкционировало возвращение к регулируемому рынку должностей нотариусов. Нотариально заверенные контракты имели решающее преимущество перед обычными частными транзакциями:

3. В этих вопросах гражданский кодекс во многом основывался на римском праве. Однако традиционные положения были дополнены новыми (в пропорции — примерно половина на половину), направленными на обеспечение равного раздела имущества.

каждый, кто пытался оспорить исполнение такого договора, должен был взять на себя бремя поиска доказательств (Woloch, 1994).

Рассматриваемые нами кодексы были короткими и, в силу сложившихся обстоятельств, неполными. Таким образом, жившие в XIX в. люди стали свидетелями непрерывного потока законодательных действий и встречного течения апелляционных решений, каждый из которых способствовал совершенствованию французских кодексов (даже в тех случаях, когда пересмотр тех или иных положений признавался нецелесообразным). Несмотря на то что апелляционные решения публиковались не в полном объеме (как это принято в странах, в которых действует общее право), ссылками на них пестрели юридические комментарии, этот главный компаньон кодексов и законов в любом государстве.

Предполагалось, что торговля и промышленность (далее — коммерция) нуждаются в правилах, которые будут отличаться от прописанных в «бесстрастном» гражданском кодексе; необходимость удовлетворения этих потребностей обусловила принятие в 1807 г. коммерческого кодекса. Если гражданский кодекс был дружественным по отношению к должникам и предусматривал длительные процедуры, то в коммерческом кодексе на первом месте были интересы кредитора и подчеркивалась необходимость быстрого разрешения споров хозяйствующих субъектов. Там, где гражданский кодекс ограничивал стороны договоров, его коммерческий «собрат» оставлял деловым людям значительную свободу в принятии правил, необходимых для управления взаимодействиями контрагентов. Гражданский кодекс исполнялся официальными лицами (нотариусами и судьями), в то время как коммерческий кодекс открыл возможность создания специальных судов, в которые входили сведущие в деловых вопросах люди, полагавшиеся, прежде всего, на экспертные суждения.

Быстрому распространению кодексов способствовала оккупация большей части Европы французскими войсками под командованием Бонапарта. Они были заимствованы в Бельгии, Италии, Нидерландах, в некоторых частях Германии, в Испании и Швейцарии (табл. 3.2). Однако уже в 1815–1860 гг. в большинстве этих стран на основе заимствованных были подготовлены собственные кодексы, в которые в некоторых случаях были внесены существенные изменения. Например, только во Франции

ТАБЛИЦА 3.2.
Реформирование коммерческого права в Европе

Страна	Принятие кодексов в результате фран- цузской оккупации или аннексии	Дата принятия коммерческого кодекса	Дата приня- тия общих зако- нов о создании компаний
Австро-Венгрия	Нет	1811	1899
Бельгия	Да	1851	1873
Ирландия	Нет	Не принимался	1857
Италия	Да	1865	1883
Франция	н.д.	1807	1867
Германия	Частично	1861	1870
Греция	Нет	1827	н.д.
Нидерланды	Да	1838	1863
Пруссия	Нет	1807	1870
Португалия	н.д.	1833	1888
Россия	Нет	1836	Не принят до 1917 г.
Испания	Да	1830	1869
Сербия	Нет	н.д.	н.д.
Швеция	Нет	н.д.	1895
Швейцария	Да	н.д.	н.д.
Великобритания	Нет	Не принимался	1857

ПРИМЕЧАНИЕ: Для регионов, оккупированных во время правления Наполеона Бонапарта, дата заимствования коммерческого кодекса совпадает с датой введения в действие «внутреннего» кодекса.

Источники: Lescoeur, 1877; Harris, 2000; Hecksher, 1954; Jonker, 1996; Owen, 1991; Cameron, 1967.

были созданы отдельные коммерческие суды; кроме того, ни в одной из перечисленных выше стран не придавалось столь же важного значения нотариально заверенным частным контрактам. Реформы были осуществлены даже в тех странах, в которых сами кодексы были приняты несколько позже (например, в Пруссии, Австрии или Португалии). В Пруссии, монархия в союзе с модернизаторами подготовила свой собственный набор кодексов. Некоторые его отличия от французского варианта объясняются конфликтами между аграрной Восточной Пруссией и более коммерциализированным западом страны. Впоследствии необходимость консолидации этих частей Герма-

нии под иным, чем прусское, правлением отрицательно отразилось на способности введения относительно простого комплекса единственных в своем роде институтов.

Широкомасштабные, но без принятия кодексов, законодательные реформы были осуществлены и в скандинавских странах. В стороне от ассоциировавшей с введением кодексов «моды» на реформы гражданского и коммерческого законодательства, распространившейся в Европе в начале XIX в., остались лишь Россия и Османская империя. Важно, что в той или иной форме, но кодексы были приняты во всех новых центральноевропейских странах. Часть из них стремилась поскорее расстаться со своим османским, российским или австрийским прошлым. И в этом случае чем дальше, тем ниже была вероятность того, что они возьмут за образец французские оригиналы. Действительно, французские кодексы оставались неизменными на протяжении всего XIX столетия, и разумнее было начинать создание правовой базы на основе более современных испанских или итальянских кодексов.

В последнее время исследователи подчеркивают то обстоятельство, что по сравнению со странами общего права исполнительная власть континентальных государств имела более широкие возможности для вмешательства в процесс судопроизводства. Принятие кодексов, бесспорно, в значительной степени способствовало усилению централизации и единообразия. Однако критики должны иметь в виду, что одна из особенностей Англии заключалась в отсутствии регионального институционального многообразия. Мы располагаем лишь ненадежными свидетельствами (возможно, их просто не существует) о том, что неэффективность кодексов обусловила снижение темпов индустриализации на континенте. Следует признать, что в дополнительной проверке нуждаются и другие гипотезы, в частности предположения о том, что введение кодексов и неудача в разделении судебной и исполнительной ветвей власти заложили основы для осуществлявшихся в XX в. институциональных изменений, неблагоприятных для развития рыночных начал в экономике.

Корпорация — символ государственно-частного институционального сотрудничества в начале процесса индустриализации, и успех или неудача в развертывании корпораций в экономической истории довольно часто используется как объясняющая метафора (Landes, 1969; Chandler, 1977; Freedeman, 1979). До 1850 г. любая корпорация созда-

валась группой лиц по специальному разрешению монарха или законодательного органа (Mousnier, 1974; Epstein, 2000). Ее предназначение могло состоять в местном администрировании (муниципалитеты или провинциальные органы власти) или в предоставлении государственных услуг (нередко корпорации образовывались королевскими администраторами). Корпорация могла заниматься, например, сбором налогов в пользу короны (например, известная корпорация генеральных откупщиков во Франции). Эти организации сыграли важнейшую роль как предшественники деловых корпораций, поскольку они представляли собой обезличенные ассоциации, преследовавшие светские цели. Более всего нас интересуют три важнейших атрибута корпорации: юридическая правосубъектность (они могли обращаться с исками в суд и выступать в нем в качестве ответчика); продолжительное существование, независимое от первоначального состава участников, и делегированное управление; эти корпорации редко, если вообще когда-либо, предполагали принцип ограниченной ответственности. Начиная со Средних веков понятия корпорации и материальной выгоды шли рука об руку, однако источником второй является вознаграждение за предоставление тех или иных государственных услуг. В эпоху Великих географических открытий положение корпораций радикально изменилось, так как во многих случаях от их деятельности зависели результаты усилий европейских государств, направленные на создание империй и присвоение сокровищ (Harris, 2000).

В XVIII в. экспансии корпораций препятствовали два обстоятельства. Большинство правителей не могли позволить себе либерализацию правил создания корпораций, так как это привело бы к значительному сокращению доходов — монархи получали значительные платежи за авторизацию новых организаций или облагали налогом монопольно высокие прибыли. Другим препятствием была плохая репутация подписки на акции после коллапса, вызванного взрывами финансовых пузырей в 1719–1721 гг. в Амстердаме, Лондоне и Париже. Тем не менее к 1770 гг. корпорации возвращаются на сцену. Причины их повторного появления коренились в двух совершенно разных комплексах предприятий: общественного пользования (каналы и множество других улучшений) и финансовых (страховые компании и инвестиционные фонды). В обоих случаях корпорация была наиболее желательной, по срав-

нению с альтернативными, организационной формой, так как она позволяла распределить риски (сопоставление с единоличным владением) и обеспечить получение дохода принципалами (сопоставление с доверительным управлением), а также защиту от ликвидации в случае смерти принципала (сопоставляя с партнерством). В то же время чисто промышленные предприятия были лишены простого и легкого доступа к преимуществам, которые несла с собой корпорация.

Авторы французского коммерческого кодекса следовали общей практике, выдвинув требование о том, что учредителям корпорации необходимо получить предварительное разрешение государства на ее создание. Столкнувшись со спросом на акционерные предприятия, они предусмотрели возможность свободного создания партнерств с ограниченной ответственностью (*commandites par actions*). Если «молчаливые» компаньоны несли ограниченную ответственность и имели возможность продать свои акции, то управляющие партнеры обязаны были взять на себя всю полноту ответственности за деятельность компании. Высшей властью в акционерных компаниях считалось собрание акционеров (молчаливых и генеральных), но в промежутках между ними фирмой управлял генеральный партнер. Эта организационная форма предприятия пользовалась популярностью во Франции, Нидерландах и Германии. Ее распространение должно было привести к снижению спроса на корпорации, однако история «захвата» Европы акционерными компаниями до сих пор не написана.

В первой половине XIX в. общее правило заключалось в том, что в каждой стране было создано не очень много собственных корпораций. Исключение составляла Бельгия, не уступавшая по количеству корпораций Франции. В 1840–1850 гг. произошла либерализация правил создания корпораций. Первой она была осуществлена в Англии. Частично потому, что общее право не предусматривало создания молчаливых партнерств, потребность в новых формах акционерных предприятий была здесь выше, чем на континенте. В 1825 г. в Англии право на существование получили корпорации с полной ответственностью, в 1844 г. — с двойной ответственностью, и наконец, в 1855 г. — без ответственности. Вскоре примеру Англии довольно бессистемно последовали континентальные страны (см. табл. 3.2). Трудные проблемы регулирования и руководства деятельностью корпораций возникли лишь в следующем веке.

ГОСУДАРСТВО И СФЕРА ИНФРАСТРУКТУРЫ

Особым, наиболее конкретным разделом нашего изложения является описание сферы инфраструктуры. Оно служит своего рода плавильным тиглем, в котором соединяются друг с другом политические, налоговые и правовые изменения. Политические и налоговые структуры диктуют уровень, на котором государства или частные фирмы предоставляют инфраструктурные услуги, а правовые институты определяют степень вовлеченности в ее создание местных субъектов и частных инвесторов в тех случаях, когда центральные органы уделяют этим вопросам меньшее внимание. Таким образом, сфера инфраструктуры предлагает перспективные возможности анализа способов влияния различных институтов на экономическое развитие. Мы предлагаем краткий обзор политики строительства дорог, развития водного и железнодорожного транспорта в различных частях Европы. Ключевая тема — как разграничение полномочий между властями разных уровней (ограничений суверенитета) и степень политической раздробленности помогают объяснить различия в моделях государственного вмешательства и развития инфраструктуры. Отметим, что во многих случаях государственная политика развития инфраструктуры реформировалась под влиянием аналогичных усилий соседних стран.

Дороги

В 1700 г. большинство европейских дорожных сетей обслуживалось местными властями (например, властями деревень, городов, владельцами поместий, церквями). Некоторые из них отвечали за предоставление рабочей силы (например, практика обязательной отработки крестьян (*corvée*) во Франции или трудовой повинности в Англии), в то время как другие взимали плату за пользование дорогами. В то же время, поскольку местные власти располагали ограниченным набором инструментов надзора и взимания налогов, уже имевшиеся дороги обслуживались спустя рукава, а новые строились довольно редко.

Многие европейские государства предпринимали шаги по усовершенствованию дорожной сети. Одним из специфических аспектов английской дорожной политики было

соединение местной инициативы и парламентского надзора. Например, инициативная местная группа могла обратиться с петицией в парламент о создании «дорожного треста», взимании платы за пользование и улучшение участка дороги. К 1840 г. в Англии и Уэльсе протяженность платных дорог составляла 30000 км. Обслуживание этих дорог не вызывало нареканий, что позволяло использовать крупные фургоны и скоростные кареты (см. Bogart, 2005a).

Широкая сеть платных главных дорог была создана и на юге Нидерландов. Система ее обслуживания во многом напоминала английскую, сочетая местную инициативу и надзор со стороны австрийского правительства. В начале 1800 гг. французские власти отменили плату за пользование дорогами. Однако уже в 1814 г. дорожные платежи были восстановлены (Milward and Saul, 1973, p. 441). В течение следующих нескольких десятилетий протяженность дорожной сети во Фландрии, Брабанте и Эно достигла 3000 км (Ville, 1990, p. 16).

Иной подход использовался в Испании и Франции. В XVIII в. корона объявила несколько магистралей королевскими дорогами, а остальные — местными. Королевское правительство обеспечило финансирование и назначило администрацию (во Франции — Корпус дорог и мостов (*Ponts-et-Chaussées*), ответственную за строительство и содержание этих магистралей. Ответственность за второстепенные дороги была возложена на муниципалитеты, во многих случаях использовавших обязательные отработки (*corvée*). К началу XIX в. общая протяженность дорожной сети во Франции достигла 43000 км. Свыше половины (по протяженности) составляли королевские дороги (Price, 1983, p. 37).

В период правления Наполеона Бонапарта французская дорожная сеть практически не изменилась. В то же время после 1814 г. французское правительство увеличило финансирование строительства национальных магистралей. К 1840 г. протяженность основной дорожной сети увеличилась с 25700 км до 34000 км. Произошли изменения в финансировании и организации второстепенных дорог. Согласно принятому в 1836 г. закону были расширены полномочия муниципалитетов по взиманию налогов, а советы департаментов получили право повышать налоги с целью сбора средств на строительство и обслуживание региональных дорог. Представляется, что благодаря принятию этого закона расходы на строительство и обслужи-

ТАБЛИЦА 3.3.
Дорожная политика некоторых европейских стран
в 1700–1840 гг.

Страна	Описание дорожной политики	Протяженность дорог в расчете на 1000 чел. населения около 1840 г. (км/1000 чел.)	Плотность дорожной сети около 1840 г. (км/км ²)
Англия и Уэльс	Смешанная сеть платных главных и местных дорог	Платные главные дороги — 1,98; местные — 7,54	Платные главные дороги — 0,13; местные — 0,49
Южные Нидерланды/Бельгия	Смешанная сеть платных главных и местных дорог	Платные главные дороги — 1,22; местные — н. д.	Платные главные дороги — 0,17; местные — н. д.
Франция	Смешанное местное и государственное финансирование	Королевские — 1,0; местные — 0,88	Королевские — 0,05; местные — 0,05
Испания	Смешанное местное и государственное финансирование	Королевские — 0,6; местные — н. д.	Королевские — 0,015; местные — н. д.

Источники: Англия и Уэльс (31500 км платных главных дорог и 120000 км приходских дорог), *British Parliamentary Papers, Report on Roads*, 1841, XXVII, p. 79; Южные Нидерланды (3000–5000 км преимущественно главных дорог), *Ville*, 1990, p. 16; Франция (34200 км королевских дорог и около 30000 км второстепенных дорог), *Price*, 1983; Spain (5000–7500 km royal roads), *Ville*, 1990, p. 17. Данные о населении — *Mitchell*, 1975.

вание местных дорог во Франции в 1837–1850 гг. увеличились почти на 50% (*Price*, 1983, pp. 37–41).

Как политика государства воздействовала на состояние дорожной инфраструктуры? Оценку ее результатов мы можем дать в нескольких измерениях, с помощью таких показателей, как протяженность дорожной сети, ее качество и затраты на переезд и транспортировку. Мы сосредоточим внимание на показателе протяженности дорожной сети, поскольку он зависит от объема инвестиций в дорожное строительство. В табл. 3.3 представлены данные о протяженности дорог в расчете на душу населения и плотности дорожной сети в нескольких европейских странах. Англия и Южные Нидерланды значительно превосходили по этим показателям Францию и Испанию.

Возникает вопрос, могли бы Франция и Испания добиться расширения дорожной сети, если бы они отказались от королевских дорог и переняли практику строительства платных дорог? Ответить здесь на этот гипотетический вопрос невозможно; однако заимствование этими странами зарубежного опыта, скорее всего, оказало бы гораздо меньшее воздействие, чем где-либо еще. Английские дорожные тресты инвестировали средства в строительство, будучи уверенными в своем праве на взимание платежей с пользователей дорог. Совсем необязательно, что французское или испанское королевское правительство могло обеспечить аналогичные гарантии. Таким образом, частные инвесторы, рассматривавшие целесообразность вложений в строительство дорог, скорее всего, испытывали бы обоснованные сомнения.

Отрицательное воздействие на инвестиции в дорожное строительство оказывала и политическая раздробленность. В условиях множественных юрисдикций платные дороги были едва ли возможны, так как каждый орган власти стремился бы к установлению более высокой платы за пользование дорогой, чем другие. Конечно, крупное абсолютистское государство, такое как Франция или Испания, вероятно, могло бы решить эту проблему, но во многих случаях корона испытывала недостаток политической воли или ресурсов, необходимых для контроля над собственными структурами. Неудивительно, что до наступления XIX в. трансконтинентальные или транснациональные дорожные магистрали были большой редкостью.

Водные пути

Улучшение водных путей осуществляется посредством расширения или углубления русел рек и строительства каналов. Некоторым областям Европы повезло, на их территории находилось большое количество судоходных рек. Шире всего удача улыбнулась Республике Соединенных провинций Нидерландов. Сеть судоходных водных путей финансировалась и принадлежала муниципалитетам таких городов, как Утрехт, Амстердам и Гарлем, получивших соответствующие права от правительств таких провинций, как Голландия. Правительства провинций предоставляли *octrooi* (патенты), в которых определялись права муниципалитетов и размеры назначаемой ими пла-

ты за пользование водными путями. В XVII в. параллельно с развитием коммерции и урбанизацией в Голландии быстро расширялась и сеть каналов. К 1700 г. страна обладала наиболее протяженной в Европе сетью водных путей, включавшей в себя 650 км каналов (de Vries, 1978).

В начале XVII в. подражать Республике Соединенных провинций пыталась Англия. Добиться сопоставимых успехов ей помешало соперничество между королем и парламентом относительно разрешений на право усовершенствования речной навигации. В процессе изменения баланса власти, король и парламент аннулировали уже выданные разрешения. Только после окончания политической борьбы в конце 1690-х гг. компании и города начали осуществлять значительные инвестиции сначала в речную навигацию, а затем и в строительство каналов. К 1840 г. протяженность судоходных водных путей в Англии превысила 7000 км. Тем самым она могла поспорить с Голландией за титул наиболее широкой сети водных путей в Европе (Willan, 1964).

Во Франции каналы строились на протяжении XVII–XVIII в., однако сеть ее водных путей никак нельзя было назвать плотной. Создание многих из них было начато частными группами в обмен на те или иные привилегии, обещанные королем или ассамблеями провинций. Тем не менее лишь некоторые проекты были доведены до конца, и во второй половине XVIII в. финансирование строительства некоторых каналов взяло на себя государство. Великая французская революция привела к замедлению процесса усовершенствований, и к 1814 г. Франция достигла незначительного прогресса в расширении системы водных путей. В 1820-х гг. Франсуа Бекуэй предложил использовать для ускорения строительства концессионные контракты. Не вызывает сомнений, что Бекуэй разработал свою схему на основе английской модели, однако он столкнулся с недостатком инвесторов (Geiger, 1994).

Французское правительство стремилось к строительству новых водных путей. Поэтому было принято решение осуществить план Бекуэя, используя для этого «государственно-частные партнерства». Государство заняло деньги у частных инвесторов, преимущественно у парижских финансистов, и согласилось на их участие в прибылях после возврата долга. Во многих случаях оно вступало в конфронтацию с инвесторами по вопросам платы за пользование водными путями и размеров прибыли, ко-

торую получали владельцы облигаций. В конечном итоге в 1870-х гг. французское государство выкупило доли частных компаний и приступило к самостоятельному строительству и обслуживанию многих каналов (Geiger, 1994). К 1880-м гг. большая часть системы водных путей Франции находилась в государственной собственности (Ville, 1990, p. 38).

Бельгийская политика развития водных путей в значительной степени формировалась под влиянием Франции и Голландии. Значительные вложения в развитие системы были осуществлены в 1820-х гг., когда Бельгия находилась под управлением Голландии. Власти провинций обладали правами собственности и осуществляли финансирование половины всех проектов по расширению водных путей. Оставшейся значительной частью владели частные концессионеры (Waterways Association, 1913, p. 47). В 1860-х гг. государство начало приобретать частные каналы, установив контроль над многими судоходными путями провинций. Управление обслуживанием и строительством каналов осуществлял Корпус дорог и мостов (*Ponts-et-Chaussées*), действовавший по примеру аналогичного французского учреждения.

Германия и Россия до 1870-х гг. осуществили незначительные усовершенствования водных путей. В первой из стран большую часть соответствующей деятельности инициировали и финансировали власти княжеств. В России большинство каналов (в частности связавших Москву и Петербург) было построено по инициативе Петра Великого на государственные средства (Fink, 1991). Король Баварии Людвиг построил канал Людвига, соединивший Рейн и Дунай (Ville, 1990, p. 33). После 1870 г. возросли и финансирование строительства, и доля собственности государства в новых водных путях, так как власти империи начали осуществление ряда новых проектов по расширению системы.

Сравнивая данные о развитии систем водных путей в различных европейских государствах (табл. 3.4), мы видим, что наиболее крупные из них, в значительной степени контролировавшиеся муниципалитетами, были созданы в Англии, Республике Соединенных провинций и Бельгии. В странах, в которых доминировало государство (Франция, Германия и Россия), относительные показатели протяженности и плотности сети водных путей были значительно более низкими. Если бы власти Фран-

ТАБЛИЦА 3.4.
Политика расширения водных путей некоторых европейских стран в 1700–1870 гг.

Страна	Описание политики	Протяженность водных путей в расчете на 1000 чел. около 1850 г. (км/1000 чел.)	Плотность сети водных путей около 1840 г. (км/км ²)
Англия и Уэльс	Частная сеть рек и каналов	0,40	0,029
Республика Соединенных провинций Нидерландов	Муниципальное финансирование и собственность	0,53 (1830 г.)	0,04 (1830 г.)
Франция	Смешанное государственное и частное участие	0,23	0,006
Бельгия	Первоначально — смешанная провинциальная и частная собственность; позже государственная	0,36	0,05
Германия	Государственная сеть	0,07	0,005
Россия	Преимущественно государственная сеть	0,01	0,0001

Источники: Ville, 1990, p. 31: Англия — 7200 км; Республика Соединенных провинций — 1400 км в 1830 г.; Франция — 4170 км; Германия — около 2500 км; Россия — 500 км. Данные о Бельгии (1600 км) приводятся по изданию Waterways Association (1913).

ции, Германии и России заимствовали опыт Англии, Соединенных провинций и Бельгии, удалось бы им создать более широкие сети водных путей? По мнению Рейда Гейгера, французские каналы приносили слишком низкую прибыль (обусловленную низкими уровнями урбанизации и коммерциализации), которая не привлекала частных инвесторов (Geiger, 1994, p. 250). В результате государство было вынуждено самостоятельно финансировать создание сетей. Согласно альтернативному объяснению медленного развития французской системы водных путей проблема

состояла в неспособности государства защитить права собственности компаний (например, когда оно снизило платежи за прохождение канала, несмотря на то что это противоречило ранее заключенному контракту о концессии) (Geiger, 1994, p. 249).

Отрицательное воздействие, но по иным причинам, оказывала на развитие водных путей и политическая раздробленность. Первостепенную с точки зрения строительства каналов важность имело право на отчуждение земель, так как многие из них прокладывались по сельскохозяйственным землям. Во Франции в XVIII в. организаторы строительства каналов должны были вести трудные переговоры во множестве юрисдикций с землевладельцами. Теоретически корона могла принудить землевладельцев к продаже собственности, однако местные группы имели возможность обжаловать указы об отчуждении земель в судах (Rosenthal, 1992). Кроме того, политическая децентрализация могла привести к проблемам, в случае необходимости одобрения проектов строительства водных путей, пролежавших по территории нескольких государств. Например, в Соединенных провинциях региональные власти не имели права выдавать *octrooi* на осуществление проектов за пределами подведомственных им территорий. Более того, осуществление некоторых проектов могло быть отложено только потому, что любой город на территории провинции имел право запретить выдачу *octrooi*. Причиной использования права вето могла быть, например, непропорционально высокая прибыль, на которую рассчитывали конкурирующие города (de Vries 1978, pp. 31–32).

Железнодорожная политика

Для многих европейских стран (особенно тех, которые расположены на востоке континента) наиболее важное значение имели инфраструктурные инвестиции в строительство железных дорог. Каждое государство быстро пришло к осознанию огромной роли железных дорог в экономическом развитии, обеспечении безопасности и в достижении политического единства. Как и раньше, государство имело возможность переложить планирование маршрутов железных дорог, их строительство и эксплуатацию на частные компании. Однако во многих странах государство пришло к выводу о необходимости (или

желательности) своего непосредственного участия (финансового или в форме прямого владения) в развитии железнодорожной сети.

До 1870 г. были известны три основные модели железнодорожной политики. Одна группа стран отдала предпочтение частной собственности на железные дороги в сочетании с государственными субсидиями, планированием или строительством (Франция, Испания, Португалия, Австро-Венгрия, Россия и Италия). Вторая группа начинала с опоры исключительно на частные силы, однако со временем государство принимало все более активное участие в развитии железных дорог (Нидерланды, Дания и Норвегия). В третьей группе изначально имело место смешанное государственное и частное участие (Германия, Швеция и Бельгия).

К 1870 г. наивысшей долей частной собственности отличались железные дороги Великобритании и Франции. В обоих случаях в качестве политического образца использовалась модель, применявшаяся для развития сети водных путей. Британский парламент принял законы, предоставлявшие компаниям права по отчуждению земель и полномочия, необходимые для сбора платы за проезд. Английские компании осуществляли значительные инвестиции и не нуждались в выделяемых парламентом субсидиях. В то же время нередко слышались жалобы на чрезмерную строительную активность, отсутствие координации между компаниями и слишком высокую плату за услуги по транспортировке. Во Франции планирование и инженерные разработки были поручены Корпусу дорог и мостов. Государство предоставляло железные дороги в аренду на 99 лет частным компаниям, а также гарантировало дивиденды по ценным бумагам, выпускавшимся для финансирования нового строительства. В недрах этой системы зародились и вышли в свет шесть крупных железнодорожных компаний, которым принадлежала большая часть железных дорог Франции. Эта политика зарекомендовала себя как очень успешная; практически все регионы страны были соединены с Парижем железнодорожным сообщением.

Гарантии процента или дивидендов предоставляли частным железнодорожным компаниям и правительства Испании, Португалии, Австро-Венгрии, России и Италии. После 1860 г. эта практика приобрела не только общеевропейский, но и мировой характер. Такого рода гарантии

нередко выглядят как необоснованные уступки иностранным инвесторам. Однако они (гарантии) должны были обеспечить получение прибыли, компенсирующей риски недостаточного спроса на транспортные услуги или произвольных изменений в регулировании.

Вместо того чтобы оказывать поддержку частным компаниям, предоставляя им гарантии доходов, государство могло само заняться строительством собственных железнодорожных сетей. Первоначально в Нидерландах, Дании и Норвегии большая часть сетей принадлежала частным компаниям, но в 1860-х гг. произошел поворот в сторону государственного финансирования и собственности. В ряде случаев политикам удалось обосновать преимущества государственной собственности над гарантиями процентных доходов для частных компаний (Veenendaal, 1995, p. 191).

Еще одна причина расширения участия государства в собственности заключалась в том, что, по мнению правительств, это способствовало повышению военной эффективности и упрочению политической власти (Millward, 2005). Основное внимание государства было сосредоточено на строительстве магистральных железнодорожных линий, связывающих столицы с провинциями, а также стратегически важными границами. В Бельгии усиление позиций государства как собственника было частью более широкой стратегии по укреплению независимости от Нидерландов (Veenendaal, 1995, p. 191). В Германии одной из важнейших причин установления государственной собственности на железные дороги были политические амбиции прусских государственных деятелей, таких как Отто фон Бисмарк. Эта стратегия оказалась весьма успешной, в том смысле, что способствовала объединению Германии и присоединению к ней после франко-прусской войны части территории Франции.

Приведенные в табл. 3.5 данные позволяют нам сравнить показатели протяженности железных дорог в расчете на 1000 чел. населения или плотности железнодорожной сети в странах, в которых превалировала частная собственность на железные дороги, и в странах с преобладанием государственной собственности. Мы видим, что, по крайней мере, до 1870 г. форма собственности на железные дороги не играла решающей роли в развитии железнодорожных сетей. Влияние этого различия на другие аспекты результативности, такие как эффективность эксплуатации дорог, еще предстоит установить.

ТАБЛИЦА 3.5.
Политика в области железнодорожного строительства,
1825–1870 гг.

Страна	Описание железнодорожной политики	Протяженность железных дорог в расчете на 1000 чел. около 1870 г. (км/1000 чел.)	Плотность ж/д сети около 1870 г. (км/ км ²)
Великобритания	Частная сеть; гос. субсидии не предоставляются	0,80	0,081
Франция	Частная сеть; предоставляются гос. субсидии	0,46	0,080
Испания	Частная сеть; предоставляются гос. субсидии	0,32	0,011
Португалия	Частная сеть; предоставляются гос. субсидии	0,16	0,008
Австро-Венгрия	Частная сеть; предоставляются гос. субсидии	0,27	0,015
Россия	Преимущественно частная сеть; предоставляются гос. субсидии. Компаниям принадлежит 90% ж/д путей	0,17	0,002
Италия	Преимущественно частная сеть; предоставляются гос. субсидии. Компаниям принадлежит 90% ж/д путей	0,22	0,020
Нидерланды	Вытеснение частной собственности государственной. Компаниям принадлежит 43% ж/д путей	0,25	0,027
Дания	Вытеснение частной собственности государственной. После 1860 г. компаниям принадлежит 36% ж/д путей	0,42	0,020
Норвегия	Вытеснение частной собственности государственной. Компаниям принадлежит 19% ж/д путей	0,20	0,001
Германия	Изначальное сочетание государственной и частной собственности. Компаниям принадлежит 56% ж/д путей	0,47	0,035
Швеция	Изначальное сочетание государственной и частной собственности. Компаниям принадлежит 61% ж/д путей	0,69	0,006
Бельгия	Изначальное сочетание государственной и частной собственности. Компаниям принадлежит 69% ж/д путей	0,55	0,095

Источники: Протяженность железных дорог: Великобритания — 25400 км; Нидерланды — 900 км; Франция — 16700 км; Бельгия — 2800 км; Германия — 19100 км; Испания — 5400 км; Норвегия — 367 км; Италия — 6000 км; Португалия — 694 км; Австро-Венгрия — 9500 км; Россия — 11200 км; Дания — 750 км; Швеция — 2860 км (UK Board of Trade, 1913). Данные о форме собственности из Bogart (2009).

В заключение отметим, что после 1870-х гг. произошли значительные изменения в распределении собственности на железные дороги и в регулировании их деятельности. Во многих европейских странах железнодорожные сети были национализированы, так как они превратились в ключевой актив, необходимый для осуществления военных операций, а также в новый источник доходов государства (Bogart, 2008). Во многих странах государство активизировало регулирование тарифов на железнодорожные перевозки и начало внедрение стандартов безопасности. Изменения в железнодорожной политике стали предвестниками нового подхода европейских государств к национальной промышленности в XX в.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы поставили перед собой задачу дать сравнительную оценку проблем экспроприации суверенитета и институционального тупика, ассоциирующихся с характерной для Европы в 1700–1870-х гг. раздробленностью власти. Мы обнаружили, что в рассматриваемый период значительно расширилась вовлеченность центральных властей в деятельность социальных и экономических институтов. Повсеместно снизился уровень автономии провинций, а также местных, отраслевых или классовых организаций. В то же время, в отличие от Норта и Вейнгаста (North and Weingast, 1989), мы считаем, что в большинстве случаев наращивание центральной власти отнюдь не привело к расширению практики экспроприации (перекачивания ресурсов в центр). Как представляется, обладание большей мощью и властью позволило центральным правительствам действовать в интересах осуществления экономических изменений и рыночной интеграции, даже если та или иная их политика во многих случаях опиралась на местные власти или частный сектор. В этом свете приписываемая Англии во времена после Славной революции связь между ограничениями на исполнительную власть и экономическими результатами, как представляется, мало что дала для континента в целом. Осуществлявшиеся начиная с 1700 г. институциональные изменения по большей части были направлены как раз на расширение полномочий исполнительной власти. Причина того, что общеевропейское развитие пошло по альтернативно-

му пути, заключалась в характерной для Европы в 1700 г. политической и экономической раздробленности. Неудивительно, что до 1800 г. везде и всюду в качестве главного инструмента политики, направленной на ускорение экономического роста, рассматривался рынок (развитие которого означало снижение степени раздробленности). В качестве средств решения этой задачи наравне с военными действиями использовались налоговые реформы, изменения законодательства и инфраструктурные инвестиции. Основным условием применения каждого из них была сильная исполнительная власть.

В рамках этой широкой тенденции, охватившей большую часть Европы, имели место значительные различия в государственных и частных институтах, призванных ответить на вызовы международной конкуренции и индустриализации. Изменения в политических структурах, налогообложении, коммерческом законодательстве осуществлялись посредством разных политических форм, определявшихся историческим прошлым отдельных стран и воздействием на темпы изменений крупных политических событий, таких как Великая французская революция. Мы располагаем лишь ограниченными свидетельствами того, что институциональные различия были вызваны экономической логикой — возможно, что созданные к 1870 г. государственные и частные институты были достаточно эффективными, но было бы безрассудством изначально исходить из предположения о рациональности их существования.

Последний урок, который мы можем извлечь из рассмотрения государственных и частных институтов, непосредственно связан с названием этого тома (история Европы в целом, а не отдельных стран). В 1700–1870 гг. европейцы пережили во многом общий опыт (прежде всего, войны). В то же время разные государства находили собственные, во многом отличные от других способы преодоления трудностей, вызванных политической и экономической раздробленностью. Таким образом, за 1700–1870 гг. степень разнообразия институтов в европейских странах значительно возросла. В начале 1700 г. в тех государствах, в которых существовало избирательное право, оно носило ограниченный характер. К 1870 г. в Европе уже существовали демократии и всеобщее избирательное право для мужского населения. Но рядом с ними находились страны, формы правления которых в принципе

не предполагали какого-либо представительства. В 1700 г. едва ли не повсеместно государственные финансы рассматривались как нечто близкое к темным искусствам. Примерно также относились и к таинственному процессу налогообложения. К 1870 г. в западной части Европы уже были приняты принципы, на которых основывается и современное налогообложение. Однако в восточной ее части реформы в налоговой сфере осуществлялись далеко не столь быстро. В области коммерческого права в некоторых странах была проведена модернизация законодательства и открыта возможность для создания корпораций, в то время как в других частях Европы эти процессы завершились только после окончания Первой мировой войны. И наконец, значительные различия в уровнях инфраструктурных инвестиций в европейских странах определялись политическими правами, налоговым режимом и особенностями коммерческого права, а также экономическим ростом в целом.

После 1870 г. государственные и частные институты столкнулись с новыми трудностями; они были вынуждены соответствовать политической и правовой среде, сформированной институтами, возникшими в XIX столетии. Хотя в следующем веке наконец-то были созданы институты общеевропейского масштаба, одновременно происходило возрождение региональной политики. Проблемы масштаба и унификации, «осложнявшие» жизнь европейским правителям в XVIII в., остаются с нами.

ГЛАВА 4

Торговля и империя

КЕВИН О'РУРК
ЛЕАНДРО ПРАДОС ДЕ ЛА ЭСКОСУРА
ГИЙОМ ДОДЕН

СОДЕРЖАНИЕ

Введение: взлет и падение европейского меркантилизма · 163
Количественные тенденции (1700–1870 гг.) · 170
Торговля, империя и рост · 178
Торговля и промышленная революция · 192

ВВЕДЕНИЕ: ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОГО МЕРКАНТИЛИЗМА

В НАЧАЛЕ первого тысячелетия Западная Европа была самой периферией Евразии. Как и в случае Африки основу ее экспорта составляли лесные продукты и рабы. Прямые экономические связи поддерживались только с двумя другими регионами Евразии — Восточной Европой и исламским миром. Последний, в отличие от Западной Европы, поддерживал непосредственные экономические контакты со всей ойкуменой: Восточной и Западной Европой, Африкой к югу от Сахары, степными обществами Центральной Азии и высокоразвитыми цивилизациями ее Юга, а также с Юго-Восточной и Восточной Азией (Findlay and O'Rourke, 2007).

К XVIII в. Западная Европа превратилась из периферийного придатка в географический и политический центр Евразии. Теперь уже западноевропейцы непосредственно контактировали со всеми регионами Евразии, а также Африки к югу от Сахары. Но, что еще более важно, они контролировали Северную и Южную Америку, которые были полностью интегрированы в мировую экономику, импортируя рабов из Африки и экспортируя разнообразные колониальные товары в Европу, а также серебро не только в Старый Свет, но и в Азию через Филиппины. Что касается Восточной Европы, то в это время регион осуществлял прямые контакты не только с Центральной Азией и мусульманским миром, но и с Восточной Азией и Северной Америкой. В двух последних случаях речь идет о покорении русскими Сибири. Мы рассматриваем его как одно из проявлений европейского империализма, оказавшееся наиболее успешным с точки зрения продолжительности владения территорией.

В отличие от относительно замкнутого в себе с экономической точки зрения Китая европейские государства

и купцы были крайне заинтересованы в поиске прямых маршрутов, которые привели бы их к месторождениям золота в регионах Африки, расположенных к югу от Сахары, что подразумевало отказ от услуг мусульманских посредников, контролировавших транссахарскую торговлю. Нельзя не упомянуть и о возможности покупки африканских рабов и использовании их труда на плантациях сахарного тростника, создававшихся на недавно открытых прибрежных островах. И наконец, вспомним о задаче организации морского маршрута вокруг Африки с целью прямого выхода западноевропейцев на азиатские рынки пряностей, что вновь предполагало избавление от мусульманских (и венецианских) посредников. После того как отправившийся на поиски Индии Христофор Колумб открыл Америку, европейцы направили огромные усилия на то, чтобы в максимальной степени использовать богатейшие ресурсы Нового Света. Прибыль приносило все, за что бы они не брались. Эта взаимозависимость Власти и Изобилия (Viner, 1948) означала, что к их достижению были в огромной степени мотивированы не только купцы, но и государства. Купеческая прибыль трансформировалась в доходы государства. Последнее, в свою очередь, направляло доходы на то, чтобы предоставить новые торговые возможности своим купцам, в случае необходимости используя всю свою силу. Таким образом, в начале Нового времени государственные деятели европейских стран рассматривали торговлю и империю как неразрывно связанные друг с другом сущности, что объясняет, в частности, характерные для рассматриваемого нами периода непрерывные торговые войны.

Мы видим, что в XVIII в. на Западе в борьбе за власть и изобилие постепенно побеждает Англия, в то время как Россия превращается в доминирующую на Востоке силу. Латинская Америка остается в руках выходцев с Пиренейского полуострова. Однако на протяжении XVII столетия происходит постепенное вытеснение португальцев из Индийского океана и Юго-Восточной Азии и на их место приходят голландцы. Важнейшим поворотным пунктом стал 1648 г. — год, когда закончилось длительное военное противоборство Испании и Нидерландов. Последние получили возможность направить высвободившееся серебро и солдат на операции Голландской Ост-Индской компании в Азии. Последовал целый ряд новых территориальных завоеваний на Цейлоне, на Малабарском бере-

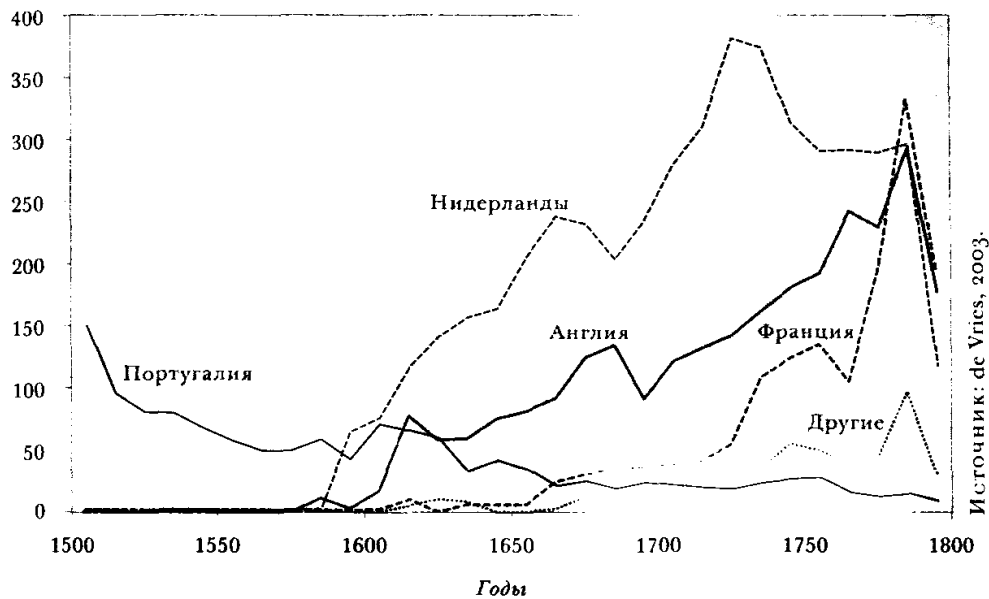

РИС. 4.1.
Количество кораблей, совершавших плавания в Азию,
в расчете на десятилетие в XVI–XIX вв.

гу и в Ост-Индии (Индонезии). К концу XVII в. голландцы взяли под свой контроль поставки таких пряностей, как гвоздика, что привело к резкому сокращению их экспорта и окончанию «эры коммерции» в Юго-Восточной Азии. Обратившись к рис. 4.1, мы видим, что на протяжении всего XVIII столетия голландцам удавалось сохранять господствующие позиции в европейско-азиатской морской торговле. Между тем англичане обнаружили, что Индия является прекрасным поставщиком ряда товаров, особенно хлопчатобумажных тканей, экспортировавшихся не только в Европу, но и в Африку, а также в Америку. В последнюю четверть XVIII в. после военных побед в битвах при Плессии (1757) и Буксаре (1764) Британская Ост-Индская компания встала на путь, который в конечном итоге позволил ей установить господство над всем субконтинентом. После подавления Бенгальского мятежа в 1857 г. Индия официально вошла в Британскую империю.

После захвата в 1688–1689 гг. британского трона Вильгельмом III Оранским длившаяся в Западной Европе в течение многих лет трехсторонняя борьба за господство между Нидерландами, Францией и Англией превратилась в двухстороннюю. Противостояние Англии и Франции вылилось в войну Аугсбургской лиги (Девятилетнюю вой-

ну) (1689–1697), войну за испанское наследство (1701–1714) и войну за австрийское наследство (1740–1748). Важнейшей победой Англии закончилась Семилетняя война. Великобритания установила контроль над французскими владениями в Северной Америке, а также над рядом островов и портов в Вест-Индии, на побережьях Африки и Индии. В Восточной Европе Россия в периоды царствований Петра Великого и Екатерины Великой упрочила свои позиции как великой европейской державы. Она нанесла поражение Швеции в Северной войне, присоединила территорию Великого княжества Литовского и значительную часть Польши и значительно расширила свои южные пределы за счет татарских ханств и Османской империи. Одновременно Россия раздвигала свои границы в восточном направлении, еще к середине XVII в. достигнув берегов Тихого океана. В XVIII в. она получила новые точки опоры — побережья Балтийского и Черного морей.

Все эти европейские державы осуществляли разнообразную меркантилистскую политику, направленную на обогащение государства и местного торгового класса. Она включала в себя защиту местных отраслей от конкуренции зарубежных производителей, а также местных морских грузоперевозчиков, посредством введения запретов на участие иностранных купцов в торговле с метрополией или ее колониями, а также осуществления политики, направленной на извлечение максимально высокой прибыли из заморских владений. Финансовые выгоды мировых империй основывались на контроле над поставками благородных металлов (в Латинской Америке), на обеспечении доступа к крупномасштабным поставкам рабов (в Африке) и на создании условий для выращивания теплолюбивых сельскохозяйственных культур, таких как табак и хлопок, или для добычи пушного зверя в более холодном климате и продажи продукции европейским потребителям (в Америке или на севере Азии); а также на установлении контроля над торговыми маршрутами или, еще лучше, источниками поставок редких сырьевых товаров, таких как пряности (в Азии).

Аналогичные стремления лежали и в основе экспансии Османской империи в Центральной и Восточной Европе. Впрочем, здесь следует упомянуть и о таком мотиве как распространение ислама. Точно так же первые испанские и португальские мореплаватели и путешественники стремились к распространению христианства. Конечно, турки

преследовали и другие важные для них цели: завоевание трофеев, установление контроля над торговыми маршрутами, а также (в XIV и XV столетиях) обеспечение доступа к серебряным шахтам в Сербии и Македонии. Упомянем, что перспектива участия в разделе награбленного у противника добра помогает объяснить, почему в рядах османских войск воевали множество христиан. Более того, турки предпринимали активные усилия для того, чтобы воспрепятствовать установлению португальской монополии на торговлю пряностями в Индийском океане, как посредством борьбы с контрабандистами в Персидском заливе, так и косвенным образом, оказывая поддержку султанату Ачех¹. Ачех продолжал экспортировать перец на территорию Османской империи и далее в Венецию. Таким образом, турки извлекали прибыль из транзитной торговли пряностями вплоть до появления в Индийском океане в XVII в. голландских и английских кораблей. Правители этой империи не были меркантилистами в том смысле, что они нимало не заботились об интересах собственного купечества или производителей, понимая желательность импорта. И чем меньшим будет экспорт, направляемый на оплату импорта, тем лучше. Тем не менее и Османская империя ощущала взаимозависимость Власти и Изобилия, что было общей чертой евразийского геополитического ландшафта во времена, когда следствием Военной революции стало удорожание войны и сокращение количества в любой данный момент времени жизнеспособных с военной точки зрения государств.

В начале XIX в. под воздействием технологических и геополитических изменений эта меркантилистская система была вынуждена сойти с исторической сцены. Парадоксально, но началом ее конца стали события, разворачивавшиеся в Северной Америке, в какой-то степени благодаря достигнутым здесь Англией успехам. Как и предсказывали наблюдатели, окончание Семилетней войны, положившее конец французскому присутствию как угрозе для английских колонистов, открыло перед «новыми американцами» новые возможности борьбы за независимость от метрополии. Одним из непосредственных поводов для Американской революции стал порожденный конфликтом сторон налоговый кризис. Подписание в 1783 г. Парижского мира ознаменовалось признанием Великобританией независимости США. Участие Франции имело ключевое значение для успеха восставших в Америке, однако это привело

1. Север Суматры. — *Прим. р*

к фискальному кризису в самой Франции, что, в свою очередь, явилось одним из «запалов» революционных событий. Новая война, разразившаяся между Англией и Францией в 1793 г., имела дополнительное идеологическое измерение, обусловившее тяжесть и продолжительность конфликта, окончательно закончившегося лишь в 1815 г. после поражения французов в битве при Ватерлоо. Вторжение Бонапарта на Пиренейский полуостров (1807 г.) привело к целому ряду революций в Латинской Америке. К 1820 г. большинство колоний в Центральной и Южной Америке стало независимыми республиками (или империями, как в случае Бразилии). В Новом Свете практически не осталось территорий, принадлежавших европейским империям, за исключением испанских Кубы и Пуэрто-Рико и английской Канады. На протяжении всего XIX в. новые независимые государства придерживались протекционистской политики. Но защитные тарифы использовались в контексте широкой многосторонней международной торговой системы, в которой не осталось места двусторонним меркантилистским ограничениям торговли.

В 1815–1870 гг. дальнейшему развитию глобализации способствовало еще несколько факторов. Послевоенное урегулирование, осуществленное в соответствии с достигнутыми на Венском конгрессе договоренностями, обеспечило поддержание мира в Европе. Несмотря на Крымскую и франко-прусскую войны, а также ряд других, меньших по масштабам конфликтов и то обстоятельство, что в завершение этого периода разразилась ужасающая Первая мировая война, по европейским стандартам прошедшее после Ватерлоо столетие можно охарактеризовать как мирное. Распространение новых транспортных технологий промышленной революции (см. главу 8) привело к резкому снижению издержек, связанных с перевозкой людей и грузов. С геополитической точки зрения новые промышленные военные технологии привели к возрастанию относительной мощи Европы и ее наиболее важного заокеанского «палацдарма» (США). В первой половине XIX в. европейские страны сделали важные империалистические территориальные приобретения в Индии, Северной Африке и по всему миру, а также приняли участие в позорных Опиумных войнах, силой открыв себе доступ на китайские рынки. Одновременно США расширяли территориальные границы в Северной Америке, а Россия продолжала свой азиатский «поход». В сво-

их имперских владениях, или в номинально независимых странах, таких как Китай, Япония и Сиам, европейские страны ввели режим в большей или меньшей степени свободной торговли.

Рассматриваемый нами период характеризуется общеевропейским движением к постепенной либерализации торговли. Первыми на этот путь встали небольшие по размерам страны, такие как Нидерланды и Дания. Последняя еще в 1797 г. отменила все запреты на ввоз товаров и установила низкие таможенные тарифы. Голландия перешла к относительно либеральной политике несколько позже, в 1819 г., в частности из-за того, что поражение страны в войне с Великобританией нанесло непоправимый ущерб Голландской Ост-Индской компании. Из числа крупных экономик первой движение к либерализации начала Англия, баланс власти в которой изменился в пользу экспортно ориентированных городских групп. Вслед за либеральными реформами 1820–1830-х гг. последовало историческое решение Роберта Пиля (1846 г.) об отмене Хлебных законов, несмотря на возражения землевладельцев и большинства его собственной партии тори. Тем самым произошел переход Великобритании к односторонней политике свободной торговли промышленными и сельскохозяйственными товарами. Определенные шаги в направлении либерализации предпринимали такие страны, как Австро-Венгрия, Испания, Нидерланды, Бельгия, Швеция, Норвегия и Дания (Bairoch, 1989, pp. 20–36). Например, в 1849 г. Испания упразднила свои законы относительно торгового мореходства и снизила установленные в прошлом запретительные таможенные тарифы. Следующим ее шагом стала либерализация в середине 1850-х гг. импорта продукции, необходимой для железнодорожного строительства. В 1850-х гг. средние таможенные тарифы были снижены в большинстве крупнейших европейских держав (Accominotti and Flandreau, 2008).

Впрочем, либерализация торговли носила отнюдь не универсальный характер. На протяжении практически всего рассматриваемого нами периода торговая политика России и Австро-Венгрии оставалась в высшей степени протекционистской. Некоторая либерализация произошла лишь в конце 1860-х гг. В Османской империи в реальности в рассматриваемый период протекционизм не только не ослабел, но усилился, хотя это объясняется тем, что ранее согласно различным договорам,

заключенным с крупными западноевропейскими державами, максимальный таможенный тариф был ограничен 3%. В 1838 г. турки получили право повысить свои тарифы до 5%, но ценой упразднения всех монополий и запретов. В целом период между Ватерлоо и 1870 г. характеризуется интеграцией международных товарных рынков под влиянием торговой политики и развития технологий. К его окончанию переход от меркантилизма к современным подходам был полностью завершен.

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ (1700–1870 ГГ.)

Объемы торговли

Используя данные о количестве европейских кораблей, совершавших походы в Азию (рис. 4.1), Ян де Вриз произвел расчеты, согласно которым в течение XVI столетия тоннаж кораблей, возвращавшихся в Европу, увеличивался на 1,01% в год, в XVII в. — на 1,24%, в XVIII в. — на 1,16%. На протяжении трех столетий тоннаж возрастал в среднем на 1,1% в год (de Vries, 2003). К. О’Рурк и Дж. Уильямсон, используя более эклектичную совокупность данных, рассчитали средние годовые темпы роста европейской торговли с Азией и Америкой (O’Rourke and Williamson, 2002a). В соответствии с оценками исследователей, в XVI в. торговля увеличивалась на 1,26% в год, в XVII в. — на 0,66%, в XVIII столетии — на 1,26%, и на 1,06% в год в рассматриваемом периоде в целом. Такие среднегодовые темпы роста, сохраняющиеся в течение трехсот лет, — весьма впечатляющее достижение, особенно в сравнении с показателями предшествовавшего периода. Одним из следствий роста торговли стало превращение Европы, или по крайней мере морских держав Западной Европы, в более открытую (хотя и с очень низких уровней) экономику. Согласно А. Мэддисону в 1500–1820 гг. годовые темпы роста ВВП западноевропейских стран составляли примерно 0,4%. Следовательно, в рассматриваемом периоде происходил рост доли межконтинентальной торговли в ВВП². В результате к 1790 г. товарообмен с Азией, Африкой и Америкой превратился в очень важную составляющую европейской торговли в целом (табл. 4.1).

2. Данные Мэддисона, вероятно соответствуют верхней границе, учитывая значительные более низкие оценки (около 0,1% в год) Я. ван Зандена (van Zanden, 2005a) и К. Альвареса-Ногалы и Л. Прадоса де ла Эскосура (Álvarez-Nogal and Prados de la Escosura, 2007).

ГЛАВА 4. ТОРГОВЛЯ И ИМПЕРИЯ

ТАБЛИЦА 4.1.
Европейская торговля около 1790 г., млн ф.ст.

Импорт		Экспорт		Резэкспорт		Доля осталь- ного мира	
Из Европы	Из др. стран	В Европу	В др. страны	В Европу	В др. страны		
Великобритания (1784–1786 гг.) (вкл. торговлю с Ирландией)							
11,3	11,5	6,3	7,3	2,8	0,8	40,0	49%
Франция (1787 г.)							
12,8	11,7	9,7	5,3	6,0	0,4	45,9	38%
Нидерланды (используя структуру торговли в 1770 г.)							
9,3	3,6	8,3	0,7	3,8 (колониаль- ные товары)		21,9	20%
		(вкл. резэкспорт)		2,4 (европейские товары)			
Испания (1788–1792 гг.) (остальной мир — Америка)							
7,2	2,8	3,5	1,9	1,4	2,2	19,0	36%
Португалия (1796–1806 гг.) (остальной мир — Бразилия)							
4,6	2,7	1,4	1,3	3,9	1,4	15,3	35%

Источники: См. табл. 4.5; Pedreira, 1993; Cuenca-Esteban, 1989; Marshall, 1833.

ТАБЛИЦА 4.2.
Европейский торговый флот около 1790 г.

	Тоннаж	Доля, %
Великобритания	881 963	26,2
Франция	729 340	21,6
Нидерланды	397 709	11,8
Дания и Норвегия	386 020	11,4
Италия, Триест и Рагуза	352 713	10,5
Гамбург, Бремен, Любек, Росток, Данциг и Пруссия	181 308	5,4
Швеция	169 279	5,0
Испания	149 460	4,4
Португалия	84 843	2,5
Россия	39 394	1,2
Всего	3 372 029	100,0

Источник: Romano, 1962.

ТАБЛИЦА 4.3.
Объем торговли различных европейских стран в 1820–1870 гг.,
млн долл. 1990 г.

	1820 г.	Рост в 1820–1870 гг
Австрия	47	+894%
Бельгия	92	+1245%
Франция	487	+621%
Италия	339	+427%
Испания	137	+550%
Швейцария	147	+653%
Великобритания	1125	+988%
Средневзвешенное значение		+793%
США	251	+12010%

Источник: Maddison, 2001.

ТАБЛИЦА 4.4.
Транзитная и специальная торговля, млн ф. ст.

	Остаточный импорт = [совокупный импорт] – [реэкспорт]	Отечественный экспорт	Реэкспорт	Спец. торговля = [1] + [2]	Спец. торговля как доля совокупной торговли 100 × [4] / ([4] + [3] + [3])
	1	2	3	4	
Великобритания (1784–1786 гг.)	19,2	13,6	3,6	32,8	82%
Франция (1787 г.)	18,1	15,0	6,4	33,1	72%
Нидерланды (структура торговли на 1770 г.)	6,7	9,0	6,2	15,7	43%
Испания (1788–1792 гг.)	6,4	5,4	3,6	11,8	62%
Португалия (1796–1806 гг.)	2,0	2,7	5,3	4,7	31%

ПРИМЕЧАНИЕ: При исчислении остаточного импорта мы исходили из допущения об одинаковой стоимости импортировавшихся и реэкспортировавшихся товаров. При определении объема специальной торговли исключается как реэкспорт, так и неостаточный импорт.

Источники: табл. 4.1, табл. 4.5.

ГЛАВА 4. ТОРГОВЛЯ И ИМПЕРИЯ

ТАБЛИЦА 4.5.
Сумма экспорта и импорта, доля ВВП, %

	1655	1720	1755	1790	1820	1830	1840	1850	1860	1870
Австрия						11,4	14,2	13,2	18,7	29,0
Бельгия							19,0	26,7	31,3	35,6
Дания					7,5	17,5	27,5	36,5	29,7	35,7
Финляндия									20,7	31,7
Франция		5,5	14	20	9,8	8,2	10,7	13,0	20,2	23,6
Германия								19,2	23,2	36,8
Греция									42,7	45,6
Венгрия										19,4
Италия									16,1	18,3
Нидерланды	85	82	84	110	33,0	25,8	53,4	64,0	96,4	115,4
Норвегия										33,9
Португалия								42,4	33,9	33,7
Испания				16		6,0		8,5	10,6	12,1
Швеция						5,7	6,8	13,8	20,0	29,4
Великобритания		19	20	24	21,4	18,8	25,2	27,8	41,8	43,6
Наиболее высокие оценки отношения общей европейской торговли к ВВП					13,5	11,5	15,4	18,1	24,8	29,9
То же за вычетом внутриевропейской торговли						3,8		6,4	8,9	9,2

Примечания: Без учета данных о торговле в Османской империи, Албании, Болгарии, Румынии и Сербии. «Великобритания» до 1800 г. — только Англия и Уэльс. Данные за 1655, 1720, 1755, 1790 — приблизительные.

Источники: до 1800 г.: Deane and Cole, 1962, 1969; Davis, 1969, 1979; Officer, 2001; Crafts, 1985a; Maddison, 2001; de Vries and van der Woude, 1997; McCusker, 1978; Arnould, 1791; Daudin, 2005; Marczewski, 1961; Prados de la Escosura, 1993. После 1800 г.: Bairoch, 1976; и данные, представленные в работе Прадоса де ла Эскосуры (Prados de la Escosura, 2000).

Войны 1792–1815 г. и промышленная революция стали поворотным с точки зрения европейской торговли пунктом, после которого резко возросла относительная роль Великобритании (сравните данные, представленные в табл. 4.1 и табл. 4.2, и данные табл. 4.3) и уменьшилась доля европейской торговли в ВВП. Оба этих феномена частично объясняются тем обстоятельством, что в предшествовавший наступлению XIX в. период доля торговли в ВВП завышались за счет транзитной торгов-

ли (табл. 4.4). Объемы последней снизились вследствие распада «первой» французской, испанской и португальской колониальных империй и краха Голландской Ост-Индской компании. В 1830-х гг. рост торговли возобновляется. В 1820–1870 гг. объем торговли увеличился в 9 раз (табл. 4.3), а ее доля в ВВП — более чем в два раза (табл. 4.5).

Сближение цен на товары

Как ни удивительно, но увеличение в начале Нового времени объемов торговли между Европой и остальным миром происходило в отсутствие конвергенции цен на товары, по крайней мере согласно имеющимся аналитическим данным (O'Rourke and Williamson, 2002b). Обратившись к рис. 4.2, мы видим, что соотношение амстердамских и азиатских цен на перец и гвоздику сохранялось до начала XIX в. Существенное расхождение цен на гвоздику в 1650-х гг. совпало по времени с установлением голландцами контроля над поставками этой пряности. Данные о соотношении цен на гвоздику позволяют предположить, что в рассматриваемый период ценовому сближению могла непосредственно препятствовать меркантилистская политика. В то же время меркантилизм привел к формированию международной политической среды, неотъемлемой составляющей которой были частые войны. Возможно, это был ключевой фактор, воспрепятствовавший ценовой конвергенции в долгосрочном периоде. То обстоятельство, что наибольшие разрывы в ценах на гвоздику были отмечены в периоды первой и второй англо-голландской войн, Семилетней войны и войн 1792–1815 гг., лишь подтверждает высказанную выше точку зрения. В отношении последнего конфликта мы располагаем более систематическими ценовыми фактическими данными, анализ которых однозначно свидетельствует о том, что военные действия привели к резкой всемирной дезинтеграции товарных рынков (O'Rourke, 2006). Например, в 1807–1814 гг. в Великобритании цены на пшеницу (импортировавшуюся) относительно цен на текстильные товары (экспортировавшиеся) возросли на более чем 40%. Во Франции, которая была экспортером пшеницы и импортером хлопчатобумажных текстильных изделий, все обстояло с точностью до наоборот. Аналогично, в Европе возросли цены на хлопок-сырец относительно текстильных изделий, а в США они значительно снизились.

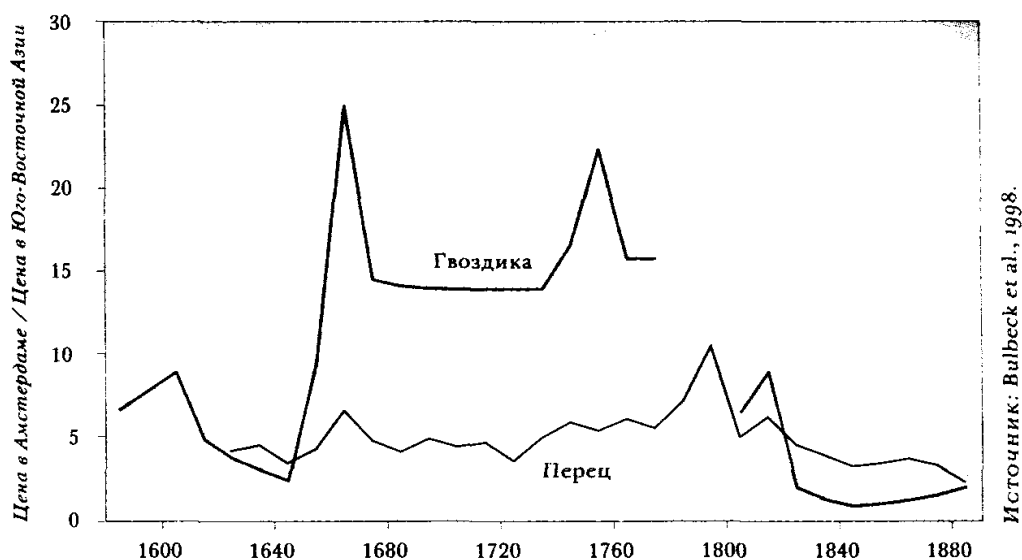

РИС. 4.2.
Наценки на пряности в 1580–1890 гг.

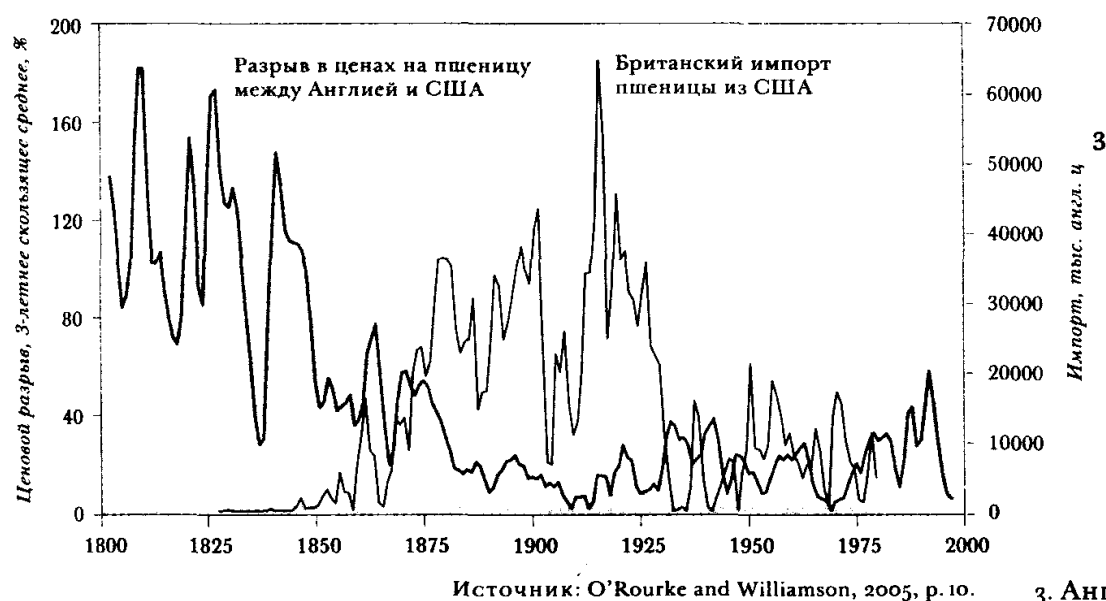

РИС. 4.3.
Англо-американская торговля пшеницей в 1800–2000 гг.

На рис.4.2 отображено произошедшее в послевоенный период существенное ценовое сближение между Юго-Восточной Азией и Нидерландами. О более общей международной ценовой конвергенции свидетельствует и относящийся к XIX в. огромный массив документов. На рис. 4.3.

3. Английский
центнер = 50,8 кг

ТАБЛИЦА 4.6.
Структура европейского импорта в 1513–1780 гг.

А. Импорт из Азии в Лиссабон в 1513–1610 гг. (в % от ввоза по весу)

	1513–1519	1523–1531	1547–1548	1587–1588	1600–1603	1608–1610
Перец	80,0	84,0	89,0	68,0	65	69,0
Др. пряности	18,4	15,6	9,6	11,6	16,2	10,9
Индиго	0,0	0,0	0,0	8,4	4,4	7,7
Текстильные изд.	0,2	0,0	0,0	10,5	12,2	7,8
Прочее	1,4	0,4	1,4	1,5	2,2	4,6
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100

Б. Импорт Голландской Ост-Индской компании в Европу в 1619–1780 гг.
(в % от стоимости по счетам-фактурам)

	1619–1621	1648–1650	1668–1670	1698–1700	1738–1740	1778–1780
Перец	56,5	50,4	30,5	11,2	8,1	9,0
Др. пряности	17,6	17,9	12,1	11,7	6,1	3,1
Текстильные изд.	16,1	14,2	36,5	54,7	41,1	49,5
Чай и кофе				4,2	32,2	27,2
Лекарственные препараты, благовония и красители	9,8	8,5	5,8	8,3	2,8	1,8
Сахар		6,4	4,2	0,2	3,7	0,6
Селитра		2,1	5,1	3,9	2,6	4,4
Металлы	0,1	0,5	5,7	5,3	1,1	2,7
Прочее		0,2	0,1	0,4	2,3	1,7
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100

В. Импорт Британской Ост-Индской компании в Европу в 1668–1760 гг.
(в % от стоимости по счетам-фактурам)

	1668–1670	1698–1700	1738–1740	1758–1760
Перец	25,25	7,02	3,37	4,37
Текстильные изд.	56,61	73,98	69,58	53,51
Шелк-сырец	0,6	7,09	10,89	12,27
Чай	0,03	1,13	10,22	25,23
Кофе	0,44	1,93	2,65	
Индиго	4,25	2,82		
Селитра	7,67	1,51	1,85	2,97
Прочее	5,15	4,52	1,44	1,65
Всего	100	100	100	100

ГЛАВА 4. ТОРГОВЛЯ И ИМПЕРИЯ

Г. Расчетные годовые объемы продаж импортированных из колоний товаров в Англии и Нидерландах в 1751–1754 гг.

	Совокупные продажи (в тыс. песо)	Доля в объеме продаж (в%)	
		Азиатский импорт	Импорт, всего
Текстильные изд.	6750	41,7	21,1
Перец	1100	6,8	3,4
Чай	2800	17,3	8,7
Кофе	1000	6,2	3,1
Пряности	1850	11,4	5,8
Прочее	2700	16,7	8,4
Азиатский импорт, всего	16200	100,0	50,5
		Американский импорт	Импорт, всего
Сахар	8050	50,8	25,1
Табак	3700	23,3	11,5
Прочее	4100	25,9	12,8
Американский импорт, всего	15850	100,0	49,5
Зарубежный импорт, всего	32050		100,0

Источник: Findlay and O'Rourke, 2007, pp. 308–309.

показано, что до 1840 г. имели место как общая ценовая тенденция, так и существенные флуктуации существовавшего между Англией и Америкой разрыва в ценах на пшеницу. После 1840 г. разрыв резко уменьшается, что совпадает по времени с началом крупномасштабных поставок пшеницы из США в Великобританию. Д. Джекс благодаря имеющимся данным приходит к выводу о формировании примерно к 1835 г. «действительно международного рынка пшеницы» (Jacks, 2005, p. 399). Важное значение этих данных (ср. Federico and Persson, 2007) определяется тем, что на их основе мы приходим к заключению о международном сближении цен как характеристике XIX в. в целом, а не только периода после 1870 г.

Рассуждая о проблеме прибыльной перевозки товаров с одного континента на другой, следует отметить, что в XIX в. произошло еще одно важное изменение. Согласно данным, представленным в табл. 4.6, первоначально европейский импорт из остального мира состоял по большей части из товаров с высоким соотношением стоимости и веса, что позволяло окупить транспортные расходы,

поскольку эти продукты не производились в Старом Свете или их выпуск требовал преодоления значительных трудностей. Конечно, развитие в этом направлении происходило постепенно. В течение XVI в. доминирующими статьями импорта были серебро и пряности соответственно из Америки и из Азии. Где-то в середине XVII в. на ведущее место в азиатском импорте вышел индийский текстиль (европейская текстильная промышленность оставалась неконкурентоспособной, по сравнению с индийской). Примерно в то же самое время в импорте из Нового Света значительно возросла доля таких «колониальных товаров», как сахар и табак. Очевидно, что теплолюбивые сахарный тростник и табак если и могли выращиваться в Западной Европе, то с большим трудом. Мы видим, что в начале Нового времени происходила постепенная эволюция природы межконтинентальной торговли в сторону более объемных сырьевых товаров. В то же время до наступления XIX в. торговля базисными тяжеловесными сырьевыми товарами, такими как пшеница (которая могла выращиваться как в Европе, так и за ее пределами), не получила сколько-нибудь широкого распространения.

Появление в XIX в. новых транспортных технологий означало возникновение возможности организации поставок этих базисных, конкурирующих сырьевых продуктов в любую часть мира. Теперь европейские цены на выращиваемую в умеренном климате сельскохозяйственную продукцию отражали не только динамику спроса и предложения в Западной Европе, но и фактор возможных поставок из Америки, Австралии и России. Тем самым в соответствии с логикой модели Хекшера-Олина дешевые импортируемые продукты питания начали оказывать давление на европейскую земельную ренту (O'Rourke and Williamson, 2005). Впрочем, это обстоятельство вышло на передний план после 1870 г., когда воздействие сил Хекшера-Олина привело к важным политическим последствиям. Однако «семена» отхода от глобализации были брошены через полвека после Ватерлоо.

ТОРГОВЛЯ, ИМПЕРИЯ И РОСТ

Недавний анализ агрегированных данных позволяет предположить наличие в XVII–XVIII вв. в Европе положительной связи между торговлей и экономическим ро-

стом. В 1500–1800 гг. в «атлантических» европейских экономиках (Англия, Франция, Нидерланды, Португалия, Испания) показатели урбанизации и ВВП увеличивались значительно более высокими темпами, чем в остальной Западной Европе или Азии (Acemoglu et al., 2005; Maddison, 2003a). Р. Аллен также доказывает, что в рассматриваемый нами период в Европе имела место сильная положительная зависимость между торговлей и ростом (Allen, 2003). Согласно заключению исследователя «бум межконтинентальной торговли был ключевым событием, подтолкнувшим вперед Северо-Западную Европу» (р. 432).

Вывод о позитивной взаимосвязи между торговлей и ростом в Европе в XVII–XVIII столетиях имеет очень большое значение. И здесь возникает вопрос: какие именно механизмы обусловили эту связь? Различные авторы, обсуждающие воздействие торговли на различные европейские страны, как правило, акцентируют внимание на самых разных механизмах. Более того, в научной литературе очень часто (что, конечно же, обусловлено реалиями меркантилизма) объединяют две концептуально разные проблемы — общее воздействие торговли и эффекты колониальной политики различных стран. Далее мы более подробно рассмотрим механизмы, посредством которых торговля, как предполагается, могла воздействовать на экономический рост, а также связь между империализмом *per se* и экономическим благосостоянием, используя в качестве «естественного эксперимента» утрату Португалией и Испанией латиноамериканских колоний. И наконец, мы пристально взглянем в «паутину» связей между торговлей и главным экономическим событием рассматриваемого нами периода — английской промышленной революцией.

Механизмы

Каким образом в это время торговля могла повлиять на рост? Решающее значение имеет вопрос о том, полностью ли использовались в экономике все доступные в то время ресурсы. В условиях полной занятости направление ресурсов на экспорт было сопряжено с альтернативными издержками, так как ресурсы могли быть использованы для производства на внутренний рынок. С одной стороны, концепция «сравнительных преимуществ» приводит нас к заключению о том, что национальным эконо-

микам выгодна торговля. С другой стороны, извлекаемые из нее выгоды относительно невелики (поскольку используемые для измерений переходы от свободной торговли к некоему протекционистскому равновесию харбергеровские треугольники довольно малы по сравнению с размерами экономики в целом). Неудивительно, что наряду с другими исследователями Р. Томас и Д. Макклоски пришли к заключению, что в том случае если бы во времена промышленной революции британская экономика была бы «отрезана» от внешней торговли, то она произвела бы гораздо меньше хлопка, но существенно больше других товаров без сколько-нибудь значимого ущерба для благосостояния (Thomas and McCloskey, 1981).

Согласно альтернативной концепции «высвобождения излишка» А. Смита в XVIII в. многие экономики страдали от безработицы, или по крайней мере неполной занятости. Торговля позволяла переместить имевшиеся ресурсы и обеспечить продуктивную (или более продуктивную) занятость с относительно небольшими или полностью отсутствующими альтернативными издержками. В этом случае торговля оказывала бы более сильное воздействие на экономический рост. По мнению П. О'Брайена и С. Энгермана, именно так и обстояло дело в Англии (O'Brien and Engerman, 1991).

Сталкиваясь лицом к лицу с этими двумя альтернативами, некоторые исследователи принимают эклектичное решение, устанавливая верхнюю (безработица) и нижнюю (полная занятость) границы воздействия торговли или империи на конкретную экономику. Однако и в этом случае сторонники обоих подходов получают очень небольшие значения рассматриваемых показателей. Расчетные величины вклада империи или торговли в экономический рост несравнимы с ролью, например, расширения внутреннего рынка. И в этом нет ничего удивительного, так как, по существу, оба рассматриваемых нами подхода являются статичными. Экономический рост, напротив, представляет собой динамичный процесс, включающий в себя и накопление капитала, и технологические изменения.

В то время как любая строгая оценка воздействия торговли на экономический рост предполагает создание теоретической модели, статичной или динамичной, многие придерживающиеся традиционных воззрений экономические историки отдают предпочтение качественным оценкам, уделяя основное внимание воздействию тор-

говли на отдельные регионы или сектора экономики. Например, рассматривая положение во Франции в XVIII в., П. Бутель и Ф. Кроузет представили расширение империи (а значит, и торговли) в Америку и Азию как существенный вклад в рост, сосредоточенный как в определенном регионе — атлантические порты (Бордо, Нант, Гавр) и прилегающие к ним территории, — так и в специфической сфере экономики (Butel and Crouzet, 1998). Колонии стали весьма важным рынком для французской промышленности. Согласно имеющимся данным в XVIII в. на заморские территории приходилось 45% совокупного прироста промышленного экспорта. Впрочем, рассматривая приведенные данные, следует учитывать, что накануне Великой революции французская промышленность экспортировала лишь 7% выпуска, а колониальный экспорт был еще меньше (всего 2,5%). Экспортные поставки играли важную роль лишь для нескольких секторов экономики (особенно для производства полотен и холстов). Аналогично, в начале XIX в. в Бразилию вывозилось около 15% произведенных в Португалии полотен и холстов (Pedreira, 1993). Бутель и Кроузет подчеркивают важность обратных воздействий колониальной торговли для отраслей, производивших продукцию исключительно для внутреннего рынка, включая сахароварение, кораблестроение и вспомогательные виды деятельности, а также для морских грузоперевозок, поскольку они осуществлялись на французских кораблях.

В 1714–1796 г. (особенно в конце XVIII в.) динамично развивалась торговля Испании с Новым Светом, что способствовало монетизации и рыночной ориентации национальной экономики в условиях растущего экономического перенаселения и повышения земельной ренты. Торговля стимулировала промышленность и сферу услуг, и, прежде всего, кораблестроение и связанные с ним виды деятельности (производство снастей и такелажа, деревообработка, металлургия). Экспортные поставки в колонии приносили немалую прибыль некоторым отраслям и регионам. В то же время перед распадом своих империй испанские и португальские фирмы поставляли в колонии относительно небольшую долю промышленных товаров и услуг. По крайней мере она не сравнима со связями, установившимися между экономикой Англии и ее заморскими территориями и рынками. Монетизация, коммерциализация сельского хозяйства и стимулирование развития отдель-

ных отраслей, таких как металлургия, явились важнейшими выгодами от внешней торговли в рассматриваемый период и в России (Kahan, 1985).

В одном из недавних исследований выгоды Испании от внешней торговли были пересмотрены в сторону их уменьшения (Prados de la Escosura, 1993). Изучение структуры торговли позволяет предположить, что возможность увеличения производства посредством перераспределения ресурсов была незначительной, а большая часть выгод, вероятно, была результатом изменения модели потребления. К 1792 г. свыше 60% остаточного импорта (общий ввоз за вычетом реэкспорта) составляли какао и сахар. К тому же эти колониальные продукты можно было приобрести на международных рынках. Следовательно, выгоды от колониальной торговли могли быть получены только в том случае, если, учитывая статус метрополии, Испания приобретала часть сырьевых товаров по более низким ценам. Более того, зависимость страны от поставлявшегося из колоний сырья была крайне незначительной (в 1792 г. хлопок-сырец и красители составляли лишь 4% остаточного импорта). Это, конечно, говорит о слабости внутреннего производства. Для каталонской текстильной промышленности (в конце XVIII в. она была одной из наиболее динамично развивавшихся отраслей) на первом месте стоял импорт европейской хлопчатобумажной пряжи, а не ввоз хлопка из колоний, что свидетельствует о низком уровне развития прядильного производства в Каталонии.

Основная доля промышленного экспорта Испании приходилась на несколько отраслей. В 1792 г. доля текстильной промышленности составляла 36,6%, производства железа и стали — 3,2%, бумаги — 4,4%, продуктов питания — 22,3%. Экспорт стимулировал промышленный рост и ассоциировался с некоторыми внутренними экономическими в регионах их происхождения. Колониальное протекционистское законодательство принуждало испанских изготовителей к искусственно насаждаемой конкуренции на испано-американском рынке. Исходя из верхней границы расчетов мы можем предположить, что перед началом наполеоновских войн вклад экспорта внутренних производителей в колонии достигал 5% добавленной в промышленности стоимости (Prados de la Escosura, 1993).

Для того чтобы оценить значение «заморской» торговли для экономик стран Западной Европы, мы можем про-

анализировать последствия резкого снижения объема торгового обмена между континентальной Европой и Новым Светом после установления в 1807 г. английской морской блокады. Вот как описывает последовавшую за блокадой деиндустриализацию морского побережья Западной Европы Кроулет: «Гавани опустели, а на улицах проросла трава. Численность населения таких крупных городов, как Амстердам, Бордо и Марсель действительно уменьшилась» (Crouzet, 1964, p. 571). Более всего пострадали такие отрасли, как кораблестроение, а также производства, связанные с переработкой колониального сырья, такого как сахар и табак. Кроме того, значительно пострадали предприятия пищевой промышленности, равно как и печатание по хлопчатобумажным тканям. Но главной жертвой стала промышленность по производству полотна и холстов в таких регионах, как Западная Франция, Фландрия, Голландия и Германия. Согласно Кроулету ущерб, понесенный ориентированной вовне атлантической экономикой континентальной Западной Европы, носил долговременный характер (p. 573). С другой стороны, возникший во внешней торговле разрыв способствовал развитию импортозамещающих отраслей (прежде всего, хлопчатобумажной текстильной промышленности), защищенных от конкуренции со стороны английских производителей блокадой военного времени. Еще раз повторим, в условиях ограниченности ресурсов, которые можно перенаправить из одного вида деятельности в другой, статическая величина потери в благосостоянии, ассоциирующейся с разрывом в торговле, имеет определенный предел, при условии асимметрии между секторами (например, связанной с экстерналиями; см. Engerman, 1998).

Г. Доден отвергает эту, по существу статическую, перспективу в пользу более динамичной, сосредоточенной на прибылях и накоплении капитала (Daudin, 2006). Он задается вопросом о степени вклада колониальных прибылей в прирост основного капитала во Франции перед Великой революцией. Согласно расчетам Додена доля чистых реинвестированных прибылей, полученных в зарубежном секторе, достигла 6% от общего объема сбережений, что в 1715–1790 гг. обеспечивало около 7% роста ВВП Франции в расчете на душу населения. Это означает, что в отсутствие этих повторных инвестиций к 1790 г. ВВП уменьшился бы всего на 3%. Между тем в своих дальнейших изысканиях исследователь выдвигает предположение

о том, что высокие зарубежные прибыли способствовали увеличению инвестиций в экономике в целом, и приходит к выводу, что эти капиталовложения могли бы обеспечить до одной трети экономического роста Франции (Daudin, 2004).

Более чем два столетия назад во многом иной механизм связи торговли и роста был предложен М.-Ф. Вольтером. По его словам, успехи Англии в торговле и свободы, гарантированные ее основными законами, взаимно усиливали друг друга, образуя спираль удачи: «Торговля, обогатившая граждан Англии, способствовала обретению ими свободы, которая, в свою очередь, обеспечила увеличение торговли» (цит. по: Findlay and O'Rourke, 2007, p. 347). Схожим образом Д. Асемоглу и др. утверждают, что атлантическая торговля способствовала усилению политического влияния купеческого сословия, использовавшего его для упрочения и расширения своих прав собственности (Acemoglu et al., 2005). Согласно этим авторам столь выгодные политические следствия торговли были изначально невозможны в более абсолютистских, по сравнению, скажем, с Англией, государствах. Если обратиться, например, к Испании и Португалии, то в рассматриваемый нами период империализм, скорее, усилил, чем ослабил, абсолютистские монархии. В начале Нового времени государственная власть в европейских странах ограничивалась потребностями короны в повышении налогов. Чем больше монархи зависели от налоговых поступлений, тем меньше суверенитета и автономии оставалось в государстве. Денежные поступления из колоний способствовали упрочению и развитию сильного политического центра, который концентрировал в своих руках власть без вовлечения в пространные переговоры с другими значимыми субъектами и институтами. Если в 1716 г. в Португалии поступления от налога на золото составляли около 10% доходов государства, то к 1760-м гг., в период максимальной добычи золота и алмазов, они достигли одной пятой государственных поступлений. Во времена маркиза Помбала Бразилия обеспечивала около 40% налоговых поступлений. В Испании до начала наполеоновских войн доходы короны, имевшие колониальное происхождение (включая излишек, получавшийся в колониальных фондах, и таможенные пошлины), достигали четверти от общего их объема. И в Испании, и в Португалии американское золото и серебро не только подкрепляли королевскую власть,

но и обеспечивали увеличение доходов аристократии. Тем самым уменьшалась общая их потребность в повышении налогов и уплачивавшейся населением ренты. Колониальная империя способствовала консолидации и стабилизации традиционных институтов и структур власти, статуса и прав собственности в государствах, расположенных на Пиренейском полуострове, обуславливая сравнительно небольшое количество представительных институтов.

Освобождение на рубеже XIX в. американских колоний означало конец *ancien régime* и создание предпосылок для либеральных революций в Испании и Португалии, отразившихся и на экономическом развитии этих государств, и на их международном положении, что до сих пор не достаточно изучено. По поводу последствий окончания старого режима имеются самые разные мнения. Некоторые специалисты уверены в том, что распад империй был обусловлен экономической отсталостью обоих пиренейских государств. Согласно другой точке зрения потеря колоний могла в значительной степени ускорить экономическую и социальную модернизацию полуострова.

Таким образом, существующая сегодня литература, посвященная взаимосвязи между торговлей и экономическим ростом, является неудовлетворительной в нескольких отношениях. В то время как межстрановые данные свидетельствуют о четкой положительной зависимости между торговлей и ростом, исследователям, изучавшим историю отдельных государств, по большей части не удалось установить механизмы поддержания этой взаимосвязи. В данном контексте многообещающе выглядит политэкономический анализ, осуществленный Асемоглу и др. (Acemoglu et al., 2005), но необходимость дальнейших исследований в этом направлении представляется нам очевидной.

Империи и благосостояние

Вопрос о том, почему европейские страны встали на путь строительства империй, уже много лет остается дискуссионным. Диапазон предлагавшихся специалистами гипотез простирается от чисто экономических до чисто политических, включая в себя множество промежуточных предположений. К числу в большей степени экономических объяснений относится, в частности, уже упоминавшаяся нами точка зрения Вайнера, в соответствии с которой во вре-

мена отсутствия интегрированных международных рынков, вызванное опасностями, сопровождавшими торговлю в эпоху широко распространенных пиратства и войн, расширение государственных пределов позволяло создавать резервные рынки. Тем самым происходило «переплетение» новых территориальных завоеваний и торговли. Если, скажем, испанские купцы способны были вести торговлю в некоей области, то Испания как государство должна была предоставить им такую возможность посредством исключения других купцов и государств. В противном случае «исключенными» оказались бы сами испанцы. Впрочем, данное положение отнюдь не отрицает того, что более предпочтительной была бы ситуация, в общем, свободной торговли, когда каждая страна придерживается индивидуально рациональной меркантилистской стратегии, оправданной и с военной, и даже с экономической точки зрения, коллективно продуцируя субоптимальный результат. В то же время, если мы встанем на историческую точку зрения, правомерным представляется вопрос: насколько реалистическим является такое предположение в мире, в котором не создан режим коллективной безопасности? По мнению Р. Финдли и К. О'Рурка, если бы вопрос о последствиях одностороннего перехода к мирной свободной торговле был задан некоему европейскому государству, в ответ мы услышали бы примерно следующее: «в отсутствие... четко определенной, доминирующей силы это приведет к военному поражению и исключению из числа участников зарубежных рынков» (Findlay and O'Rourke, 2007, p. 229).

Предлагались и другие, скорее, неэкономические объяснения. Например, отвечая на вопрос о том, почему после снятия технологических ограничений, препятствовавших дальним морским переходам, заморские колонии были завоеваны только несколькими европейскими странами, Дж. Эллиот предложил объяснение, основывающееся на предшествующей истории территориальной экспансии (Elliott, 1990). С этой точки зрения грабежи, заселение и колонизация Нового Света Испанией и Португалией представляют собой продолжение процесса возвращения христианами земель («реконкисты»), находившихся в прошлом под контролем мусульман. В свою очередь, происходившая в XVII в. английская зарубежная экспансия стала результатом завоевания в предшествующем столетии Ирландии. Почему за этими тремя государствами в ко-

нечном итоге последовали и другие европейские страны? Здесь Эллиот указывает на конкуренцию между европейскими национальными государствами, запустившую процесс соперничества, который привел к захвату и оккупации земель в Новом Свете. Согласно этому сценарию процесс вовлечения практически всей Европы в зарубежную экспансию носил непреднамеренный, по крайней мере частично, характер.

Приверженцы другой точки зрения на взаимосвязи между строительством империи и национального государства указывают на стремление европейских стран не отстать от своих соперников. В соответствии с этой интерпретацией воззрения, согласно которым в мире, характеризующемся высокой степенью неопределенности, государства и купцы нуждаются в резервных рынках и поставках ресурсов, объявляются экономистичными и анахроничными. Ее сторонники рассматривают колонии не столько как инвестиции, сколько как затраты, связанные с необходимостью достижения неэкономических целей (Engerman, 1998). Очевидно, что колонии необходимо завоевать, заселить и защищать, а значит, создание империи с неизбежностью влечет за собой крупные затраты. С экономической точки зрения ведение войн, людские потери, необходимость строительства морских судов означают отвлечение ресурсов от альтернативных направлений их использования. Военные расходы должны были финансироваться посредством повышения налогов, инфляции или принимать форму государственного долга. Помимо прочего, функционирование колониальной системы потребовало принятия навигационных законов, устанавливавших неясный налог на потребителей, поскольку они, как правило, должны были платить более высокую, чем назначавшаяся наиболее эффективным производителем, цену.

Испанские и португальские авторы вновь и вновь возвращаются к вопросу о том, не стало ли строительство империй тормозом на пути национального развития пиренейских государств, поскольку оно сопровождалось недостаточным вниманием к экономике метрополий? Действительно ли функционирование империй ассоциировалось со значительными альтернативными издержками, с поглощением ресурсов, которые могли быть направлены на продуктивные инвестиции (Fontana, 1991), или эти затраты были необходимым условием экономического развития? Для того чтобы реализовать потенциал, ко-

торым обладала богатая ресурсами, но испытывавшая недостаток труда Америка, властям пиренейских государств необходимо было непрерывно осуществлять инвестиции в инфраструктуру (порты, дороги, жилье, внутренние грузовые и пассажирские перевозки, океанское судоходство), а также в создание новых политических и коммерческих организаций. После открытия Колумбом Нового Света для решения этой задачи силами преимущественно Испании и Португалии потребовалось по меньшей мере 150 лет, в то время как выгодами создания инфраструктуры пользовались все остальные европейские страны (O'Brien and Prados de la Escosura, 1998). Говоря о Португалии, мы можем утверждать, что эмиграция лишала страну рабочей силы, обладавшей развитыми навыками и умениями, а также предпринимательским духом, поскольку основную массу отъезжающих составляли грамотные и амбициозные молодые мужчины. С другой стороны, эмиграция сделала возможной колонизацию новых территорий, открытие новых рынков, а также получение предметов роскоши и тропических продуктов (при относительно невысоких затратах). Более того, эмиграция привела к улучшению экономических условий в относительно густонаселенных районах страны, особенно на северо-западе Португалии.

Как ни странно, но в свете этой литературы получается, что наибольший ущерб испанской и португальской экономике в долгосрочном периоде была нанесен притоком ресурсов из Америки на Пиренейский полуостров. Во-первых, как мы уже видели, потоки золотых и серебряных слитков способствовали упрочению позиций абсолютных монархий и центральных правительств, что сопровождалось отрицательными политическими и экономическими последствиями. Во-вторых, приток пряностей и золота в Португалию и серебра в Испанию мог спровоцировать своеобразную «голландскую болезнь», наносящую ущерб конкурентоспособности местных обрабатывающих отраслей (Forsyth and Nicholas, 1983; Drelichman, 2005).

Для того чтобы оценить значение империй для пиренейских экономик, давайте рассмотрим последствия утраты колоний для Испании и Португалии. К 1827 г. когда Бразилия окончательно разорвала связи с Португалией и объявила о своей полной независимости, реальный португальский экспорт произведенных внутри страны товаров не превышал и двух третей от его среднего уров-

ня в 1796–1806 гг. Однако не все так просто. В действительности произошло переключение с промышленного на сельскохозяйственный экспорт, выразившееся в переориентации экономики Португалии на Англию и обмене сырья на промышленные товары в контексте улучшения условий торговли (отношение экспортных цен к импортным ценам). Не осталась в стороне и сфера услуг. За рассматриваемый период реэкспортные контракты в реальном выражении уменьшились на одну пятую. Например, Португалия перестала выполнять функции перевалочного пункта для бразильской продукции. Согласно оценке Х. Педрейры верхняя граница португальских потерь, вызванных с утратой Бразилии, достигала 8% ВВП (Pedreira, 1993). По общему мнению исследователей, в результате Португалия была вынуждена исполнять роль поставщика продуктов питания и различных видов сырья. Тем самым она утратила возможность специализации в более динамичной сфере промышленного производства. Впрочем, поскольку старая колониальная система отнюдь не способствовала тому, чтобы Португалия подошла к границе, за которой бы начиналась индустриализация Нового времени, мы не вправе приписывать распаду империи ответственность за неудачи в развитии промышленности в метрополии.

В отличие от Англии и тринадцати североамериканских колоний, после обретения которыми независимости последовало кардинальное обновление коммерческих отношений между сторонами (Shepherd and Walton, 1976), Испания и новые латиноамериканские республики практически полностью разорвали все связи (за исключением торговых, с использованием в качестве перевалочного пункта Кубы). После вступления в октябре 1796 г. в войну с Англией, Испания в течение двух десятилетий не поддерживала отношений со своими бывшими колониями. Последующее снижение экспорта произведенных в стране товаров (приблизительно на 25% в период между 1784–1796 гг. и 1815–1820 гг.) может быть приписано исключительно спаду в колониальной торговле (сократившейся примерно на 40%). Вследствие этого нарушилась длительное время сохранявшаяся пропорция распределения экспорта испанских товаров между колониями и Европой (приблизительно одна треть и две трети соответственно). Новое соотношение (когда зарубежные рынки «поглощали» четыре пятых вывоза) поддерживалось на протяже-

нии большей части XIX столетия. Остаточный импорт из колоний, ввоз колониальных товаров для внутреннего потребления (составлявший одну треть совокупного остаточного импорта) уменьшился примерно наполовину, однако это сокращение было компенсировано поставками европейской продукции. Наиболее сильно коллапс имперской торговли отразился на предоставлении услуг (финансовых, страховых, транспортных), о чем свидетельствует сокращение реального реэкспорта в период между 1784–1796 гг. и 1815–1820 гг. на три пятых. Обретение независимости колониями не могло не отразиться и на испанском торговом балансе. До распада империи Испания имела отрицательное сальдо по текущим операциям с зарубежными странами, которое уравнивалось корреспондирующим положительным сальдо в колониальной торговле. Освобождение колоний привело к исчезновению этого механизма достижения равновесия, следствием чего стала дефляция в отечественной экономике. К счастью, улучшение отношений с Европой и установление более благоприятных условий торговли, более чем компенсировало ухудшение связей с колониями. В результате в период между 1784–1796 гг. и 1815–1820 гг. покупательская способность в расчете на единицу экспорта увеличилась на 20%, что позволило Испании избежать дальнейшего ухудшения состояния платежного баланса по текущим операциям.

Прадос де ла Эскосура попытался приблизительно оценить реальные издержки Испании, вызванные утратой колоний в Новом Свете (Prados de la Escosura, 1993). Расчеты основывались на допущениях, в целом соответствующих общепринятой точке зрения, согласно которой Испания понесла значительные потери. Первое допущение состояло в том, что производственные ресурсы, нашедшие воплощение в экспортных товарах, не находили альтернативного применения в национальной экономике. Аналогичное допущение было сделано и в отношении услуг (морские перевозки, страхование, коммерческие), предоставлявшихся испанцами в рамках колониальной торговли. В противоположность неколониальной торговле, когда подавляющее большинство грузов перевозилось кораблями, принадлежавшими иностранцам, испанское законодательство требовало, чтобы торговля с «Индиями» обеспечивалась исключительно национальными перевозчиками. Таким образом, снижение объемов испано-американской торговли неизбежно повлекло и уменьшение

количества предоставляемых испанцами морских услуг. При допущении, что доходы от эксплуатации колоний эффективно использовались в экономике метрополии, также учитывалось снижение государственных доходов в результате сокращения притока благородных металлов, а также сокращение таможенных сборов в результате обретения независимости заморскими территориями. Согласно этим допущениям верхняя граница испанских потерь была определена на уровне, не превышавшем 8% национального дохода. И поскольку можно утверждать, что прибыли, которая приносила колониальная торговля, составляли значительную часть средств, использовавшихся для финансирования инвестиций в экономику Испании, верхняя граница их вклада в совокупный прирост основного капитала не превышала в 1784–1796 гг. 18%.

Долгосрочные последствия утраты колоний во многом зависели от гибкости и динамичности национальной промышленности. Сокращение экспорта во многих секторах экономики является свидетельством низкой конкурентоспособности отраслей испанской экономики. Испания оказалась неспособной предложить латиноамериканскому потребителю товары и услуги, сравнимые по цене или качеству с продукцией ее западноевропейских конкурентов, прежде всего Великобритании. Например, расположенные в Стране Басков предприятия по производству железа и стали (в конце XVIII в. более трети объема выпущенной продукции поставлялось в колонии) утратили конкурентоспособность еще в 1770-х гг. Аналогичное положение сложилось и с производством шелковых тканей в Валенсии. В 1790–1820-х гг. произошло увеличение чистого экспорта шелка-сырца. Одновременно возрос и чистый импорт шелковых тканей и изделий. К числу отраслей, значительно увеличивших выпуск в условиях защиты колониальных законов и существенно сокративших производство после распада империи, относились и каталонские морские грузоперевозки. В то же время производство хлопчатобумажных тканей в Каталонии развивалось и после утраты колониальных рынков. В конечном счете более конкурентные и гибкие сектора экономики адаптировались к новым обстоятельствам, в первую очередь, коммерческое сельское хозяйство, ориентированное на растущие рынки Западной Европы. Как мы уже отмечали, с точки зрения условий торговли XIX век был весьма благоприятным временем для сельхозпроизводителей, поскольку технологический

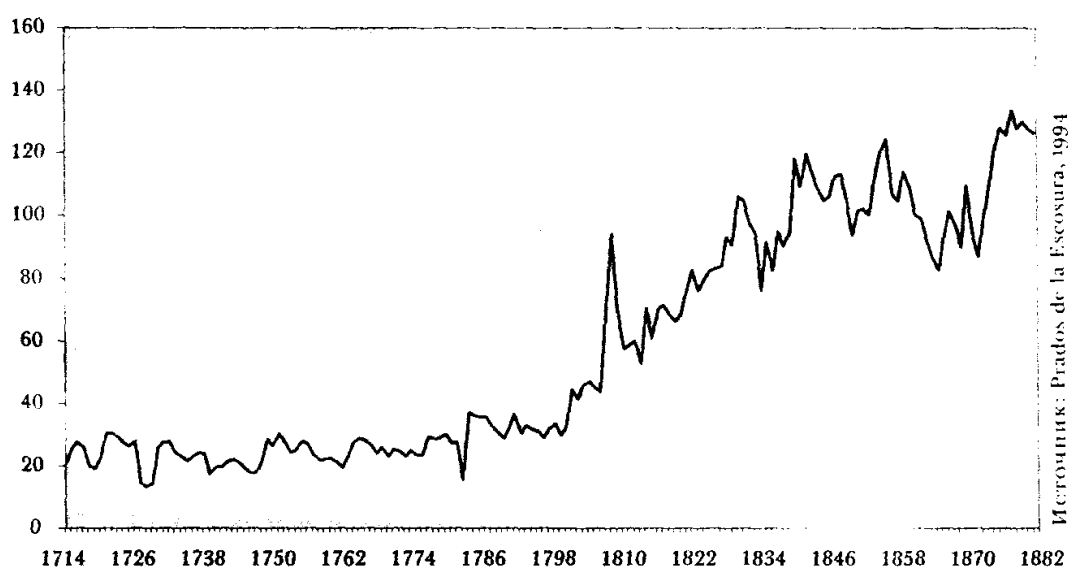

РИС. 4.4.
Испанские условия торговли по отношению к Англии
в 1714–1882 гг.

прогресс способствовал снижению цен на промышленные товары, а растущий спрос обусловил повышение относительных цен на сельскохозяйственную продукцию (рис. 4.4). Утрата колоний оказала гораздо менее широкое и глубокое воздействие на испанскую экономику, чем было принято считать в исторической литературе.

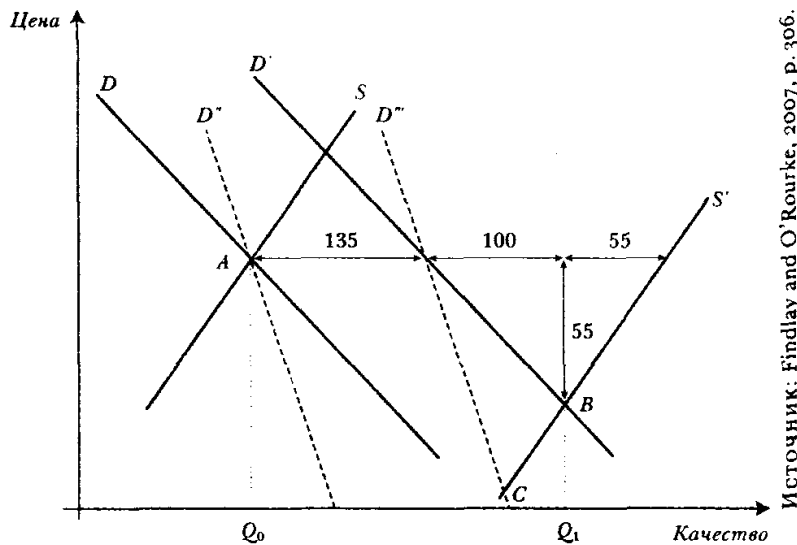
ТОРГОВЛЯ И ПРОМЫШЛЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

В главе 1 был представлен обширный обзор перехода Европы к экономическому росту современного типа. Сейчас наше внимание сосредоточено на одном из аспектов этого перехода — на воздействии торговли (а значит и империи, поскольку в рассматриваемый период они были тесно связаны друг с другом) на английскую промышленную революцию. Мы видели, что межстрановые эконометрические данные свидетельствуют о наличии в то время положительной зависимости между торговлей и ростом. Однако вопрос о факторах, определявших эту корреляцию, остается без определенного ответа. Что мы можем сказать об отношении торговли и роста в этом каноническом случае?

Круг посвященной рассмотрению этой проблемы литературы сформировался под воздействием доминировавших в тот или иной момент времени экономических теорий. Одним из наиболее влиятельных направлений мысли стали работы приверженцев классической школы (от А. Смита до К. Маркса): рост зависит от инвестиций, которые зависят от сбережений, которые зависят от прибылей (исходя из предположения, что рабочие слишком бедны, чтобы делать накопления, а землевладельцы слишком легкомысленны). В своей знаменитой книге Эрик Уильямс обосновывает положение, согласно которому промышленная революция финансировалась из прибылей, которые приносила атлантическая работорговля (Williams, 1966). Автор приводил в основном неподтвержденные свидетельства о множестве случаев, когда связанные с торговлей рабами личности осуществляли инвестиции в английскую промышленность. Классический количественный ответ Уильямсу дали Энгерман (Engerman, 1972) и О'Брайен (O'Brien, 1982). И первый, и второй исследователи оценили объем прибыли, которую приносила работорговля (О'Брайен более широко рассматривал трансокеанские виды деятельности в целом), и пришли к выводу, что они были совсем невелики и едва ли сыграли сколько-нибудь заметную роль. Например, согласно О'Брайену, в 1794–1786 гг. совокупные прибыли лиц, вовлеченных в торговлю и коммерческую деятельность на «периферии» составили £ 5,66 млн. Если считать, что 30% от этих прибылей были направлены на сбережения и впоследствии реинвестированы, то в рассматриваемом периоде из них было бы профинансировано приблизительно 15% английских валовых инвестиций. По О'Брайену, эти 15% представляют собой не слишком значительную величину. Поэтому тезис Уильямса «„затонул“, напоравшись на числа» (O'Brien, 1982, p. 16).

Однако с этим связана еще одна, более фундаментальная проблема. Что было основной движущей силой экономического роста после промышленной революции: технологические изменения или накопление капитала? Сосредоточив внимание на прибылях как на возможной связи между заморской торговлей, империей и рабством с одной стороны и европейским ростом с другой стороны, Уильямс и другие встали на ложный путь. Если мы приходим к выводу, что марксистская экономическая теория не способна объяснить феномен промышленной революции, то,

по определению, обязаны распространить тот же вывод и на кейнсианскую теорию, поскольку Дж. М. Кейнс концентрировал внимание на факторах, определяющих объем производства и занятость в краткосрочной перспективе, а не на проблемах долгосрочного экономического роста. Однако это не стало препятствием для историков, пытавшихся обосновать положение, согласно которому в процессе перехода к современному типу роста заокеанский спрос оказывал экзогенное стимулирующее воздействие на выпуск промышленной продукции в Британии. Учитывая, что в 1784–1786 гг. около 60% английского экспорта текстильных изделий из хлопка приходилось на не-европейские страны, подобные заявления представляются вполне понятными. Однако рост, с другой стороны, является феноменом спроса, и, конечно, если он происходил благодаря зарубежному спросу, в период промышленной революции условия торговли в Англии должны были бы улучшаться, в то время как в действительности они ухудшались (сокращение издержек как отражение природы инноваций) (McCloskey, 1981; Мокуг, 1977). Обратимся к рис. 4.5, на котором представлена упрощенная картина соотношения спроса и предложения в период промышленной революции. Согласно Н. Крафтсу и Н. Харлею в 1780–1831 гг. промышленное производство в Англии увеличилось примерно на 235%, в то время как ВВП — приблизительно на 135% (Crafts and Harley, 1992). Если мы примем эластичность спроса по доходу за единицу и будем исходить из того, что зарубежные доходы росли такими же темпами, как в Англии, то спрос на продукцию британских производителей, при условии неизменности цен, должен был увеличиться примерно на 135%. Это может быть проиллюстрировано смещением кривой спроса с D до D' (пока мы игнорируем D'' и D'''). Если бы кривая промышленного предложения была вертикальной, она переместилась бы на 235%, пересекая D' в точке нового равновесия, которое мы обозначаем как B . Имеющиеся у нас данные об условиях торговли в Англии позволяют предположить, что в этой точке относительные цены на произведенные в обрабатывающей промышленности товары были бы (при очень грубом приближении) на 55% ниже, чем в точке начального равновесия A . С другой стороны, в случае если бы эластичность предложения была равна единице, кривая предложения переместилась бы (при постоянных ценах) на 290% ($= 135\% + 100\% + 55\%$), то есть зна-

Источник: Findlay and O'Rourke, 2007, p. 306.

РИС. 4.5.
Соотношение спроса и предложения
в период промышленной революции

чительно дальше, чем это произошло при обусловленном внешними причинами сдвиге спроса на 135%.

Простая модель общего равновесия для атлантической экономики конца XVIII в. была предложена Р.Финдли (Findlay, 1990). Несмотря на статичный характер эта модель позволяет понять действительную роль торговли в период промышленной революции. Первоначально промышленная революция затронула в основном текстильную промышленность, и Британия импортировала хлопок-сырец исключительно из неевропейских государств, а преимущественно из Америки⁴. Американское предложение характеризовалось очень высокой эластичностью, обусловленной казавшимся безграничным земельным фондом Нового Света, а также очень высокой эластичностью предложения рабского труда. Промышленная революция означала значительное увеличение спроса на хлопок-сырец, что привело к значительному росту цен на него и на внутреннем, и на зарубежных рынках. Следствием этого стало ухудшение условий торговли для Британии. Высокая эластичность предложения факторов производства в Америке минимизировала убытки, связанные с этим ухудшением, — в отсутствие рабов и земель в Новом свете относительные цены на хлопок-сырец были бы еще более высокими, что могло бы затормозить рост этого ключево-

4. К. Померанц подчеркивает выгоды, которые получала Европа благодаря доступу к производившимся в Новом Свете сырьевым товарам (Pomeranz, 2000). В то время китайская экономика была лишена подобных преимуществ.

го сектора британской промышленности. В свою очередь, существовавшие в то время зарубежные рынки предъявляли более высокий и более эластичный спрос на хлопчатобумажные изделия. Возвращаясь к рис. 4.5, мы видим, что вызванный промышленными инновациями сдвиг спроса оказал бы меньшее воздействие на выпуск и способствовал бы еще большему снижению цен на текстильную продукцию, чем в случае неэластичности спроса (сравните сдвиг от D до D' и смещение от D'' до D''').

Торговля не только обеспечила дальнейшее распространение импульса, полученного со стороны предложения; вероятно, она способствовала и внедрению большего количества инноваций, поскольку и то и другое было мотивировано прибылями и дороговизной (Allen, 2006). Значительные по размерам постоянные издержки, ассоциировавшиеся с исследованиями и разработками, предполагали получение прибыли, обеспечивавшей хотя бы безубыточность. Очевидно, что более крупные по размерам рынки помогали новаторам возмещать эти постоянные издержки. Более того, в определенных обстоятельствах более крупные рынки предлагали отдельным монополистически конкурировавшим фирмам более эластичные кривые спроса (Desmet and Parente, 2006). Таким образом, любая данная инновация, внедрение которой обеспечивает снижение цены на произведенный товар, предполагает, что крупные рынки обеспечивают больший объем продаж и денежную выручку. Следовательно, расширение рынков означает повышение вероятности внедрения инноваций. Данный механизм пока не получил количественной оценки. Но, мы предполагаем, что в случае, если бы мы рассматривали Англию изолированно (допуская, что на острове чудесным образом научились выращивать хлопок), у нас едва ли появились бы основания рассчитывать на большее количество инноваций, чем те, которые были внедрены в реальной действительности. В отличие от Китая или империи Великих Моголов Англия была слишком маленькой, чтобы рассчитывать исключительно на внутренние рынки. В 1780–1801 гг. увеличение экспорта давало до 21% совокупного увеличения ВВП (Crafts, 1985a, p.131), свыше 50% добавочного промышленного выпуска за аналогичный период (Cuena Esteban, 1997) и свыше 60% дополнительного выпуска текстильной продукции в 1815–1841 гг. (Harley, 1999, p. 187).

Более того, в 1780–1801 гг. на Америку пришлось приблизительно 60% добавочного английского экспорта (O'Brien and Engerman, 1991, p. 186). По мере роста промышленности деятельность английских новаторов во все большей степени зависела от зарубежных рынков. В меркантилистском мире, в котором национальные государства систематически вытесняли своих врагов с защищенных рынков, военные победы Англии над французами и другими европейскими противниками были одной из составляющих ее последующих экономических успехов. Конечно, само по себе это условие было отнюдь не достаточным — перво-степенную роль в стимулировании инноваций, вне всяких сомнений, играют внутренние условия, — но, вероятно, одним из необходимых.

ГЛАВА 5

Экономические циклы

ЛИ КРЕЙГ

КОНСЕПСЬОН ГАРСИЯ-ИГЛЕСИАС

СОДЕРЖАНИЕ

Экономические циклы до 1816 г. · 203

Экономические циклы в 1816–1870 гг. · 218

КОГДА речь заходит о западной цивилизации, то периодические отклонения в хозяйственной деятельности от свойственных ей долгосрочных тенденций, известные нам как экономические циклы, обнаруживаются по крайней мере начиная с XVI столетия¹. С течением времени причины и последствия этих циклов изменялись. Поэтому циклы, наблюдавшиеся до 1700 г., могли различаться по своему воздействию, частоте и возможной силе от тех, которые имели место после 1870 г. Но наиболее важное различие между ними заключается в причинах циклов. В литературе, посвященной ранним циклам, они обычно ассоциируются с *технологическими изменениями, демографическими потрясениями, потоками золота и серебра, разрывами в торговле, сельскохозяйственными кризисами* (как правило, связанными с климатическими шоками) и/или *войнами*. Напротив, в последние десятилетия XIX в. колебания в уровне хозяйственной деятельности обычно объясняли затруднениями на *финансовых рынках* и в *обрабатывающей промышленности*. И наконец, современная теория экономических циклов связывает циклическую активность с технологическими изменениями.

Первые научные исследования экономических циклов начались в эпоху Адама Смита, изучавшего их причины, сравнивая флуктуации на текстильном и зерновом рынках, а также потенциальную роль денежных потрясений, вызванных притоком золота и серебра (Smith, 1966 [1776], pp. 66–75, и pp. 35–55 соответственно). В конце XIX — начале XX вв. внимание исследователей было сосредоточено на определении продолжительности и предполагаемой регулярности различных экономических циклов. Так Йозеф Шумпетер предложил деление циклов на 5 широких категорий (Schumpeter, 1939, pp. 162–165). Сезонные

1. В крупных торговых центрах, таких как Венеция, история циклов уходит в глубь веков (Lane and Mueller, 1985). Известно также, что они были присущи не только Западу (Chaudhuri, 1985).

циклы, движимые ритмами, присущими сфере сельского хозяйства, как правило, укладываются в календарный год. Циклы Китчина продолжительностью 3–5 лет, как предполагалось, отражали поведение финансовых индикаторов (например, клиринговых расчетов между банками и процентных ставок) и оптовых цен. Циклы Жюгляра продолжительностью около 10 лет обуславливаются более фундаментальными изменениями на финансовых рынках, а также демографическими показателями. В основе циклов Кузнеца, продолжающихся около 20 лет, лежат структурные изменения в ключевых технологиях и ведущих отраслях. Особую роль в них играют продолжительные колебания в сфере строительства. И наконец, длительность циклов Кондратьева составляет 50–60 лет, что является отражением исторических сдвигов в экономике (таких, например, как промышленная революция).

Предложенный Шумпетером подход служил основой европейской макроэкономической истории вплоть до 1980-х гг. (см., например, Trebilcock, 1981). Но в последующих исследованиях, в первую очередь в области экономической теории, систематический характер этих ранних категорий либо преуменьшался, либо прямо отвергался. Внимание современных исследователей сосредоточено на статистических свойствах ключевых макроэкономических временных рядов, включая реальный ВВП и его компоненты, ценовые индексы, данные о торговле и процентных ставках, или на причинах и следствиях специфических циклических эпизодов². Главный недостаток более ранних подходов заключается в их ограниченной прогностической способности. В современной литературе отвергается идея о существовании экономического цикла вне исторического контекста, в котором разворачивается циклический процесс. Анализируя межстрановые циклы, имевшие место на протяжении 130 лет, С. Басу и А. Тейлор отмечают, что «Эти результаты не поддаются прямой интерпретации, так как в течение столь длительного периода времени структура экономики, вероятно, претерпевает изменения» (Basu and Taylor, 1999, pp. 50–51). Аналогично К. Ромер замечает: «Только установив, как изменялись экономические колебания (флуктуации), мы можем объяснить сам феномен [цикла. — *Ред.*]» (Romer, 1999, p. 24). Учитывая эти советы, мы сосредоточим внимание как на происходивших в период приблизительно 1700–1870-х гг. изменениях в экономической структуре, так и на причинах экономических флуктуаций.

2. Показательно, что в современных обобщающих исследованиях экономических циклов предложенная Шумпетером таксономия не только не цитируется, но и не упоминается (см. Basu and Taylor, 1999; DeLong, 1999; Long and Plosser, 1983; Mankiw, 1989; Plosser, 1989; Romer, 1999; Zarnowitz, 1999 и проч.).

На сегодняшний день макроэкономические данные сгруппированы единообразно по национальным государствам. Ключевые показатели экономического цикла, такие как валовый внутренний продукт, ценовые индексы и уровни безработицы, характеризуют результаты хозяйственной деятельности в той или иной отдельно взятой стране. Таким образом, возникновение понятия экономического цикла, как вызывающей немалый интеллектуальный интерес идеи, совпадает по времени с появлением государств-наций. А.Смит совсем не случайно задается в «Богатстве народов» вопросом о цикличности хозяйственной деятельности. Несмотря на то что, как мы увидим ниже, циклическая деятельность тесно связана с географически определенными рынками (бесспорная микроэкономическая идея), в конце XVIII столетия интеграция европейской экономики была достаточно широкой для того, чтобы крупные циклические потрясения на определенных рынках, в определенных регионах, оказывали воздействие на хозяйственную деятельность в других регионах (во многих случаях невзирая на государственные границы). Таким образом, нечто подобное панъевропейскому циклу родилось до того, как нам стали доступны достоверные данные о национальном доходе и произведенной продукции. В дальнейшем мы рассмотрим, как это происходило.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЦИКЛЫ ДО 1816 Г.³

Современные специалисты по теории экономических циклов особо подчеркивают роль технологических изменений как ключевой причины так называемого «реального экономического цикла» (McCallum, 1989; Plosser, 1989). В соответствии с предлагаемыми моделями кумулятивное (а значит, агрегированное) воздействие ряда «микро»-технологических изменений обуславливает повышение производительности труда и посредством выбора между трудом и свободным временем ведет к увеличению количества отработанных часов и выпуска. Следствием этого становится подъем в реальной хозяйственной деятельности. В этой связи идея Яна де Вриза о том, что промышленной революции предшествовала «революция трудолюбия» (de Vries, 1994), а также предложенная Джоэлем Мокиром характеристика технологической креативности

3. Периодизация здесь, знаменующая окончание наполеоновских войн и последующее принятие Англией золотого стандарта, носит в некоторой степени произвольный характер. Некоторые исследователи относят рубеж на несколько десятилетий раньше, примерно на 1770 г. (Hoprit, 1986), другие — на более позднюю дату (Williamson, 1987b).

как основы промышленной революции (Мокуг, 1990, 1993) отнюдь не противоречат положению о происходящих в отдельных географических областях специфических институциональных или технологических изменениях, способных придать импульс к росту в рамках локального экономического цикла посредством, например, шоков в производительности. Благодаря «посредничеству» других факторов, таких как миграция (см. ниже), эти изменения оказывали влияние на другие регионы и страны.

4. Во многом схожие результаты были получены Ф. Сметсом и Р. Вoutersом (Smets and Wouters, 2007), использовавшими другую модель и иные допущения.

И наоборот, согласно некоторым вариантам современной теории экономических циклов, спады в хозяйственной деятельности обусловлены тем, что фирмы, столкнувшиеся с технологическими изменениями и положительными шоками в производительности, демонстрируют неспособность пропорционально увеличить объем выпуска, что ведет к сокращению отработанных часов и занятости (Francis and Ramey, 2005)⁴. Во многом аналогичный процесс, как представляется, имел место в ходе модернизации и повышения производительности по мере снижения занятости в европейском сельском хозяйстве. Впрочем, когда мы сталкиваемся с радикальными переменами, для характеристики которых используются такие выражения, как «промышленная революция» или «сельскохозяйственная революция», необходимо быть предельно осторожным, чтобы правильно «проводить различие между ростом и циклами» (Craig and Fisher, 2000, p. 114). Конечно, многочисленные институциональные и технологические изменения, скорее всего, будут оказывать воздействие на долгосрочные тенденции роста, а не на краткосрочные циклы. Хотя современные макроэкономические исторические исследования не выявили сколько-нибудь существенных разрывов в долгосрочной тенденции темпов роста вплоть до начала XIX в., сам Мокир замечает, что «Как правило, существует значительный лаг во времени между осуществлением изменений в технологии (даже тех, которые имеют фундаментальное значение) и моментом, когда они начинают проявляться в агрегированных статистических данных» (Мокуг, 1993, p. 10). Вероятно, именно промышленная революция, а не что-то другое сделала возможными современные экономические циклы.

В прошлом теоретики экономических циклов интерпретировали в качестве важнейшего индикатора циклической активности *демографические изменения* (например, см. Juglar, 1889 [1860]). Рождения, смерти и чистая мигра-

ция — все они способны отражать агрегированную хозяйственную деятельность, а также оказывать влияние на нее. Увеличение коэффициента рождаемости относительно коэффициента смертности воздействовало на агрегированные спрос и предложение и в кратко-, и в долгосрочном периодах, но в количественном выражении оно было относительно слабым по сравнению с потенциальными последствиями кризиса смертности. Поэтому в стандартных представлениях демографического перехода, несмотря на флуктуации коэффициентов рождаемости в предшествовавшую Новому времени эпоху, эти колебания чаще всего рассматривались как незначительные, если сравнивать их с изменениями в коэффициентах смертности, во многом зависевшими от распространения инфекционных заболеваний.

В большинстве своем краткосрочные изменения европейской рождаемости в начале Нового времени были результатом отклика на нарушения демографического равновесия, обусловленные кризисами смертности; их функция состояла в быстром возвращении к «нормальному состоянию». С другой стороны, учитывая смертность, краткосрочная нестабильность носила эндемический характер и целиком и полностью зависела от воздействия внешних сил (Flinn, 1985, p. 47).

Среди этих экзогенных факторов наиболее эффективным и последовательным убийцей была чума. В частности она была «ответственной» за возникновение панъевропейского цикла в начале Нового времени: «Большую часть рассматриваемого периода по Европе то и дело „проносились“ эпидемии бубонной чумы... хорошо, если эти вспышки разражались с перерывом в несколько лет» (Flinn, 1985, p. 51). Чума воздействовала на хозяйственную деятельность по двум направлениям. Во-первых, возникал разрыв на рынке труда. Снижение объемов производства, вызванное болезнями и смертями, означало уменьшение реального выпуска. К тому же всякая эпидемия представляет собой потенциальную угрозу голода, даже если погодные условия были благоприятны для сбора урожая. Во-вторых, возникал разрыв в торговле. Как правило, центрами переноса и распространения чумы были портовые города, вследствие чего в них то и дело возникали опасные угрозы торговле (утрата работников, остракизм, введение карантина). После произошедшего в XIV в. кризиса вспышки чумы во многих случаях носили в большей сте-

пени локальный характер. Часто они происходили лишь в нескольких портовых городах. Но в тех случаях, когда чума давала о себе знать одновременно в нескольких портах одной и той же страны, возникали немалые трудности. Эпидемии могли оказывать воздействие на совокупную хозяйственную деятельность и в тех случаях, когда они разражались одновременно с неурожаями (см. ниже). К особым эпизодам циклов, вызванных высокой смертностью и ограниченными преимущественно городскими областями, относятся события в Южной Италии (1743 г.) и Испании (1799–1800 гг.). Сочетание сельскохозяйственных проблем и проникновения чумы в глубь территории обусловили значительный экономический спад в Швеции и в регионе Балтийского моря в целом (1709–1710 гг.), а также во Франции (1720–1722 гг.). Оба этих случая ассоциировались с происходившими в других частях Европы экономическими кризисами, хотя сейчас установить, где были причины, а что стало следствиями, едва ли возможно.

Что касается миграции в целом, то даже до возникновения великих трансатлантических потоков в рассматриваемый нами период европейская миграция находилась на довольно высоком уровне. Эта внутренняя миграция носила преимущественно сезонный характер. Одновременно она следовала долгосрочному тренду «из деревни в город». Но, как заметил Бринли Томас, эта миграция была и причиной и откликом на реальный цикл (Thomas, 1973). В своих эмпирических исследованиях Томас рассматривал события, происходившие преимущественно в XIX в., хотя его теоретические положения могут быть применены и к более ранним периодам. Широко определяемые институциональные или технологические изменения, способствующие активизации хозяйственной деятельности и повышению производительности труда в некоем отдельном регионе, обуславливают снижение издержек производства, увеличение выпуска и заработной платы, а также спроса на труд, следствием чего становится приток в них мигрантов. Напротив, в регионах, обойденных изменениями, происходит утечка капитала и рабочей силы, и они вступают в циклический спад. Таким образом, посредством миграции (контрциклические) шоки распространяются на другие регионы. Эти потрясения могли усиливаться войной и неурожаем (см. ниже). Анализируя научные воззрения Томаса, Дж. Форман-Пек замечает, что эта «главная тема может быть прекрасно пе-

ренесена на реальный экономический цикл» (Fogelman-Peck, 2006, p. 2).

Вплоть до начала XVIII в. большая часть традиционного нарратива о европейском росте в начале Нового времени была посвящена экономическим последствиям *притока золота и серебра* из Нового Света — общей инфляции, получившей известность как «революция цен» (Hamilton, 1934). Для того чтобы распутать «узел» воздействий притока «звонкой монеты» на уровни цен и на реальную хозяйственную деятельность, необходимо быть очень осторожным. В своей простейшей форме разделение этих воздействий предполагает проведение различия между предвидимыми и непредвиденными потоками. В зависимости от того, насколько они были предвидимыми, обе стороны рынка имели возможность скорректировать ценовые ожидания с тем, чтобы компенсировать любой результирующий экономический шок, наиболее очевидным из которых будет инфляция. Исходя из логики количественной теории денег попытки выдвинуть на первый план взаимосвязи между потоками золота и серебра (и вызываемой ими инфляции) с экономическим ростом или с циклической по своей природе реальной хозяйственной деятельностью не имеют под собой достаточных оснований (Craig and Fisher, 2000).

Тем не менее в той степени, в которой размер или флуктуации этих потоков оказывались непредвиденными, их можно было бы представить как предшественников современных денежных шоков. В конце концов, золото и серебро — это деньги, а стремление к открытию новых месторождений благородных металлов было одним из главных мотивов создания всемирных торговых империй с центрами в европейских странах. Довольно трудно представить себе, что все предпринимавшиеся из поколения в поколение усилия по поиску золота осуществлялись только для того, чтобы подтвердить или опровергнуть тезис о нейтральности денег. На первоначальные сверхдоходы могли рассчитывать только те, кто торговал благородными металлами, а также корона, получавшая доходы от чеканки монеты (сеньораж). И только потом увеличение количества денег в обращении проявлялось в общеевропейской инфляции. Однако эти первоначальные сверхдоходы могли привести к неким отклонениям в долгосрочной тенденции реальной хозяйственной деятельности. Или, как сформулировал К. Чиполла, потоки золота и серебра

«с точки зрения долгосрочного развития, стимулировали даже большую [циклическую] активность» (Cipolla, 1972, p. 45).

Дальнейшее распространение этих монетарных шоков и величина их реального воздействия остаются предметом дискуссий. Однако само существование *некоего* реального воздействия не подвергается сомнению (см. обзор в Fisher, 1989). Весьма вероятно, что действительная роль этих непредвиденных денежных «инъекций» отличалась от той, которая приписывается им современной монетаристской теорией. Имеется в виду, что потоки золота и серебра оказывали реальное воздействие лишь в краткосрочном периоде и сохраняли, вероятно, «нейтралитет» в долгосрочной перспективе. Безусловно, расширение торговли, как следствие погони за золотом и серебром, внесло значительный вклад в экономический рост (имеется в виду долгосрочная тенденция к повышению темпов роста), а также в отклонения от этого тренда (то есть экономические циклы). По крайней мере потоки золота и серебра служили мерилем степени увеличения объемов торговли. Это расширение само по себе ассоциировалось и с реальным экономическим ростом, и с углубляющейся международной интеграцией, что, в свою очередь, открывало возможность межстранового влияния на темпы роста, экономические циклы и в конечном итоге на инфляцию — короче говоря, на панъевропейский цикл.

Создание и расширение *торговых* сетей в Новом Свете (равно как и в Африке, а также в Ост-Индии) позволяет предположить наличие иного механизма начала и распространения первых экономических циклов. На протяжении около четырех столетий торговые компании в большинстве своем были частными, но создававшимися с санкции государства предприятиями. Следовательно, у нас есть все основания полагать, что международная торговля усиливала долгосрочную тенденцию динамизации темпов роста в европейских странах. Впрочем, в рамках этой положительной тенденции имели место происходившие время от времени отклонения в темпах расширения торговли. Во многих случаях разрывы в торговле происходили под воздействием факторов, обуславливавших и экономические циклы. Краткосрочные отклонения от долгосрочных тенденций могли вызываться, например, военными действиями или вспышкой чумы. Очевидно, что постоянной движущей силой торговли были поиски месторожде-

ний золота и серебра. В дополнение к связям с другими случайными агентами расширение торговли могло генерировать циклы другим, более современным путем — через финансовые рынки.

Когда мы рассматриваем специфические случаи происходивших в то время финансовых кризисов, наше внимание неизбежно привлекают события, связанные с так называемым «Пузырем „Компании Южных морей“». Эта английская компания была учреждена в 1711 г. Предполагалось, что она выкупит часть государственного долга в обмен на получение монопольных прав на заморскую торговлю (по сути, речь шла о свопе «долг—акции») (Neal, 1990). Несколько позже Джон Ло, шотландский авантюрист и финансист, основал во Франции *Banque Generale* (впоследствии преобразованный в государственный «Королевский банк»), а также международную торговую компанию *Compagnie d'Occident* (впоследствии французская «Индийская компания»). Кроме того, он «захватил» государственный «печатный станок» и получил право собирать налоги. Согласно Ф. Вельде:

Операция привела к преобразованию существовавшего в то время государственного долга Франции в разновидность государственного акционерного капитала. Строго говоря, компании, акции которой свободно покупались и продавались, было предоставлено право на сбор во Франции налогов всех видов и печатание денег. К тому же она монополизировала всю заморскую торговлю и получила в управление часть французских колоний. Компания предложила кредиторам государства возможность обмена облигаций на свои акции, взяв на себя функции по кредитованию правительства... Таким образом, владельцы облигаций получили право на долю в вероятном потоке налоговых поступлений [от торговли] (Velde, 2003, p. 1).

Амбициозные налоговые, денежные и финансовые планы, связанные с деятельностью этих компаний, в конечном счете основывались на их прибыльности как торговых предприятий. Обмен «долг на акции» имел смысл лишь до тех пор, пока зарубежная деятельность компании приносила ей денежную выручку, а аффилированные финансовые институты не сталкивались с проблемами в управлении задолженностью. Но вторые зависели от первой, и в случае возникновения проблем с любым из них рушилась система в целом. Как замечает Л. Нил, «конец схемы „Южных морей“» стал неизбежным после того, как

Банк Англии начал оказывать давление на корреспондентский банк компании с тем, чтобы он обменял свои долговые обязательства на золото и серебро или на долговые обязательства Банка Англии (Neal, 1990, p. 106). Аналогично во Франции «В схеме Ло решающую роль играло условие, согласно которому цена на акции [торговой компании] должна была постоянно поддерживаться на высоком уровне» (Velde, 2003, p. 28). Если оставить в стороне краткосрочные манипуляции Ло, то единственный способ достижения этой цели состоял в поддержании непрерывного потока прибыли от торговой деятельности компании. Когда эти надежды не оправдались, летом 1720 г. выстроенная Ло схема потерпела крах. Весьма ощутимый даже по современным меркам ущерб понесла не только Франция. «Передаточным механизмом» в данном случае выступили кредитные рынки. Если Амстердам понес преимущественно финансовые потери, то в Англии начался экономический спад. Таким образом, связь между торговлей и финансами (пусть и государственными) выразилась в (панъевропейских) колебаниях уровня реальной хозяйственной деятельности.

Мы увидели, что в начале Нового времени европейская экономика подвергалась воздействиям институциональных и технологических изменений, шоков смертности, миграции, непредвиденных потоков золота и серебра, а также разрывов в международной торговле. Однако до наступления XIX в. наиболее часто проявлявшимся и, возможно, наиболее сильным фактором циклических спадов были *сельскохозяйственные шоки*. Для того чтобы понять всю важность происходивших в этой сфере событий, следует отметить, что в то время с точки зрения системы национальных счетов сфера сельского хозяйства доминировала над всеми другими секторами экономики. Обратившись в качестве точки отсчета к Англии, сравнительно рано достигшей высокого уровня экономического развития, мы увидим, что в 1700 г. доля непосредственно занятой в сельском хозяйстве рабочей силы составляла около 50% от ее общего количества. При этом типичный английский сельскохозяйственный рабочий (один из наиболее производительных в Европе) имел возможность обеспечить пропитание лишь самому себе и еще двум другим людям⁵. Неудивительно, что экономика в целом проявляла высокую чувствительность к сельскохозяйственным потрясениям, важнейшими из которых были

5. Это всего лишь оценочное значение, основывающееся на данных Р. Аллена (Allen, 2004) и Э. Ригли (Wrigley, 2004a).

значительные краткосрочные отклонения от климатических норм.

К наиболее очевидным климатическим проблемам относились ранние и поздние заморозки, необычно сухие или дождливые периоды во время или между севом и сбором урожая. В каких-то случаях климатические шоки распространялись на большую часть Европы, в других — затрагивали лишь отдельные районы. В любом случае в зависимости от продолжительности и степени тяжести кризиса (и учитывая высокие транспортные издержки) вызванный им неурожай вел к значительному снижению потребления продуктов питания, если не к голоду. Это, в свою очередь, означало повышение восприимчивости населения к заболеваниям и сокращение трудового вклада, что становилось причиной дальнейшего снижения сельскохозяйственного выпуска, в результате чего вновь повышалась смертность от болезней. Вообще говоря, «имела место тесная однозначная корреляция между ценами на продукты питания и смертностью» (Flinn, 1985, p. 51).

Если мы выйдем за пределы местного хозяйства, то увидим, что механизм распространения сельскохозяйственных потрясений, вызванных погодными условиями, мог носить довольно сложный характер. Плохой урожай, вызвавший кризис в одном из регионов, нередко инициировал повышение спроса на зерно из других областей, что могло вызвать в них циклический рост. Таким образом, воздействие низкого урожая зерновых на экономический цикл в национальной экономике в решающей степени зависело от широты географического охвата кризиса. Если он носил локальный характер, то чистый результат мог заключаться лишь в перераспределении дохода от одной сельскохозяйственной области к другой или от города к деревне. В случае же общенационального кризиса в сельском хозяйстве, возникала необходимость импорта продовольствия на ухудшающихся условиях торговли, что *ceteris paribus* оказывало отрицательное воздействие на агрегированный выпуск.

Более того, до изобретения парового двигателя и его широкого распространения в обрабатывающей промышленности и на транспорте с теми же самыми, что и в сельском хозяйстве, проблемами сталкивались промышленность и торговля. К тому же понимание воздействий шоков, вызванных погодой, еще более усложнялось ввиду их распространения на городской сектор.

Некоторые отрасли подвергались прямому воздействию погодных условий. Заморозки, погубившие всходы зерновых, или сильный дождь, который привел к полеганию хлебов, могли привести к остановке водяных колес или затруднить доставку материалов... сильный мороз становился причиной падения выпуска меди в Корнуолле и сокращению производства тонкого сукна в Западном Рединге... В голодные годы резко возрастали цены на уголь не только в добывающих районах, но и в Лондоне и других городских центрах. Причиной тому была плохая погода, предшествовавшая сбору урожая (Ashton, 1959, pp. 34–35).

По мере индустриализации Европы и увеличения доли хозяйственной деятельности в городских областях повышалась и чувствительность их населения к неурожаем. В общем, эта связь существовала всегда. Но рост продуктивности сельского хозяйства означал постепенное увеличение количества незанятых в производстве продуктов питания людей в расчете на одного фермера. Одновременно возрастало количество городских жителей. Таким образом, шоки, вызванные каждым неурожаем, могли восприниматься в несельскохозяйственных сферах еще более остро, чем на селе. Шоки на стороне предложения, выражавшиеся в более высоких ценах на продукцию и ограничении количества продуктов питания, были постоянной угрозой для жителей городов, а также для политических руководителей, которым приходилось искать управу на разгневанных горожан. Как замечал один из современников, «Возможно ли забыть ужасные годы ежедневно растущих цен... от которых неимоверно страдала почти вся Европа?» (цит. по: Craig and Fisher, 2000, p. 119). Впрочем, и необычно низкие цены, вызванные богатыми урожаями, были сопряжены со своими собственными рисками. «Если цена на зерно становилась слишком низкой, фермер-арендатор, как правило, оставлял урожай в поле... Причиной возникновения кризиса и его дальнейшего распространения на города становились очень низкие цены на зерновые культуры» (Abel, 1980, pp. 11–12). Итог нарративу о сельскохозяйственных кризисах подводят Л. Крейг и Д. Фишер: «Другими словами слишком высокий уровень цен отрицательно влияет на экономику. Однако хозяйству вредны и слишком низкие цены» (Craig and Fisher, 2000, p. 120).

Противоречивые комментарии относительно первых по времени циклов являются результатом (по крайней мере частично) использования цены в качестве основно-

го индикатора хозяйственной деятельности. Используемый подход объясняется наличием относительно большого количества данных о ценах и едва ли не полным отсутствием сведений об объемах выпуска. Конечно же, временное расписание и распределение воздействий варьировалось в зависимости от характера потрясения. Наблюдения о природе ранних экономических циклов во многих случаях отражают распределительные эффекты краткосрочных сельскохозяйственных шоков. Учитывая неэластичный спрос на основные продукты питания, неурожай позволял получать более высокие доходы тем фермерам, которым удавалось произвести непропорционально большую долю торгуемого излишка продукции. В большинстве случаев это были владельцы или управляющие крупных ферм, а также те, кого погодные катаклизмы обошли стороной. Основным потоком перераспределения был направлен от городских потребителей к крупным, или не пострадавшим от природных воздействий, фермерам. К числу «потерпевших» относились и небольшие фермерские хозяйства. И наоборот, следствием богатого урожая (шок другого рода) становилось сокращение доходов фермеров и неожиданный «подарок» для городских жителей в форме более низких цен и большего количества продуктов питания. Наиболее тяжело в урожайный для большинства регионов год приходилось фермерам, испытывавшим дефицит, вызванный экстремальными местными условиями (более низкие цены и небольшой объем продаж). Что касается воздействия шоков на агрегированную хозяйственную деятельность, то эти два сценария уменьшения сельскохозяйственного выпуска, вследствие установившейся на достаточно большой территории плохой погоды с наибольшей вероятностью вели к существенному спаду агрегированного экономического цикла.

Переходя к отдельным случаям этих шоковых воздействий в европейских странах отметим, что в период до 1750 г. мы можем выделить несколько макроэкономических временных серий; одновременно мы дополним рассказ данными о ценах, прежде всего, о стоимости продуктов питания в городах, а также о реальной заработной плате, что позволяет идентифицировать циклы различных типов, особенно после 1750 г. В двух словах, значительное снижение реальной заработной платы, сопровождавшееся повышением цен, позволяет предположить, что национальное хозяйство находилось в экономиче-

ском стрессе. Известно, что в Англии 1708–1709 гг., 1724 г., 1727–1729 гг., 1740 г., 1756–1757 гг., 1771–1774 гг. и 1792 г. относились к числу неурожайных лет. В каждом случае значительное снижение объема сельскохозяйственной продукции сопровождалось спадом в экономике в целом. Во Франции особенно плохими для сельского хозяйства были 1769 г., 1771–1772 гг. и 1789–1790 гг. (Craig and Fisher, 2000, pp. 171, 217–218). Каждый из этих спадов совпадал в течение года с агрегированным спадом в Нижних землях (Нидерландах) (табл. 5.2).

Финансовые кризисы, связанные с банковской системой частичного резервирования, начинают возникать в европейской экономике ближе к окончанию рассматриваемого нами периода (см. ниже). В XVIII же столетии кризисы на кредитных рынках были вызваны, скорее, важной ролью краткосрочного кредитования в странах с экономикой аграрного типа. Как правило, они отражали реальные кризисы в торговле, сельском хозяйстве или в государственных финансах (как это происходило во Франции и Англии в 1720 г. и во Франции в 1780-х гг.) (Norppit, 1986). В своем историографическом обзоре Т. Эштон называет в числе кризисных 1701 г., 1710 г., 1715 г., 1720 г., 1726–1728 гг., 1745 г., 1761 г., 1763 г., 1772 г., 1778 г., 1788 г., 1793 г. и 1797 г. (Ashton, 1955). В каждом, за исключением двух случаев (1772 г. и 1788 г.), происходившие события были так или иначе связаны с государственным сектором (Norppit, 1986, p. 45), а четыре из них (1710 г., конец 1720-х гг., 1770-е гг. и 1793 г.) — с неурожаями. Ученые единодушно признают, что в течение XVIII столетия причины возникновения кризисов принципиально изменились (хотя вопрос о точном времени изменения остается предметом дискуссий). «Отличие [более поздних] финансовых кризисов... от предшествовавших заключается в том, что теперь они в значительной части были связаны с экономическим ростом» (Norppit, 1986, p. 51). Непропорционально значительный вклад в рост вносила обрабатывающая промышленность, а еще одной движущей силой изменения стала эволюция финансового сектора (см. ниже).

Причиной упоминавшихся выше кризисов в государственных финансах были не только торговые проблемы. Очень часто они так или иначе были связаны с *войной*. Последняя могла вызвать и сельскохозяйственные потрясения, либо посредством уничтожения посевов, насаждений, урожая непосредственно в ходе военных действий,

либо в результате ухода в армию фермеров и рабочих. Конечно, мы должны помнить и об обратной стороне медали: гибель урожая в одном из регионов могла привести к резкому увеличению спроса на продукты, произведенные в другой, не затронутой боевыми действиями области. Последняя тем самым выигрывала в экономическом смысле. Вообще говоря, многие специалисты и сегодня неправильно понимают экономическое воздействие войны. Несмотря на то что в Новое время не так уж редко стандартные показатели производства, такие как ВВП, демонстрируют рост в годы войны, из этого не обязательно следует, что возрастает также экономическое благосостояние населения воюющих стран; скорее, рост показателей обуславливается значительным увеличением государственного потребления ограниченных ресурсов. К тому же в большинстве случаев война оказывает отрицательное воздействие на инвестиционные расходы посредством «вытеснения». Впрочем, вопрос о том, до какой степени вытеснение следует рассматривать в качестве важной составляющей циклического поведения, вызванного государственными расходами в военное время, остается дискуссионным (Crafts, 1987; Mokyr, 1987; Williamson, 1987a).

На территории ведения боевых действий возможны перерывы в хозяйственной деятельности и разрушение местной инфраструктуры, что чаще всего ведет к сокращению экономического выпуска, по крайней мере в краткосрочном периоде. Война, следствием которой становится прекращение сельскохозяйственного производства в регионе в течение достаточно длительного времени, оказывает потенциально разрушающее воздействие на экономику. Безусловно, короткая война продуцирует шоковое воздействие, а продолжительная — значительное, возможно, устойчивое отклонение от долгосрочной тенденции роста. На практике разрывы происходят в различных формах. Конфискация продукции военными властями означает сокращение текущего потребления гражданского населения. Если же армия или армии остаются в регионе надолго, это отрицательно сказывается на стимулах к производству в будущем. В ходе военных действий наносится ущерб полям, заграждениям и другим структурам. В результате перемешивания различных групп населения возникают и/или распространяются различные заболевания. И наконец, очень часто поредевшие армейские ряды пополнялись за счет занятых в сельскохозяйственном про-

6. Идентифицируя экономические спады в отношении стран и лет, для которых имеются данные о выпуске и финансовом рынке, мы следовали Крейгу и Фишеру (Craig and Fisher, 1997, 2000). В тех случаях, когда мы располагали данными только о ценах и заработных платах, мы рассматривали как периоды спада те годы, когда имело место повышение первых и падение вторых. Рост цен на продовольствие в экономиках такого типа предполагает шок на стороне предложения сельскохозяйственной продукции. Если же он сопровождается снижением заработной платы, то повышение цен на продовольствие позволяет предположить возникновение напряженности и за пределами сельскохозяйственной сферы. Например, в 1752–1753 гг. в Австро-Венгрии произошло снижение заработной платы примерно на 15%. Одновременно увеличились цены на пшеницу, ячмень и овес. Эти данные позволяют нам идентифицировать рассматриваемый период как годы экономического спада.

изводстве людей (и на своей, и на завоеванных территориях). Все эти факторы оказывали в высшей степени отрицательное воздействие на производство продовольствия, что, вкупе с новыми для региона болезнями, могло привести к возникновению голода и/или ограничению способностей к труду, следствием чего становилось снижение выпуска продукции. Еще раз повторим, отнюдь не обязательно, что экономический рост, в некоторых случаях следующий за войной, был в экономическом смысле «вызван» этой войной.

К числу войн, скорее всего, оказавших отрицательное агрегированное воздействие, относятся Северная война (1700–1721 гг.), война за испанское наследство (1701–1714 гг.), война за австрийское наследство (1740–1748 гг.), Семилетняя война (1756–1763 гг.) и войны связанные с Великой французской революцией (начиная с 1792 г.)

Какие выводы следуют из нашего обзора различных причин кризисов и конкретных проявлений цикличности до 1816 г.? По мнению Крейга и Фишера, в преимущественно сельскохозяйственной экономике падение заработных плат, сопровождающееся общим повышением ценового уровня, и в особенности цен на зерно, предполагает напряженность в экономике. Следуя этой логике и дополнив ее нарративами и источниками вторичных данных, мы установили периоды спадов в экономических циклах семи европейских стран или регионов начиная с 1700 г. для Англии и начиная с 1750 г. для других областей, включая Францию, Бельгию, Нидерланды и Люксембург, немецкие и итальянские государства, Австро-Венгрию и Испанию⁶. Происходившие до 1750 г. спады в английской экономике (вероятно, наиболее развитой в то время) представлены в табл. 5.1, а после этого и до 1816 г. — в табл. 5.2.

Экономические спады происходили в Европе раз в три или четыре года, то есть более часто, чем в наши дни. Конечно, эти данные могут быть

ТАБЛИЦА 5.1.
Экономические спады в Англии в 1700–1750 гг.

Англия
1702
1705–1706
1709–1710
1714
1718
1720–1721
1724
1728–1729
1734
1737
1740–1742
1745

ТАБЛИЦА 5.2.
Экономические спады в ряде европейских стран в 1750–1816 гг.

Велико- британия/ Соединенное королевство	Франция	Нижние земли (Нидер- ланды)	Немецкие гос-ва	Итальян- ские гос-ва	Австро- Венгрия	с/х	Испания пром-ть
1754		1752	1753	1750	1752–1753	1750–1751	1750–1751
1756		1757		1755		1753	1754
				1757–1759	1756–1758	1757–1758	1758
1762	1763	1761–1762	1761		1761	1760, 1762	1761, 1763
1765		1766	1765, 1767	1763–1766	1766–1767	1764–65	1765–1766
1768		1769				1767	1768
			1770	1770–1772	1770–1771	1769	1771
		1771–1772				1772–1773	
1773–1774	1772–1774		1775	1774			1778
1778–1779		1780		1777–1778	1777–1779	1779–1780	1780
			1781–1782	1781–1783			1783
1785				1786–1787		1784–1785	
	1789–1790	1788	1789	1790	1787–89	1787, 1789	1787–1788
1793–1794	1793	1793		1792–1793		1792–1793	1792–1793
			1794–1795		1794–1795	1796–1798	1796
1797				1795–1798	1797		
		1799–1801		1799–1800	1799–1800	1800–1801	1801
1801			1803, 1805		1804–1805	1803–1804	1806
1808	1806–1807		1808		1807		1808–1810
1812		1811–1812	1812	1810–1811		1810–1812	
	1815	1814		1814–1816			1815

Источники: Allen, 1992; Craig and Fisher, 1997, 2000; Grytten, 2007; Hoffman et al., 2002; Jacks, 2004; Komlos, 1983; and Roses et al., 2007.

восприняты всего лишь как «шум» или отклонения показателей, использовавшихся для идентификации спадов. Однако приведенный перечень достаточно наглядно отображает конкретные эпизоды торговых, военных и сельскохозяйственных проблем, о которых сообщается в различных описаниях. Кроме того, каждый спад в английской экономике сопровождался продолжавшимися 1–2 года спадами в двух или более странах или регионах. Кто-то может интерпретировать это как свидетельство существования ранних панъевропейских циклов. Однако вполне возможно, что мы имеем дело лишь с отражением общей волатильности крупных сельскохозяйственных экономик. Если мы обратимся к данным об итальянских госу-

дарствах, Австро-Венгрии и Испании, то, рассматривая их в совокупности, увидим, что экономические спады происходили приблизительно каждые три года.

Предположим, что мы рассматриваем общеконтинентальный экономический спад как ситуацию, когда напряженность возникает в экономике сразу нескольких стран или регионов. Очевидно, что такого рода спады продолжительностью 2–3 года имели место приблизительно один раз в десятилетие (табл. 5.3). В большинстве случаев «главными подозреваемыми» являются сельскохозяйственная сфера и война. Но количество экономических спадов знач-

ТАБЛИЦА 5.3.
Возможные периоды
общеевропейских
экономических
спадов в 1750–1816 гг.

Периоды общеевро- пейской рецессии
1761–1762
1765–1766
1770–1772
1778–1780
1789–1790
1792–1793
1811–1812

чительно превосходит количество основных сельскохозяйственных «кризисов». Учитывая долю сельскохозяйственного производства в совокупном выпуске на протяжении XVIII столетия, кому-то заключение о том, что наши таблицы включают в себя не только правильные, но и ошибочные результаты, может показаться полностью оправданным. В действительности они свидетельствуют о довольно высокой неустойчивости сельскохозяйственной сферы, что отражалось и на хозяйственной деятельности в целом. В любом случае относительное снижение роли сельского хозяйства будет отражать растущее значение финансовой и обрабатывающей сфер. Неудивительно, что они будут играть более важную роль в последующих циклах.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЦИКЛЫ В 1816–1870 ГГ.

Поскольку последние десятилетия XVIII в. характеризовались снижением роли сельского хозяйства в экономическом цикле, уменьшение степени корреляции между урожаями и циклической активностью может рассматриваться как показатель общего экономического развития страны. Наблюдавшиеся в XVIII в. спады во многих случаях имели финансовую составляющую (в основном через государственные финансы или связи финансового сектора с сельским хозяйством), но эти кризисы были, скорее, от-

ражением (а не следствием) реальных проблем в сельскохозяйственном производстве, торговле или обрабатывающей промышленности. Растущее значение коммерческих банков с точки зрения предоставления посреднических услуг в финансовой сфере и увеличение доли обрабатывающей промышленности в агрегированном выпуске позволяют предположить, что движущими силами экономического цикла во все большей мере становились события, происходившие в банковской и промышленной сферах.

Рассуждая о *финансовой сфере*, мы возьмем за первоначальную точку отсчета Англию. В середине XVIII столетия вне пределов Лондона насчитывалось, вероятно, не более дюжины, или около того, банков (Neal, 1994, p. 168). К 1775 г. количество банков в Англии и Уэльсе достигло 150, а их совокупный капитал составлял £ 3,5 млн (Camegon, 1967, p. 33). В 1800 г. количество банков увеличилось до более чем 400; при этом их совокупная капитализация достигла £ 5,5 млн. Несмотря на то что ученые продолжают дискутировать по поводу приведенных выше данных, у них сложилась единая точка зрения о том, что по любым разумным стандартам банковская сфера (а также потребительская база) развивалась очень высокими темпами в ширину и в глубину. Вдобавок банковские активы увеличивались темпами более высокими, чем экономика в целом. Финансовые рынки эволюционировали от системы, в которой доминировал коммерческий кредит и косвенное кредитование, а также трансакции, осуществлявшиеся разнообразными финансовыми посредниками, к системе, во все большей степени характеризовавшейся внешним банковским кредитом. Столь резкое расширение означало, что все происходившие в банковской сфере события отдавались все более сильным «эхом» в экономике в целом.

Эволюция банковской сферы в разных европейских странах имела определенную специфику. При этом во многих случаях банковское обслуживание в центральном (столичном) ядре (например, в Амстердаме, Париже, Берлине и Вене) существенно отличалось от практики, принятой на остальной территории. Решающее значение для успеха банка имела информация, специфические сведения о качестве задолженности в местной экономике (имеется в виду буквально географическая область, в которой банк осуществлял кредитование). Возможно, на вторичном или переучетном рынке имелись более широкие возможности для диверсификации банковской деятельности, однако ре-

путация эмитента (т.е. продавца) кредита все также имела решающее значение. Склонность крупнейших и наиболее важных «столичных» банков предоставлять кредиты заемщикам из числа «голубых фишек» под меньший процент подвергалась критике в литературе (Craig and Fisher, 1997). Но если говорить в общем, то ключевым компонентом системы была репутация и заемщиков, и кредиторов.

Хотя структура английской банковской системы имела существенные отличия от аналогичных структур остальных европейских стран, ее эволюция является показательной с точки зрения оценки повышавшейся роли банков в экономическом цикле. Банк Англии выступал как государственный, а остальные лондонские банки сосредоточили усилия на размещении государственных долговых обязательств, выпуске и торговле зарубежными векселями, а также ведении корреспондентского бизнеса с не-лондонскими, или так называемыми местными банками (Neal, 1994; Quinn, 2004). В дополнение к выпуску кредитных билетов местные банки выступали посредниками между Лондоном и остальными частями страны, а также «между сберегателями (например, землевладельцами в сельской местности) и инвесторами (например, владельцами мануфактур)» (Neal, 1994, p. 168). Это были не слишком крупные по размерам банки, но они находились в центре сети, объединявшей сельское хозяйство, торговлю и промышленность. В той мере, в какой количество, размеры и значение этих банков непрерывно возрастали, повышалась и их роль в экономическом цикле.

Несмотря на снижение относительного значения сельского хозяйства по мере индустриализации Англии и остальных европейских стран, проблемы, возникавшие на финансовых рынках, едва ли могут быть отделены от трудностей, с которыми сталкивалось сельское хозяйство. С развитием транспорта и углублением интеграции европейской экономики воздействие местных неурожаев смягчалось благодаря торговле. Более того, в результате повышения продуктивности сельского хозяйства циклические и ситуативные колебания происходили на более высоком уровне выпуска. До тех пор пока кризисом не был охвачен весь континент (маловероятное событие), имелась возможность импорта продовольствия, пусть и по более высоким ценам. Поэтому голод и хлебные бунты постепенно превращались в ужасные воспоминания и предания. Конечно, ликвидность на стороне обязательств

в балансовых отчетах местных банков во многом обеспечивалась сельскохозяйственными излишками. Сочетание (местного) плохого урожая и резкого повышения цен могло привести к «иссушению» потока депозитов, следствием чего становился общий экономический спад. Как замечает С. Куинн, «банки едва не утонули в „волнах“ серии кризисов 1810–1813 гг., вызванных плохими урожаями и спадом в зарубежной торговле» (Quinn, 2004, p. 163). В зависимости от состояния банковского баланса (т. е. капитала банка) одновременное резкое уменьшение объема депозитов, а также снижение стоимости и ликвидности долгов могло привести к распространению возникших в сельском хозяйстве проблем на финансовую сферу, через которую кризис прокладывал путь в другие сектора экономики, прежде всего в торговлю. В результате происходило общее ужесточение условий кредитования, сопровождавшееся повышением процентных ставок.

Если говорить об отдельных эпизодах возникновения напряженности в сфере сельского хозяйства после окончания наполеоновских войн, то они имели место и в Англии, и во Франции. За исключением Нижних земель, в остальной Европе продукция сельского хозяйства по-прежнему составляла большую часть агрегированного выпуска. В Англии низкими урожаями ознаменовались 1816 г., 1829 г., 1831 г., 1837–1838 гг. и 1848 г. Имеющиеся индексы сельскохозяйственного производства позволяют предположить, что во Франции особенно плохими выдались 1818 г., 1820 г., 1822 г., 1825 г., 1833 г., 1836 г., 1842 г., 1845–1846 гг., 1848–1849 гг., 1851 г., 1853 г., 1855 г., 1859 г., 1861 г., 1865 г., 1867 г. и 1870–1871 гг. В сельском хозяйстве Испании вслед за хорошим годом едва ли не сразу следовал неурожай.

У нас имеются свидетельства об отдельных годах и для других стран, однако интерпретация этой информации с точки зрения европейских экономических циклов должна осуществляться с учетом следующих факторов. Во-первых, следует помнить о том, что в рассматриваемый период происходило снижение степени важности сельского хозяйства. Поэтому с точки зрения шокового воздействия на агрегированный выпуск *ceteris paribus* в 1842 г. оно было более слабым, чем в 1742 г. Во-вторых, как описания, так и количественные данные могут интерпретироваться различным образом. Любому историку, работавшему с первичными или вторичными источниками, известно, что, если исследователь задался целью обязательно устано-

вить периоды тяжелых времен, она будет достигнута без особых усилий. В-третьих, как уже обсуждалось в предыдущем разделе, возможно, что значительная часть описательной истории об отрицательном шоковом воздействии в действительности имела благоприятные последствия для сельскохозяйственной сферы в целом. Снижение объема предложения продовольствия означает повышение доходов фермеров. Короче говоря, когда мы рассматриваем период после 1815 г., прежде чем «перепрыгивать» от неурожая в сельском хозяйстве к спаду в рамках экономического цикла, необходимо изучить события, происходившие в банковской и обрабатывающей сферах.

С точки зрения подъема банковской сферы опыт английской «Компании Южных морей» и созданных по инициативе Дж. Ло различных французских институтов в определенной степени предвосхитил последующие финансовые кризисы (банки с частичными резервами подвергались давлению с обеих сторон балансов, что и определило их роль во время кризисов). В отсутствие кредитора последней инстанции увеличение в конце XVIII — начале XIX вв. количества небольших банков, имевших право эмитировать собственные кредитные билеты, заложило основу для бесконечного числа кризисов в будущем. В XX в. плохие, а во многих случаях неликвидные кредиты, составлявшие основу недиверсифицированного портфеля в сочетании с необходимостью возврата депозитов, стали проклятием для небольших банков с частичными резервами. В некоторых случаях эти локальные кризисы перерастали в общенациональные. Вероятность возникновения подобных кризисов была особенно высока в ситуации, когда внутренняя и международная банковская системы были связаны друг с другом механизмом золотого стандарта, основывавшимся на использовании потока благородных металлов. Согласно замечанию К. Гарсия-Иглесиас и Ю. Килпонена, хотя золотой стандарт «мог способствовать экономическому росту», он одновременно «негативно воздействовал на экономический цикл и вариации присоединения экономик» к системе (García-Iglesias and Kilponen, 2004, p. 4). В случае, если страна воспринималась как надежный заемщик, принимаемые ею «золотые» обязательства могли улучшить условия получения кредита; в то же время такого рода обязательство «связывало руки» органам кредитно-денежного регулирования (Craig et al., 1995).

Последовавшие за Великой французской революцией войны оказали заметное воздействие на долгосрочную тенденцию развития английской банковской сферы (Neal, 1994; Quinn, 2004). Во-первых, приостановка обмена и необходимость получения парламентской санкции на эмиссию кредитных билетов небольших номиналов (что было особенно важно в период ограниченного доступа к благородным металлам) привела к дальнейшему росту количества местных банков (до 800 в конце рассматриваемого периода). В то же самое время лондонские банки, и прежде всего Банк Англии, жестко нормировали учет векселей, поступавших из местных банков. Данная мера может рассматриваться как одна из первых попыток регулирования денежного обращения, поскольку действия Банка Англии были направлены на недопущение чрезмерного расширения выпуска и обмена кредитных билетов в условиях военного времени. Продолжавшийся рост промышленности, по крайней мере частично связанный с расширением производства в военное время (см. ниже), поддерживал относительно высокий спрос на кредит в индустриальных регионах. Это привело к зарождению быстро растущего рынка брокерских операций с векселями между банками, кредитовавшими обрабатывающую сферу, и теми, кто специализировался на приеме депозитов в сельскохозяйственных регионах («излишек» денег образовался благодаря разрыву в товарном импорте в военное время, а также принятию Хлебных законов). Возможно, брокерский бизнес способствовал повышению эффективности английских кредитных рынков и расширению деятельности местных банков (увеличилось как их количество, так и размеры). В то же самое время «одновременно с распространением коммерческого банковского обслуживания в Англии увеличивалось количество случаев банковской паники» (Quinn, 2004, p. 163).

Каждый из таких случаев по-своему уникален, но некоторые исследователи пытаются установить общие для всех них темы (Kindleberger, 1989; Minsky, 1982). С этой точки зрения семена паники «бросаются в землю» во время «спекулятивного бума» на некоторые активы (например, на акции некоего общества, такого как «Компания Южных морей»), на отдельный сектор экономики (строительство каналов или местные банки) или на государственные ценные бумаги. Инвесторы (некоторые называют их спекулянтами), стремящиеся к капитализации ожидаемо-

го в дальнейшем увеличения цен на активы, обращаются к кредитным рынкам.

Бум подпитывается расширением банковского кредита, что означает увеличение объема денежного предложения... его продолжение означает рост процентных ставок, скорости обращения денег и цен. На определенной стадии несколько инсайдеров принимают решение зафиксировать свои прибыли и начинают продажу бумаг... Эти действия могут привести к тому, что начинается период «финансовых затруднений»... Наступает время выхода... Сигналом о наступлении кризиса может послужить банкротство одного из банков (Kindleberger, 1989, pp. 18–21).

Ни кредиты, ни кредитные портфели, ни банки сами по себе не относятся к числу гомогенных продуктов. Некоторые кредиторы располагают более точной информацией, на основе которой они делают более достоверные прогнозы, чем их конкуренты. В то же время если уж некий институт начал «валиться», то его вкладчики и другие институты имеют возможность оказать давление на систему частичных резервов, забирая вклады не только из проблемного банка, но и из других, в данный момент прекрасно себя «чувствующих» кредитных учреждений. К терпящим бедствие институтам можно добавить и банки, предоставившие кредиты фирмам, в настоящий момент столкнувшимся с *временными* трудностями. Давление со стороны вкладчиков, настаивающих на возврате ранее выданных кредитов, способно ухудшить плохую, но пока не критическую ситуацию. Смягчить эти проблемы позволяет деятельность центральных банков.

Перейдем к рассмотрению отдельных случаев финансовых кризисов. Впервые английские местные банки столкнулись с крупномасштабными проблемами в 1793 г. В то время коллапс на рынке долгов, связанных со строительством каналов, усугубленный спадом в торговле, вызванным войной между Англией и революционной Францией, привели к подрыву вексельного рынка. В 1799–1800 гг. со схожими проблемами, обусловленными английской блокадой континентальных стран, столкнулся вольный город Гамбург. Еще один английский кризис был вызван упоминавшимся выше сочетанием сельскохозяйственных и торговых проблем в 1810–1813 гг. Окончание наполеоновских войн привело к «ускоренной дефляции», в то время как Банк Англии поддерживал высокие

номинальные процентные ставки. В результате повышения и реальных ставок в 1816 г. произошел спад в торговле (Kindleberger, 1989, Appendix B; Quinn, 2004, p.162). В 1825 г. Англию охватила настоящая паника, вызванная тем, что быстро расширявшийся рынок кредита в недавно получивших независимость странах Латинской Америки, оказался на грани краха после начала войны Аргентины и Бразилии против Уругвая. Банки — держатели латиноамериканских долгов обанкротились, «прихватив» с собой депозиты банков-корреспондентов. В то же самое время на другом берегу Ла-Манша, во Франции, переживавшей Реставрацию, разворачивались крупномасштабные спекуляции землей (Kindleberger, 1989). Бывшие землевладельцы оспаривали права собственности, полученные в результате революции и в эпоху правления Бонапарта. В 1828 г. рынок обрушился, вследствие чего кредиторы понесли значительные убытки.

Международный характер приобрел кризис 1836–1839 гг., дотянувшийся своими «щупальцами» через Атлантику до США. Как известно, после окончания войн с Францией Англия вернулась к золотому стандарту и ее центральный банк обязан был обеспечить конвертацию. Поэтому Банк Англии пристально отслеживал состояние государственного резерва монетарного золота. К тому времени Лондон превратился в финансовый центр непрерывно расширявшейся торговой сети и другие финансовые рынки проявляли особую чувствительность к учетной политике Банка Англии. Повышение ставок, вызванное стремлением защитить резервы, сопровождалось крахом американского рынка кредитов, предоставлявшихся для строительства каналов, что отразилось многократным «эхом» в банковских системах стран Запада. События 1836–1839 гг. были сопоставимы с кризисом 1847–1848 гг. Последний с точки зрения широты, глубины и политических последствий оказался самым тяжелым кризисом своего времени. Кроме того, следует упомянуть о произошедшем в 1857 г. международном спаде, охватившем Европу и Америку.

В наше время потрясения в финансовой сфере могут гораздо быстрее распространяться на реальную хозяйственную деятельность (см., например, Hansen, 2003), однако центральные банки всегда готовы предоставить банковской системе дополнительную ликвидность. Кризисы 1836–1839 гг., 1847–1848 гг. и 1857 г. разворачивались с раз-

личной скоростью, однако каждый из них вновь и вновь демонстрировал потенциально огромную роль кредитора последней инстанции ответственного не только за состояние своего собственного баланса, но и действовавшего согласно интересам общества и государства. И финансисты, и политики извлекли полезные уроки из допущенных в прошлом ошибок. Обратившись к табл. 5.4, мы видим, что к середине XIX столетия в Европе функционировали по крайней мере 10 институтов, которые могли выполнять или впоследствии действительно выполняли обязанности, возлагаемые сегодня на государственные центральные банки. В то же время еще в кризис 1866 г. эти институты будут продолжать борьбу относительно того, как и когда они должны контролировать денежное предложение и выступать в качестве кредиторов последней инстанции. Нежелание выполнять эти функции было связано с тем обстоятельством, что большинство из них были частными институтами, принявшими на себя обязательства об обеспечении обмена своих ценных бумаг на золото. Поскольку у них были акционеры, перед которыми и несли ответственность директора, то в периоды паники руководство институтов, на которые были возложены функции центральных банков, стремилось в первую очередь защитить собственные портфели и депозиты, а не управлять рисками, связанными с оказанием помощи банковской системе в целом. В результате в то время как экономика испытывала острейшую потребность в ликвидности центральные банки переходили к консервативной учетной политике. Схожим образом исполнение требования об обмене банкнот на золото во многих случаях требовало повышения в периоды кризисов учетных ставок (впоследствии денежная теория рекомендовала поступать прямо противоположным образом).

И наконец, мы обращаемся к наиболее общему постоянному источнику экономических циклов Нового времени, флуктуаций в несельскохозяйственной и небанковской сферах — к *промышленности*. Относительное уменьшение доли сельского хозяйства и постепенное развитие банковских систем в различных странах континента сопровождалось индустриализацией национальных экономик. И точно так же, как расширение сферы банковских услуг способствовало учащению случаев возникновения банковской паники со все более тяжелыми последствиями, расширение сферы промышленности оказывало все бо-

ГЛАВА 5. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЦИКЛЫ

ТАБЛИЦА 5.4.
История центральных банков европейских государств
и США до 1914 г.

Страна	Банк	Год основания или перехода под контроль гос-ва	Монополия на выпуск банкнот	Первое 10-летие выполнения функций кредитора последней инстанции	Переход к золотому стандарту
Великобритания	Банк Англии	1694	1844	1850-е гг.	1816 (1819)
Франция	Банк Франции	1800	1848	1880-е гг.	1878
Германия	Рейхсбанк	1875	1875	1870-е гг.	1871
Бельгия	Национальный банк	1850	1850	1850-е гг.	1878
Нидерланды	Банк Нидерландов	1814	Нет	Неизвестно	1877
Дания	Национальный банк Дании	1818	1818	1900-е гг.	1873
Финляндия	Банк Финляндии	1811	1886	1890-е гг.	1878–1879
Норвегия	Банк Норвегии	1816	1816	1900-е гг.	1875
Швеция	Риксбанк	1668	1897	1900-е гг.	1873
Италия	Банк Италии	1893	Нет	1900-е гг.	1884–1893, 1902
Австро-Венгрия	Австро-Венгерский банк	1816	1816	Нет	1900
Португалия	Банк Португалии	1822	Нет	Нет	1854–1890
Испания	Банк Испании	1829	1874	Нет	Нет
США	Отсутствует	—	—	—	1879

ПРИМЕЧАНИЕ: Подробную датировку различных действий см. в Craig and Fisher, 1997, p. 117; Muhleman, 1896; Tarkka, 1993.

лее заметное влияние на агрегированную хозяйственную деятельность. Исследования, основанные на современной теории реального экономического цикла, позволяют высказать предположения о том, почему современные экономики остаются подвержены спадам в реальной хозяйственной деятельности. Однако, даже если все упоминавшиеся нами выше причины были бы смягчены, все равно остается какая-то загадка. Внимание современных теоретиков экономического цикла сосредоточено на «технологии», которая в данном контексте становится некоей аморфной категорией, которой можно заменить нечто

гораздо более конкретное (например, резкое повышение цен на энергоносители, вызванное политическими беспорядками в крупной нефтедобывающей области) или поставить в один ряд со «всеми остальными». Конечно, все эти спады в агрегированной хозяйственной деятельности были результатом чистого воздействия решений, принимавшихся на уровне фирм. Неудивительно, что спады, наблюдавшиеся в XIX в. во многом напоминают спады, происходившие в XX столетии, по крайней мере в том, что они часто совпадали с массовыми увольнениями, которые во многих случаях следовали за накоплением складских запасов.

Обычная практика накопления запасов предполагала использование в качестве источника финансирования краткосрочных кредитов. Следовательно, обрабатывающая промышленность была связана с финансовой сферой, точно так же, как с ней в течение многих веков была связана торговля. Вплоть до конца XIX в. эти кредиты выдавались на короткое время и использовались в большинстве случаев для финансирования текущих операций, а не долгосрочных инвестиций в строительство, например, заводов и фабрик. Конечно, кредиты могли продлеваться, а значит использоваться для финансирования возведения заводских корпусов или приобретения оборудования. Но чаще всего они направлялись на пополнение оборотного капитала и выплату заработной платы, покрывая краткосрочный недостаток собственных средств, поскольку «слишком медленный приток выручки (дебиторская задолженность), не позволявший покрыть текущие обязательные платежи (кредиторская задолженность), создавал спрос на внешние заимствования» (Quinn, 2004, p. 158). Столкнувшись с отрицательным краткосрочным денежным потоком, для того чтобы осуществить необходимые расходы, производители должны были выходить на рынок векселей, отдавая себя на волю «волн» процентных ставок. По мере развития вексельного рынка перед производителями открывались новые возможности по финансированию расширения предприятий даже в случае приблизительного равенства дебиторской и кредиторской задолженности. И наоборот, в случае резкого повышения учетных ставок производителям приходилось делать заимствования на невыгодных условиях, поскольку альтернатива заключалась в увольнении рабочих и сокращении выпуска.

Эта история не так уж далека от современной теории экономического цикла. Если мы исходим из допущения, согласно которому первоначальное процветание, по крайней мере частично, ассоциируется с увеличением производительности, которая сама по себе может быть связана с технологическими изменениями в ключевых, то есть крупных и растущих сферах экономики, то нам придется признать, что заимствования, которые ведут к расширению запасов, являются не более чем отражением подъема в рамках (реального) экономического цикла. Наступление спада обуславливалось воздействием того или иного экзогенного фактора, — сельскохозяйственного кризиса, например, или войны, что становилось препятствием для торговли с поставщиками или потребителями — в силу чего реальные условия расходились с ожидавшимися условиями. В поведении и заемщиков, и заимодавцев не было ничего иррационального; в то же время они могли допускать ошибки в своих прогнозах на будущее. Просто и дешевого способа застраховаться от этой возможности не существует. В ретроспективе результирующие колебания агрегированного реального выпуска могут восприниматься как систематические. Это не так. И в 1816 г., и в 1848 г., и в 1868 г. ошибки в прогнозах допускали разные люди, работавшие в различных отраслях.

Что касается отдельных кризисов, то в Великобритании наиболее заметные экономические спады, измеряемые по индексу Крафтса—Харлея (Crafts and Harley, 1992), отмечались в 1816 г., 1819 г., 1826 г., 1829 г., 1837 г., 1840 г., 1842 г. и 1847 г. Используя данные о динамике валового национального продукта Б. Митчела (Mitchell, 1978, 1992), мы должны добавить к этому перечню и 1866 г. Во Франции согласно индексу промышленного производства Ж.-К. Тутена (Toutain, 1987) экономические спады происходили в 1819 г., 1828 г., 1830–1831 гг., 1839 г. и 1847–1848 гг. Обращаясь к данным Митчела, мы должны добавить к ним 1851 г., 1853 г., 1855 г., 1859 г., 1861 г., 1865 г., 1867 г. и 1870–1871 гг. (Mitchell, 1978, 1992). Для Бельгии Крейг и Фишер разработали индекс потребления, позволивший отнести к числу кризисных 1818 г., 1822 г., 1828 г., 1831 г. и 1837–1838 гг. (Craig and Fisher, 2000). Если рассматривать данные в общем, то «плохим» был и период 1842–1850 гг. Аналогично, используя данные о производстве и процентных ставках для «Германии», эти исследователи идентифицировали экономические спады в 1816–1817 гг., 1836 г., 1838 г., 1845 г.

ТАБЛИЦА 5.5.
Экономические спады в ряде европейских стран в 1816–1870 гг.

Велико- британия	Франция	Нижние земли (Нидер- ланды)	Немец- кие гос-ва	Итальян- ские кня- жества и коро- левства / Италия	Австро- Венгрия	Испания:		
						с/х	обраб. пром-ть	Сканди- навия
1816		1817–1818	1816–1818	1814–1816		1817	1817	
1819	1820		1821	1820–1821	1821	1820	1819, 1821	1820–1821
	1822	1822			1823		1823	
1826	1825		1826	1825		1825	1825–1826	1824–1825
		1828		1827–1828	1828	1828	1828	
1832	1832	1831	1831–1832			1831–1832	1831–1832	1833
1837		1837–1838		1835–1837	1833–1834	1834		
	1839			1839		1836–1838		1838
1840–1842	1842	1842			1839		1839	
	1845–1846	1845	1845	1846–1847	1841	1841–1844	1841–1843	1841
1848	1848	1848–1849	1848–1849					1846
	1851				1847–1848			1848
	1853		1853	1853–1854			1850–1851	
	1855				1853	1853	1853–1854	
1857	1859				1855	1855	1856	
	1861				1858–1859	1859		1857–1859
1866	1865				1862–1864	1861	1862–1864	1861–1862
	1867			1867–1868		1865	1866	
	1870–1871					1867		1867–1868

Источники: см. табл. 5.2.

и в 1848–1850 гг. Данные о промышленном производстве Митчела позволяют добавить к ним 1853 г. (Mitchell, 1978, 1992). О положении на европейской «периферии» мы судим по описательным сведениям, а также по данным о ценах и заработной плате и приходим к выводу о том, что на протяжении всего XIX в. волатильность сельскохозяйственного производства оставалась движущей силой экономического цикла.

Сочетание описательных сведений о неурожаях, финансовых паниках и промышленных спадах с эмпирическими свидетельствами, полученными специалистами по экономической истории, а также предлагаемыми во вторичных литературных источниках, мы представили в табл. 5.5, в которой отображаются годы спадов в ряде европейских

стран и регионов (Великобритания, Франция, Нижние земли, немецкие и итальянские государства, Австро-Венгрия, Испания и Скандинавия). В современной терминологии эти периоды могут рассматриваться как время рецессии. Мы видим, что по количеству экономических спадов XVIII в. (см. табл. 5.1–табл. 5.3) и XIX столетие превосходят вторую половину XX в. Конечно, как замечают Басу и Тейлор (Basu and Taylor, 1999), а также Ромер (Romer, 1999), прибегая к подобным сравнениям, следует быть очень осторожным, так как на столь длительных отрезках времени в экономической структуре происходят значительные изменения. Из табл. 5.5 мы видим, что после 1816 г. (период, относительно которого имеется достаточно данных для установления европейских экономических циклов) спады в одной из стран нередко совпадали по времени с возникновением хозяйственных проблем в других государствах. Поэтому в табл. 5.6 мы представили периоды, которые могут рассматриваться как время общих для Европы рецессий.

Эти наблюдения позволяют предположить, что экономический спад, весьма напомилавший общую для европейских стран рецессию, происходил примерно два раза в десятилетие. Впоследствии частота спадов уменьшилась. В любом случае они происходили значительно чаще, чем в последние десятилетия, включая так называемый период Великого успокоения (экономического цикла). В заключение отметим, что, хотя частота экономических спадов могла зависеть от способов фиксации данных и событий, важнейшей частью «уроков истории для общеевропейского развития» является улучшение ключевых факторов — роль сельского хозяйства, металлические денежные стандарты и отсутствие пользующегося доверием кредитора последней инстанции — посредством экономической модернизации, а также обучения и институциональных изменений, особенно в банковском секторе и в высшем политическом руководстве государства.

ТАБЛИЦА 5.6.
Возможные
периоды общих для
континента рецессий
в 1816–1870 гг.

Годы общих для кон- тинента рецессий
1816–1819
1820–1821
1825–1826
1831–1832
1837–1838
1840–1842
1848–1849
1861–1862
1866–1868

ЧАСТЬ II
АНАЛИЗ ПО СФЕРАМ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ГЛАВА 6
Сельское хозяйство

ТРЕЙСИ ДЕННИСОН
ДЖЕЙМС СИМПСОН

СОДЕРЖАНИЕ

Сельское хозяйство и долгосрочный рост ·	235
Технологические изменения и их влияние на рост производительности и численности населения ·	241
Урбанизация, рынки и специализация фермерства ·	247
Институты ·	252
Заключение ·	257

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ДОЛГОСРОЧНЫЙ РОСТ

В 1700 г. сельское хозяйство играло ведущую роль в экономиках всех европейских стран. В этой сфере была занята большая часть рабочей силы, на нее приходилась основная часть затрат капитала и объема производства. До некоторой степени все вышесказанное представляется очевидным. По сравнению с нашими современниками, в те времена люди были очень плохо обеспечены в материальном смысле, но они точно так же, как и мы, нуждались в еде. Поэтому производство продуктов питания было важнейшей экономической деятельностью, независимо от того, как мы будем оценивать ее количественно — с точки зрения производства, с точки зрения потребления или с точки зрения расходной стороны национального дохода. В начале промышленной революции в Англии (приблизительно к 1770 г.) затраты на продукты питания составляли примерно 60% бюджета домашнего хозяйства (в 2001 г. — 10%) (Feinstein, 1998). В то же время мы должны отдавать себе отчет в том, что в сфере сельского хозяйства производились и различные виды сырья, использовавшегося в промышленном производстве: текстильные волокна (выпуск тканей и одежды), шкуры животных (изготовления различных кож), лес (строительство жилья, морских и речных судов, а также выработка древесного угля, применявшегося для выплавки металлов). В конечном счете от сельскохозяйственного производства зависели едва ли не все виды хозяйственной деятельности — даже клерки, занятые в различных отраслях сферы услуг, нуждались в гусиных перьях для письма и чернилах.

В тех случаях, когда на сельское хозяйство приходится значительная часть хозяйственной деятельности, возникает несколько очень важных экономических следствий. Во-первых, национальные темпы экономического

роста определялись, в первую очередь, темпами роста объема сельскохозяйственного производства и производительности. Аналогично различия в производительности сельского хозяйства между странами были основными детерминантами различий между ними в общей производительности. Во-вторых, как подчеркивал Н. Крафтс, в XVIII в. ни одно из государств мира не могло рассчитывать на существенный импорт продуктов питания, так как ни одна из стран не производила значительных сельскохозяйственных излишков, которые удовлетворяли бы общий спрос на продовольствие (Crafts, 1985a). Отсюда важнейшим условием любого перетока рабочей силы из сельскохозяйственной сферы в промышленность было повышение объема выпуска в расчете на одного занятого в сельском хозяйстве, поскольку каждый сельскохозяйственный рабочий должен был производить такой объем продукции, который позволил бы прокормиться и ему самому, и обеспечить продовольствием промышленного рабочего. Это обстоятельство является решающим, так как переток трудовых ресурсов из сельского хозяйства в промышленность рассматривается как определяющая черта начального периода индустриализации. Альтернативные парадигмы промышленной революции — такие как значительное увеличение темпов роста производительности или заметное превосходство промышленной производительности над сельскохозяйственной — не имеют под собой надежных эмпирических оснований.

Количественно оценить значение сельского хозяйства для экономик европейских стран в 1700 г. и проследить его эволюцию с течением времени сколько-нибудь точно представляется невозможным. Согласно принятому сегодня стандартному подходу мы должны были бы исчислить долю сельского хозяйства в ВВП каждого государства за каждый год. Пожалуй, единственное, что нам по силам, — это оценка долей рабочей силы, занятой в сельском хозяйстве отобранных нами стран, на определенный момент времени. Такого рода статистические данные являются весьма полезными, особенно в том случае, если мы придерживаемся предложенного Крафтсом определения индустриализации. Не так давно Л. Брант и А. Фидальго подвергли пересмотру доступные в настоящее время сведения о занятости в сельском хозяйстве (Brunt and Fidalgo, 2008); результаты проведенного ими исследования представлены в табл. 6.1.

ГЛАВА 6. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

ТАБЛИЦА 6.1.

Доля занятых в сельском хозяйстве в общем количестве
рабочей силы в различных европейских странах и регионах
в 1705–1870 гг. (в %)

	1705	1775	1845	1870
Австрия	н.д.	75	72	64
Бельгия	н.д.		26	17
Дания	н.д.	н.д.	н.д.	45
Англия	35	29	20	14
Франция	70	65	59	59
Иония	н.д.	н.д.	68	60
Ирландия	48	48	75	49
Мальта	н.д.	н.д.	50	50
Нидерланды	н.д.	38	34	35
Норвегия	н.д.	н.д.	33	33
Польша	н.д.	н.д.	89	58
Пруссия	80	70	60	49
Россия	н.д.	н.д.	81	81
Шотландия	н.д.	50	23	17
Испания	71	66	61	61
Швеция	н.д.	н.д.	н.д.	80
Уэльс	н.д.	н.д.	н.д.	53

Источник: Brunt and Fidalgo, 2008.

Мы видим, что быстрее всего относительная важность сельского хозяйства снижалась в Англии, Шотландии и Бельгии и несколько медленнее — в Нидерландах. Низкие показатели (значимости сельского хозяйства. — *Ред.*) демонстрировала и Норвегия. Но в этой стране они свидетельствовали не столько о раннем начале индустриализации, сколько об экстраординарной роли рыболовства с точки зрения создания ВВП. Большинство экономик других европейских стран вплоть до 1870 г. оставались преимущественно сельскохозяйственными.

Не менее трудную задачу в силу ограниченности доступных нам данных представляет собой и измерение производительности сельского хозяйства в рассматриваемый период. Данные о вложении труда и земли ограничены; при этом сведения о затратах капитала полностью отсутствуют, что исключает возможность оценки сово-

купной факторной производительности. Данные о земледелии существенно лучше, чем сведения о пастбищном скотоводстве, частично потому, что в первом случае речь идет о налогооблагаемой недвижимой собственности, в то время как характерной чертой второго является высокая мобильность, когда обложение налогами неэффективно или осуществляется от случая к случаю. Кроме того, в земледелии имеет место четкое различие между затратами (посевное зерно и удобрения) и результатами (урожай зерновых культур и солома). Напротив, в пастбищном скотоводстве животное может рассматриваться и как затраты (как в случае разведения крупного рогатого скота, когда коровы дают молоко и приплод), и как результаты (когда корову отправляют на скотобойню для получения мяса и шкуры); в налоговых сведениях и данных переписей подобные различия почти никогда не учитываются.

Альтернативная процедура состоит в выведении оценки сельскохозяйственного выпуска со стороны спроса. Самая грубая из возможных процедура оценки основывается на допущении о неизменности потребления в расчете на душу населения. Экономисты давно установили, что спрос на продукты питания варьируется в зависимости от дохода и относительных цен. Используя имеющиеся в достатке исторические данные о размерах заработных плат и ценах, а также стандартные допущения об эластичности спроса по цене и доходу, Р. Аллен исчислил спрос на продовольствие в ряде европейских стран в 1300–1800 гг. (Allen, 2000). Принимая во внимание данные об импорте и экспорте продовольствия, исследователь оценил объемы выпуска в сфере сельского хозяйства. Отнесение объемов сельскохозяйственного выпуска к численности занятых в этой сфере позволило получить данные, представленные в табл. 6.2.

Мы видим, что в Англии, Бельгии и Нидерландах сельское хозяйство было гораздо более продуктивным, чем в других странах. В широком смысле это соответствует современной литературе, в которой делается особый акцент на начавшемся в начале Нового времени расхождении между Северо-Западной Европой и остальными странами континента. Эта матрица сравнительной производительности сохранялась и в конце XIX в. (об этом периоде имеются гораздо более достоверные данные, основывавшиеся на прямых наблюдениях за объемом выпуска продукции).

ГЛАВА 6. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

ТАБЛИЦА 6.2.
Производительность труда в сфере сельского хозяйства в ряде европейских стран в 1600–1800 гг. (Англия = 100 в 1800 г.)

	1600	1700	1750	1800
Англия	53,1	80,4	107,7	100,0
Бельгия	88,1	83,9	85,3	77,6
Нидерланды	74,1	86,7	103,5	100,7
Франция	50,3	51,7	55,9	58,0
Италия	58,0	56,6	49,0	39,9
Испания	53,1	60,8	55,9	49,0
Германия	39,9	37,8	39,2	46,9
Австрия	39,9	51,7	69,9	51,5
Польша	54,5	65,7	65,0	74,8

Источник: составлено по Allen, 2000, p. 20.

ТАБЛИЦА 6.3.
Производительность труда в сфере сельского хозяйства в ряде европейских стран в 1890 гг. (Великобритания = 100)

	1890
Великобритания	100
Нидерланды	82
Дания	44
Франция	52
Италия	28
Испания	33
Германия	63

Источник: O'Brien and Prados de la Escosura, 1992, p. 531.

Данные на 1890 г., представленные в табл. 6.3, демонстрируют, что на Северо-Западе Европы выпуск сельскохозяйственной продукции в расчете на одного занятого был существенно выше, чем в других странах.

Попытки использования в научных целях показателя производительности труда связаны с необходимостью преодоления общеизвестных трудностей. Одна из проблем заключается в том, что чаще всего мы измеряем го-

довую производительность труда как совокупный выпуск, отнесенный к общему количеству занятых, а не как производительность в расчете на отработанный час, следствием чего становятся систематические различия между странами с точки зрения использования рабочей силы. Например, в традиционных обществах занятая в сельском хозяйстве рабочая сила зачастую была занята и в других сферах, в число которых могли входить услуги (особенно транспортные), строительство, горная или обрабатывающая промышленность. К тому же сельскохозяйственные рабочие могут быть заняты только в определенный сезон; получаемые ими доходы позволяли круглогодично проживать в сельской местности, но в периоды малой хозяйственной активности работы на всех не хватало. Возможно, в такой стране, как Англия, это различие не имело особого значения, так как в 1700 г. основу сельскохозяйственной рабочей силы составлял семейный труд, дополненный молодыми людьми, нанятыми на работу по ежегодным договорам (Allen, 1994, p. 106). Иначе обстояло дело в Италии и Испании, с их крупными *latifundios*, предъявлявшими высокий сезонный спрос на рабочих, заключавших временные контракты, а также фермерскими хозяйствами, обеспечивавшими занятость для безземельных крестьян (количество таких хозяйств было примерно в два раза меньше, чем в Северной Европе). На большей части Южной и Восточной Европы существовала проблема недостатка возможностей круглогодичной занятости в сельском хозяйстве.

Если мы рассматриваем приведенные выше оценки как в значительной степени представительные, нам необходимо будет ответить на вопрос о причинах столь значительных различий между европейскими странами в производительности труда в сельском хозяйстве и уровне жизни в деревне. Для этого мы должны будем установить причины, затормозившие рост и первой и второго в Восточной и Южной Европе, а также объяснить опережающий рост производительности труда в некоторых областях Северо-Западной Европы. В последующих разделах мы рассмотрим влияние технологических изменений на рост численности населения, городские рынки и проблемы специализации, а также институциональные факторы. В заключение мы представим некоторые общие комментарии по поводу вклада сферы сельского хозяйства в индустриализацию.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА РОСТ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ И ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ

Значительный рост численности населения Европы в 1700–1870 гг. (описанный в гл. 2 данного тома) при сохранении обычного уровня жизни требовал увеличения выпуска сельскохозяйственной продукции. В силу того что большая часть европейского континента была с давних пор заселена, изменения в численности населения приводили к существенному увеличению его плотности, а не к расширению географической границы расселения, как в Северной Америке или Австралии. Соответственно, рост выпуска сельскохозяйственной продукции в рассматриваемый нами период был обеспечен повышением степени интенсивности севооборота и переключением на выращивание новых культур. В исключительных случаях производились посадки и выращивались культуры, позволявшие получать продукцию с высокой добавленной стоимостью (виноградники в винодельческом районе Медок). Чаще речь шла о более «скромных» культурах, таких как картофель, имевших высокую калорийность и не требовавших больших расходов.

Согласно мальтузианской модели населения растущая его численность ведет к повышению степени (относительной) недостаточности земли. Тем самым у нас появляются основания для ожиданий более активного принятия землесберегающих технических приемов, что ведет к сокращению объема выпуска в расчете на одного работника в силу уменьшения площади обрабатываемой каждым из них земли. На первый взгляд имеющиеся в нашем распоряжении фактические свидетельства подтверждают эту интерпретацию. Например, ограниченность предложения земли в Нидерландах очевидна. Начавшееся в XVII столетии бурное развитие экономики и рост численности населения в результате голландской монополии на торговлю азиатскими пряностями означали, что для удовлетворения спроса жителей городов на продукты питания необходимы были введение в сельскохозяйственный оборот новых земель и интенсификация производства на уже имевшихся площадях. Первая задача была решена посредством строительства

дамб, что позволило отвоевать новые земли у моря, а вторая — увеличением объема вносимых удобрений в расчете на единицу земельной площади. В Англии в XVIII в. во многом аналогичные задачи были решены с помощью отказа от залежных земель. Выращивание на них турнепса и клевера позволило интенсифицировать использование земельных ресурсов и эффективно увеличить площадь обрабатываемых земель в расчете на одного работника. В середине XIX в. с широким принятием системы севооборота, получившей известность как «норфолкская четырехпольная» (участок земли последовательно засеивается в первый год пшеницей, во второй — турнепсом, на третий — ячменем и на четвертый — клевером), этот технический прием достиг в Англии своего апогея. Впоследствии норфолкская система в модифицированном виде была заимствована и другими североевропейскими странами. В английской системе турнепс и клевер шли на корм скоту, что способствовало увеличению выпуска мяса, поставлявшегося на ненасытный английский рынок. Во Франции и в части центральноевропейских стран выращивался не турнепс, а сахарная свекла; это было вызвано тем, что фермеры имели дело с более низким спросом на мясо (низкий уровень доходов, в то время как мясо относится к кругу эластичных по доходу товаров), а цена на сахар была относительно более высокой (поскольку такие страны, как Германия, не имели тропических колоний, в которых мог производиться дешевый тростниковый сахар). Попытки внедрения новой системы севооборота в странах европейского Средиземноморья чаще всего заканчивались провалом, поскольку здесь были совсем другие условия ведения сельского хозяйства, а также рыночные условия.

Усиливавшееся давление со стороны растущего населения различным образом влияло на хозяйственную деятельность фермеров на Севере и на Юге Европы. Одной из проблем Южной Европы была сезонная безработица. Решить ее могла бы интенсификация производства. Во-первых, в некоторых областях естественные пастбища низкого качества были распаханы и начали использоваться для выращивания зерновых культур. Во-вторых, на смену принятой в прошлом системе севооборота, когда на одном участке земли урожай собирался один раз в три и более лет, пришли новые методы. В результате возросла частота сбора урожая зерновых культур. И наконец, были расширены земельные угодья, на которых выращивался

виноград и оливковые деревья. Если в Южной Испании в 1880-х гг. для выращивания зерновых на участке площадью 1 гектар требовалось всего лишь около 20 рабочих дней (с учетом пребывания земли под паром — еще меньше), то для выращивания винограда — 80 дней, а оливковых деревьев — 30 дней (Simpson, 1995). В то время испанцы были уверены, что их страна обладает прекрасными условиями для ведения сельского хозяйства. В 1850-х гг. производители зерна (виноделы — в 1870-х гг.) строили планы по значительному расширению экспорта своей продукции. Но этим надеждам не суждено было сбыться. Интеграция глобальных рынков продовольствия привела к тому, что европейские экспортные рынки были захвачены поставщиками из стран Нового Света. Более того, возникла угроза и для внутренних рынков Испании. Аналогичное положение сложилось в европейском Средиземноморье в целом. Если Испания значительно повысила ввозные пошлины на зерно в 1891 г., то Франция — в 1885–1894 гг., Италия — в 1887–1894 гг. и Португалия — в 1889–1899 гг. Теперь природные условия для ведения сельского хозяйства рассматривались испанцами не как прекрасные, но едва ли не как проклятие. В сущности, интеграция североатлантической экономики, основывавшейся на выращивании различных зерновых культур и разведении домашнего скота, привела к изменению сравнительного преимущества крупных областей Средиземноморья. Если в недалеком прошлом сельское хозяйство региона основывалось на интенсивном использовании земли, то теперь необходимо было перейти к не менее интенсивному использованию капитала. В процессе адаптации к этому изменению фермеры столкнулись с немалыми трудностями, и завершился этот процесс только с внедрением современных систем ирригации, что потребовало строительства крупных резервуаров для хранения воды (в противоположность простому использованию речных ресурсов и других водных источников), а также развитием биотехнологий, используемых для создания новых специализированных культур, предназначенных для продажи на внутреннем и международных рынках. Конечно, некоторые признаки изменений были заметны в Средиземноморье еще в 1870-х гг., но действительно важное значение этот процесс приобретает лишь в середине XX в.

В Восточной Европе (особенно в тех ее областях, в которых еще существовало крепостничество) внедрение новых

сельскохозяйственных технологий происходило неравномерно и более медленными темпами, чем на Северо-Западе. Некоторые предприимчивые помещики-землевладельцы внедряли в своих поместьях новые модели севооборота и сельскохозяйственные культуры. Например, в середине XVIII в. семья Клейстов стала инициатором перехода от традиционной трехпольной зерновой системы к беспаровому плодопеременному хозяйству, что способствовало значительному увеличению выпуска продукции (Hagen, 2002, pp. 314–315). Еще восточнее инициативные русские помещики прилежно изучали английские книги, в которых рассматривались различные возможности усовершенствования методов ведения сельского хозяйства¹. Известны примеры, когда русские крестьяне самостоятельно начинали использовать на своих земельных наделах новые удобрения или выращивали незерновые культуры (Moop, 1999, pp. 130–131). В целом трехпольная система выращивания зерна (преимущественно пшеницы, ржи и овса) сохранялась в Восточной Европе до начала XIX в. (на большей части России — и после отмены крепостного права в 1861 г.). В какой-то степени это отставание было связано со специфическими экологическими условиями в регионе (более короткий период вегетации, особенности почв), а также, как в случае Российской империи, с избытком земель, что уменьшало давление в сторону интенсификации производства. Что еще более важно, в Центральной и Восточной Европе присутствовали институциональные ограничения, налагавшиеся крепостным правом и сильными сельскими общинами (более подробно этот вопрос будет рассматриваться ниже).

Один из примеров в высшей степени успешной интенсификации растениеводства — начало культивирования картофеля. Этот вид многолетних травянистых растений стал известен еще в XVI в., когда он был открыт испанцами в местах естественного произрастания в Перуанских и Боливийских Андах. Но до конца XVIII в. эта культура не получила широкого распространения в Европе. Ее распространению способствовали совместное воздействие роста численности населения, недостаточных сборов зерновых культур и периодических голодных годов, а также выведение новых сортов картофеля. В начале 1770-х гг. картофель завоевал отдельные «плацдармы» в Швейцарии, Германии и Австрии, в 1790-х гг. «пала» Франция, а в 1810-х гг. «сдались» Венгрия и Польша (Blum, 1978, pp. 271–276). Если

1. Одним из героев романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина» является полный энтузиазма помещик-реформатор Константин Левин. Впрочем, в конечном итоге Левин отказывается от преобразований, приходя к выводу, что английские новинки не приживаются на русской почве.

накануне революции во Франции картофель выращивался на 20 тыс. га, то в первом десятилетии XIX в. площадь посадок увеличилась до 3 млн га. В расчете на один гектар картофель содержит гораздо больше калорий, чем пшеница или рожь (отнюдь не обязательно в расчете на количество отработанных часов), что обеспечило существование многим фермерам, получившим возможность использовать остальные имевшиеся у них земли и высвободившийся труд для выращивания товарных культур. Впрочем, слишком большая зависимость от картофеля накладывает ограничения на систему сельского хозяйства, поскольку как хранение, так и транспортировка картофеля достаточно сложны, что не позволяло производителям создавать страховые запасы на случай неурожая (Мокуг, 1985).

Внедрение технологических изменений открывает возможности роста численности населения и одновременного повышения производительности труда и уровня жизни. Согласно Э. Бозеруп технологические изменения представляют собой непосредственный результат давления со стороны растущей численности населения, так как трудности, вызванные необходимостью поддержания текущего уровня жизни, побуждают людей к нововведениям (Boserup, 1965). Кто-то может согласиться с тем, что развитие европейского сельского хозяйства полностью соответствует приведенному выше положению, особенно если принять во внимание усиливающееся давление растущей численности населения на Северо-Западе континента, а также отдачу, которую приносила повышающаяся капитализация и введение новых культур, с точки зрения более интенсивного использования земельных ресурсов. Однако на пути этих привлекательных в своей простоте рассуждений возникают два препятствия.

Во-первых, следует различать понятия «изменения технологии» и «выбор технического приема». Если в первом случае имеется в виду динамический аспект, когда новая технология создается в ответ на высокие или растущие цены факторов производства, то во втором — статический аспект: фермеры уже осведомлены о доступном им комплексе технических приемов производства, из числа которых они, учитывая рыночные цены, выбирают наименее затратный. Многие технические приемы удобрения почвы (известкование, внесение мергеля), вошедшие в моду в XVIII столетии в Англии и Нидерландах, были известны на протяжении многих столетий (едва ли не со

времен Древнего Рима). Обращение к ним было вызвано изменением относительных цен, сделавшим выгодным улучшение почвы. Все сказанное выше справедливо и в отношении определенных аспектов севооборота, в частности — расширения использования клевера в Англии. В этом смысле рассматриваемые нами изменения относились не столько к технологическим изменениям, сколько к выбору технических приемов.

Во-вторых, Англия имела один из самых высоких в мире показателей соотношения земли и труда. Для того чтобы преодолеть ресурсные ограничения подразумеваемым Бозеруп способом, английским фермерам действительно необходимо было бы создавать новые трудосберегающие технологии. Однако имеющиеся у нас фактические свидетельства носят противоречивый характер. Например, осуществлявшиеся в 1820-х гг. попытки внедрения паровых молотилок привели к так называемым «свинговским бунтам», после чего на юге Британии об этих машинах не вспоминали до 1850-х гг. (Hobsbawm and Rudé, 1968). Представляется весьма вероятным, что движущей силой введения новой английской технологии обработки почвы с помощью плуга было распространение местных знаний, а не локальный недостаток ресурсов (о чем свидетельствуют местные относительные цены труда и капитала) (Brunt, 2003). В то же время Англии удалось относительно рано перейти на некоторые виды трудосберегающего оборудования. Интересно, что к 1871 г. в Англии с помощью механических жаток убиралось около 25% урожая пшеницы, что существенно больше, чем в Германии (3,6% в 1882 г.) или Франции (6,9% в 1882 г.) (Collins, 1969). Некоторые фермеры Средиземноморского региона также пробовали применять новое трудосберегающее оборудование, но отказались от него в пользу менее затратных, традиционных методов (Simpson, 1995; Federico, 2003).

Возможно, что условием более глубокого понимания технологических изменений является более целостный взгляд на сельскохозяйственное производство. Показатель производительности труда в этой сфере в значительной степени зависел от соотношения усилий тягловых животных и человеческого труда. Согласно предположению П. О'Брайена и К. Кейдера, в 1800 г. английские фермеры, вероятно, располагали на две трети большей животной тягой, чем их французские коллеги, что помогает объяснить различия в производительности труда². Воз-

2. Согласно оценкам Э. Ригли, в расчете на один обработанный час французские сельскохозяйственные рабочие располагали 2,1 «человеко-часами» лошадиного труда себе в помощь, в то время как английские рабочие — 3,5 часами (Wrigley, 1991, p. 329).

возможность использования лошадей имела решающее значение для повышения производства и на фермах, и за их пределами. И в этом отношении Средиземноморский регион, например, по сравнению с Северной Европой, имел существенный недостаток. На Севере Европы основным технологическим барьером на пути увеличения количества использовавшихся в сельском хозяйстве животных был недостаток фуража, необходимого для корма тех же лошадей зимой (преодолевался расширением посевов такой культуры, как турнепс). Напротив, в Южной Европе главной проблемой был недостаток кормов для животных в летний период. Например, к югу от французской области Пуату возможности выращивания фуражных зерновых культур были весьма ограничены, а их урожайность составляла не более трети от северных сборов. К тому же продолжительное сухое лето отрицательно сказывалось на качестве травы. Развитие здесь орошаемого земледелия было бы слишком дорогим решением. Энергетические ограничения сохранялись в регионе европейского Средиземноморья вплоть до начала массовых поставок тракторной техники во второй половине XX в.

УРБАНИЗАЦИЯ, РЫНКИ И СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ ФЕРМЕРСТВА

Как писал Адам Смит, «торговля и промышленность городов явились в большей части Европы не следствием, а причиной подъема и развития деревни и сельского хозяйства» (Smith, 1966, Book 3, Chapter IV). Сосредоточение в городах потребителей с высокими доходами стало важнейшим стимулом для фермеров специализироваться на производстве продуктов, эластичность которых по спросу была более высокой, чем у зерновых культур. Экономические историки, и в частности Джек Фишер и Тони Ригли, делают особый акцент на роли Лондона. Наиболее сильное влияние городской рынок оказывал на английских и нидерландских фермеров (в этих странах норма урбанизации достигала 30%). В остальных странах континента соответствующие стимулы были существенно более слабыми. В 1850 г., накануне железнодорожной эры, уровень урбанизации Франции составлял 15%, Германии — 11%, Испании — 17%, Италии — 20%, в Австро-Богемии — всего 8% и в Польше — 9% (de Vries, 1984, table 3.8).

Высокий уровень городского населения мог побуждать фермеров к специализации, но именно эффективность доставки продуктов питания из сельской местности в город была тем важнейшим фактором, который определял размер городов. И если, как писал А. Смит в 1770-х гг., цены на хлеб и мясо были одинаковыми (или приблизительно одинаковыми) на большей части Англии, то в некоторых частях Европы даже спустя сто лет стоимость этих продуктов значительно различалась.

Мы можем выделить два типа барьеров, препятствовавших развитию внутренней торговли — материальные затраты, связанные с доставкой продукции, и институциональные препятствия, такие как налоги, необходимость получения официальных разрешений на поставки или прямые запреты на перемещение товаров и (в случае Восточной Европы) людей. Впрочем, между этими двумя типами барьеров существует определенная связь. Высокий уровень коммуникаций в Англии был обусловлен большим количеством поселений расположенных вблизи судоходных рек и на морских побережьях, относительно небольшими расстояниями между ними и доступностью исчерпывающей рыночной информации. К тому же риск возникновения голода был относительно низким. С одной стороны, политика государства была направлена на побуждение фермеров к сохранению объемов производства даже во времена богатых урожаев, поскольку правительство гарантировало минимальные цены на продукцию (в периоды низких внутренних цен выплачивались экспортные премии). С другой стороны, во времена неожиданных неурожаев (вызванных, например, плохой погодой, сохранявшейся на протяжении нескольких последовательных сезонов), относительно высокие доходы рабочих обеспечивали привлекательность импорта, необходимого для покрытия возникшего дефицита.

Впрочем, положение в Англии резко контрастировало с ситуацией, сложившейся на большей части континентальной Европы. Продажи зерна особенно в XVIII в. находились под жестким контролем государства. Зерновые рынки функционировали в строго определенных местах. Любые возникавшие у фермеров излишки зерна должны были поступать только на эти рынки. Вне рыночных продажи рассматривались как незаконные, а продавцы подвергались суровым юридическим санкциям (Persson, 1999). Транспортные расходы были очень высокими, а информа-

ция о размерах урожаев и запасах была ограничена или полностью недоступна для покупателей. Слухи о недороде нередко вызывали панические ажиотажные закупки в городах, что побуждало купцов к вывозу зерна из сельских районов, в которых потребители имели незначительные сбережения, для перепродажи на городских рынках. При *ancien régime* правительства европейских стран использовали комплекс мер, направленных на защиту городских потребителей: установление максимальных цен, ограничения на перемещения зерна, строительство государственных зернохранилищ и т. д. Городской уклон государственной политики мог отрицательно сказываться на решениях фермеров по поводу выращивания зерновых культур, особенно в периоды неурожая, когда установление ценовых потолков означало эффективную экспроприацию крестьянских прибылей. Фермеры могли попытаться увеличить свои доходы, переключаясь на выращивание других культур, например винограда, но очень часто они обнаруживали, что им запрещена «перемена участи». Еще одним, широко распространенным в континентальной Европе, препятствием было налогообложение товаров, перевозившихся для продажи в городских областях (сохранявшееся в некоторых странах и в XX в.).

В начальный период Нового времени одной из самых трудных проблем было вызванное неурожаями недоедание, что следует хотя бы из случаев «массового голода в 1690-х гг. во Франции, Швеции и Финляндии, в 1708–1709 гг. во Франции и в 1740–1741 гг. в Ирландии» (Ó Gráda, 2007, р. 31). Избыточная смертность, вызванная голодом в Ирландии в 1846–1852 гг., вероятно, составила 1 млн человек. Но к 1870 г. в большинстве стран Западной Европы массовый голод отошел в область преданий, за исключением нескольких случаев в Нидерландах и в Греции в 1944–1945 гг. И наоборот, в первой половине XX в. войны и сталинизм стали причинами по крайней мере трех случаев массового голода на Востоке континента. Исследования развивающихся экономик показывают, что голод отнюдь не всегда вызывался общим недостатком продуктов питания; во многих случаях его причиной было неправильное распределение имевшихся запасов продовольствия, когда некоторые социальные классы не могли получить доступ к продуктам или когда отсутствовала возможность доставки продовольствия в места, в которых в них существовала наибольшая потребность (Sen, 1981). Это описание во мно-

гом соответствует и положению в Европе в 1700–1870 гг.: структура местных продовольственных рынков в значительной степени определяла степень соответствия сферы сельского хозяйства требованиям, предъявляемым ей национальной экономикой в целом.

Несмотря на физические и юридические ограничения, торговцы зерном стремились к товарно-денежному обмену в тех случаях, когда складывавшиеся ценовые различия были достаточно велики для того, чтобы окупить институциональные и транспортные издержки. И здесь возникает вопрос о том, насколько высокими были эти ценовые различия между разными городами, а также о том, как они изменялись с течением времени в условиях большей политической стабильности и улучшения коммуникационных сетей? Эти ценовые различия могут рассматриваться как одна характеристика, необходимая нам для оценки степени рыночной интеграции. Второй характеристикой может служить скорость приспособления к ценовым различиям. Какое время требовалось лондонским купцам, чтобы откликнуться на ценовой всплеск в Париже так, чтобы цены на двух рынках различались только на величину транспортных издержек между двумя городами? Чем выше скорость приспособления, тем больше выигрывают в среднем и потребители, и производители.

Д. Джекс провел исследование цен на зерно для 100 европейских и североамериканских городов в 1800–1913 гг. (Jacks, 2005). Он пришел к выводу, что уже к 1800 г. и внутренние и межстрановые рынки Северо-Запада Европы (таких стран, как Англия и Бельгия) достигли довольно высокой степени интеграции. Ценовые различия между ними были относительно низкими, а скорость приспособления участников — высокой. Чем дальше на Юг и Восток континента, тем ниже, в общем, были уровни рыночной интеграции по обоим показателям. Наибольшей дезинтеграцией характеризовались рынки Австро-Венгрии и Испании. Джекс обнаружил достоверные свидетельства о том, что в период до 1870 г. снижение ценовых различий происходило во всех странах, в то время как скорость приспособления к ним оставалась на одном и том же уровне. Регрессионный анализ ценовых различий и скоростей приспособления позволил выявить ожидавшийся нами тип экономического поведения: лучшие транспортные связи (каналы, железные дороги, порты и речные перевозки) способствовали меньшим ценовым различиям

и более высокой скорости приспособления к ним. Однако в другой своей работе Джекс показывает, что происходившее с течением времени повышение степени рыночной интеграции было обусловлено не развитием транспортных сетей, но политической стабилизацией (Jacks, 2006). Безусловно, Джекс получил весьма интересные результаты, однако, по мнению А. Колемана, определение уровня рыночной интеграции исключительно на основе данных о ценах может быть чревато ошибочными выводами, поскольку здесь возникают трудности с проведением различия между увеличением синхронности шоков и повышением скорости приспособления (Coleman, 1999). Л. Брант и Э. Кэннон попытались устранить эту проблему, выделив четыре составляющие ценовых различий: дисперсию ценовых шоков, различия в средней цене, корреляцию между шоками и двумя ценовыми сериями, а также скорость приспособления одной серии к другой (Brunt and Cannon, 2007). Исследователи обнаружили, что в 1770–1820 гг. в Англии практически все отклонения от «закона единой цены» были обусловлены не столько скоростью приспособления, сколько различиями в средней цене. Кроме того, Брант и Кэннон, как и Джекс, пришли к выводу о том, что осуществлявшиеся в рассматриваемый период усовершенствования дорожной сети и каналов оказали лишь незначительное воздействие на ценовые отклонения.

В некоторых регионах Европы большую роль играли экспортные рынки продовольствия. В конце XVIII в. к числу важнейших относились торговые потоки основных продуктов, таких как зерно, направлявшиеся из стран, имевших выход к Балтийскому морю (особенно Восточной Пруссии и Польши), на Северо-Запад Европы (прежде всего, в Нидерланды, как важный центр и потребления, и распределения грузов). С начала XIX в. и в дальнейшем ведущим европейским импортером была Англия. Новым источником поставок через Черное море стала Россия. В то же время общее количество импортируемого зерна, по сравнению с объемом внутреннего потребления, было не слишком велико; даже в Англии в 1850-х гг. в процессе перехода к свободной торговле объем импорта пшеницы не превышал 25% совокупного потребления. До 1870 г. торговля с Новым Светом оказывала незначительное воздействие (O'Rourke, 1997; O'Rourke and Williamson, 1999).

В начале Нового времени одной из важнейших статей международной торговли было вино. Но в середи-

не XVII — конце XVIII в. в производстве вин высокого качества, с тонким, прекрасно сбалансированным вкусом произошли существенные изменения, обусловившие формирование новых моделей торговли и потребления. Португалия производила различные марки портвейна специально по заказам английских купцов. Начало производства вин высокого качества в районе Бордо может быть датировано периодом 1650–1740 гг. (осушение земель в районе Медок, начало розлива вина в цилиндрические бутылки и использование пробки, что позволило лучшим винам дозревать в бутылках в течение длительного времени). Производителям Шампани удалось преодолеть трудности, связанные со вторичной ферментацией вина в бутылке, и начать всемирные поставки своих вин, позиционировавшихся как предмет роскоши (Guu, 2003). Проблемы сохранения качества большинства вин, высокие транзакционные издержки и высокие уровни налогообложения повсеместно ограничивали возможности более интенсивного использования труда европейскими фермерами и получения ими выгод, связанных с повышением производительности, обусловленной рыночной специализацией на изготовлении вина. Тем не менее вина оставались очень важной статьёй экспорта. В 1850 г. на долю различных вин приходилось около половины всего португальского экспорта, четверть испанского и десятая часть французского.

ИНСТИТУТЫ

Описывавшиеся в предыдущих разделах эмпирические данные позволяют сделать вывод об имевших место в рассматриваемый период в Европе значительных вариациях в производительности труда, технологическом прогрессе и рыночной интеграции. Тем не менее за этими фактическими данными просматривается одна широкая матрица: во всех интересующих нас областях до начала XIX в. и на всем его протяжении Южная и Восточная Европа находились позади регионов Северо-Запада континента. Особенно большим был разрыв с Англией и Нидерландами. Чем объясняются эти различия? Конечно, в какой-то степени они были обусловлены различиями в климате, географии и культуре. При этом мы не должны упускать из виду роль институтов, и, прежде всего, процедур, на-

правленных на соблюдение прав собственности и обеспечение исполнения контрактов.

Приверженцы институционального подхода объясняют различия в производительности спецификой экономической, социальной или правовой структур, характеризующих отдельно взятое общество. Например, в отсутствие гарантий соблюдения прав собственности фермеры независимо от своих культурных убеждений или продолжительности периода вегетации выращиваемых ими культур едва ли проявят желание инвестировать средства в сельскохозяйственные инновации. Возможность нарушения прав собственности означает, что получение прибыли от вложений в инновации ставится под сомнение. Отсутствие надежной системы обеспечения исполнения контрактов ведет к тому, что крестьяне и фермеры не могут рассчитывать на получение кредитов, а значит, у них нет возможности использовать в сельскохозяйственном производстве дорогостоящие инновации. Эффективность этих процессов в том или ином месте в значительной степени определялась местной институциональной инфраструктурой, и, прежде всего, силой местных правосубъектных корпоративных организаций (землевладельцы, церковь и местные общины).

В Англии все эти группы не представляли серьезной силы. В ней издавна развивалась в высокой степени централизованная правовая структура и судебная система. Интегрированная судебная система функционировала уже в период Средневековья, когда церковь и крупные землевладельцы обладали немалой силой и осуществляли жесткий контроль над крестьянами-арендаторами (крепостными). При этом даже крепостные могли обращаться в суд для разрешения споров с исками о нарушении прав собственности или возвращении долгов³. В нее входили не только манориальные суды, на которых слушались дела о сделках между крепостными крестьянами, но и королевские суды, которые могли рассматривать иски против крупных землевладельцев, нарушавших основанные на обычаях соглашения и требовавших уплаты более высокой арендной платы или дополнительных отработок. Эта правовая система была далеко не такой сложной, как современная. Тем не менее она значительно способствовала снижению рисков, связанных с осуществлением сделок на активных сельских рынках (аренда земли и предоставление займов, продажи зерна и скота). (В дальнейшем повышению производительности английского сельского хозяйства способ-

3. Впрочем, институциональные различия существовали даже в таких высокцентрализованных странах, как Англия. Результаты недавних исследований сельских судебных процессов в XIII–XIV в., на которых рассматривались иски о взыскании долгов, позволяют предположить, что манориальные судебные процедуры, а также восприятие функционирования судов местными жителями, оказывали значительное воздействие на размер и форму местных кредитных рынков (см. Briggs, 2006).

ствовали и другие факторы, такие как, например, огораживание общинных земель, в результате которого были более четко определены права земельной собственности.)

В большинстве государств Южной Европы права собственности на землю были «прописаны» гораздо более расплывчато, а развитию сельскохозяйственного производства препятствовало соперничество местных влиятельных групп за контроль над ресурсами. Например, неопределенность прав собственности во Франции при *Ancien Régime* нередко приводила к конфликтам между крупными землевладельцами и крестьянами по поводу земельных участков (Rosenthal, 1992; Hoffman, 1996). Во Франции существовала специальная судебная система, предназначенная для разрешения подобных споров, но ее реальное функционирование было очень далеко от идеала. Судебные тяжбы рассматривались в течение длительного времени и обходились очень дорого. К тому же проигравшая в суде сторона имела право подать апелляцию и добиться повторного рассмотрения дела. Тем самым уровень неопределенности если и снижался, то незначительно, а инновации оставались весьма рискованным предприятием. Введение единой системы четко определенных прав собственности после революции способствовало улучшению положения в сельском хозяйстве и увеличению инвестиций в технологические инновации.

Неопределенность прав собственности оказывала отрицательное воздействие и на положение в сельском хозяйстве Испании. Во многих случаях «собственность» носила многослойный характер, когда между теми, кто имел права на получение ренты с земли, и теми, кому дозволено было ее обрабатывать, пролегла четкая разделительная линия (*dominium directum* и *dominium utile*) (Simpson, 1995). Кроме того, внедрению инноваций препятствовали влиятельные местные группы, пользовавшиеся предоставленными им властью короля привилегиями. Одним из таких институтов была Места — влиятельная организация крупных овцеводов, получившая от испанской короны (в обмен на платежи) право выпаса скота на всех традиционно остававшихся незасаженными землях. В последнее время исследователи ведут дискуссию относительно общих экономических эффектов полученных Местой привилегий (Nugent and Sanchez, 1989). В то же время многие историки (как и современники) придерживаются мнения, что деятельность Месты препятствовала использованию

земельной собственности и задержало распашку пастбищ, что ограничивало возможности развития сельскохозяйственного производства.

Во многом схожие отрицательные последствия для сельскохозяйственного производства несла с собой и власть, которой обладали крупные землевладельцы, помещики. В некоторых частях Италии (таких как Тоскана) они имели возможность контролировать распределение земли между арендаторами и ее использование. Многие из землевладельцев сохраняли право в любое время расторгнуть арендный договор. Отсутствие гарантий выполнения арендных договоров и регулярные конфискации произведенного излишка означали, что фермеры-арендаторы едва ли будут вкладывать средства в повышение урожайности. Еще большей властью обладали крупные помещики в Центральной и Восточной Европе. На большей части Европы к востоку от Эльбы в рассматриваемый нами период существовало «второе издание крепостничества»⁴ — система землевладения, когда помещики сохраняли значительный контроль над сферами применения труда арендаторов. Часто говорят, что крепостные были «прикреплены к земле», так как в большинстве крепостных обществ крестьяне не имели права своевольно оставить владения своего господина. Они обрабатывали полученную в аренду от своих землевладельцев землю, выплачивая годовую арендную плату (оброк. — *Ред.*) в денежной или натуральной форме. В дополнение к этому многие крепостные обязаны были несколько дней в неделю обрабатывать и земли (домены) своих господ (отрабатывать барщину. — *Ред.*). Таким образом, крепостные не имели возможности уделять все свое время собственным участкам, что отрицательно отражалось на любых попытках добиться повышения производительности. Очевидно, что у них не было стимулов и к эффективному использованию труда во время работы на господской земле, поскольку основную часть выгод присваивали землевладельцы.

В условиях второго издания крепостничества помещики стремились всеми способами увеличить получаемую ренту. Некоторым представителям поместной знати принадлежала монополия на пивоварение, и они принуждали арендаторов покупать только местную продукцию по завышенным ценам. Другие крупные землевладельцы были монопольными владельцами мельниц. Поэтому они вынуждали арендаторов привозить зерно исключитель-

4. «Второе», поскольку оно было введено после средневекового крепостничества (феодализма); следует отметить, что «первое» существовало далеко не везде, где впоследствии было установлено «второе» крепостное право.

5. Пример такого рода практик см. в Ogilvie (2001); Hagen (2002), Dennison (2006); Dennison and Ogilvie (2007).

но на поместные мельницы. Многие представители знати взимали с арендаторов платежи за получение разрешения на заключение брака или на поездку за пределы границ принадлежавших им земель⁵. У нас есть все основания утверждать, что во многих случаях крепостные часто могли «обходить» устанавливавшиеся помещиками правила, что минимизировало их воздействие на производительность. В свою очередь, нарушения правил и норм обходились недешево. Во многих случаях крепостные должны были давать взятки служащим землевладельца, а действия в обход правил были чреваты штрафами. В конечном итоге постоянные изъятия излишков затрудняли накопление крестьянами средств, необходимых для инвестиций в повышение урожайности. Еще одним препятствием на пути подобных вложений было стремление помещиков к увеличению ренты, поскольку получаемая крестьянами прибыль, так или иначе, оказывалась в «кармане» помещиков.

6. См. обсуждение в работах Ш. Огилви (Ogilvie, 1997, ch. 3) и П. Варде (Warde, 2006).

Не способствовали осуществлению инноваций и сильные местные общины. В большей части центральноевропейских стран они контролировали доступ к земле, поскольку обладали властью регулировать ее передачу. Например, в Шварцвальде (земля Баден-Вюртемберг) крестьяне не имели права продавать или завещать свои земельные участки без санкции общины. Деревенские общины в этом регионе регулировали доступ к общим ресурсам, а также несли ответственность за использование пахотных земель. Крестьяне, решившие выращивать новые культуры или применять новые технологии, должны были получить разрешение на то сельского схода или старосты⁶. Сильные местные общины существовали и в условиях второго издания крепостничества. Подобно общинам в Баден-Вюртемберге они совместно с помещиками обладали властью регулировать передачу земель, а также регулировать использование общинных и пахотных земель. Во многих местах общины крепостных крестьян имели право лишать земельных наделов нежизнеспособные с точки зрения общества домохозяйства. В богемских и прусских селениях, например, община могла принудить овдовевших женщин, если те желали сохранить свои наделы, к повторным бракам (Ogilvie and Edwards, 2000; Hagen, 2002). В русском крепостническом обществе, в условиях, когда большая часть пахотных земель находилась в совместной аренде, община распределяла наделы в соответствии с количеством работников и иждивенцев в каждом из домохозяйств.

В случае изменения состава последнего, община имело право передать часть принадлежавших ему земель другому, более крупному домохозяйству.

Скорость урбанизации и рыночной интеграции в Центральной и Восточной Европе в значительной степени определялась ограничениями на перемещения крестьян, налагавшимися и помещиками, и общинами. В крепостнических обществах, крестьяне, уплачивавшие ренту в денежной или натуральной форме, нередко могли получить разрешение на отходнический труд в близлежащих городах. Но в общем случае они не имели права переехать в город на постоянное жительство. Крестьяне-отходники обязаны были выполнять определенные годовые обязательства (нести повинности. — *Ред.*) перед помещиком или, на худой конец, нанять того, кто будет исполнять эти обязательства вместо них. Очевидно, что вероятность получения разрешения на отъезд в город (пусть и временно) крестьянами, занятыми на постоянной основе в поместье или на барских землях, была совсем невелика. Кроме того, община (как в крепостнических обществах, так и «свободных» странах) имела право решающего голоса при рассмотрении вопросов об отъезде кого-либо из своих членов или возможности появления в деревне новых домохозяйств. Многие помещики ставили условием выдачи крестьянам проездных документов, получение ими предварительного согласия общины. Неудивительно, что урбанизация в этом регионе происходила довольно медленно. Даже в начале XIX в. в Центральной или Восточной Европе не было городов сравнимых по численности населения с Лондоном или Парижем.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Едва ли можно рассматривать как совпадение тот факт, что индустриализация началась в тех странах, которым первыми удалось добиться повышения производительности сельскохозяйственного производства. Одно из условий промышленного развития состоит в возможности производства большего объема продовольствия меньшим количеством людей. Англии удалось выполнить его благодаря использованию тенденции к повышению эффективности рынков и сильным стимулам к увеличению объема производства в сельском хозяйстве. По мере того как рабочая сила перетекала в города, происходило увеличение

сельскохозяйственного выпуска, а также импорта продовольствия и сырья. К 1840 г. производительность труда в сельском хозяйстве Англии находилась на столь же высоком уровне, что и производительность труда в остальной экономике (Crafts, 1985a).

Почему другим странам континента (особенно государствам Восточной и Южной Европы) потребовалось больше времени для увеличения сельскохозяйственного выпуска и повышения производительности? Возможно, очевидное различие в природных условиях и обеспеченности ресурсами, по сравнению с европейским Северо-Западом, отрицательно сказалось на разработке и внедрении новых технических приемов и переходе к культивированию товарных сельскохозяйственных культур. Однако гораздо более важным фактором, как нам представляется, было отсутствие у крестьян сильных стимулов к изменению производственных систем (либо в силу различных препятствий, затруднявших доступ к потенциальным потребителям, либо в силу того, что институциональные соглашения не позволяли преодолеть проблемы фиаско рынка).

Впрочем, отказ от новых технических приемов, севооборотов или реорганизации земельной собственности был обусловлен не только сопротивлением изменениям со стороны экономических агентов, но и тем, что привилегированным классам традиционные системы представлялись более выгодными. Да, производительность сельского хозяйства в Южной и Восточной Европе могла быть низкой. Но крупные землевладельцы очень часто были богатейшими людьми и успешно проводили политику, направленную на сохранение выгодной им производственной системы. Отмена Хлебных законов и коллапс внутренних цен на зерно в Великобритании (особенно после 1873 г.) привели не только к серьезному подрыву экономической и политической базы аристократии и других представителей класса землевладельцев, но и к увеличению реальной заработной платы городского населения, что открыло возможности появления новых форм ведения сельского хозяйства (например трудоинтенсивного товарного садоводства). Происходившие в 1700–1870 гг. изменения за пределами Северо-Западной Европы носили преимущественно локальный характер. Только в XX столетии производительность сельского хозяйства в отдельных частях Южной и Восточной Европы начала приближаться к уровням, достигнутым на Северо-Западе континента еще в конце XIX в.

ГЛАВА 7

Промышленность

СТИВЕН БРОДБЕРРИ
РАЙНЕР ФРЕМДЛИНГ
ПИТЕР СОЛАР

СОДЕРЖАНИЕ

Ключевые темы ·	262
Структура европейской промышленности ·	268
Каменный уголь и пар ·	272
Производство текстильных изделий ·	276
Продовольствие, напитки и табачные изделия ·	283
Черная металлургия ·	285
Заключение ·	292

В ЕВРОПЕ переход к экономическому росту современного типа произошел в период между серединой XVIII в. и серединой XIX в. Решающий прорыв на этом направлении произошел в Великобритании, а основной «ударной силой» стало принятие промышленностью новых технологий и методов организации. Сегодня историки экономики рассматривают эти изменения как достаточно длительный процесс, основывавшийся на уже довольно высокой доле промышленности в общей хозяйственной деятельности и сопровождавшийся до 1830 г. умеренным повышением темпов роста. Тем не менее в отношении этого процесса принято использовать термин «промышленная революция» (Crafts, 1985a; Shaw-Taylor and Wrigley, 2008). Как замечает Я. де Вриз, ассоциировавшиеся с индустриализацией изменения были революционными в том смысле, что они носили необратимый характер и со временем стали рассматриваться (подобно Великой французской революции) как «идеальный пример» (de Vries, 2001). Да, остальная Европа не просто копировала британский опыт (в «XX в. были самые разные пути»). Но в тех случаях, когда мы размышляем о континентальном промышленном развитии в конце XVIII — конце XIX вв., идея «догоняющего развития» остается весьма привлекательной (O'Brien and Keyder, 1978; Gerschenkron, 1962; Fremdling, 2000). Исследование на панъевропейском уровне помогает прояснить фундаментальное значение промышленной революции в истории человечества, поскольку, сосредоточив внимание на развитии отдельных государств, мы рискуем упустить из виду важные части общей картины.

КЛЮЧЕВЫЕ ТЕМЫ

Технологический прогресс

В литературе, посвященной различным аспектам технологического прогресса, принято проводить различие между «изобретением» и «инновацией», «диффузией» («распространением») и «копированием» (Мокуг, 1994, pp. 13–16). Изобретение определяется как новое открытие, в то время как инновация — это его коммерческое применение. В реальной жизни упомянутые выше понятия часто смешиваются друг с другом, хотя известен ряд очевидных примеров, демонстрирующих различие между ними. Достаточно упомянуть о чертежах вертолета, созданных Леонардо да Винчи, остававшихся невостребованными в течение нескольких столетий. Если под инновацией мы понимаем первое коммерческое изобретение, то под диффузией — его широкое распространение. И вновь, в реальной жизни эти понятия часто смешивают друг с другом, так как в некоторых случаях условием широкого распространения инновации становится внесение в нее тех или иных изменений. Аналогично различие между инновацией и копированием может «размываться» в тех случаях, когда, например, компания или общество, стремившиеся к копированию некоей инновации, впоследствии переходят к инновационной деятельности на собственной основе. Хорошо известный пример представляет собой развитие Японии в XX в. Однако элементы этого процесса мы находим и в Англии времен промышленной революции.

С недавних пор для того чтобы более ярко высветить периоды экономического роста, экономисты начали использовать идею «технологии общего назначения» (ТОН, GPT). Р. Липси, К. Карло и К. Бекар определяют ТОН как «единственную в своем роде характерную для своего класса технологию, остающуюся таковой на протяжении всего своего жизненного цикла, изначально предлагавшую возможности дальнейших ее усовершенствований и в конечном итоге нашедшую широкое применение, сопровождавшееся множеством сопутствующих эффектов» (Lipsey, Carlaw and Beкар, 2005, p. 98). Этот концепт был рожден для того, чтобы объяснить ускорение экономического роста, ассоциирующееся с недавним широким принятием информационных и коммуникационных технологий

(ИКТ, ICT). В то же время он вызывает очевидные исторические параллели с начальными периодами ускоренного роста, такими как промышленная революция. В дальнейшем мы рассмотрим возможность оценки использования энергии пара как первой ТОН и оценим ее вклад в экономический рост в период промышленной революции.

Заработная плата и технологии

Имеются все основания ожидать, что ценовой фактор цен воздействует на выбор технологии. Эта идея сыграла важную роль в объяснении технологических различий между Европой и США в XIX в. Но в контексте исследований различий между Европой и Азией на начальных стадиях промышленной революции ей уделялось гораздо меньшее внимание. В работе, посвященной трансатлантическим различиям в XIX в. Дж. Хабаккук утверждал, что более высокий уровень заработной платы в США стимулировал замещение труда капиталом (более широкое использование машин и механизмов) и отклонение в сторону сбережения труда технологического прогресса в целом (более лучшие машины) (Nabakkuk, 1962). Однако, как подчеркивают С. Бродберри и Б. Гупта, на заре промышленной революции разрыв в заработной плате между европейским Северо-Западом и Азией был гораздо более значительным, чем разрыв между Англией и США на протяжении всего XIX столетия (Broadberry and Gupta, 2006). Это обстоятельство имеет важное значение, поскольку прорыв к современной фабричной промышленности произошел в Англии в производстве хлопчатобумажных изделий, в результате чего эта отрасль вышла на первое место в качестве крупнейшего производителя и экспортера (сместив с него индийских ткачей). В то время заработная плата в Англии была в 5–6 раз выше, чем в Индии, и британские фирмы не питали ни малейших иллюзий относительно возможности конкуренции на основе трудозатратных индийских методов производства.

Цены на факторы производства имеют важное значение и с точки зрения объяснения позднего принятия современных английских технологий в большей части европейских стран. Некоторые авторы, такие как Д. Лэндис, объясняют этот временной разрыв предпринимательским фиаско (Landes, 1969). Но эта и подобные ей точки

зрения не учитывают реальных условий, в которых находились предприниматели, обязанные учитывать различия в ценах на факторы производства между Англией и остальной Европой. Во многих случаях это означало, что новые технологии, разрабатывавшиеся с учетом цен на факторы производства в Британии, могли быть использованы на континенте только в случае применения к ним дальнейших технологических усовершенствований или приспособления к местным условиям (Fremdling, 2004; Broadberry, 1997).

Энергия

Еще одна важная составляющая затрат на факторы производства — стоимость энергии. Сокращение запасов леса побуждало промышленность к замещению древесины углем, постепенно превращавшимся в главный источник энергии. Возможно, эта инновация является важнейшей после начала использования кокса в металлургии (Hyde, 1977). По мнению Р. Аллена, сочетание высокой заработной платы и дешевого угля является важнейшим с точки зрения объяснения как развития ключевых технологий промышленной революции в Англии, так и более поздним их принятием в других европейских странах (Allen, 2006).

Э. Ригли рассматривает замену дерева углем как решающий шаг вперед, позволивший Европе выйти за пределы, налагавшиеся «органической экономикой» (Wrigley, 2004b). Для этого человечеству пришлось «врезаться» в каменноугольные пласты, хранившие в себе накапливавшуюся в течение миллионов лет энергию. В течение XVIII в. уголь как источник тепловой энергии, используемой в промышленности, постепенно вытеснял древесину. Первоначально это произошло в таких процессах, как выпаривание соли и рафинирование сахара, в которых источник тепла и нагреваемый объект могли быть разделены материальным барьером, препятствовавшим химическому загрязнению. Со временем в результате новых технических разработок, обеспечивших сохранность нагреваемых продуктов, каменный уголь начал широко использоваться в производстве кирпича, керамики, стекла и в пивоварении. Кульминацией этого процесса стало применение каменноугольного кокса для выплавки чугуна. Использование угля в паровых машинах позволило снять ограни-

чения на величину механической энергии, получавшейся благодаря животной тяге, а также ветровой и водной энергии. Паровая тяга сыграла важную роль во многих сферах экономики. Первоначально паровые машины нашли применение в насосах, использовавшихся для откачки воды из шахт, а затем они завоевали обрабатывающую промышленность, транспорт (пароходы и паровозы) и сельское хозяйство (молотилки) (Crafts, 2004).

Знания и человеческий капитал

Современные экономисты уделяют очень большое внимание изучению вклада в экономический рост знаний и человеческого капитала. До самого последнего времени историки экономики и науки весьма скептически оценивали вклад этих факторов в промышленную революцию. Что касается роли знаний, то А. Муссон и Э. Робинсон предприняли попытку проследить и продемонстрировать тесные связи между наукой и инновационной деятельностью в период промышленной революции (Musson and Robinson, 1969), но им не удалось убедить в их существовании большинство экономических историков. Как заметил Н. фон Танзельман, в то время в науке отсутствовала последовательная структурная основа и большая часть представлений была неправильной (von Tunzelmann, 1981, pp. 148–151). Более того, инновации, сыгравшие решающую роль в успехе промышленной революции, были созданы в отраслях, находившихся довольно далеко от основных областей научного интереса. К тому же уровень развития науки в странах континентальной Европы превосходил английский. Но решающие прорывы на «инновационном фронте» были сделаны именно в Англии. Впрочем, не так давно Дж. Мокир высказал мнение о существовании более общей взаимосвязи между «пропозиционным знанием» (наука) и «прескриптивным знанием» (инженерное дело) (Мокуг, 2002). Взаимодействия между знаниями этих двух типов в период промышленной революции рассматриваются как важнейшие с точки зрения предотвращения ее провала и вхождения в спираль убывающей отдачи инновационного кластера (как это произошло во время предыдущей инновационной «вспышки»).

Во многих случаях экономические историки довольно пренебрежительно относятся к роли патентной си-

стемы в рассматриваемый нами период, подчеркивая не столько ее достоинства, сколько недостатки (Landes, 1969; MacLeod, 1988). Но ряд авторов высказывают предположения о том, что патентная система сыграла, скорее, положительную роль. Это их мнение основывается на высокой оценке роли прав на интеллектуальную собственность в современной литературе, посвященной технологическим изменениям, а также указании на то, что изобретатели были готовы направить значительные денежные суммы на патентную защиту (Sullivan, 1989; Broadberry and Gupta, 2008). Конечно, значительная часть знаний, сыгравших решающую с точки зрения успеха промышленной революции роль принадлежала квалифицированным рабочим и передавалась в процессе труда, а не в письменной форме. Ниже мы покажем, что знания обоих типов имели огромное значение для развития промышленности.

Важнейшая роль человеческого капитала в современном экономическом росте не подвергается сомнению. Однако в тех случаях, когда речь заходит о временах промышленной революции, он лишь иногда рассматривается как один из важнейших ее факторов. Во многом это объясняется тем, что применявшиеся в промышленной революции машины и оборудование оказывали, скорее, де-квалифицирующее воздействие, так как на смену умелым ремесленникам приходил относительно неквалифицированный труд, не предполагавший продолжительного обучения (Mitch, 2004, p. 347). Вторая проблема состоит в том, что широкое применение детского труда обуславливало повышение альтернативных издержек школьного образования (Mitch, 1993, p. 276).

Организация промышленности

В предшествовавший промышленной революции период большую часть индустриального выпуска обеспечивали находившиеся в сельской местности мелкие предприятия, рабочие которых были заняты неполный день. Конечно, существовали и исключения. Создание предприятий в горнодобывающей промышленности, металлургии и мукомольной отрасли предполагало осуществление крупных вложений в основной капитал. Кроме того, в отраслях не требовавших значительных инвестиций все-

гда были городские ремесленники, занятые полный рабочий день (Clarkson, 1985, pp. 9–10).

Для описания сельского производства такого типа Ф. Мендельс предложил термин «протопромышленность», развитие которой рассматривается как «первая стадия индустриализации» (Mendels, 1972). В дальнейшем стадийный подход разрабатывался П. Кридте и его коллегами, попытавшимися идентифицировать более подробную последовательность событий (Kriedte et al., 1981). На первой стадии (*Kaufsystem*) ремесленники сохраняют контроль над производством в сельских мастерских. На второй стадии (*Verlagsystem*) контроль переходит к купцам, распределяющим работу между сельскими жителями, занятыми домашним трудом. На третьей стадии возникают «централизованные мануфактуры и механизированные фабрики» (Ogilvie and Cerman, 1996, p. 4). Несмотря на то что сама теория протоиндустриализации и выделение отдельных стадий развития подверглись острой критике, большинство экономических историков рассматривают зарождение фабричной системы как важную часть промышленной революции.

Сторонники концепции протоиндустриализации рассматривали в качестве аналитической единицы регион, территория которого могла выходить за пределы государственных границ, и уделяли значительное внимание изучению развития таких территорий (Pollard, 1981, pp. 63–78). Заметим, что ее приверженцы, рассматривая в качестве признака экономической динамики промышленную занятость в сельской местности, упускают из виду связи между урбанизацией и экономическим развитием (de Vries, 1984). Только с зарождением фабричной занятости в городах появляются подлинные «маршаллианские промышленные округа», характеризовавшиеся внешней экономией, обусловленной масштабами производства. Поскольку хлопкопрядильные фабрики развивались единым кластером в городах Ланкашира, отрасль в целом получала повышенную отдачу от масштаба, несмотря на то что каждая индивидуальная фирма — постоянную. Источниками внешней экономии служили обучение (распространение знаний между фирмами), соответствие (тесный рынок облегчает достижение соответствия между работодателями и рабочими) и совместная деятельность (открывающая фирмам доступ к потребителям и поставщикам в условиях высоких транспортных издержек) (Duranton and Puga, 2004).

СТРУКТУРА ЕВРОПЕЙСКОЙ
ПРОМЫШЛЕННОСТИ

В табл. 7.1 и табл. 7.2 представлена приблизительная количественная картина европейской промышленности около 1870 г. Обратившись к данным, представленным в табл. 7.1, мы видим распределение промышленности в целом — в указанный период процесс индустриализации продвинулся в некоторых частях континента гораздо дальше, чем в других. Доля промышленности в ВВП превышала 30% лишь в четырех расположенных по соседству странах — Великобритании, Франции, Бельгии и Швейцарии, — которые мы можем рассматривать как промышленное «сердце» Европы того времени. И только для этих государств их доли в европейском промышленном производстве превосходили их доли в европейском ВВП. В преддверие своего индустриального скачка Германия была единственной страной, в которой на долю промышленности приходилось 25–30% ВВП. При этом доля немецкой промышленности в европейской была близка к ее доле в ВВП. Доли всех остальных стран в европейской промышленности были значительно меньше, чем их доли в континентальном ВВП. В ряде стран доля промышленности варьировалась в диапазоне 20–25%. В частности к ним относились «большая» Австрия (в то время включавшая в себя части территорий современных Чехии и Словакии), Италия, Испания, Нидерланды, Дания и Швеция. Вместе с Германией эти страны опоясывали «промышленное сердце» континента. И наконец, в ряде стран, образовавших европейскую периферию (Португалия, Норвегия, Финляндия и «большая» Венгрия, включавшая в себя Словакию и части современных Польши и Румынии), на долю промышленности приходилось менее 20% ВВП. Эти государства позволяют составить представление о еще менее развитых в промышленном отношении государствах — России, Турции и о большинстве стран Юго-Восточной Европы — в отношении которых не существует достоверной информации для оценки.

В табл. 7.2 отображается структура (в широком смысле) европейского промышленного производства в 1870 г. Более половины промышленного выпуска и примерно 17% европейского ВВП приходилось на отрасли, удовлетворявшие базисные потребности людей в продовольствии, одежде и убежище. Заметную его долю составляли

ГЛАВА 7. ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

ТАБЛИЦА 7.1.
Европейская промышленность около 1870 г. — общее
распределение (в %)

	Доля пром-ти в ВВП страны	Доля страны в европейской пром-ти	Доля страны в европейском ВВП
ЕВРОПЕЙСКИЙ СЕВЕРО-ЗАПАД			
Бельгия	30	3,9	3,4
Дания	20	0,6	0,8
Финляндия	17	0,3	0,6
Нидерланды	24	1,8	2,1
Норвегия	12		
Швеция	21	1,0	1,3
Великобритания	34	30,3	25,5
ЮЖНАЯ ЕВРОПА			
Франция	34	18,9	15,8
Италия	24	10,0	11,6
Испания	22	3,6	4,7
Португалия	17	0,7	1,1
ЦЕНТРАЛЬНАЯ И ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА			
Австро-Венгрия	19	9,0	13,1
Австрия	23	7,2	8,8
Венгрия	12	1,8	4,4
Германия	28	19,8	20,0
Швейцария	36		

Источники: ВВП в границах стран на 1870 г.: Broadberry and Klein, 2008; Бельгия: данные, предоставленные Антоном Соете; Дания: Hansen, 1970, pp. 11, 18, 71–73; Финляндия: Hjerpe, 1989, pp. 78, 218; Нидерланды: Smitsetal., 2000, pp. 130–141; Норвегия: данные, предоставленные Олом Гриттенном; Швеция: Schön, 1988, pp. 208–217; Великобритания: Feinstein, 1972, table 51; Broadberry, 1997; Франция: Lévy-Leboyer and Bourguignon, 1990, pp. 272, 314; Lévy-Leboyer, 1968, p. 806; Италия: Fenoaltea, 2003, p. 1084; Испания: Prados de la Escosura, 2003, pp. 259–274; Португалия: Lains, 2003, p. 138, 2006, p. 152; Австро-Венгрия: Schulze, 2000, pp. 316, 339–340; Германия: Hoffmann, 1965, pp. 390–391, 451; Швейцария: данные предоставлены Томасом Дэвидом.

отрасли, связанные с производством металлов и их обработкой. Прежде всего, имеются в виду производство железа и стали и изготовление из них рельсов и локомотивов, кораблей, паровых и других машин. Горнорудная отрасль поставляла сырье и энергию для ряда отраслей промышленности, но основной ее выпуск приходился

ТАБЛИЦА 7.2.
Европейская промышленность около 1870 г. — важнейшие отрасли и страны (в %)

	Доля в европей- ском ВВП	Доля в европейском производстве			
		Велико- британия	Фран- ция	Герма- ния	«Большая тройка»
Продовольствие, напитки, табачные изделия	5,7	21	16	19	57
Текстильные изд., одежда	7,6	29	24	22	75
Металлургия	3,4	45	5	24	74
Др. обрабатывающая пром-ть	4,5	16	23	25	64
Строительство	3,7	17	32	13	62
Горнорудная пром-ть	3,0	70	5	12	87
Энергетика	0,3	43	20	11	74
Промышленность, всего ВВП	28,0	30	19	20	69
		26	16	21	63

Источники: те же, что и в табл. 7.1.

на каменный уголь, предназначенный для отопления жилья. Во второй половине XIX в., в преддверии наступления эры электричества, небольшой энергетический сектор специализировался на газовом наружном освещении.

В табл. 7.2 представлены и данные о том, какие доли в производстве в различных секторах приходились на три крупнейшие экономики Европы — Великобританию, Францию и Германию. Вместе они обеспечивали свыше двух третей объема промышленного производства и около 60% европейского ВВП. В тех видах деятельности, в которых доля торговли была невелика или вообще отсутствовала (строительство, переработка пищевых продуктов), доли стран «Большой тройки» были близки их долям в ВВП. В то же время на них приходились значительные доли объемов выпуска в текстильной промышленности и производстве одежды (около трех четвертей европейского объема производства), а также в металлургии и металлообработке, где лидировала Великобритания. Интересно, что в горнорудной промышленности доля последней составляла свыше двух третей объема выпуска.

Какие изменения произошли в европейской промышленности, если за точку отсчета мы примем 1700 г.? В табл. 7.3, для составления которой использовались дан-

ГЛАВА 7. ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

ТАБЛИЦА 7.3.

Уровни индустриализации в расчете на душу населения
в различных европейских странах в 1750–1860 гг.
(Великобритания в 1860 г. — 100)

	1750	1800	1830	1860
Европейский Северо-Запад				
Бельгия	14	16	22	44
Дания	—	13	13	16
Финляндия	—	13	13	17
Нидерланды	—	14	14	17
Норвегия	—	14	14	17
Швеция	11	13	14	23
Великобритания	28	30	39	100
Южная Европа				
Франция	14	14	19	31
Греция	—	8	8	9
Италия	13	13	13	16
Португалия	—	11	11	13
Испания	11	11	13	17
Центральная и Восточная Европа				
Австро-Венгрия	11	11	13	17
Болгария	—	8	8	8
Германия	13	13	14	23
Румыния	—	8	8	9
Россия	9	9	11	13
Сербия	—	8	8	9
Швейцария	11	16	25	41
Европа	13	13	17	27
Весь мир	11	9	11	11

Источники: рассчитано по данным, представленным в работе Байроха (Baigoch, 1982); данные о Великобритании рассчитаны на основе индексов промышленного производства Крафтса и Харлея (Crafts and Harley, 1992).

ные П. Байроха (Baigoch, 1982), представлена приближенная количественная картина масштаба и географической неравномерности расширения промышленности Европы на протяжении столетия (середина XVIII — середина XIX вв.). Байрох использовал недостаточно прозрачный способ группировки данных, но, за одним важным исключением, его результаты соответствуют

основной массе вторичной литературы по нашей теме (по крайней мере мы получаем правильное представление о порядке величин). Исключением является Великобритания. В своих расчетах Байрох (Baigoch, 1982) использовал индексы промышленного производства В. Хоффмана (Hoffmann, 1955). Впоследствии они были пересмотрены Н. Крафтсом и Н. Харлеем (Crafts and Harley, 1992). Поэтому в табл. 7.3 используются уточненные данные, позволяющие сделать вывод о существенно более низких темпах роста промышленного производства в Великобритании в 1750–1830 гг., что, в свою очередь означает гораздо более высокий, чем предполагал Байрох, уровень индустриализации в 1750 г. и в 1800 г.

Из данных, представленных в табл. 7.3, следует, что по показателю уровня индустриализации в расчете на душу населения, как подчеркивает Крафтс (Crafts, 1985a), Великобритания уже в 1750 г., задолго до начала классической промышленной революции, опережала все европейские страны (в то время различия между ними были относительно невелики).

КАМЕННЫЙ УГОЛЬ И ПАР

Начиная с XVI в. и в последующий период ведущие позиции в использовании каменного угля принадлежали Англии. Имевшиеся запасы древесины уже не удовлетворяли непрерывно возрастающий спрос на энергию, особенно необходимую для отопления Лондона, превратившегося к 1700 г. в крупнейший город Европы. Начало процессу замены положило изменение относительных цен в пользу угля (в Англии имелись сравнительно крупные месторождения). Поскольку возможности замены древесины углем были не так уж велики, этот процесс сопровождался крупномасштабными технологическими изменениями (Buenstorf, 2001). Использование угля в промышленных процессах, нуждавшихся в тепловой энергии, непрерывно расширялось, а кульминацией стало применение каменноугольного кокса для выплавки стали и генерирования механической энергии посредством паровых машин. Высокие транспортные издержки означали, что в начале XIX в. очаги европейской индустриализации находились вблизи месторождений каменного угля (Pollard, 1981, pp. XIV–XV). В конечном итоге именно каменный уголь

ТАБЛИЦА 7.4.

Объем добычи угля в европейских странах в 1860 г.

	Добыча (в тыс. тонн)	Доля в европейской добыче (%)
Австрия	3189	2,7
Бельгия	9611	8,0
Франция	8304	6,9
Германия	16731	13,9
Великобритания	81327	67,6
Венгрия	475	0,4
Италия (1861 г.)	34	0,0
Россия	300	0,2
Испания	340	0,3
Швеция	26	0,0

ПРИМЕЧАНИЕ: приводятся данные об общей добыче каменного и бурого угля (лигнита).

Источник: Mitchell, 2003.

сыграл важную роль в сокращении транспортных издержек, так как благодаря этому носителю энергии широкое распространение получили железные дороги и паровой флот. Соответственно, свободу выбора местоположения (от близости месторождений угля) обрели и промышленные предприятия.

На протяжении всего XIX в. Великобритания значительно опережала все европейские страны как с точки зрения многообразия форм потребления каменного угля, так и с точки зрения развития угольной промышленности. Это демонстрируют и данные, приведенные в табл. 7.4, свидетельствующие о доминировании британской угольной промышленности приблизительно в 1860 гг., когда Англия добывала в 2 раза больше каменного угля, чем все остальные европейские страны, вместе взятые. Английские угольные шахты поставляли уголь не только для внутренних потребителей, но и в течение XIX в. все более увеличивали экспорт своей продукции, включая поставки для быстро расширявшегося международного парового флота (Fremdling, 1989, 1996). В середине XIX столетия импорт каменного угля из Англии способствовал переходу континентальных стран и бедных углем регионов на новые технологии, основывавшиеся на использовании «чер-

ного золота», а значит и на британскую модель индустриализации.

Успехи, достигнутые Бельгией на начальной стадии индустриализации, в значительной степени основывались на разработке месторождений каменного угля в регионе Самбры и Мааса (Pollard, 1981, pp. 87–90). В XIX в. крупнейшим импортером английского угля была Франция, а вторым по значимости — Германия. При этом Германия занимала второе, после Англии, место и по экспорту каменного угля. Это своеобразное положение иллюстрирует важные черты добычи каменного угля и угольных рынков. Два важнейших немецких района добычи каменного угля — Рурский и Верхнесилезский бассейны — были расположены вдали от морского побережья и ближе к западным и юго-восточным границам страны, чем к северной, центральной и южной частям Германии. Все районы добычи угля стали важными центрами сосредоточения промышленности. Помимо прочего, Рур с его развитой тяжелой промышленностью превратился в важнейший индустриальный регион континентальной Европы (Holtfrerich, 1973).

В долгосрочном периоде угольная промышленность могла удовлетворить растущий спрос только в случае перехода к разработке месторождений глубокого залегания. И здесь необходимо было справиться с проблемой откачки воды из шахт. Искомым решением стала паровая машина, традиционно ассоциирующаяся с именем Джеймса Уатта, получившего первый патент на эту инновацию в 1769 г. Как и в случае со многими другими изобретениями, появлению на свет машины Уатта предшествовал долгий путь проб и ошибок, берущий начало с момента создания в 1712 г. атмосферной машины (парового насоса) Томаса Ньюкомена (Мокуг, 1990, pp. 84–90). Основным препятствием на пути распространения машины Ньюкомена, источником энергии в которой служило атмосферное давление посредством создания вакуума в паровом цилиндре, стала огромная потребность в топливе. На протяжении всего XVIII в. паровые машины использовались преимущественно для дренажа шахт, поскольку они работали на дешевом угле. Машина Уатта, в которой использовался отдельный конденсатор для охлаждения пара, требовала в 5 раз меньше угля, по сравнению с предшественницей. Кроме того, Уатт разработал передаточный механизм, служивший для преобразования возвратно-поступательного движения коромыслового двигателя во вращательное

движение. Благодаря этому паровая машина получила распространение в текстильной промышленности (выработка механической энергии, необходимой для функционирования ткацких станков) и нашла множество других применений (в частности на пароходах и паровозах).

Некоторые исследователи преуменьшают роль паровой машины, поскольку она якобы не получила широкого распространения в начальной фазе промышленной революции. Дж. Канефский показывает, что до 1830 г. в процессе использования водяных колес генерировалось столько же энергии, сколько и при применении паровых машин (Kanefsky, 1979). Неудивительно, что, по фон Танзельману, общественная экономия, достигнутая в Англии благодаря использованию стационарных паровых машин, составила в 1801 г. всего лишь 0,2% ВВП. В то же время здесь возникает риск недооценки важности паровых машин, особенно в тех случаях, когда мы рассматриваем вопросы предотвращения возникновения убывающей отдачи и устойчивого повышения продуктивности в самых разных областях деятельности. Расчеты величины общественных сбережений, достигнутых благодаря развитию железнодорожного транспорта, позволяют предположить, что только в этой сфере паровая технология внесла гораздо больший вклад, чем было принято считать. На 1865 г. согласно расчетам Г. Хоука вклад железных дорог Англии и Уэльса в общественные сбережения составил 6,4% и 11,4% соответственно, в зависимости от уровня комфорта для пассажиров (Hawke, 1970). К аналогичным выводам пришел Т. Льюниг, производивший более сложные расчеты экономии времени (Leunig, 2006). Крафтс предпринял попытку оценить роль энергии пара как технологии общего назначения (Crafts, 2004), используя данные С. Олинера и Д. Зихеля (Oliner and Sichel, 2000) и принимая во внимание интенсивное увеличение капитала, а также рост совокупной факторной производительности (СФП, TFP). Полученные исследователем результаты представлены в табл. 7.5 (отдельно данные по стационарным паровым машинам, паровозам и пароходам). В начальной фазе промышленной революции паровые машины действительно внесли ограниченный вклад в повышение производительности труда в экономике в целом. Но начиная с 1830 г. воздействие этой технологии начало усиливаться, а после 1850 г. ее вклад увеличился до более чем одной трети от роста производительности труда в экономике в целом. Более того,

ТАБЛИЦА 7.5.
Рост производительности труда в Англии в 1760–1910 гг. и вклад в него паровых технологий (в % в год)

	Рост производительности труда в экономике	Вклад паровой технологии			
		Стационарные пар. машины	Ж/д паровозы	Пароходы	Всего
1760–1800	0,2	0,01			0,01
1800–1830	0,5	0,02			0,02
1830–1850	1,1	0,04	0,16		0,20
1850–1870	1,2	0,12	0,26	0,03	0,41
1870–1910	0,9	0,14	0,07	0,10	0,31

Источник: рассчитано по данным из работы Крафтса (Crafts, 2004).

Крафтс признает, что он игнорировал в своих расчетах важные последствия рассматриваемой нами технологии для совокупной факторной производительности во второй половине XIX в., когда усовершенствования в сфере транспорта открыли возможность повышения степени агломерации и специализации в соответствии с имеющимися сравнительными преимуществами (Rosenberg and Trajtenberg, 2004).

ПРОИЗВОДСТВО ТЕКСТИЛЬНЫХ ИЗДЕЛИЙ

На протяжении XVIII–XIX вв. производство текстильных изделий и одежды было крупнейшим после переработки сельскохозяйственной продукции и производства продовольствия видом хозяйственной деятельности. В 1870 гг. в большинстве европейских стран доля этого сектора в ВВП достигала 4–5%, а в объеме промышленного производства — 15–30%. Вероятно, в начале XVIII в. доля этих отраслей в обрабатывающей промышленности (гораздо меньшей в то время по размерам) достигала 40–50%. Вплоть до второй половины XIX столетия большая часть одежды производилась непосредственно в домохозяйствах или местными швеями и портными. Вплоть до появления в 1850 гг. швейных машин производство одежды

не могло похвастаться сколько-нибудь значительными организационными или технологическими изменениями, помимо растущего внимания к моде на различные виды одежды населения, принадлежавшего к средней и нижней стратам распределения доходов (Roche, 2000, ch. 8). Быстрое развитие швейной промышленности началось в основном после 1870 г.

В рассматриваемый нами период в большинстве частей Европы швейная отрасль оставалась неизменной. Перемены происходили в текстильной промышленности, поставившей «швейникам» разнообразные ткани. Имеется в виду перемещение места производства от домохозяйств к фабрикам и из сельской местности в города. Механизация процессов подготовки сырья, прядения, ткачества и отделки тканей открыла возможность значительного повышения продуктивности и резкого сокращения цен на готовую продукцию. Изменился и ассортимент тканей. Если в начале XVIII в. одежда из хлопчатобумажных тканей относилась к числу предметов роскоши, то теперь из нее шили большую часть нижнего белья, сорочек, платьев, постельное белье и полотенца.

Рассуждая о процессе трансформации текстильной отрасли, мы имеем в виду, прежде всего, события, происходившие на Британских островах, и только потом — реакцию на них остальных европейских стран. К середине XIX в. британская текстильная промышленность доминировала не только в Европе, но и во всем мире. Как ни удивительно, но в производстве хлопчатобумажных тканей на долю британских фабрик, в основном расположенных в Ирландии и Шотландии, приходилось свыше 40% использовавшихся во всем мире прядильных машин и свыше 60% ткацких станков (Solar, 2003, pp. 818–819). Английская отрасль по выпуску шерстяных и камвольных тканей потребляла свыше четверти производившейся в мире новой шерсти, а также значительные объемы повторно используемой шерсти (Sauerbeck, 1878). И только в производстве шелковых тканей Великобритания уступала другим странам мира, особенно Франции и Японии (Federico, 1997, p. 64).

Впрочем, приведенные данные об использовавшемся оборудовании и объемах сырья, скорее всего, преуменьшают степень доминирования Англии в начале XIX в., так как остальные страны мира избирали один и тот же способ защиты своих отраслей — установление высоких

тарифных барьеров. В середине 1850-х гг. Великобритания оставалась крупнейшим нетто-экспортером всех текстильных изделий за исключением изготовленных из шелка (Davis, 1979). В начале XIX столетия английские товары «наводнили» рынки Америки, Африки и Азии, а также Европы (из числа остававшихся открытыми). Только в середине века некоторые европейские производители смогли составить конкуренцию англичанам на этих рынках (Jenkins and Ponting, 1982, pp. 146–148).

Великобритания отнюдь не всегда господствовала в производстве и торговле текстильными изделиями. Еще в 1780 гг., когда она уже была крупным нетто-экспортером изделий из шерсти, Англия вывозила относительно небольшие объемы хлопчатобумажной, льняной и шелковой продукции. В начале XVIII в. под давлением производителей изделий из шерсти и шелка английский парламент запретил импорт индийских хлопчатобумажных изделий. Одновременно, для того чтобы защитить шотландских и ирландских производителей, были повышены импортные таможенные пошлины на немецкую льняную одежду. По мнению П. О'Брайена и его коллег, эти и другие «прагматичные» меры привели к «созданию благоприятной законодательной структуры, способствовавшей долгосрочному развитию производства хлопчатобумажных тканей» (O'Brien et al., 1991, p. 418).

В начале XVIII в. многочисленные текстильные предприятия были разбросаны в сельских районах Европы (Clarkson, 2003; Jenkins, 2003; Solar, 2003; van der Wee, 2003). Большая часть их выпуска была предназначена для местных покупателей. Но продукция некоторых районов, в которых проживало относительно большое количество прядильщиков и ткачей, поставлялась на более удаленные рынки, как в городские центры потребления (Лондон, Париж или Амстердам), так и на колониальные рынки в Новом Свете.

Традиционными центрами товарного текстильного производства в Европе были Северная и Центральная Италия, регион с центрами в Генте и Кортрейке в Южных Нидерландах (современная территория Бельгии), а также Лилль и Амьен во Франции. Важными производителями шерстяных тканей были некоторые части Южной Англии. Но к XVIII в. эти области столкнулись с конкуренцией со стороны производителей из расположенных по соседству Лидса и Брэдфорда (Англия), а также из Монпелье

(Франция), Хемница и Ахена (Германия) и Вербье (Южные Нидерланды). Наиболее динамичными областями, специализировавшимися на выпуске льняных изделий, были районы вокруг Белфаста в Ирландии, Данди в Шотландии, Ландесхута в Германии (современная территория Польши) и Тратенау в Австрии (современная территория Чехии).

В XVIII в. хлопчатобумажное производство занимало относительно незначительное место в отрасли. В Англии к 1770 г. на его долю приходилось менее 6% добавленной в текстильном производстве стоимости (Crafts, 1985a, p. 22). Выпускалось незначительное количество чисто хлопковых тканей, но большую часть выпуска составляла бумазея — смесовая ткань из хлопка и льна. Центрами европейского бумазейного производства был район Манчестера в Англии, некоторые пограничные районы на востоке Франции, а также на юге Германии и на севере Швейцарии. Наиболее динамичным сектором хлопчатобумажной промышленности была набивка, очень часто имитировавшая индийские ситцы. Набивные производства были крупными предприятиями, требовавшими мобилизации значительных по объему капитала и труда (Chassagne, 2003).

Интересно, что в Англии технологический прорыв в сфере механизации текстильного производства произошел в хлопчатобумажной промышленности — в секторе, который не мог воспользоваться местными поставками сырья. В то же время, как замечают Бродберри и Гупта, заработная плата английских рабочих была в 5–6 раз выше, чем в Индии, которая в начале Нового времени была крупнейшим производителем и экспортером хлопчатобумажных изделий (Broadberry and Gupta, 2008). Британским производителям удалось занять место Индии на мировых рынках никак не благодаря использованию принятых в этой стране трудоемких методов производства. Следовательно, мы можем рассматривать такие канонические изобретения в сфере текстильного производства, как прядильная машина «дженни» и кольцопрядильная машина (1760 гг.), мюль-машина (конец 1770 гг.) и механический ткацкий станок (начало 1780 гг.) как ответ английских производителей на специфический внешний ценовой фактор. Р. Аллен показывает, что в условиях сложившихся в Англии цен на факторы производства прядильная машина «дженни» приносила высокие прибыли,

в то время как использовать ее во Франции или Индии было невыгодно (Allen, 2007). Существовавшая в Англии патентная система, предлагавшая защиту прав изобретателей промышленного оборудования, способствовала реализации потенциала импорта и замещению реэкспорта индийских хлопчатобумажных тканей, пользовавшихся успехом на внутреннем и зарубежных рынках (Sullivan, 1989; Broadberry and Gupta, 2008).

К 1830 г. на долю хлопчатобумажных тканей приходилась почти половина объема всего текстильного производства в Англии. Одновременно возрастала доля данного сектора текстильной промышленности и в других европейских странах. Быстрому устойчивому росту хлопчатобумажной промышленности способствовало несколько факторов. Наиболее очевидным из них является упоминавшаяся выше механизация процессов прядения и ткачества. Вероятно, не менее важным фактором была эластичность поставок хлопка. Изобретение в 1793 г. хлопкового волокноотделителя открыло возможность культивирования на всем юге США коротковолокнистого хлопка. Доступность земли вблизи границы США и рабского труда, необходимого для выращивания хлопка, привели к огромному увеличению объема поставок сырца в Англию в первой половине XIX в., сопровождавшемуся снижением реальных цен на это сырье. К тому же цены на хлопок падали относительно цен на лен, в то время как темпы механизации производства льняных тканей были существенно меньшими, чем в хлопчатобумажной промышленности. В результате хлопчатобумажные ткани вытесняли льняные. Наконец, хлопчатобумажные ткани были весьма привлекательными для потребителей (меньший вес, легкость в уходе за одеждой). И хлопчатобумажные ткани были яркими, поскольку хорошо поддавались окраске и набивке.

Изобретения, которые делались в отрасли, далеко не всегда носили универсальный характер. Первоначально, большая часть из них могла применяться только в отношении хлопка, нередко в отношении особых его сортов. Если хлопчатобумажная промышленность быстро перешла на новые технологии прядения в 1770–1780 гг., то производство шерстяных и грубых льняных тканей — лишь после 1790 г., камвольных тканей — после 1800 г., а тонких льняных тканей — лишь в конце 1820 гг. Механический ткацкий станок, изобретенный в 1780 гг., начал широко применяться в хлопчатобумажном производстве толь-

ко после 1810 г., в производстве грубых льняных и камвольных тканей — после 1820 г., шерстяных тканей — после 1840 г., тонких льняных и шелковых тканей — после 1850 г. Некоторые тонкие хлопчатобумажные ткани ткались вручную вплоть до наступления 1850 гг. Длительные «провоочки» с механизацией были вызваны различиями в эластичности использовавшихся в производстве прядильных волокон. В тех случаях, когда волокна легко рвались, прядение и ткачество требовали слишком много ручного труда. Поэтому широкому внедрению средств механизации должен был предшествовать поиск новых, более лучших методов подготовки промежуточных продуктов и более плавного хода ткацких станков.

Не менее значительные разрывы в переходе на новые технологии прядения и ткачества имели место между Великобританией и другими странами. Если в 1800 г. в Англии для переработки хлопка использовались 3,4 млн механических веретен, то в остальном мире их количество не превышало 100 тыс. единиц (Farnie, 2003, p. 724). Причем дело было отнюдь не в нежелании следовать примеру англичан. И королевское, и республиканское правительства Франции в 1780–1790 гг. предлагали значительные субсидии всем, кто готов был заняться хлопкопрядением (Chassagne, 1991, ch. 3). Рассмотрим еще один пример. В Англии и Ирландии в конце 1820 гг. быстро распространилась новая технология мокрого прядения льна, открывшая возможность производства тонкой льняной пряжи. Однако во Франции, Бельгии и Германии она получила распространение только в конце 1830 — начале 1840 гг. (Solar, 2003). Для того чтобы найти объяснение трудностям, которые пришлось преодолевать континентальным странам на пути внедрения новых британских технологий текстильного производства, достаточно вспомнить о различии в уровнях заработной платы. На континенте она была ниже, чем в Англии. Тем самым первоначально предлагавшееся новыми технологиями сбережение труда не оправдывало более высокие расходы на приобретение оборудования (Allen, 2001, 2006).

В самой Великобритании в начале XIX в. происходило постепенное повышение степени локализации различных текстильных производств. Предприятия по выпуску хлопчатобумажных тканей начали концентрироваться в Южном Ланкашире и прилегающих к нему частях графств Йоркшир, Дербишир и Чешир. На западе Йорк-

шира, вокруг Лидса и Брэдфорда, появлялось все больше производств по выпуску шерстяных и камвольных тканей, что способствовало более быстрому развитию этих регионов, по сравнению с другими производственными областями Англии. Вокруг Данди сформировался кластер производств, специализировавшихся на выпуске грубого льняного полотна, а вокруг Белфаста — тонких льняных тканей.

Локализация предприятия английской текстильной промышленности позволяет предположить, что местонахождение вблизи отраслевых центров позволяло фирмам извлекать определенные преимущества. Установить достоверные количественные значения стоимости различных видов этой «внешней экономии», как ее называл А. Маршалл, довольно трудно. В то же время мы можем назвать несколько ее источников. Один из них — технологический. В технических руководствах едва ли содержались описания инкрементальных технических изменений, «заставлявших» работать машину быстрее и более эффективно. Этими знаниями обладали квалифицированные рабочие, обслуживавшие и ремонтировавшие доверенное им оборудование. Во многих случаях эти рабочие становились «средством» распространения новых изобретений в других странах. Кто-то из них хотел попытаться найти применение своим рукам где-то еще, как Сэмюэль Слейтер, пионер хлопчатобумажной промышленности США, кто-то принимал приглашения зарубежных предпринимателей или правительств (Jeremy, 1981; Chassagne, 1991). Но покинув Англию, эти специалисты теряли доступ к новым техническим знаниям.

Еще одним потенциальным источником внешней экономии была концентрация торговой деятельности. Для отрасли, основной причиной банкротства в которой были нераспроданные остатки готовой продукции, решающее значение имела достоверная и своевременная информация о состоянии спроса, а также о наиболее востребованных сортах тканей. Заслуживает внимания и то обстоятельство, что в начале XIX в. сосредоточением купеческой активности стал не Лондон, а региональные центры производства (Edwards, 1967, p. 180; Solar, 1990). В рассматриваемый период ценность специальных знаний английских купцов и их связей с промышленниками и коллегами, вероятно, возросла вследствие относительной изоляции континентальных торговцев от не-европейских рынков в период войн 1792–1815 гг. Начиная с 1820 гг. иностран-

ные торговцы хлопком, которые вели дела с расположенными в Манчестере и окрестностях текстильными предприятиями, способствовали повышению коммерческого статуса города (Farnie, 2004, p. 33).

ПРОДОВОЛЬСТВИЕ, НАПИТКИ И ТАБАЧНЫЕ ИЗДЕЛИЯ

XVIII–XIX вв. были временем активного роста производства продовольствия, напитков и табачных изделий. Одной из его движущих сил стало начавшееся в середине XVIII столетия увеличение численности населения. Аналогичное воздействие оказала и урбанизация. Рост населения небольших и крупных городов означал, что все меньше людей сохраняли возможность обеспечивать себя собственноручно испеченным хлебом или пивом собственной варки. Постепенно расширялось потребление экзотических продуктов, таких как сахар, чай, кофе и табак. Они неуклонно спускались по «социальной лестнице» и превращались в товары массового потребления.

Рост рассматриваемых нами отраслевых секторов происходил на основе использования традиционных технических приемов. Количество технологических прорывов было не слишком велико. Одним из наиболее примечательных достижений стал метод непрерывной дистилляции, запатентованный в 1830 г. Аэнасом Коффи (Weir, 1977). Большинство изменений носили нарастающий характер и были обусловлены достижениями в других секторах. Улучшение качества металлов и новые технические приемы их обработки способствовали повышению надежности механизмов и машин, а также увеличению размеров оборудования. В некоторых отраслях (в частности в мукомольной и пивоваренной) начала применяться энергия пара, хотя ветер, вода и тягловые животные сохраняли свое «энергетическое значение» вплоть до 1870 г. Одновременно происходило укрупнение традиционно использовавшихся машин и оборудования. Например, увеличились размеры водяных мельниц, а их оборудование стало более сложным, что обусловило изменения в способах применения водных ресурсов и в организации производства. С точки зрения промышленных структур, трех- и четырехэтажные мельницы, строившиеся начиная с середины XVIII в., были предшественницами первых хлопкопрядильных фабрик.

Возможно, наиболее важным фактором изменений в рассматриваемом нами секторе стало повышение скорости и надежности транспортных систем, выразившееся, в частности, в появлении пароходов (1820-е гг.) и развитии железных дорог (1830-е гг.). Это способствовало не только улучшению распределения дорогих, небольших по объему экзотических продуктов, но и значительному расширению рынков скоропортящихся дешевых объемных продовольственных товаров, таких как мука и пиво. Например, первоначально семейная пивоварня Гиннесов обслуживала исключительно рынок Дублина. Однако уже в 1860-е гг. ее знаменитый портер развозился не только по всей Ирландии, но и доставлялся во многие английские города. Дублинская пивоварня Гиннесов стала одной из крупнейших в мире (Bielenberg, 1998).

Положительное воздействие изменений в сфере транспорта отчетливо проявилось уже к 1870 г. Однако ими еще необходимо было суметь воспользоваться (в частности отраслям, в которых производились скоропортящиеся товары) (Mingay, 1989). Большая часть муки, потреблявшейся в деревнях и небольших городках, по-прежнему производилась на водяных или ветряных мельницах, располагавшихся в сельских районах. Основной объем пива варился в домохозяйствах, в пабах или мелких пивоварнях. Небольшие предприятия других отраслей, производившие скоропортящиеся товары, были равномерно «разбросаны» по всей стране. Даже в городах преобладали мелкие пекарни, сыроварни и мясные лавки (с небольшим количеством рабочих). Наиболее крупные предприятия сектора работали на армию или других крупных институциональных потребителей.

В отраслях, в которых выпускались нескоропортящиеся товары, имел место более высокий уровень концентрации производства, хотя и здесь его организация во многом зависела от государственной политики. Поскольку табак, сахар, чай, кофе, какао и шоколад относились к числу импортных сырьевых товаров, необходимая их переработка очень часто осуществлялась в крупных портовых городах. Сахаро-рафинадные заводы, отличавшиеся высокой капиталоемкостью и потреблявшие большие объемы топлива, были одной из самых заметных составляющих городских ландшафтов Амстердама, Лондона и других городов, не только в силу размеров, но и благодаря запахам и дыму (de Vries and van de Woude, 1997, pp. 326–329). Поскольку некоторые из этих экзотических товаров облагались высокими импортными пошлинами, государство стремилось воспрепятствовать

контрабанде и уклонению от уплаты налогов, ограничивая количество производителей. В крайних случаях некоторые страны, включая Францию, Австрию и Испанию, учреждали государственные монополии на производство табачных изделий, которые в XVIII — начале XIX вв. входили в число крупнейших промышленных предприятий (при этом производственный процесс отличался высокой трудоемкостью) (Goodman, 1993, ch. 9). Еще одним важным источником налоговых поступлений было производство алкогольной продукции. Эта отрасль также была объектом жесткого государственного регулирования. Введение патентной системы обусловило высокую концентрацию производства в отрасли. В 1860 г. весь английский алкоголь производился всего на 8 заводах (Weir, 1977, p. 138).

ЧЕРНАЯ МЕТАЛЛУРГИЯ

Железорудные месторождения встречаются в самых разных частях Европы, что обеспечивало простой доступ к ним как с точки зрения местоположения, так и с точки зрения объема поставок. Проблема была в том, что плотно населенные процветающие регионы испытывали недостаток леса. В долгосрочном периоде необходимость избавления от *Holzbremse* («деревянных тормозов»), препятствовавших развитию черной металлургии в XVII–XVIII столетиях обусловило поиски новой, независимой от доступа к древесине, технологии выплавки металлов (Sombart, 1928, p. 137). Одновременно использовались переходные стратегии, предусматривавшие либо экономное потребление древесины, либо организацию ее поставок из отдаленных регионов, имевших значительные запасы леса. В XVIII в. такой стратегии следовала, в частности, Англия, когда растущий спрос на черные металлы удовлетворялся благодаря поставкам сначала из Швеции, а затем из России, производивших чугун по технологии, предусматривавшей применение древесного угля. В табл. 7.6 приводятся приблизительные оценки путешественниками-современниками годового объема производства ковального железа в основных европейских странах-производителях в 1725–1750 гг.

На рис. 7.1 представлен краткий обзор стадий и производственных процессов в черной металлургии, а основной акцент сделан на различиях между традиционными методами и разработанными в Новое время. На первой

ТАБЛИЦА 7.6.
Доли различных государств в общем объеме
производства черных металлов в Европе
в 1725–1750 гг. и в 1860–1861 гг. (в %)

	Ковкий чугун в 1725–1750 гг.	Передельный чугун в 1860–1861 гг.
Великобритания	8,1	59,5
Франция	27,0	13,7
Швеция	25,4	2,6
Германия	8,7	8,1
Испания	8,0	0,6
Австрия/Венгрия	8,7	4,8
Италия	2,5	0,4
Россия	6,2	4,9
Бельгия	?	4,9
Остальная Европа	5,3	0,5
Европа (тыс. тонн)	165–214	6539

Источники: 1725–1750 гг.: King, 2005, p. 23; Wertime, 1962, p. 101; Paulinyi, 2005, p. 97; Hildebrand, 1992, p. 22; 1860–1861 гг.: Fremdling, 1986, pp. 260, 262, 285–286, 324–325, 385; Mitchell, 1988.

стадии железная руда загружалась в доменную печь, где и осуществлялась ее плавка. Традиционный метод предполагал использование древесного угля, в то время как современный — каменноугольного кокса. Получаемый в результате передельный чугун содержал в себе множество примесей, а также высокую долю углерода, что делало его хрупким и непригодным для придания желаемых форм. Для того чтобы получить из передельного чугуна те или иные конечные продукты, использовался метод литья. В остальных случаях необходимо было очистить чугун от содержащихся в нем примесей (в кузнечном горне, мартеновской печи или конвертере). В дальнейшем ковкий чугун обрабатывался в кузнице или поступал на прокатный стан. Процесс предполагал уменьшение содержания углерода в чугуне, что требовало повторного его нагревания. И вновь в традиционной технологии для этого применялся древесный уголь, а в Новое время, в процессе пудлингования — кокс, сделанный из угля. Проведение различия между этими двумя стадиями производства является существенно важным, так как выплавка чугуна

Стадия производства	Процесс		Продукт
	традиционный	Нового времени	
Первая стадия	Выплавка металла в доменной печи		Передельный чугун
	с помощью древесного угля	с помощью каменноугольного кокса	
Вторая стадия	Очистка		Ковкий чугун (сталь)
	в горне с помощью древесного угля	в пудлинговой печи с помощью угля	
	Придание формы		Брусковое железо, сортовой прокат (рельсы)
	с помощью молота	на прокатном стане	

РИС. 7.1.
Производство чугуна и его использование

с одной стороны и его очистка/придание формы с другой стороны отнюдь не обязательно осуществлялись на одном предприятии или в одном и том же месте.

Швеция и Россия: производство железа с использованием древесного угля

На протяжении XVII–XVIII вв. производство черных металлов в Швеции было тесно связано с традиционным сельским хозяйством (Hildebrand, 1992). Для углежжения, добычи железной руды и производства чугуна в доменных печах использовался дешевый крестьянский труд. Механическую энергию, необходимую для подачи воздуха в доменную печь и для функционирования кузнечных мастерских, обеспечивали водяные колеса. Важнейшим продуктом отрасли было прутковое железо, изготавливавшееся специалистами-кузнецами. Значительная его доля поступала на экспорт. Производство черных металлов жестко регулировалось государством. Начиная с середины XVIII столетия на производство железа, а значит и на его экспорт, были наложены значительные ограничения, направленные на предотвращение чрезмерной вырубki лесов. Сложившиеся на международном рынке высокие цены, вызванные растущим спросом со стороны Англии, а так-

же введенными Швецией ограничениями поставок, означали возникновение благоприятной для новых конкурентов внешней среды. Имеются в виду поставки пруткового железа из России (Agren, 1998, p. 6). Российское производство черных металлов также зависело от применения древесного угля и интенсивного использования крестьянского труда.

Британия: каменноугольная черная металлургия

В начале XVIII в. английская черная металлургия была невелика по размерам и не имела возможности удовлетворить внутренний спрос. Импорт черных металлов превосходил по объему внутреннее производство (Hyde, 1977). Высокие издержки производства были обусловлены, в первую очередь, значительными затратами на получение древесного угля. Переход от древесного угля к применению минерального топлива и замещения импорта носил длительный характер и продолжался на протяжении всего XVIII столетия (рис. 7.2). Еще в 1755 г. только 20% производившегося в Англии и Уэльсе передельного чугуна выплавлялось с использованием кокса, а к 1790 г. — менее 90%.

Принято считать, что заслуга первой успешной плавки чугуна (1709 г.), когда часть древесного угля была заменена каменноугольным коксом, принадлежит Абрахаму Дерби. Наиболее быстро новый метод распространялся в 1750–1760 гг., во многом благодаря расширению использования полученного с помощью кокса передельного чугуна в литейном производстве. Новые технологии литья позволяли, используя уголь, переплавлять первичный чугун в отражательных печах или в вагранках (Beck, 1897, pp. 380–385, 753–756).

В 1784 г. Генри Корт получил патент на изобретенный им знаменитый способ пудлингования и проката с помощью валков, очень быстро вытеснивший другие методы производства ковкого чугуна или пруткового железа (рис. 7.1). Значительное увеличение внутреннего производства означало, что Англия, носившая в XVIII столетии «титул» одного из основных импортеров черных металлов, в начале XIX в. превратилась в чистого экспортера этой продукции (Fremdling, 2004, pp. 151–152). Всего лишь одно столетие потребовалось для того, чтобы небольшая

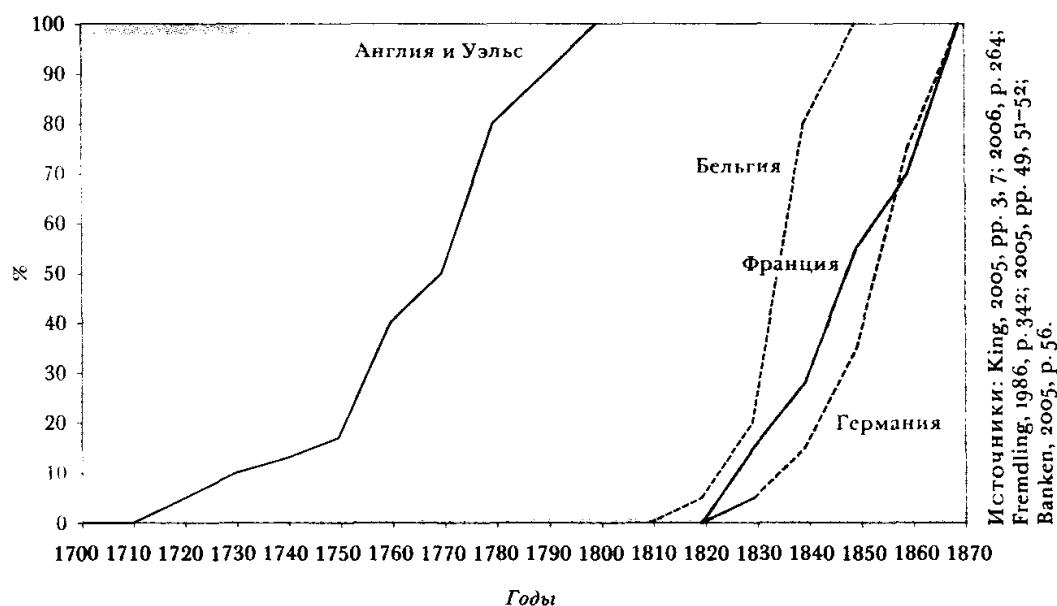

РИС. 7.2.

Доля передельного чугуна, производившегося с помощью кокса

отрасль с высокими издержками производства превратилась в ведущего поставщика металлоизделий на мировой рынок. Использование новых технологий позволило превратить присущий металлургии недостаток («деревянный тормоз») в конкурентное преимущество в результате длительного процесса внедрения, распространения и усовершенствований инноваций.

Континентальная Европа: частичное принятие новых технических приемов

Лэндис утверждает, что внедрявшиеся в металлургии инновации (использование кокса в доменных печах, пудлинговые печи, прокатные станы) значительно превосходили традиционные процедуры как в техническом, так и в экономическом аспектах (Landes, 1969, p. 126). Однако традиционное или частично модернизированное производство прекрасно выживало в местах своего зарождения и на своих традиционных рынках. Более того, распространение новых технических приемов в Европе отнюдь не означало реорганизацию производства в строгом соответствии с английской моделью. Скорее, имело место сосуществование технических приемов, адаптированных к местным условиям, и прежде всего, к иным ценам факторов производства (Fremdling, 2004; Broadberry, 1997).

Первым, и едва ли не единственным, континентальным европейским регионом, строго следовавшим английской модели, была Валлония (область на юге Бельгии). В середине 1820 гг. в областях добычи угля, располагавшихся вокруг Льежа и Шарлеруа, было построено большое количество работавших на коксе доменных и пудлинговых печей, а также прокатных станков (Reusset al., 1960). В Бельгии, как и в Англии, месторождения угля и железной руды были расположены по соседству. Транспортные издержки и умеренные защитные меры «заслоняли» валлонские производства от воздействий английских конкурентов. В то же время в основу амбициозной государственной программы индустриального развития региона была положена английская модель (Fremdling and Gales, 1994). В благоприятных экономических условиях (близость потребителей и относительно высокие издержки в традиционной отрасли) «трансплантированная» из Англии технология могла процветать. Если к 1840 гг. и в Германии, и во Франции доминировал «старомодный» способ выплавки чугуна на основе использования древесного угля, то в Валлонии за ним сохранялись лишь нишевые рынки (рис. 7.2).

Импорт Францией черных металлов из Англии показывал, что и в этой стране существовал спрос на сталь, выплавлявшуюся с использованием угля. Начиная с 1822 г. и в дальнейшем, благодаря таможенной политике государства, французским производителям были гарантированы высокий уровень цен и перспективно крупные прибыли, что не способствовало организации производства по английскому образцу. Крупные предприятия, созданные в угольных округах долины Луары и Центрального массива, добились экономического успеха лишь в 1830 гг. Во многом это было связано с высокими затратами на транспортировку железной руды в места производства и конечной продукции в центры потребления, где она должна была конкурировать с черными металлами, произведенными по традиционным или частично модернизированным технологиям. Традиционное производство черных металлов, основывавшееся на технологии, предусматривавшей использование древесного угля, сохраняло жизнеспособность в течение длительного времени (Vial, 1967). Пока развитие железных дорог не привело к возникновению новой ситуации, по аналогичному сценарию развивалась и немецкая металлургия (Fremdling, 1986, pp. 117–175; Banken, 2005).

Континентальная Европа: приспособление в традиционном секторе

Некоторым немецким и французским регионам в течение длившегося несколько десятилетий переходного периода удавалось конкурировать с английской металлургией. В 1820–1855 гг. в Зигерланде (Северный Рейн — Вестфалия), Вюртемберге и Швеции существенно увеличилась совокупная факторная производительность на предприятиях, использовавших технологию производства чугуна и стали на основе использования древесного угля, что стало результатом значительной экономии, достигнутой в его применении (Fremdling, 1986, pp. 155–160). Более того, отдельные элементы новой угольной технологии были интегрированы в традиционное «железное» производство. Например, вместо небольших печей для очистки чугуна могли строиться новые пудлинговые печи, в то время как остальная технология оставалась неизменной. Поскольку в пудлинговых печах использовался уголь, более широкое их использование позволяло смягчать последствия повышения цен на древесный уголь. Эта частичная модернизация была осуществлена в большинстве важнейших регионов с традиционной черной металлургией в Германии и во Франции (в Зигерланде и Шампани соответственно). Тем не менее в течение 1860-х гг. немецкие и французские металлургические заводы, на которых применялась древесноугольная технология, вынуждены были отступить в рыночные ниши и потерять свое значение под натиском английских технологий крупномасштабного производства черных металлов (рис. 7.2).

И в Швеции условием сохранения жизнеспособности производства чугуна и стали на основе использования древесного угля было осуществление целого ряда технологических изменений (Rydén, 2005). Примерно в 1830-е гг. шведы познакомились с использовавшимся в Ланкашире способом очистки чугуна от примесей. Он был очень близок к пудлингованию, но основывался на использовании древесного угля. В 1840-е гг. эта высокопродуктивная английская древесноугольная технология заняла доминирующие позиции в шведской черной металлургии. Не желала отказываться от использования древесного угля и Австрия (Paulinyi, 2005). Переход европейской черной металлургии на единые технологии начался лишь в 1860-е гг. с внедрением в производство процессов Г. Бес-

семера и С. Томаса / П. Гилкриста (передел жидкого чугуна в литую сталь), а также мартеновского (Сименса–Мартена) способа.

В табл. 7.6 представлены данные о выпуске переделного чугуна и стали в основных странах — производителях черных металлов на рубеже 1860 г. Бесспорным европейским лидером была Великобритания (объем производства чугуна и стали во Франции, занимавшей второе место, составлял менее четверти английского выпуска). К числу других крупных производителей относились Бельгия и Германия (Западная Европа), а также Австро-Венгрия и Россия (Центральная и Восточная Европа).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В начале XVIII в. в европейской экономике доминировали сельское хозяйство и сфера услуг, а промышленность была лишь относительно небольшой ее частью. К 1870 г. на большей части Европы уже произошла промышленная революция. В результате внедрения новых технологий возросли темпы роста объемов промышленного производства и производительности, что сопровождалось резким сдвигом в хозяйственной деятельности в пользу промышленности. В отличие от более ранних, доиндустриальных случаев экономической экспансии, этот взрывной по своему характеру экономический рост не иссяк, но стал важнейшей «ступенькой» на пути к новой эре непрерывно повышающегося до сегодняшнего дня уровня жизни.

Рассматриваемый нами процесс начался в Англии, а затем распространился и на континентальную Европу. Если говорить о заимствовании английских технологий другими европейскими странами, то оно не имело ничего общего с рабским копированием. Скорее это был продолжительный «роман», составной частью которого было приспособление технологий к тем или иным местным условиям. В качестве иллюстраций мы рассмотрели примеры развития классических в период промышленной революции отраслей, включая черную металлургию и текстильную промышленность. Кроме того, мы уделили особое внимание использованию энергии пара как первой технологии общего назначения, сыгравшей важнейшую роль в обеспечении устойчивости процесса экономического роста.

ГЛАВА 8

Сфера услуг

РЕГИНА ГРАФЕ

ЛАРРИ НИЛ

РИЧАРД УНГЕР

СОДЕРЖАНИЕ

Финансы · 298

Перевозка грузов · 307

Распределение · 319

Заключение · 329

КОММЕРЧЕСКАЯ революция, возникшая из возможностей торговли на дальние расстояния, создававшейся в Европе в течение двух столетий до 1700 г., в течение следующих 170 лет изменила локальные рынки по всему европейскому континенту. В ходе этого процесса произошло изменение преобладающей формы занятости в сфере услуг. На начальном его этапе услуги предоставлялись на местном уровне и носили бытовой характер, а основными их получателями выступали самостоятельные домохозяйства и жители сел и деревень, занятые в сельском хозяйстве и ремесленном производстве. На заключительной стадии революции специфические коммерческие, финансовые и транспортные услуги предоставлялись в специализированных центрах производства и торговли. Углубление специализации обусловило непрерывное повышение производительности в сфере услуг, равно как и в сельском хозяйстве и промышленности. В рассматриваемый период сфера услуг была, вероятно, наиболее динамичным сектором европейской экономики. Во время происходившей в Великобритании промышленной революции экономики остальных европейских стран отнюдь не были охвачены индустриализацией (по крайней мере до наступления 1870-х гг.). И наоборот, остальные страны континента охотно перенимали английские инновации в финансах, перевозке грузов и оптовой торговле. Процесс распространения этих нововведений способствовал непрерывному динамичному росту сферы услуг в Европе.

Положение о важном значении роста производительности в сфере услуг с точки зрения экономики в целом не было настолько очевидным в XVIII в., как в наши дни. Лишь в последние десятилетия, после ошеломляющего «прыжка» в развитии информационных и коммуникаци-

онных технологий, экономисты постепенно осознают важнейшую роль новых разработок в финансовом секторе, как для экономического роста в целом, так и для непрерывной торговли товарами и услугами между различными регионами. Еще в XVIII в. многие экономисты рассматривали торговлю как двигатель экономики, но они, как правило, не принимали во внимание важность финансовых инноваций, направленных на обеспечение коммерческой деятельности. Уровень экономического благосостояния, измеряемый как удовлетворение, получаемое от текущего потребления каждым членом хозяйственной единицы (исходя из цен, которые он готов был заплатить), зависит от того, получит ли конечный потребитель «правильные» товары и услуги в «правильном» месте в «правильное» время. Обеспечение «правильности» и есть экономическая функция сферы услуг в целом. Поэтому каждая ее составляющая — от финансов до перевозки грузов и распространения на оптовом и розничном уровнях — играет полезную и взаимодополняющую роль. В конечном счете основные компоненты сферы услуг — финансы, транспорт, коммуникации и распространение — формируют наиболее крупную и непрерывно растущую часть внутреннего продукта, основных фондов и рабочей силы в экономике европейских государств Нового времени.

Увеличение доли сферы услуг в экономике государств Европы в 1700–1870 гг. оказалось в тени гораздо более резкого подъема промышленности и снижения доли сельскохозяйственного производства. В 1700 г. сфера услуг в присущей Новому времени форме существовала в основном в крупных европейских городах, которые как раз вступили в фазу роста (см. главу 10). К 1870 г. услуги превратились в ведущую сферу хозяйственной деятельности в первой европейской промышленной стране (Англия) и первой коммерческой стране континента (Нидерланды). В остальных странах Европы значение сферы услуг непрерывно возрастало по мере распространения коммерциализации и индустриализации. Условием последних двух было расширение железнодорожной сети.

В целом начиная с конца XVII в. и до 1870 г. и в Европе, и за ее пределами происходил быстрый, непрерывно ускорявшийся рост объема грузов, перевозившихся различными видами транспорта. По мере роста производства расширялся и объем уже предоставлявшихся услуг. Одновременно возникали новые виды услуг, необходи-

мые для приспособления к географическим изменениям и новым видам продукции. Новые товары находили свои собственные рынки, а снижающиеся затраты на перемещение продукции способствовали вовлечению в производство новых земель. Повышению эффективности перемещения товаров способствовали усовершенствования различных транспортных технологий, дополненные капитальными вложениями в создание и развитие инфраструктуры, а также преимуществами экономии от масштаба, которыми пользовались перевозчики грузов. Европейские государства поддерживали и субсидировали развитие транспортных систем, а также обеспечивали условия для развития торговли. Дальнейший рост торговли стимулировала усиливающаяся международная конкуренция (побочный продукт образования национальных государств). В то же время развитие оптовых распределительных сетей в Европе нельзя охарактеризовать ни как устойчивый, ни как единообразный процесс. В 1700–1870 гг. на континенте существовали и, вероятно, углублялись значительные межрегиональные различия.

В этой главе мы сначала рассматриваем развитие финансовых технологий, распространявшихся в меркантилистской Европе до начала XVIII в. и впоследствии. Начиная примерно с 1815 г. скорость и масштабы финансовых инноваций значительно увеличиваются. Затем мы перейдем к изучению развития транспорта. Технологические усовершенствования и улучшение организации в этой сфере обусловили устойчивый рост производительности еще до начала эпохального перехода (после 1815 г.) от парусников и тягловых животных к использованию паровых машин. И наконец, мы рассмотрим результирующее расширение коммерческих связей и выгодный для всех европейских потребителей рост распределительных сетей. Примечательно, что, несмотря на беспрецедентное повышение спроса на частный капитал, необходимый для расширения транспортных и распределительных услуг в Европе в 1700–1870 гг., стоимость капитала оставалась низкой. В отсутствие возможности прямых измерений продуктивности в сфере услуг в целом отмеченное выше обстоятельство само по себе свидетельствует о значительном росте в ней производительности капитала и труда.

В этой главе мы сосредоточим внимание на изучении важнейших частных услуг в сфере финансов, перевозок грузов и распределения (государственные услуги рас-

сматривались в главе 3). В системе национальных счетов к сфере услуг относятся жилищное обслуживание (другими словами, просто арендная плата) и бытовое обслуживание, доля которого, как нам известно, в середине XIX в. в наиболее развитых европейских странах составляла около 15% объема выпуска сферы услуг (Deane and Cole, 1962; Hoffmann, 1965).

ФИНАНСЫ

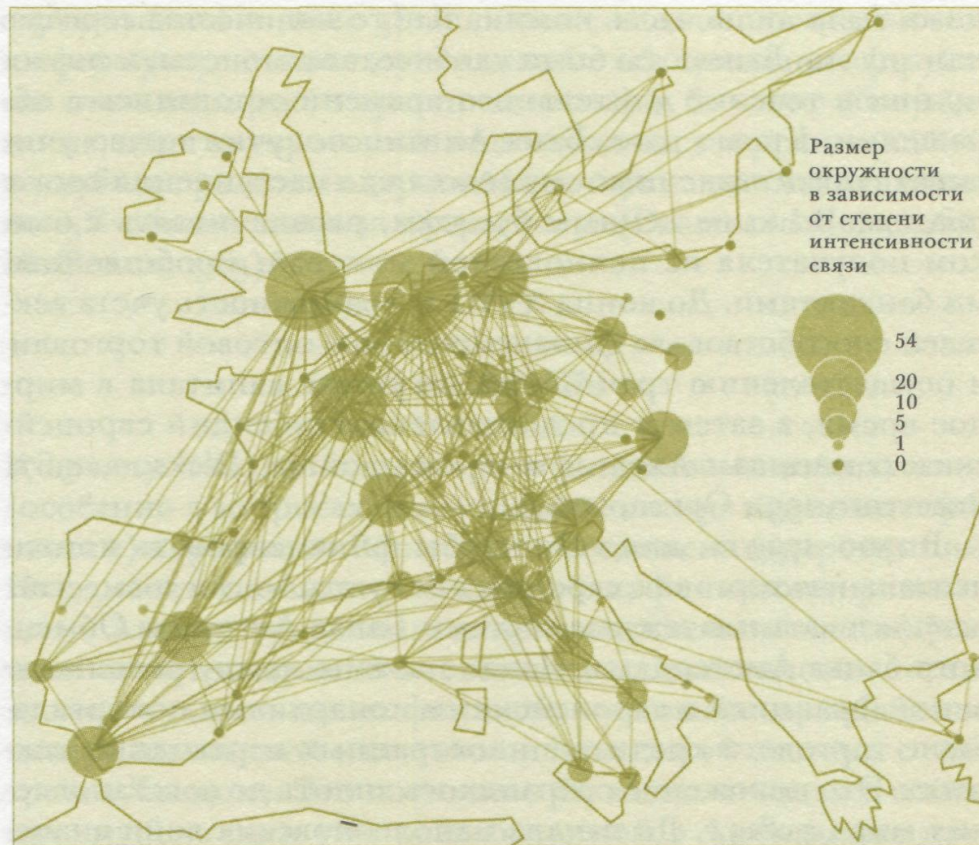
К началу XVIII в. лидерство в финансовых инновациях (особенно в вопросах, имевших отношение к военным финансам) перешло от Республики Соединенных провинций Нидерландов к Англии. В сущности, финансовая революция в Англии предполагала применение наиболее эффективных методов, использовавшихся в голландских торговых и государственных финансах в условиях гораздо более централизованной налоговой и платежной системы с центром в Лондоне. Это позволило бы воспользоваться всеми преимуществами уже разработанной в Амстердаме превосходной платежной системы. Необходимость такого переноса была вызвана потребностями в финансировании военных действий, начатых новым королем Англии Вильгельмом III (по происхождению голландцем) после захвата власти в 1688 г., когда он получил в свое распоряжение все доступные английской монархии ресурсы. С помощью многочисленных голландских советников, на которых он опирался как *Stadhouder* (статхаудер) Республики Соединенных провинций во время ее войны с Францией, Вильгельм предпринял целый ряд финансовых нововведений, переросших в «финансовую революцию» (Dickson, 1967).

Никто не ожидал, что основанный в 1694 г. Банк Англии окажется настолько важным и полезным (Clapham, 1994a). Если Обменный банк Амстердама предоставлял платежные услуги местным оптовым торговцам, обеспечивая коммерческие связи на большей части территории Западной Европы, от Средиземного до Балтийского морей (Gillard, 2004), то Банк Англии взял на себя исполнение ряда дополнительных функций. Помимо предоставления платежных услуг посредством переноса сальдо с одного счета на другой, он получил возможность расширять денежное предложение в королевстве, поскольку для покрытия выпускавшихся банкнот Банку Англии необхо-

дима была лишь часть номинального количества серебра или золота. Банкноты были удобнее, чем монеты, и поэтому они в течение длительного времени оставались в обращении. Кроме того, Банк Англии получил право учитывать представленные ему векселя до наступления срока платежа по этим ценным бумагам, расплачиваясь с банком получателя не полновесной монетой, а собственными банкнотами. До конца XVIII в. возможность учета векселей способствовала финансированию оптовой торговли и осуществлению трансакций на рынке капитала в мирное время, а затем и предоставлению субсидий европейским союзникам Англии во время войны (Dickson, 1967; Roseveare, 1991; Quinn, 2004).

В 1700–1793 гг. для того чтобы финансировать континентальную торговлю европейские купцы могли совместно использовать платежные системы Банка Англии и Обменного банка Амстердама. Начало войны между революционной Францией и европейскими монархиями подорвало базис торгового кредита в иностранных переводных векселях. Это положение сохранялось вплоть до восстановления мира в 1815 г. До начала наполеоновских войн значение все более частого использования этих векселей, выписывавшихся на Амстердам или Лондон, заключалось в том, что они позволяли перейти от двустороннего урегулирования торговых балансов к многостороннему. Тем самым открывалась возможность компенсации некоего устойчивого платежного дефицита, возникавшего у одной части Европы по отношению к другой (например, устойчивого дефицита Англии в торговле со странами, расположенными на побережье Балтийского моря) за счет излишка, полученного в другой части континента (например, в результате реэкспорта Англией в другие европейские страны сахара и табака, произведенных в американских колониях).

Довольно долго многостороннее урегулирование различий в торговых счетах признавалось наиболее эффективным способом организации платежных систем. В то же время в предшествовавшие столетия в Барселоне, Флоренции, Венеции, Генуе или Лионе доступ к жиросчетам имели только местные граждане и избранные зарубежные купцы. Стимулирование торговли через Антверпен, а затем и Амстердам расширило доступ к обменным банкам купцов, готовых внести на депозит серебро или золото в монетах или слитках. Более частое обращение к этим услугам купцов из любой части Европы означало увеличение

Источник: Flandreau et al., 2009.

РИС. 8.1.

Европейская сеть торговых обменов в XVIII в.
(в наставлениях для купцов описывались методы платежей между каждой парой отмеченных на карте городов)

торгового потенциала. В результате была создана основа для непрерывного повышения уровня развития европейского рынка для любых товаров, произведенных в самых разных странах мира. К 1720 г. в специальных наставлениях, выпускавшихся для европейских купцов, описывались принятые в разных странах континента методы выписки и оплаты переводных векселей (Justice, 1707; см. рис. 8.1).

В дополнение к уже относительно высокому европейскому спросу на перец и другие пряности, а также всегда высокому спросу на соль все более увеличивался спрос на такие массовые товары, как сахар и табак. На протяжении всего XVIII столетия продолжали расширяться (с вынужденными перерывами на время ведения войн) европейские каналы распространения этих товаров, созданные конкурировавшими голландской, английской, французской датской и австрийской Ост-Индскими компаниями.

Несмотря на повышавшийся спрос на финансовые ресурсы, необходимые для ведения войн, процентные ставки, назначавшиеся за предоставление коммерческого кредита, сохранялись на низком уровне. Саморегулирующиеся выгоды сформировавшейся системы международных платежей с использованием переводных векселей, как на самом континенте, так и между Европой и различными торговыми форпостами, созданными европейцами в различных частях мира, были описаны и превознесены Иссаком Жервезом (1720 г.), а также развиты и уточнены аббатом де Кондильяком (1776 г.) и Адамом Смитом (1776 г.).

В работе М. Фландрю и др. демонстрируется, что, несмотря на растущую роль государственных финансов, в 1688–1789 гг. европейские купцы, имевшие контакты с Амстердамом, могли рассчитывать на получение коммерческого кредита под 3–4% годовых (Flandreau et al., 2008). Безусловно, время от времени ставки процента взлетали вверх. Как правило, это было вызвано неопределенностью, возникавшей во время войн, особенно в моменты, когда исход продолжительных военных действий оставался неясным. Но в силу того, что увеличение государственного долга происходило за счет выпуска Англией (трехпроцентные консоли) и Голландией (облигации на предъявителя) торгуемых ценных бумаг, которые могли легко переходить из рук одного купца в руки другого, увеличение расходов на войну означало расширение возможностей для урегулирования торговых обязательств, независимо от «гражданства» представителей купечества. На протяжении всего XVIII столетия лондонские купцы получали кредиты под процент, лишь незначительно превышавший стоимость заимствований в Амстердаме. Несколько более высокими были ставки коммерческого кредита в Париже (тем не менее они оставались более низкими, чем в Италии и Испании).

Основное воздействие континентальных войн на финансовую систему Европы заключалось в том, что они оказали удивительно полезное влияние на рынок ценных бумаг, выпущенных для финансирования государственного долга Англии, как в мирное, так и в военное время. В период 1700–1815 гг. каждая война, в которой участвовала Англия, означала увеличение ее государственного долга. Исаак де Пинто приписывал успехи Великобритании важной роли амстердамских биржевых маклеров, обеспечивавших ликвидный рынок для каждой новой «воен-

ной» эмиссии английских государственных ценных бумаг (de Pinto, 1771). Однако нараставшие в ходе Войны за независимость США противоречия между голландцами и англичанами, кульминацией которых стала Четвертая англо-голландская война 1780–1784 гг., привели к разрушению этих симбиотических отношений. Впоследствии большинство финансовых инноваций было связано с «импортом» Англией финансовых талантов и капитала с континента. Развитию этого процесса в значительной степени способствовала Великая французская революция и ее распространение на остальную Европу после 1793 г.

Французские войска несли на своих штыках революционные идеалы свободы, равенства и братства. Однако в применении к завоеванным территориям они обобщались установлением более высоких налогов. Одновременно бывших привилегий и освобождений лишались не только религиозные организации и феодалы-землевладельцы, но и купцы, а также купеческие гильдии. В самой Франции постепенно накапливавшиеся проблемы государственных финансов, вызванные Войной за независимость США, обусловили последовавший после революции 1789 г. крах национальной денежной и финансовой структуры. В дальнейшем в 1789–1794 гг. произошли следующие события: (i) упразднение прежней системы привилегий и налоговых освобождений и разрешение на свободное осуществление банковской деятельности; (ii) установление контроля над ценами и введение ограничений на банковское обслуживание, так как революционное правительство стремилось легитимизировать пришедший на смену низвергнутой монархии новый режим правления; (iii) выпуск *assignats* (ассигнатов), обеспеченных стоимостью земель, принадлежавших в прошлом церкви и *émigré* (эмигрантам), или стоимостью запаса обрабатывавшейся в то время во Франции звонкой монеты, которую они призваны были заменить. Последовавшая вслед за этими шагами гиперинфляция вновь, как и рост цен во времена Джона Ло (1720 г.), привела к разрушению частной кредитной структуры Франции (Hoffman et al., 2000). Одновременно было подорвано доверие к государству. Отсутствие в то время законного правительства не позволило восстановить политическое доверие (как это удалось новому королю Франции Людовику XV в 1723 г.). Впоследствии Директория пыталась «привить» на французскую почву финансовые и денежные решения, успеш-

но прошедшие проверку на работоспособность в Англии и Нидерландах (Bordo and White, 1991; Hoffman et al, 2000; Sargent and Velde, 1995; White, 1995).

Во-первых, правительство Франции объявило об отказе от возвращения двух третей государственного долга, одновременно гарантировав выплату процентов по оставшейся одной трети. Затем была осуществлена важная денежная реформа, предусматривавшая замену дискредитированного *livre tournois* (турского ливра) новой расчетной денежной единицей — *franc germinal* (франк жерминаль), имевшему подобно голландскому гульдену и золотое, и серебряное содержание, зафиксированное казначейством. И наконец, в 1801 г. был учрежден государственный Банк Франции. Помимо того что ему вменялось в обязанность поддержание установленной стоимости франка жерминаля, банк обязан был оказывать правительству помощь в недопущении новых дефицитов посредством мер, направленных на повышение эффективности платежной системы. В дальнейшем французские государственные финансы демонстрировали надежность благодаря военным победам Бонапарта. Зависимые монархии, в которых французские революционеры устанавливали новый налоговый режим и требовали в оплату военных поставок приема франка жерминаля по твердой цене, образовали своего рода материальную базу продолжения военных завоеваний Франции, что возвращает нас к военным финансам времен Древнего Рима (Bordo and White, 1991). С финансовой точки зрения важнейшую роль в ряду королевств-сателлитов играла Голландия.

Для того чтобы избежать захвата резервов звонкой монеты Обменного банка Амстердама французскими оккупационными войсками, ко времени их вступления в город все золото и серебро было вывезено. Необходимость осуществления периодических платежей в пользу французской армии вынудило Батавскую республику, а затем и Королевство Голландия увеличить выпуск аннуитетов (рентных облигаций), эмитентом которых выступало государство. В 1816 г. Королевство Нидерланды, следуя успешному английскому опыту, консолидировало эти ценные бумаги в бессрочные аннуитеты со ставкой 2½%. С одной стороны, объем аннуитетов более чем в 4 раза превосходил национальный доход королевства. С другой стороны, правительство ежегодно реально выплачивало держателям этих ценных бумаг лишь небольшую долю их стои-

мости, активированную их часть (t'Hart, Jonker, and van Zanden, 1997).

Реорганизация военных финансов Англии происходила поэтапно по мере нарастания давления, оказывавшегося успехами французов на европейских полях сражений. Поскольку в конце 1796 г. в результате французской денежной реформы возможен был спекулятивный переток фондов во Францию, Банк Англии получил разрешение на временную приостановку обмена своих банкнот на золото и серебро. В результате «бумажный фунт» находился в обращении с февраля 1797 г. до мая 1821 г., когда золотой стандарт был официально восстановлен. Затем правительство Уильяма Питта объявило о приеме заявок от гарантийных синдикатов, желавших приобрести новые выпуски трехпроцентных консолей, процентные платежи по которым были гарантированы от возможных повышений подоходного налога. Подоходный налог позволял правительству «участвовать» в прибылях европейских купцов, которые теперь вели все свои дела из Лондона, а не делили их между Лондоном, Парижем, Амстердамом и Гамбургом. Существовавший в то время ликвидный рынок государственного долга позволил английскому правительству привлечь с рынков капитала огромные суммы денег (Neal, 1990, 1991).

После 1803 г. большая часть выделяемых на военные нужды денег использовалась непосредственно на выплату денежного содержания и поставки для английской армии (а не на субсидии континентальным союзникам или оплату услуг наемных войск из Германии), что привело к значительному росту внутренних расходов. В Англию стекались привлеченные «запахом» денег предприниматели со всех концов Европы. Кто-то из них ограничивался портфельными инвестициями; другие сосредоточились на использовании возможностей получения прибыли в текстильной промышленности, металлургии, кораблестроении, коммунальном (снабжение водой и газом) и сельском хозяйстве (Neal, 1990, 1991). Бежавший из оккупированной французами Европы, к тому же облагавшийся высокими налогами и лишенный привилегий капитал купеческих сословий находил себе новое пристанище, главным образом в Великобритании. В результате титул финансовой столицы Европы навсегда перешел от Амстердама к Лондону.

Значительные финансовые успехи Англии, достигнутые к окончанию наполеоновских войн, побудили другие европейские государства к воспроизведению, по мере воз-

возможностей и с учетом различий в политических структурах, ключевых, по мнению иностранных наблюдателей, элементов ее политики. Первыми ласточками стали государственные эмиссионные банки, создававшиеся по образцу Банка Англии или Банка Франции. Значительно больше времени потребовалось для того, чтобы перевести государственный долг в форму бессрочных аннуитетов, поскольку выплата процентов предполагает наличие постоянного источника налоговых поступлений, что, в свою очередь, требует наличия устойчивой законодательной власти, парламента. Со временем во Франции появляются *rentes*, доход по которым выплачивается из утвержденных парламентом налогов, в Королевстве Нидерланды — *renten*. Более того, безналичные бессрочные аннуитеты Неаполитанского королевства, торговались братьями Ротшильдами в Париже и Вене. Важнейшую роль в распространении базисных элементов английских финансов в Европе сыграл Дом Ротшильдов, уже в то время представлявший собой многонациональный инвестиционный банк (Ferguson, 1998).

Однако успехи Британской финансовой системы были не так очевидны в 1815 г. В 1816 г. подоходный налог был отменен, а еще через три года парламент потребовал от Банка Англии восстановления к 1821 г. обмена его банкнот на золото по предвоенному курсу. Ост-Индская компания вынуждена была смириться с утратой своей монополии на торговлю в Азиатско-Тихоокеанском регионе (1833 г.) в связи с обострением конкурентной борьбы и необходимостью возврата собственности, принадлежавшей одноименной голландской компании. Более того, был прекращен обмен ценных бумаг, эмитированных во время войны региональными банками (что способствовало инфляции) на банкноты Банка Англии. Эта мера была направлена на увеличение золотых резервов перед возобновлением обмена банкнот на золото. Поднявшаяся в 1825 г. паника быстро сошла на нет, но одновременно были внесены важные изменения в законодательство, послужившие основой развития британских финансов в будущем. Они включали в себя (i) начало деятельности акционерных коммерческих банков, (ii) создание отделений Банка Англии, (iii) замещение частных банков акционерными учетными домами, специализировавшимися на переучете внутренних векселей и (iv) наделение Банка Англии некоторыми функциями центрального банка. Сочетание этих четырех факторов открыло возможность для разви-

тия рынка внутренних векселей, что стало наиболее яркой чертой английской финансовой системы конца XIX в. (см. классическую работу Kingt, 1936).

Рост рынка внутренних векселей в Лондоне означал возможность модернизации основного в прошлом средства финансирования внешней торговли — четырехсторонних векселей. Теперь импортер уже не должен был приобретать за местную валюту иностранный вексель, с помощью которого он мог оплатить услуги зарубежного поставщика в иностранной валюте. Он получил возможность обратиться в свой банк, чтобы тот заключил соответствующее соглашение о финансировании с банком экспортера. Согласно принятой в XIX в. в акцептных домах практике, экспортер из Амстердама мог получить в своем банке причитающийся ему платеж немедленно после получения ордера от лондонского импортера. Вслед за этим амстердамский банк отдавал распоряжение учетному дому импортера в Лондоне о необходимости внесения суммы, которая была согласована с экспортером. Лондонский дом списывал со счета плательщика оговоренную сумму в английской валюте, а также причитающуюся ему плату за услуги (Charman, 1984).

И наконец, европейские правительства стремились к внедрению инноваций, соответствовавших установленной Англией генеральной линии. Континентальные страны предпринимали немалые усилия, направленные на создание стабильного рынка долгосрочного государственного долга по британскому образцу. Однако во многих случаях на их пути вставала политическая нестабильность — неоднократная смена политических режимов во Франции, распад Королевства Нидерландов и создание Бельгии (1830 г.), а также непрерывная экспансия Пруссии после революционных событий 1848 г. Только после всеобщего принятия европейскими последователями Англии золотого стандарта (после 1870 г.) страны континента получили основания для гордости (независимо от достижений в сельском хозяйстве или промышленности), ведь они полностью прошли указанный лидером путь (рис. 8.2). К 1870 г. инновации и повышение производительности в сфере услуг стран, расположенных на Северо-Западе Европы, обусловили значительные и растущие различия в уровнях среднедушевого дохода между ними и другими континентальными государствами. Одним из примеров этих различий является отрасль по перевозке грузов.

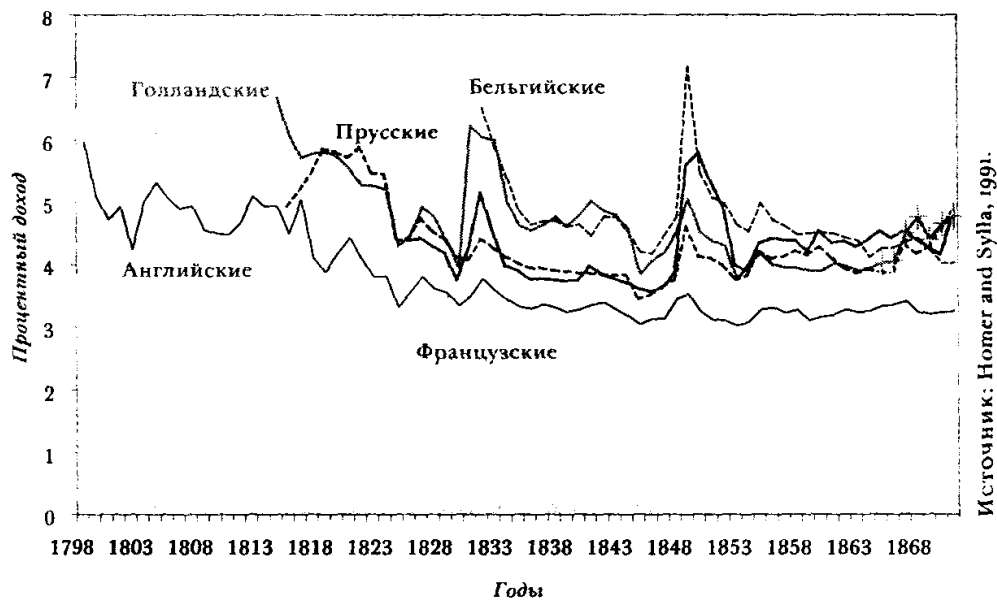

РИС. 8.2.
Процентные ставки по государственным облигациям
ряда европейских стран в 1789–1870 гг.

ПЕРЕВОЗКА ГРУЗОВ

Первые семьдесят лет XIX в. ознаменовались преобразованием всей сферы грузоперевозок, обусловленным постепенным переходом к использованию парового двигателя. Однако не следует забывать, что и в XVIII столетии произошло значительное повышение эффективности транспортировки людей и грузов на земле и на море. Перемещение грузов по земле всегда обходилось дороже, чем морские и речные перевозки, хотя бы в силу меньшего трения между водой (жидкостью) и транспортным средством (изготовленным из твердых материалов). В период до 1815 г. инвестиции в улучшение дорог не позволяли преодолеть эту физическую проблему, но способствовали повышению эффективности наземных перевозок и изменению направлений торговли. Расширение дорожной сети и улучшение дорог открыли возможность более надежных и скоростных перевозок людей и почты по регулярным маршрутам. В XVIII в. отправлявшиеся по расписанию пассажирские и почтовые экипажи стали одной из новых примет Западной Европы.

Более всего сопротивлялся изменениям транспорт, использовавшийся для перевозок на относительно ко-

роткие расстояния (например, от фермерских хозяйств до рынков). Продукция сельского хозяйства начинала свой путь к потребителю на животной (включая человека) тяге, а затем перегружалась в тачки или подводы. Некоторые продукты сельского хозяйства прибывали на рынки самостоятельно. Возможно, в XVIII в., по сравнению с предшествовавшим столетием, количество перегоняемого крупного рогатого скота из Дании в Нидерланды и из Венгрии в Западную Европу несколько уменьшилось, но растущие города требовали все более крупных его поставок. Обычно скотину перегоняли вдоль дорог, используя возможности подкормить ее на близлежащих пастбищах (Gijssbers, 1999, 485–499).

В первой половине XVIII в. европейские государства и частные инвесторы обратили внимание на дороги и мосты, долгое время пребывавшие в забвении. В 1716 г. в королевской Франции было учреждено управление гражданских инженерных работ, ответственное за строительство мостов и дорог. Для обучения корпуса инженеров, которые должны были позаботиться о повышении качества наземных перевозок, в 1747 г. в Париже была создана Национальная школа мостов и дорог. В Англии основные усовершенствования дорожной сети осуществлялись благодаря частным предпринимателям. Тресты, создававшиеся для строительства платных дорог, ожидали соответствующую отдачу на свои инвестиции. Плата за использование дорог и тротуаров отнюдь не была чем-то новым. Беспрецедентными стали масштабы дорожного строительства и его вклад в повышение общей транспортной эффективности. С точки зрения дальних коммерческих перевозок (на расстояния свыше 300 км) улучшенные дороги могли обеспечить по меньшей мере удвоение производительности наземного транспорта к 1760-м гг. и ее увеличение в три раза к 1830-м гг. Улучшение дорог в какой-то степени ускорило принесший огромные выгоды переход от использования для перевозок преимущественно вьючных животных к грузовым фургонам. Кроме того, для перевозки стали использоваться более крупные породистые животные. Одновременно, по мере роста размеров транспортных фирм, улучшалась организация перевозок (Gerhold, 1996, 494–511). Строились или улучшались мощные дороги, что позволило увеличить скорость передвижения, особенно в плохую погоду. В Австрийских Нидерландах, например, были построены новые мощен-

ные камнем или кирпичом дороги; во времена правления Габсбургов протяженность дорожной сети увеличилась с 200 км до примерно 2850 км в 1793 г. (Serruys, 2008).

Правительства европейских стран осуществляли инвестиции и в развитие внутреннего водного транспорта. В Республике Соединенных провинций Нидерландов в XVI–XVII вв. была создана система каналов, по которым осуществлялись регулярные грузовые и пассажирские перевозки. Кроме того, каналы позволяли контролировать уровень воды и не допускать наводнений (de Vries, 1981). Уже в XVII в., и уж тем более в XVIII столетии, другие европейские государства стремились воспроизвести голландскую модель, используя каналы для того, чтобы дополнить или заменить речные перевозки. Но люди продолжали использовать реки (хотя некоторые из них — в более умеренном режиме) для перевозки различных грузов вниз по течению или с помощью оснащенных парусами барж. Проблемы движения вверх по течению еще более усугубляются в наиболее узких местах рек. Использование жердей или весел означало необходимость увеличения экипажа, что подрывало преимущества перемещения товаров водным путем. Каналы решили эту проблему, поскольку появилась возможность использовать тягловый скот, передвигавшийся по бечевнику вдоль водного пути.

Обладавшие большей властью абсолютистские правительства использовали свою власть для устранения проблем с собственностью на земли, по которым прокладывались каналы. Во времена Людовика XIV во Франции началось осуществление амбициозной программы строительства каналов. Важнейшим достижением стало открытие в 1681 г. Южного (Лангедокского) канала, позволившего соединить Атлантическое и Средиземноморское побережья страны. Если во Франции инициаторы строительства каналов во многих случаях держали в уме, прежде всего, политические цели, что влекло за собой возникновение инженерных и финансовых проблем, то в Англии, во время начавшегося во второй половине XVIII столетия бума каналов удалось избежать многих из такого рода ловушек. В результате, как и несколько раньше в Австрийских Нидерландах, в стране была создана целая сеть взаимосвязанных водных путей. В Англии строительство финансировалось частными инвесторами, несмотря на то что, учитывая масштабы работ, от них требовалось внесение значительных денежных сумм (Deane and Cole, 1969,

237–238). Длина канала могла составлять лишь несколько километров, но сложный рельеф местности (крутые холмы, возвышенности) означал необходимость возведения большого количества шлюзов. Наиболее успешным было строительство относительно коротких каналов в равнинных районах, в то время как попытки добиться аналогичных результатов в процессе осуществления более амбициозных проектов во многих случаях терпели неудачу. Даже российскому императору Петру Великому, обладавшему поистине неограниченной властью и безграничной энергией, в начале XVIII в. не удалось осуществить проект строительства канала между Доном и Волгой. По мере увеличения протяженности каналов все более общий характер приобретало установление связей между различными системами водных путей. Поскольку эти связи носили преимущественно внутренний характер, они способствовали формированию и развитию внутренних рынков.

В XVIII в. европейские государства уделяли пристальное внимание расширению морских грузоперевозок. В большинстве из них поощрялось развитие океанского судоходства, так как правительства хорошо осознавали потенциальные его выгоды, связанные с торговлей самой по себе, доходами, которые приносил этот сектор, и возможными потоками денежных поступлений от установления низких налогов на коммерческую деятельность. Общая грузоподъемность европейского торгового флота быстро возрастала (табл. 8.1). В XVIII в. она увеличилась более чем в два раза. Наиболее впечатляющими темпами общий тоннаж торговых судов увеличивался на Северо-Западе Европы, но и остальные страны демонстрировали высокие темпы роста (Unger, 1992, 258–261; van Zanden, 2001, 81–82).

При этом объем предоставляемых услуг увеличивался еще более быстро, поскольку время, проводимое судами в море, непрерывно возрастало. Повышению эффективности использования грузовых кораблей и деятельности их экипажей способствовал целый ряд факторов. Не иссякал поток инвестиций в расширение портовых мощностей, включая строительство доков и подъемных устройств. Одновременно улучшалась организация труда в портах. Обычной практикой было создание в портах гильдий грузообработчиков, к услугам которых обращались в случаях необходимости ускорения погрузки или разгрузки кораблей. Повышалось и качество информационных потоков.

ТАБЛИЦА 8.1.
Тоннаж торгового флота ряда европейских государств в 1675–1870 гг. (в тоннах)

Год	Англия	Нидерланды	Германия	Франция	Испания и Португалия	Италия	Дания–Норвегия и Швеция	Норвегия	Всего (van Zanden)	Всего (Unger)	Всего во всем мире (Maddison)
1670									1050000	1050000	1050000
1676	500000	900000		100000							
1686	340000										
1700		500000									
1702	320000										
1750		500000									
1761	460000										
1775	700000										
1786	751626								3372000	3372000	4160000
1786*	881963	397709	155349	729340	224303	311964	555299				
1788	1055299										
1788	1200000										
1790	1290000										
1800	1856000										
1824		130792									5880000
1830	2202000							131445			
1850	3565000							303080			
1851			516410								
1860	4659000	479000						567431			
1865								747489			
1870											24900000

* По оценке Я. Лукассена и Р. Унгера (Lucassen and Unger, 2000, pp. 4–5).

Источники: Lucassen and Unger, 2000, pp. 4–5; Maddison, 2003b, p. 59; van Zanden, 2001, pp. 81–82; Unger, 1992, pp. 260–361; Brautaset and Grafe, 2004

Регулярный предсказуемый обмен определенными товарами с использованием одних и тех же портов, в которых происходила сортировка грузов, упрощал грузоперевозчикам задачу заполнения корабельных трюмов. Повышение степени надежности торговых сделок означало, что судовладельцы получили возможность и стимул для развития практики обратных грузоотправлений, что вело к увеличению выручки. Улучшение деятельности портов и информационных потоков вело к уменьшению времени на подготовку к обратным рейсам, что означало повышение интенсивности использования вложенного в корабли капитала.

Увеличению объема услуг по перевозке грузов способствовало и совершенствование самих судов. В XVIII столетии судостроители развивали и более эффективно использовали сделанные в прошлом прорывные разработки. «Рабочей лошадкой» международной и, прежде всего, межконтинентальной торговли, был парусный пакетбот грузоподъемностью около 500 тонн — трехмачтовое судно с квадратными парусами на фок- и грот-мачтах и косым парусом на кормовой или бизань-мачте. Использование различных специальных парусов, а также активное применение стакселей позволяло обходиться небольшим экипажем. Все более широкое применение находили двухмачтовые суда. Эти бриги, шнявы и другие подобные суда несли меньшее парусное вооружение и имели значительную грузоподъемность при небольшом по численности экипаже.

Успехи в борьбе с пиратством, а также необходимость защиты грузовых судов и организации вооруженных конвоев, вызванная многочисленными войнами XVIII в., обусловили изменение задач военно-морского флота, а также заставили судовладельцев критически оценить потребность в наличии артиллерийских орудий на своих судах и дополнительных членах команды. Правительства европейских стран стали гораздо более серьезно подходить к задаче обеспечения безопасности океанских грузоперевозок. Увеличилось количество военных кораблей, направлявшихся для защиты торговых судов в океанских и европейских водах (Unger, 2006b, 50–53; Glete, 1993). Европейские государства поощряли создание достоверных морских лоций, что способствовало расширению их доступности и повышению безопасности мореходства (Lang, 1968, 50–66). Создание секстана, а также составление подробных таблиц, публиковавшихся в навигаторских кни-

гах на разных языках, облегчили мореходам решение задачи по определению долготы. Окончательно эта проблема была решена после создания Джоном Харрисоном в 1750 гг. надежных хронометров, способных не сбиваться с ритма в море. Для большинства капитанов судов, осуществлявших перевозки на относительно короткие расстояния вблизи берегов, новые достижения в сфере навигации стали полезным дополнением к традиционным знаниям и практикам.

Во все времена далеко не все морские маршруты позволяли добиваться повышения эффективности. Неудивительно, что исследователи высказывают сомнения относительно выгод грузоперевозок (Menard, 1991). Тем не менее многие изменения в технологиях и организации вели к общему повышению производительности труда моряков. Выгоды, которые могли быть получены уже в XVI в., получили широкое распространение в XVIII столетии, по мере того как все больше европейских стран находили способы увеличения объема услуг по перевозке грузов более высокими темпами, чем увеличивалось количество людей, занятых их предоставлением.

Если в конце XVII в. образцовой практикой считалась обработка одним работником 10 тонн грузов, то в 1760-е гг. этот показатель увеличился. В 1780-е гг. он достиг значения 15 т/чел., а в конце столетия — 20 т/чел. (табл. 8.2). В тех регионах Европы, которым удалось в наибольшей степени использовать рост производительности, происходил рост морской торговли. В пользу этих областей изменялись маршруты торговли, в них быстро расширялись порты. Одновременно продолжалось смещение центров торговли (особенно межконтинентальной) из Средиземноморья и Южной Европы на Северо-Запад континента, и, прежде всего, в Англию. К 1780-м гг. английский морской торговый флот вышел на первое место в Европе по грузоподъемности.

Свирепствовавшие в Европе в 1793–1815 гг. войны вносили перерывы в перевозку грузов по земле, а также их транспортировку по рекам, каналам и морям. В то же время долгосрочные усовершенствования в сфере транспорта позволили как никогда прежде крупным армиям не только выходить на поля сражений и участвовать в длительных кампаниях, но и в некоторых случаях быстро перемещаться на расстояния в сотни километров. Улучшения в области логистики, позволившие Бонапарту едва ли

ТАБЛИЦА 8.2.

Показатели производительности в сфере морских перевозок
в ряде европейских стран в 1425–1860 гг. (в тоннах в расчете
на одного занятого)

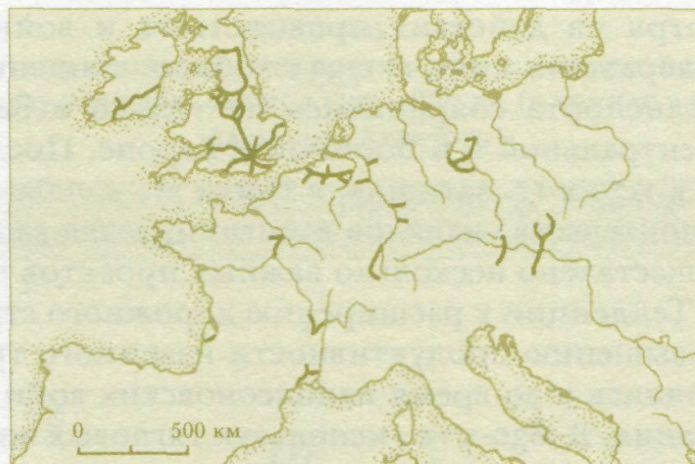
Год	Венеция	Франция	Англия	Герма- ния	Нидер- ланды	Дания– Норвегия	Норвегия
1425	3,22						
1450			4				
1525				10			
1550	2,9				7		
1582			4,53				
1585			4,96	11			
1605					7,27		
1635					8,7		
1670		2					
1676				10,4			
1678					18		
1686			7				
1725					10,1		
1755			7,14				
1773			11				
1775			10				
1780					8,82		
1786						14,7	
1790		13,3					
1800			17,67			20	
1825					5,5		
1830			16,48				13,57
1850			18,45	17,36			20,24
1860			27,15		34,37		23,98

Источники: Lucassen and Unger, 2000, pp. 129–130; Brautaset and Grafe, 2004.

не ежегодно ввязываться в имперские военные авантюры, основывались на создании и развитии широкой сети дорог и каналов. Способности Англии воспрепятствовать попыткам врага установить свое господство в Европе зависели от улучшений в морских грузоперевозках, обеспечивавших и перемещение войск, и поступление такого нужного потока налоговых доходов, необходимых для ведения сухопутных и морских военных кампаний.

Несмотря на действия правительств и войны, многие из набравших силу к 1793 г. общие тенденции развития транспорта сохранялись не только в Западной, но и в Центральной и в Восточной Европе. После наступившего в 1770-х гг. затишья, в 1790-х гг. началась новая волна строительства каналов в Англии, вслед за которой было осуществлено несколько важных проектов и на континенте. Тенденции к расширению дорожного строительства и повышению продуктивности наземного транспорта сохранялись и во время наполеоновских войн и после их окончания. В 1830-х гг., используя тягловых животных и энергию ветра, европейцы продемонстрировали способность добиться значительного повышения эффективности перевозок грузов и пассажиров. Одновременно началось развитие новых технологий, которые к 1870-м гг. до неузнаваемости трансформировали все сектора услуг по перевозке грузов.

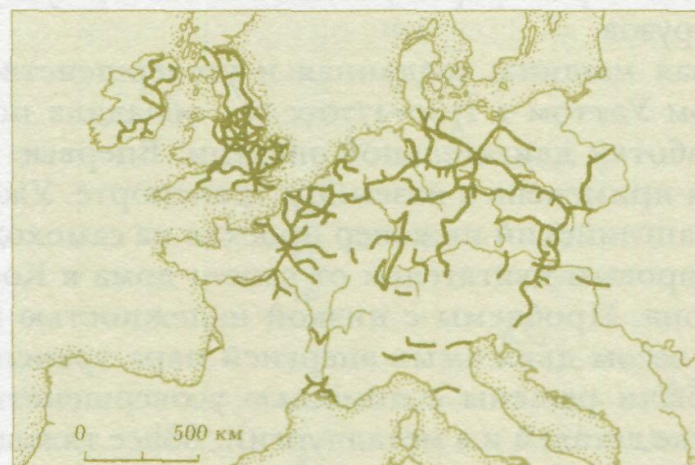
Паровая машина, созданная и усовершенствованная Джеймсом Уаттом в 1760–1770-х гг., обладала потенциалом выработки двигательной энергии. Впервые паровая тяга была применена в наземном транспорте. Уже в начале 1801 г. английский инженер проехал на самоходной машине с паровым двигателем от своего дома в Корнуолле до Лондона. Проблемы с низкой надежностью и значительным весом движимых энергией пара транспортных средств были решены с помощью усовершенствований в обработке деталей и в металлургии. Более тяжелые рельсы позволили использовать паровые машины для вывоза угля из шахт. Дальнейшие технические усовершенствования были направлены на увеличение энергии, передаваемой на ведущие колеса, что позволило транспортным средствам, оснащенным паровыми двигателями, перемещаться на значительные расстояния. В 1825 г. в Северной Англии начала действовать железная дорога протяженностью более 38 км. К 1829 г. были созданы паровые двигатели, которые будучи «поставлены на колеса», в дополнение к основному предназначению (перевозка угля), развивали скорость до 60 км/час и могли использоваться для перевозки пассажиров. В Англии в 1830 г. были открыты для движения около 100 км железнодорожных путей; уже к 1846 г. протяженность сети превысила 1500 км. В последующие годы строительство резко ускорилося и к 1860 г. общая протяженность английских железных дорог превысила 15 тыс. км.

Источник: Pounds, 1990, pp. 433–434.

РИС. 8.3А.

Европейские железные дороги в 1840 г.

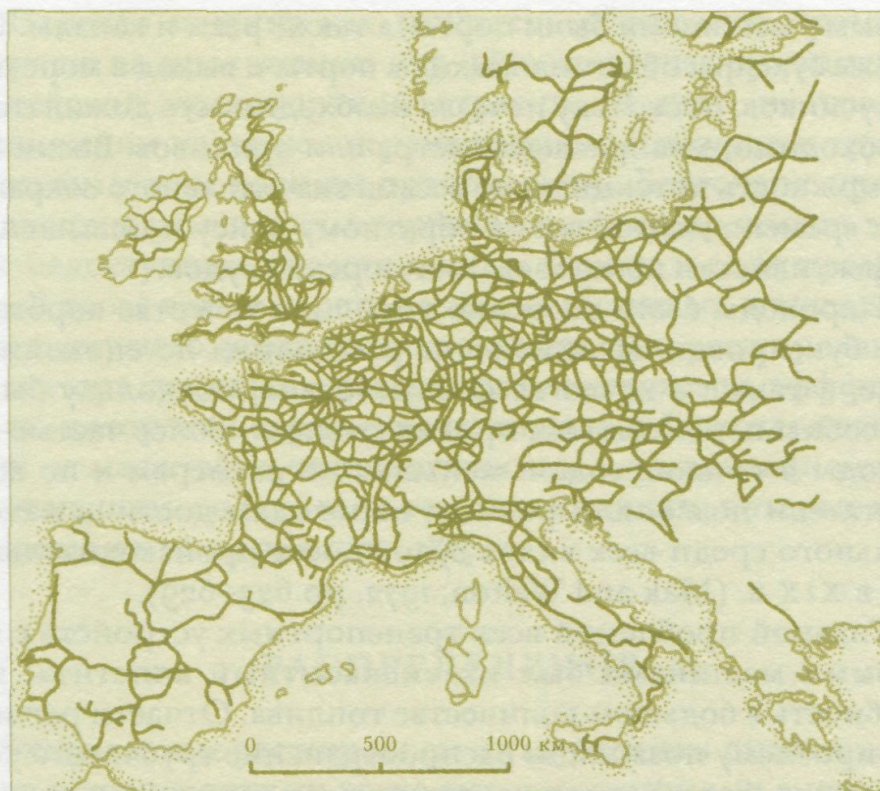

Источник: Pounds, 1990, pp. 433–434.

РИС. 8.3Б.

Европейские железные дороги в 1850 г.

Строительство линий между точками А и Б привело к зарождению железнодорожной сети. Получение прав на прокладку маршрутов, строительство рельсового пути и создание подвижного состава, включая локомотивы, требовало осуществления значительных капиталовложений. Английские строители железных дорог настаивали на минимальных уклонах, поскольку затраты на строительство были выше, чем на прокладку каналов, что выражалось, в частности, в гораздо более ощутимых безвозвратных издержках (Deane and Cole, 1969, pp. 230–233). Преимущества железнодорожного транспорта и необходимость значи-

Источник: Pounds, 1990, pp. 433–434.

РИС. 8.3В.
Европейские железные дороги в 1880 г.

тельных инвестиций в основной капитал заставили правительства европейских стран субсидировать строительство. В 1828 г. была открыта первая французская железнодорожная линия. Начиная с 1835 г. начались регулярные железнодорожные перевозки в Бельгии. Необходимо упомянуть и о железных дорогах в различных немецких государствах. В России первая общедоступная железная дорога была открыта в 1836 г. Соединение различных железнодорожных линий позволило создать железнодорожные сети со стандартной колеей и взаимозаменяемым подвижным составом сначала в Западной и Центральной Европе, а через некоторое время и на Востоке континента. По мере охвата железными дорогами различных частей Европы все больше самых разных товаров проникало на новые для себя рынки (рис. 8.3а, 8.3б и 8.3в).

Уже в 1790 г. изобретатели продемонстрировали возможность установки новой усовершенствованной паровой машины в качестве судового двигателя. Первыми областями коммерчески жизнеспособного использования судов с па-

ровыми машинами были порты, а также реки и каналы. Паровые буксиры облегчили заход в порты и выход в море для парусников, поскольку исчезла необходимость дожидаться необходимого направления ветра или приливов. Возникла возможность потенциально весьма значительного сокращения времени подготовки к обратному рейсу и повышения эффективности использования морских судов.

Пароходы были особенно хороши в качестве паромов, для буксировки на небольшие расстояния по спокойной воде, а также в качестве речных судов, поскольку были способны перемещаться против течения. Более частые переходы в течение года и меньшие по размерам и по весу двигатели позволили речным пароходам достичь максимального среди всех видов судов роста производительности в XIX в. (Mak and Walton, 1972, pp.623–629).

Главной проблемой всех транспортных устройств с паровыми машинами был их «ненасытный аппетит», потребность в большом количестве топлива. Отчасти решить эту проблему позволили распространение трубчатого котла (после 1835 г.), а также повышение давления в цилиндре (к 1870 г. его удалось увеличить в 25 раз по сравнению с началом XIX в.). Аналогичные результаты были получены и благодаря внедрению компаунд-машины, действие которой было основано на повторном использовании пара во втором цилиндре. Компаунд-машина впервые была испытана в 1825 г.; впоследствии (к 1870 г.) компаунды с тремя и даже четырьмя цилиндрами использовались на морских судах. Повышение эффективности паровой машины означало возможность ее установки на судах, совершавших относительно короткие переходы. Впрочем, строительство подобных пароходов разворачивается лишь в 1850–1860-х гг. И наконец, после 1870 г. парусники окончательно проигрывают борьбу за дальние океанские коммерческие рейсы (Harley, 1971, p. 216). Относительно медленное распространение паровой машины на море в какой-то степени было обусловлено одновременным повышением эффективности парусных кораблей (Harley, 1988, 861; Rosenberg, 1972, 26–28), количество и грузоподъемность которых непрерывно возрастали. Например, еще в 1860 г. в Англии на них приходилось более 90% общей грузоподъемности морского торгового флота. Массовый переход на паровые машины начался после 1870 г., и через 13 лет доля пароходов в общем количестве судов превысила 50%. Будущее было определено.

Паровая машина как двигатель обусловила происходившую на протяжении 1815–1870 гг. трансформацию европейской транспортной отрасли. И дело не только в снижении издержек перемещения пассажиров и грузов наземным или водным транспортом. Благодаря происходившим изменениям торговля и обмен проникли в ранее недоступные для них места в Европе и за ее пределами. В то же время паровая машина появилась в контексте уже растущего, усовершенствованного и расширявшегося сектора грузовых и пассажирских перевозок, эффективность которого непрерывно повышалась благодаря экономии на масштабах, технологическим и организационным улучшениям, то есть всем тем достижениям, которые происходили в секторе в 1700–1815 гг.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ

Обусловленные расширением и углублением рынков капитала и транспортных услуг выгоды, связанные с повышением эффективности, «подпитывали» и улучшения в сфере оптового распределения товаров (дистрибуции), что было особенно выгодно европейским потребителям. Ассоциировавшиеся с трансформацией сферы услуг выгоды проникали на местные, региональные и межрегиональные рынки различными путями. Инновации в секторах транспорта и финансов разрабатывались и распространялись неравномерно. Точно так же осуществлялось и корпоративное (гильдии) и/или государственное (зарождавшиеся национальные государства) регулирование соответствующих рынков. Воздействие этих факторов в 1700–1870-х гг. обусловило значительные изменения в географической концентрации европейских рынков.

Мы имеем возможность оценить повышение продуктивности оптового распределения только с помощью косвенных методов. Историки экономики используют по крайней мере три способа. Традиционный способ анализа рыночной эффективности с экономической точки зрения состоит в измерении отклонений от закона единой цены. Согласно этому закону в том случае, если географически различные рынки являются полностью интегрированными, приобретаемые на них товары обходятся покупателю в одну и ту же цену (Persson, 1999, pp. 91 ff.). Если цены на основные продукты питания, такие как зерно,

различаются в течение длительного периода времени, эта разница может интерпретироваться как издержки осуществления трансакций между рассматриваемыми рынками. Трансакционные издержки включают в себя количество времени и денег, необходимых для получения информации о рынке, затраты на перевозку, оплату юридических услуг, расходы связанные с различиями валют и единиц измерений, а также другие издержки, такие как защита груза от хищений и мелких краж, а торговцев — от вымогательства со стороны коррумпированных чиновников.

Второй способ оценки эффективности рынков предполагает анализ организационных изменений, происходивших в секторе оптового распределения. Расширение заморской и колониальной торговли во многих случаях осуществлялось сильными, созданными с санкции государства, монополиями. В самой Европе картина была гораздо более разнообразной. В конце XVIII в. контроль над внутренними рынками со стороны корпораций, городов и государства носил преимущественно защитный характер. К середине XIX столетия от него остались лишь воспоминания, однако в разных европейских странах сами эти процессы значительно различались. Сохранение корпоративного регулирования могло быть как причиной низкого уровня рыночной интеграции, так и его следствием.

И наконец, появление новых товаров на европейских рынках — это история общеевропейского воздействия первого этапа глобализации, когда потребители познакомились с множеством новых разнообразных продуктов и превратились в их постоянных покупателей. Ассортимент этих товаров варьировался от привозимых из колоний стимуляторов, таких как какао и табак, до американских культур, адаптированных к европейскому сельскохозяйственному производству, таких как кукуруза и картофель, и поставок атлантической соленой трески, заменявшей в рационе продукты животного происхождения (хищническое использование морских ресурсов привело к тому, что в Европе в то время треска была редкостью). Поставки новых товаров создавали спрос на них. Неудивительно, что в рассматриваемый период потребительское поведение стало более сложным.

На протяжении всей европейской истории развитие эффективных распределительных систем шло рука об руку с урбанизацией. Не менее показательным с точки зрения того, каким образом растущая степень интеграции Евро-

пы с остальным миром подпитывала трансформацию континентальной глубинки, является быстрый рост на протяжении всего XVIII в. портовых городов (Acemoglu, Johnson, and Robinson, 2005). Во многих случаях наиболее быстро росли небольшие прибрежные города, от Глазго до Кадиса. Более чем в два раза увеличилась численность населения таких средних по размерам портовых городов, как Бордо или Барселона. Одновременно продолжался рост населения в самых крупных для своего времени городах, таких как Лондон и Неаполь (глава 10, de Vries, 1984). В то же время на протяжении всего XVIII в. численность населения крупнейшего в предшествовавшем столетии европейского коммерческого центра — Амстердама — находилась на примерно одном и том же уровне. В данном случае перед нами наглядная иллюстрация еще одной характерной черты европейского развития — с течением времени континентальное лидерство переходит к различным регионам.

В начале XVIII в. многие европейские регионы (преимущественно расположенные на Юге и в Центре континента) лишь начинают постепенно выходить из фазы дезинтеграции рынков (Jacks, 2004), вызванной военной и экономической неразберихой, царившей в конце XVI в. и на протяжении большей части XVII столетия. Локальные неурожаи по-прежнему сопровождались опустошительными последствиями, что было следствием незаполненных узких рынков. Недостаток продуктов приводил к немедленному взлету цен, а высокий коэффициент «транспортные издержки/стоимость», присущий таким товарам, как зерно, а также медленные информационные потоки, означали, что для заполнения возникшего разрыва поставками из других регионов потребуется длительное время. Следствием этого становился голод. Согласно расчетам К. Персона (Persson, 1999) в начале XVIII в. проблемы с поставками зерна в Париже могли отразиться на североитальянских рынках с задержкой в 2–3 года. Данное обстоятельство обуславливало и высокую волатильность цен.

Известно лишь несколько исключений из этого правила. В конце XV в. крупномасштабные поставки из расположенного на побережье Балтийского моря Гданьска в Амстердам позволили не допустить дефицита зерна в Нидерландах (van Tielhof, 2002). Вероятно, уровень интеграции английских внутренних рынков в первой полови-

не XVIII в. был существенно более высоким, чем в других европейских странах (Granger and Elliot, 1967). По крайней мере в 1770-х гг. Адам Смит в своем «Богатстве народов» утверждал, что «на большей части Великобритании цены на хлеб и на мясо в мясных лавках были, в общем, одинаковы или очень близки друг к другу». В других странах рыночная эффективность повышалась значительно медленнее: в течение XVIII в. время приспособления различных рынков, вероятно, уменьшилось наполовину (Persson, 1999, p. 100). «Тормозами» процесса интеграции выступали политические границы. Но даже на внутренних рынках европейских стран изменения происходили с очень низкой скоростью. Тем не менее уже в конце XVIII в. цены на внутренних рынках Франции и Испании изменялись в основном синхронно. Впрочем, у нас практически отсутствуют данные об истинном ценовом расхождении между рынками большей части континентальной Европы (Lloris Agelán and Jerez Méndez, 2001).

В высшей степени отрицательное воздействие на оптовую дистрибуцию оказал хаос, возникший на континенте в результате военных кампаний Бонапарта. Военные действия и иностранная оккупация, морские блокады и общие опасности, дезорганизация местного хозяйства, вызванная отсутствием рабочей силы, мобилизованной на военную службу, а также присутствие крупных по численности армий, нуждавшихся в продовольствии и фураже, — все это вело к разрушению существовавших в то время торговых связей, проявившемуся, в частности, в крайне нестабильных ценах на продукты питания и другие товары (O'Rourke, 2006).

После 1815 г. тенденции к большей интеграции оптовых рынков возобновились. И вновь опыт разных европейских стран существенно различался. Опираясь на данные о ценах на зерно, Д. Джекс выделяет три наиболее распространенные в Европе модели (Jacks, 2005). Первую из них представляет Великобритания. После того как пыль сражений опустилась на землю, уровни и внутренней, и международной интеграции заметно повысились. Второй образец — Австро-Венгерская империя, в которой в 1815–1870 гг. произошло значительное улучшение внутренних распределительных сетей, что нашло отражение в поведении цен на зерно. В то же время уровень связей имперского хозяйства с экономикой других европейских стран оставался относительно низким. И наконец, Испания -

пример европейской экономики с низким уровнем и внутренней, и внешней интеграции.

Впрочем, данные, полученные в процессе исследований цен на зерно, носят противоречивый характер, что является еще одним свидетельством комплексного характера сил, определяющих процессы интеграции рынков. Зерно и хлеб были товарами первостепенной важности для потребителей. Неудивительно, что в XVIII в. цены на них регулировались во многих европейских странах. Хлебных бунтов в равной степени боялись и города, и правители государства. Политическое и корпоративное регулирование, направленное на обеспечение регулярных, доступных по цене поставок зерна и хлеба было общей практикой еще в Средние века. Уровень цен на зерно и хлеб, равно как и их колебания, были предметом пристального внимания городских, региональных и общенациональных интерпретаторов. Широкое распространение получили такие регулятивные меры, как установление постоянных цен на зерно и/или хлеб, создание городских запасов, жесткий контроль над торговлей зерном в небольших городах «в глубинке», принудительные продажи зерна, а также разнообразные специальные меры, направленные на противодействие «спекулянтам». В некоторых случаях городские или региональные власти, предпринимали закупки зерна за рубежом на государственные средства, в то время как международная торговля этим товаром находилась под запретом или экспортные поставки облагались очень высокими пошлинами.

Однако в начале и в середине XVIII столетия все громче стали звучать голоса противников регулирования, утверждавших, что оно ограничивает развитие торговых связей. Согласно приверженцам гибких цен на зерно и другие товары вместо того, чтобы гарантировать достаточное предложение по стабильно низким ценам, регулируемая торговля и цены ведут к снижению предложения, следствием чего становится повышение и уровней цен, и ценовой волатильности. В качестве поучительного примера, современники приводили Нидерланды, в которых в течение веков функционировали открытые зерновые рынки, уровень цен на которых отличался завидной стабильностью. К тому же в большинстве крупных городских центров администрирование регулированием рынка любого типа со временем становилось все более трудной задачей (Ringrose, 1996, ch. 10).

В 1760 гг. в ряде стран, и в частности во Франции и в Испании, были предприняты попытки осуществления крупных проектов, направленных на упразднение региональных ограничений на зерновых рынках (Persson, 1999; Llopis Agelán and Jerez Méndez, 2001). Однако результаты либерализации оказались разочаровывающими (по крайней мере в краткосрочном периоде). Оказалось, что «свободная торговля» на фрагментированных рынках отнюдь не является панацеей. В тех случаях, когда крупные производители оперировали на узких рынках с высокими трансакционными издержками, они получали возможность нормирования поставок, что вело к повышению цен и волатильности (существенно возраставших в тех случаях, когда эксперименты приходились на времена неурожаев). Реакция народа не заставила себя ждать. Волнения и беспорядки стоили испанскому министру его должности, а Франция отказалась от проведения подобных реформ.

Описывавшиеся выше случаи иллюстрируют главную проблему, возникавшую в процессе развития рынков и дистрибутивных сетей. Жесткий корпоративный или государственный контроль над рынками, как правило, замедляет развитие и углубление рынка, что является одним из основных источников роста сферы услуг. В то же время эффективное функционирование узких рынков возможно только в случае осуществления регулирования, принуждающего к конкуренции посредством контроля власти, которой обладают несколько крупных операторов. Поэтому никак нельзя сказать, что в начале Нового времени члены городских управ в разных частях Европы в условиях низкого уровня интеграции рынков действовали иррационально, выражая тревогу, что освобождение торговли от «пут» регулирования может привести к повышению и цен, и их волатильности, по крайней мере в краткосрочном периоде. Одно из важнейших следствий обсуждавшегося выше развития секторов транспорта и финансов заключалось в том, что они способствовали ускорению процесса рыночной интеграции достаточного для того, чтобы преодолеть противоречия между регулированием и конкуренцией.

На протяжении всего XVIII в. во многих частях Европы быстро растущая межконтинентальная и колониальная торговля были объектами предоставления санкционированных государством торговых привилегий в форме регулируемых торговых «компаний», таких как английская,

голландская, датская и шведская Ост-Индские компании или испанское государственное агентство Каса-де-Контратасьон, регулировавшее торговлю с Испанской Америкой (Трасу, 1990). Однако и здесь в начале XIX в. произошла большая перемена. Большая часть существовавших на тот момент линий поставок, созданных регулировавшимися и совместными коммерческими компаниями, были разорваны. Следствием получения независимости северо-, центрально- и южноамериканскими колониями европейских стран стала трансформация колониальной торговли в открытые цепочки поставок. Голландская Ост-Индская компания была ликвидирована в 1798 г., а ее английская «тезка» к 1813 г. лишилась большинства былых привилегий.

В XVIII в. европейские гильдии ремесленников продолжали самостоятельно регулировать производство и реализацию широкого круга товаров (прежде всего, тех, для производства которых необходимо было применение специальных навыков и умений). И наоборот, традиционные купеческие гильдии быстро утратили свои позиции во внутриевропейской торговле. В некоторых случаях они относительно успешно трансформировались в подобные компаниям структуры. Например, к 1760 г. Генеральная коммерческая компания пяти главных гильдий Мадрида не только вела торговлю на международном и местном уровнях, но и выполняла банковские функции (прием депозитов и выдача кредитов), управляла королевскими предприятиями, а также действовала как налоговый администратор (Capella Martínez and Matilla Tascon, 1957). На большей части континентальной Европы вторжения войск Бонапарта означали и окончание длительных внутренних споров относительно корпоративного контроля над рынком.

Правление Бонапарта оказалось полезным с точки зрения долгосрочных перспектив торговли, так как оно ускорило унификацию мер, весов, а также правовых систем, хотя оценить силу этого воздействия весьма затруднительно. То же самое верно и в отношении реформ налогообложения во многих европейских государствах. Они были инициированы французским вторжением, продемонстрировавшим, что преобладавшие в конце XVIII в. в большинстве стран юридически фрагментированные системы не позволяли должным образом финансировать военные действия (Dincesso, 2009). В некоторых государствах, таких как Пруссия и Австро-Венгрия, эти рефор-

мы были осуществлены в начале XIX в. В других странах внутренние торговые связи по-прежнему подвергались отрицательным воздействиям конфликтов между региональными таможенными и налоговыми привилегиями и государственной политикой в этих сферах. В Испании эти внутренние разногласия стали причиной разразившейся в 1872 г. гражданской войны.

После 1820 г. высота торговых барьеров снизилась (в различной степени) благодаря созданию таможенных союзов, денежных союзов и унификации систем налогообложения. Как ни удивительно, но исключением из этой тенденции была Великобритания, в которой в послевоенный период были введены высокие таможенные пошлины на торговлю зерном. Экономические историки традиционно уделяют особое внимание немецкому *Zollverein* (таможенному союзу) и австро-венгерскому таможенному союзу, способствовавшим, по общему мнению, созданию внутренних рынков. Впрочем, современные исследования ставят этот вывод под сомнение. Их авторы считают, что движущей силой повышения эффективности европейского товарного рынка в XIX в. была не столько политическая интеграция, сколько развитие транспортных технологий (железнодорожного сообщения) (Komlos, 1983; Shiue, 2005).

С учетом комплексного характера взаимодействий между регулированием рынков с одной стороны и развитием транспорта, финансов и распределения с другой стороны быстрое и успешное включение новых потребительских товаров в рацион питания и домашние хозяйства европейских потребителей было, вероятно, одним из самых лучших показателей повышения общей эффективности маркетинга на континенте. Историки потребления подчеркивали важность привыкания к дополнительным напиткам, таким как какао, кофе и чай, а также к сахару с точки зрения усиления экономических стимулов и изменения рационов питания и социального поведения (de Vries 2008). В 1725 г. специальные приспособления и посуду, необходимые для приготовления чая или кофе, имели едва ли одна пятая из числа принадлежавших к низшему классу домохозяйств Парижа. К 1785 г. по крайней мере половина таких домохозяйств располагала хотя бы одним таким предметом и предположительно регулярно потребляла эти напитки (Fairchilds, 1993). Китайский фарфор и индийские текстильные изделия пере-

шли из разряда изысканных, доступных только высшим классам товаров в предметы повседневного пользования групп населения со средними и низкими доходами. Кроме того, эти группы уделяли все большее внимание новым модным веяниям.

Первым важнейшим шагом в создании этих едва ли полностью новых моделей потребления было расширявшееся многообразие товаров, которые должны были предлагаться на рынках все более широким слоям европейского общества. Несмотря на то что во многих случаях колониальные товары импортировались компаниями-монополистами, соответствующие распределительные сети на территориях европейских стран контролировались ими лишь в редких случаях. Первые сети поставок быстро изменявшихся модных товаров начали развиваться, вероятно, на рынках Нидерландов и Англии — в наибольшей степени на интегрированных внутренних рынках Европы. Многие новые продукты быстро добивались успеха и проникали не только на городские, но и на сельские рынки, а также во все социальные классы. Таким образом, задача оценки эффективности оптового распределения является более сложной, чем установление ценового схождения или синхронизации. В случае изменения потребительского спроса каналы распределения обязаны предложить трансформирующемуся набору товаров новый комплекс дополняющих их услуг.

Вызванная происходившими в конце XVIII — начале XIX вв. войнами неразбериха отрицательно отразилась на торговле, прежде всего «новыми» товарами (в силу их зависимости от прерванной на время межконтинентальной торговли). Серьезным ограничением на пути рынка, развивавшегося в соответствии с предъявляемым потребителями спросом, стали трудности, с которыми столкнулась большая часть населения Европы. Даже в Англии, избежавшей французской оккупации, в рассматриваемый нами период имели место сильные колебания реальных доходов и ограничения рынка для товаров, не являвшихся предметами первой необходимости (Feinstein, 1998). Следствием этого стал, по крайней мере, частичный регресс соответствующих распределительных сетей.

Тем не менее к началу XIX в. произошли значительные изменения во многих аспектах организационной структуры маркетинговых сетей. Если раньше основной формой связи оптовых и розничных торговцев были регио-

нальные ярмарки и местные рынки, то в XVIII столетии в Англии агентами интеграции становятся странствующие продавцы. Представителями крупных фирм, создававших собственные распределительные сети, охватывавшие всю страну, все чаще становились настоящие специалисты. Уже к 1770-м гг. даже небольшие производители из Бирмингема или Шеффилда избавились от посредников, осуществляя прямую рассылку образцов и прейскурантов непосредственно розничным торговцам. Создание крупных промышленных фирм изменило не только производство, но и способ организации маркетинга (Daunton, 1995, p. 231). Производители, так же, как и потребители, приспособились к сузившимся рынкам, на которых возрастает важность быстрого распространения новинок и модных товаров, а также реклама выпускаемой продукции. Более крупные коммерческие центры, в свою очередь, предлагали динамичные агломерационные выгоды. Таким образом, ускорилось перемещение ноу-хау, молодые торговцы получили возможность учиться профессии рядом с более опытными коллегами, потребительские предпочтения выявлялись более четко, а регулярно поступающие новости рынка из Европы и с других континентов были общедоступны в форме прейскурантов и других инструментов рынка.

Очевидно, что до 1800 г. упоминавшиеся нами выше улучшения в транспортных услугах и в финансовом секторе вносили не слишком большой вклад в медленно повышавшуюся эффективность функционирования рынков в Европе. Исследования рынка зерна как одного из умеренно интегрированных в начале XVIII в. рынков позволяют сделать вывод, что на протяжении этого столетия происходили относительно медленные улучшения. Во второй половине XIX столетия процесс развития зернового рынка значительно ускорился. Переходя на уровень континента, мы должны указать на значительные расхождения между европейскими странами на протяжении всего XVIII столетия и лишь частичную их интеграцию в период после наполеоновских войн, до 1870 г.; в 1870 г. различия в эффективности между региональными рынками Европы были более значительными, чем в начале XVIII в.

Различия путей, по которым осуществлялась интеграция, определялись комплексом факторов. Технологические достижения, такие как каналы и железные дороги, оказывали различное воздействие на народное хозяйство

европейских стран. Экономические историки обнаружили парадоксальное обстоятельство. Усовершенствования в области технологий имели большее значение в тех странах, в которых были устранены и политические препятствия на пути развития торговли (как, например, в немецких государствах), в то время как в Южной Европе железные дороги, по всей вероятности, принесли лишь умеренную социальную экономию, вероятно, в силу существования других барьеров, таких как политическая нестабильность (Hegranz-Loncan, 2007). Медленное, но неуклонное освобождение рынков от политического и корпоративного контроля имело большое значение в долгосрочном периоде. Однако в краткосрочной перспективе соответствующие шаги нередко сопровождались негативными явлениями. Сначала в городах, а затем и в сельской местности происходило увеличение покупательной способности большого количества европейских потребителей, изменялись их вкусы. Потребители проявляли усиливавшееся стремление к приобретению более изысканных и разнообразных товаров. Взаимодействия между политической и экономической рыночной интеграцией, а также изменявшиеся модели спроса носили многомерный и взаимодополняющий характер. Динамика развития рынков и оптового распределения коренилась в том факте, что улучшения в одной области увеличивали выгоды от усовершенствований в другой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение данных, представленных в табл. 8.3, позволяет сделать вывод о том, что в 1870 г. рост сферы услуг (измеряется как доля занятых в ней в общей численности рабочей силы) положительно ассоциировался с уровнями индустриализации европейских национальных государств. Более того, успехи, достигнутые в развитии сферы услуг ведущими морскими странами Европы, стимулировали экономическое развитие всего континента. Происходившие структурные изменения, как правило, вели к сокращению доли сельского хозяйства и в численности рабочей силы, и в ВВП. Одновременно происходили перемены во внутренней структуре самой сферы услуг. В прошлом она была областью применения преимущественно женского труда в относительно самодостаточных домохозяйствах, в магазинах и на фермах. В дальнейшем увеличение

ТАБЛИЦА 8.3.
Сравнение сферы услуг и индустриализации на рубеже 1870 г.

	Доля занятых в сфере услуг в общей численности работающего населения на рубеже 1870 г., %	Уровни индустриализа- ции расчете на душу насе- ления в 1880 г. (Велико- британия в 1900 г. = 100)
Европейский Северо-Запад	33,3	
Бельгия	17,8	43
Дания	30,3	12
Финляндия	14,4	15
Нидерланды	38,2	14
Норвегия	27,5	16
Швеция	15,2	24
Великобритания	35,4	87
Южная Европа	18,2	
Франция	22,2	28
Греция		7
Италия	15,7	12
Португалия	10,1	10
Испания	15,5	14
Центральная и Восточная Европа	17,6	
Австро-Венгрия	17,5	15
Болгария		6
Германия	21,4	25
Румыния		7
Россия		10
Сербия		7
Швейцария	15,9	39
Европа, в среднем	21,4	23

Источник: том II этой книги, глава 3.

численности занятых в сфере услуг происходило за счет привлечения мужчин, обладавших навыками счета и письма, необходимыми для исполнения возлагавшихся на них функций в растущих европейских экономиках.

В 1700–1870 гг. в мирное время на инвестиции в основной и человеческий капитал в сфере услуг никогда не распространялся закон убывающей отдачи. В военное время по мере увеличения масштабов конфликтов на суше и на море в важнейших секторах сферы услуг (прежде все-

го, в перевозках грузов и распределении) возникала экономия, обусловленная масштабами производства.

Вызванная войной разруха и изменения государственных границ и политики, произошедшие в результате заключения послевоенных соглашений, обусловили появление в каждой европейской стране новых стимулов к инновационной деятельности купцов и их банкиров. Страны, открытые для зарубежной конкуренции, ответили на новые вызовы созданием новых организаций и совершенствованием инфраструктуры. Выигравшая сторона в полной мере ощутила ценность этого отклика. В меньшей степени открытые конкуренции страны, такие как Испания и Турция, сохранили традиционные рынки и практику их государственного регулирования. В отличие от предшествовавших европейских сражений, войны XVIII–XIX столетий и связанные с ними постоянные разрушения или дезорганизация населения или инфраструктуры не стали препятствием для продолжения инвестиций в сферу услуг. Конечно, с точки зрения логистики европейские войны, которые в рассматриваемый нами период велись на гораздо более широких пространствах, чем когда-либо прежде, требовали мобилизации гораздо больших ресурсов и доставки их в точку конфликта. Совершенствовавшиеся способности государств к финансированию огромных требований, предъявлявшихся войнами Нового времени, помогли добиться устойчивого прогресса в технологии и институтах сферы услуг, постоянно изменяя ее структуру и значение для экономического роста Европы.

Возвращаясь к рис. 8.1, мы видим, что в XVIII в. наивысшая плотность платежных систем наблюдалась вдоль торговых маршрутов средневековой Европы. В свою очередь, рис. 8.3а-в демонстрирует, что и плотность транспортных сетей во многом соответствует матрице уже существовавшей в начале XVIII столетия платежной системы. Не удивительно, что и в последующие столетия европейский процесс развития сельского хозяйства, а затем и промышленности происходил согласно давно заданной матрице. За этими историческими силами лежали различия в росте производительности сферы услуг в разных европейских странах. К 1870 г. результирующие различия в среднедушевом доходе и потенциале роста между передовыми экономиками Западной и Северной Европы и отстававшими от них экономиками Восточной и Южной Европы были

значительно большими, чем в начале XVIII в. Эти расхождения и определили дельнейшие действия европейских государств в последующие десятилетия.

В целом в 1700–1870-х гг. эффективность сферы услуг должна была существенно возрасти (особенно в атлантических портовых городах Западной Европы). Несмотря на растущие масштабы услуг по перевозке грузов и распределению, прежде всего с использованием морских и внутренних водных путей, а затем и повышение роли наземного транспорта, обусловленного созданием железнодорожной сети континентальной Европы, процентные ставки оставались на низком уровне (достигнутом в Нидерландах к началу XVIII в.). Уже один этот факт позволяет нам сделать вывод о неуклонном поступательном повышении продуктивности в сфере услуг. Расширявшаяся доступность на европейских рынках различных товаров со всего мира стимулировала повышение производительности континентального сельского хозяйства, а затем и промышленности. Растущие рынки, в свою очередь, создавали стимулы для дальнейшего прогресса в финансах, перевозках грузов и распределении. В то же время характер откликов на стимулы во многом зависел от институциональной структуры, в рамках которой осуществлялась деятельность фирм.

ЧАСТЬ III
УРОВЕНЬ ЖИЗНИ
НАСЕЛЕНИЯ

ГЛАВА 9

Уровень жизни населения

СЕВКЕТ ПАМУК
ЯНЛЕЙТЕН ВАН ЗАНДЕН

СОДЕРЖАНИЕ

Экономический рост	· 338
Реальная заработная плата	· 341
Возвращение к пессимистической позиции	· 346
Индекс развития человеческого потенциала	· 354
Кривая Кузнецца?	· 355
Заключение	· 358

СНАЧАЛА 1840-х гг. Фридрих Энгельс, сын немецкого Скупца, торговавшего текстильными изделиями, проживал в Манчестере. Через несколько лет он написал и опубликовал работу «Положение рабочего класса в Англии в 1844 г.» (впервые увидела свет на немецком языке), в которой был представлен пессимистический анализ «уровня жизни» английских рабочих. Поскольку книга была рассчитана на немецкую аудиторию, Энгельс нередко прибегал к сравнениям двух стран, отмечая менее тяжелое положение трудящихся Германии. «Но еще более деморализующим образом, чем бедность, действует на английских рабочих необеспеченность их существования, необходимость проедать изо дня в день весь свой заработок, одним словом, именно то, что делает их *пролетариями*. И в Германии мелкие крестьяне большей частью бедны и часто терпят нужду, но они меньше зависят от случая, они хоть имеют, по крайней мере, что-то определенное. Но пролетарий, не имеющий решительно ничего, кроме своих рук, проедающий сегодня то, что он заработал вчера, зависящий от всевозможных случайностей, лишенный всякой гарантии, что он сможет добыть средства для удовлетворения своих самых насущных потребностей — ибо всякий кризис, всякий каприз хозяина может лишить его куска хлеба, — этот пролетарий поставлен в самое возмутительное, самое нечеловеческое положение, которое только можно себе представить»¹.

Эта резкая оценка подкреплялась огромным количеством информации об уровне преступности (быстро возрасшем), положении в здравоохранении (коэффициенты смертности в крупных промышленных городах были гораздо выше, чем где-либо еще), о бедственном состоянии образования пролетариата и губительных послед-

1. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч. 2-е изд. Т. 2. С. 349.

ствиях детского и женского труда. На основе этих данных Энгельс приходит к выводу о том, что положение рабочих в Англии является наихудшим, чем когда-либо в прошлом, или по сравнению с трудящимися Германии. Причиной тому, по мнению автора, является «изобретение паровой машины и оборудования для обработки хлопка»: «Эти изобретения послужили, как известно, толчком к промышленной революции — революции, которая одновременно произвела полный переворот в гражданском обществе».

Начиная с публикации в 1844 г. работы Энгельса вопрос о долгосрочных последствиях промышленной революции с точки зрения уровня жизни рабочего класса остается в центре внимания социальной и экономической истории. В ретроспективе становится очевидным, что промышленная революция привела к значительному ускорению экономического роста в Европе и беспрецедентному повышению уровня жизни европейцев, продолжаящемуся и в наши дни, что признавал и сам Энгельс. В предисловии к переизданному в 1892 г. английскому переводу «Положения рабочего класса» он писал: «Таким образом, наиболее вопиющие злоупотребления, описывавшиеся в этой книге, либо исчезли, либо стали менее заметными». Но для современников революции, это было далеко не всегда очевидно. Во многих случаях индустриализация приводила к повышению концентрации в городских конгломерациях бедняков, угнетавшихся на «темных сатанинских фабриках», и степени эксплуатации женщин и детей, снижению доходов ремесленников, вынужденных конкурировать с новыми, основывавшимися на использовании энергии пара технологиями, и увеличению степени неравенства в доходах и богатстве, что способствовало возникновению на заре индустриализации различных общественных движений, пытавшихся противостоять изменениям или повлиять на их характер. Действительно, современные исследователи пришли к выводу о существовании «парадокса раннего роста». Он заключается в том, что экономический рост (выраженный в увеличении ВВП в расчете на душу населения) лишь через несколько десятилетий приводит к результирующему повышению реальной заработной платы промышленных и сельскохозяйственных рабочих. Для повышения «биологического уровня жизни» (как следует из имеющихся фактических данных о росте людей) может потребоваться еще большее

время. Все это указывает на то обстоятельство, что индустриализация шла рука об руку со значительным перераспределением дохода — некоторые люди получали «промышленный выигрыш» очень быстро, в то время как большинству приходилось ждать увеличения заработков всю жизнь. Впрочем, стоит добавить, что индустриализации (или экономической стагнации) не было альтернативы, и после 1870 г. матрица возраставшего неравенства начала изменяться и в Великобритании, и в других европейских странах.

В этой главе наше внимание сосредоточено на двух взаимосвязанных вопросах: в чем заключались последствия индустриализации с точки зрения уровня жизни населения и как промышленное развитие повлияло (с точки зрения дохода и богатства) на уровень неравенства в различных частях континента и в Европе в целом? Направление изменения уровней жизни в стране, которая первой встала на путь индустриализации, является предметом широкого обсуждения между так называемыми «оптимистами» и «пессимистами». Поскольку приводимые обеими сторонами доказательства выглядели не слишком убедительными, начался поиск новых показателей уровня жизни и фактических свидетельств, дополняющих информацию о динамике реальной заработной платы и ВВП в расчете на душу населения. Спустя четверть века очевидно, что происходившее до 1870 г. улучшение условий жизни населения носило ограниченный характер, особенно по сравнению с последующими десятилетиями. В этой главе будут представлены и подвергнуты анализу фактические данные об уровне жизни, включая сведения о росте людей, о показателях грамотности и ожидаемой продолжительности жизни. Кроме того, мы рассмотрим развитие ситуации в странах и регионах, вступивших на путь промышленного развития со значительным опозданием (и в тех, в которых индустриализация началась после 1830 г. или после 1850 г.). Отметим, что мы и сейчас испытываем недостаток данных об экономическом росте и изменении уровня жизни в этих европейских государствах.

С упомянутой выше дискуссией тесно связаны дебаты, в центре внимания участников которых находится вопрос о динамике неравенства в доходах и богатстве в 1700–1870 гг. Они были вызваны публикацией работы Саймона Кузнеца (Kuznets, 1955), посвященной рассмотрению взаимоотношений между распределением дохо-

дов и экономическим ростом. По мнению исследователя, тенденция к повышению неравенства на первых стадиях роста была обусловлена процессами структурных изменений и увеличением разрыва в доходах между сферами экономики. На более поздних стадиях «современного экономического роста», по Кузнецу, происходит уменьшение степени неравенства доходов. Кривая Кузнецца стала предметом тщательного исследования, о результатах которого мы расскажем в этой главе. И вновь отправной точкой будет дискуссия о положении в Англии. Но мы непременно уделим внимание и тому, что сегодня известно об уровнях и тенденциях в распределении доходов и богатства в других европейских странах. В заключение, как мы надеемся, у нас появится возможность предложить ответ на вопрос о распределении выгод от индустриализации и экономического роста в Европе до 1870 г.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ

Прежде чем мы перейдем к изучению различных показателей, используемых для измерения уровня жизни, вкратце рассмотрим фактические данные о среднедушевом доходе в различных странах Европы. Экономические историки согласны с тем, что на протяжении всего XVIII в. и в первые десятилетия XIX столетия показатели ВВП в расчете на душу населения на континенте увеличивались очень медленно. В период до 1820 г. наивысшими темпами экономического роста могла похвастаться Великобритания. Недавние оценки позволяют предположить, что годовые темпы роста среднедушевого ВВП в Англии в это время составляли 0,3% (всего за 1700–1820 гг. ВВП увеличился на 45%) (табл. 9.1). В других странах и регионах Европы рост ВВП в расчете на душу населения был гораздо более ограниченным — примерно 0,1% в год или менее 20% за 1700–1820 гг. В результате в какой-то момент во второй половине XVIII столетия среднедушевые доходы в Англии (но не в Великобритании) превысили аналогичный показатель Нидерландов (до этого времени — европейская страна с наиболее высокими доходами в расчете на душу населения). К 1820 г. разрыв между Нидерландами и Великобританией с одной стороны и остальным континентом с другой стороны достиг весьма значительных размеров. Уровни среднедушевых доходов в Италии, Испании,

ТАБЛИЦА 9.1.

Оценочные данные об уровне ВВП в расчете на душу населения в ряде европейских государств в 1700–1913 гг. (Великобритания в 1820 г. = 100)

	Около 1700	Около 1750	1820	1870	1913
Англия/ Великобритания	73	87	100	187	288
Нидерланды	109	109	107	162	237
Бельгия	69	76	77	158	247
Франция	н.д.	н.д.	72	110	205
Италия	71	76	65	88	150
Испания	61	58	62	71	132
Швеция	66	67	70	97	181
Польша	38–42	34–37	41	55	102
Россия	н.д.	н.д.	40	55	84
Турция	35?	38?	40	52	71

Источники: van Zanden, 2001; Maddison, 2001; Pamuk, 2006; Álvarez-Nogal and Prados de la Escosura, 2007.

Польше, Турции или в Юго-Восточной Европе не достигали и половины уровней доходов в странах, расположенных вокруг Северного моря (табл. 9.1). Если принять во внимание более высокие темпы роста среднедушевого ВВП в Великобритании в период до 1820 г., становится очевидным, что на протяжении всего XVIII столетия эти европейские межстрановые или региональные различия были не столь значительными (van Zanden, 2001). В то же время ускорение индустриализации и экономического роста привели к тому, что к началу Первой мировой войны различия между Западом и Востоком континента значительно увеличились.

Начиная с 1830-х гг. (особенно в 1840-е гг. и в дальнейшем) скорость экономического роста существенно возросла. Если в XVIII в. наиболее динамичной страной континента была Англия, темпы роста экономики которой составляли 0,3% в год, то после 1830 г. и в дальнейшем все европейские страны достигли неслыханной в предшествовавшем столетии скорости развития. В 1830–1870 гг. в Великобритании рост среднедушевого ВВП ускорился до более 1,5% в год; еще более успешной была бельгийская

экономика (1,7% в год). Даже в расположенных на периферии Европы странах, таких как Польша, Турция и Россия, зарегистрированные годовые темпы роста достигли 0,5% и более (табл. 9.1). Впоследствии некоторые части континента демонстрировали тенденцию к догоняющему развитию и темпы роста в них после 1870 г. возросли до более чем 1% в год. Догоняющее развитие, или конвергенция, было особенно характерным для Франции, Германии, Австрии и Скандинавских стран. Темпы развития южноевропейских стран, таких как Италия и Испания, лишь немного превышали темпы роста Великобритании после 1870 г. В результате в годы предшествовавшие Первой мировой войне разрыв между ними и странами континента с более высокими доходами немного сократился и в дальнейшем по крайней мере не увеличивался. И наоборот, несмотря на то что после 1820 г. в странах Восточной и Юго-Восточной Европы происходил рост среднедушевых доходов, до 1914 г. его темпы оставались более низкими, чем в остальных государствах континента. Вероятно, в данном случае в отношении опыта этих двух регионов в течение обоих подпериодов XIX в. уместно было бы использовать термин «рост в отсутствие конвергенции» (Maddison, 2003a).

Таким образом, в 1870 г. разрыв между Северо-Западом Европы и остальным континентом оказался большим, чем в 1820 г. После 1870 г. в Европе возникла тенденция к сокращению диспаритетов между странами, в которых индустриализация началась раньше всего, и остальным континентом. Вплоть до 1914 г. остальные государства Западной Европы, Скандинавские страны и в некоторой степени Италия следовали по пути догоняющего развития, однако разрыв в среднедушевом доходе между другими частями континента и Северо-Западом только увеличился. Накануне Первой мировой войны измеряемый в процентах разрыв между Западной и Северной Европой с одной стороны и Южной, Восточной и Юго-Восточной Европой с другой стороны был шире, чем в 1820 г. В то же время, несмотря ни на что, произошло огромное увеличение среднедушевого дохода — уже в 1870 г. для всех европейцев он возрос на 50–200% по сравнению с XVIII в. (Maddison, 2003a). В этой главе мы постараемся ответить на вопрос: что эти средние величины могут рассказать нам об уровне жизни основной массы населения Европы?

РЕАЛЬНАЯ ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА

Вопрос о том, какое влияние оказал экономический рост в период промышленной революции на повышение (снижение) уровня жизни трудящихся в Великобритании (прежде всего), Бельгии, Нидерландах и вообще на континенте, привлекал особое внимание специалистов по экономической и социальной истории в 1960–1970-х гг. В центре дискуссий находился вопрос о динамике одной из его ключевых переменных — реальной заработной платы. Впрочем, дебаты носили относительно ограниченный характер, поскольку их участники рассматривали, в основном, отдельно взятые страны, поскольку отсутствовала международная сравнительная структура, необходимая для анализа тенденций реальной заработной платы. В последние годы были рассчитаны индексы реальной заработной платы строительных рабочих для многих частей континента для периода начиная с XIV в. Несмотря на то что эти зарплатные временные ряды предлагают узкий охват и не включают в себя данные об оплате труда в промышленности, они обладают одним несомненным преимуществом, поскольку мы получаем общий показатель для практически всего континента. Исходя из этого зарплатные ряды представляют собой наилучший отправной пункт для сравнения уровней жизни в различных регионах Европы во время и после промышленной революции. К тому же если говорить о периоде ей предшествовавшем, то данные о реальной заработной плате, вероятно, позволяют получить гораздо более точные научные оценки доходов и уровня жизни, чем любой другой показатель.

Дебаты пессимистов и оптимистов относительно уровня жизни населения во время английской промышленной революции позволили в значительной мере расширить охват и улучшить качество индексов заработной платы и стоимости жизни. Благодаря усилиям их участников, сегодня зарплатные ряды для Великобритании включают сельскохозяйственных рабочих, ремесленников разных профессий, «белых воротничков», а также промышленных и строительных рабочих. В начале 1980-х гг. П. Линдерт и Дж. Уильямсон разработали новые индексы с расширенным охватом, позволившие исследователям высказать предположение о резком повышении уровней жизни в Великобритании в 1780–1830 гг., по меньшей мере

на 50% и примерно на 100% в период 1780–1850 гг. в целом (Lindert and Williamson, 1983). Впоследствии позиция оптимистов была поставлена под сомнение, в частности благодаря Ч. Файнштейну. Важнейший вклад исследователя в дискуссию состоял в том, что он предложил новый индекс стоимости жизни, включавший в себя большое количество новых товаров. Согласно расчетам Файнштейна падение цен в последовавшие после наполеоновских войн десятилетия оказалось меньшим, чем принято было считать (Feinstein, 1998). И наоборот, предложенные ряды номинальной заработной платы вызывали лишь единичные критические замечания. Согласно индексам Файнштейна в 1820–1850 гг. реальная заработная плата возросла примерно на 20%, а в 1780–1850 гг. — менее чем на 40%. В 1850–1870 гг. реальная заработная плата увеличилась еще на 9%. С учетом безработицы оказывается, что до 1850 г. трудящиеся получили еще меньшие выгоды, а в последующий период — несколько более высокие.

Важным событием в рамках рассматриваемых нами дебатов стал пересчет темпов экономического роста Великобритании в первые десятилетия индустриализации. Анализ созданных Н. Харлеем и Н. Крафтсом рядов ВВП позволил сделать вывод, что до начала 1830-х гг. промышленный и совокупный экономический рост в Великобритании были существенно более умеренными, чем принято считать. Предложенные ими оценки не позволяют с былым оптимизмом рассматривать период до 1830 г., поскольку в этом случае темпы роста заработной платы окажутся значительно более высокими, чем темпы роста среднедушевого ВВП до 1850 г. по Крафтсу и Харлею. Пересмотр темпов экономического роста в сторону понижения означает, что в первые десятилетия индустриализации уровень жизни населения повышался относительно медленно, не только из-за упоминавшегося выше неравномерного распределения выгод роста, но и в силу их ограниченности. Но даже в том случае, если мы согласимся с более низкими оценками темпов экономического роста, мы остаемся в рамках пессимистической структуры: в соответствии с индексами Файнштейна вплоть до 1870 г. темпы роста реальной заработной платы были значительно более низкими, чем темпы роста ВВП (табл. 9.2; Harley, 1982; Crafts, 1985b, 1997a; Crafts and Harley, 1992).

Не так давно было разработано два дополнительных индекса реальной заработной платы, которые могут быть

ТАБЛИЦА 9.2.

Оценочные данные об уровне экономического роста и реальной заработной платы в Великобритании в 1780–1870 гг.
Совокупное увеличение для каждого подпериода, %

	Среднедушевой ВВП	Реальная заработная плата			
	Н. Крафтс, Н. Харлей; А. Мэддисон	П. Линдерт, Дж. Уильямсон	Ч. Файн- штейн	Р. Аллен	Г. Кларк
1780–1830	25	50	14	12	35
1830–1850	33	30	20	4	13
1850–1870	37	н.д.	9	20	24

Источники: оценки увеличения подушевого ВВП в 1780–1830 гг. приведены по Крафтсу и Н. Харлею (Crafts and Harley, 1992), в 1830–1870 гг. — по Мэддисону (Maddison, 2003a).

применены в рамках исследований экономического положения Великобритании во время и после промышленной революции. Эти долгосрочные индексы ограничены кругом квалифицированных и неквалифицированных строительных рабочих, однако являются полезными с точки зрения света, который они позволяют пролить на дебаты об уровне жизни. Ряды Р. Аллена, которые мы более подробно обсудим ниже, ограничены Лондоном и Оксфордом. Они показывают, что вплоть до 1850 г. повышение реальной заработной платы было небольшим, сравнимым по размеру, или меньшим, чем демонстрируют нам индексы Файнштейна. С другой стороны, построенные Кларком для Англии долгосрочные ряды позволяют сделать вывод об увеличении реальной заработной платы в 1780–1870 гг. на величины, находящиеся между исходными оптимистической и пессимистической позициями (табл. 9.2; Allen, 2001; Clark, 2005). Эти недавно рассчитанные индексы реальной заработной платы строительных рабочих позволяют предположить, что увеличение заработной платы отставало от роста среднедушевого ВВП не только в начальные десятилетия индустриализации до 1830 г., но и в середине XIX столетия (до 1870 г.).

Имеющиеся фактические данные о реальной заработной плате в других странах континента изучались менее тщательно. В этом смысле большое значение имеет работа Аллена, исследовавшего динамику реальной заработной платы квалифицированных и неквалифицированных

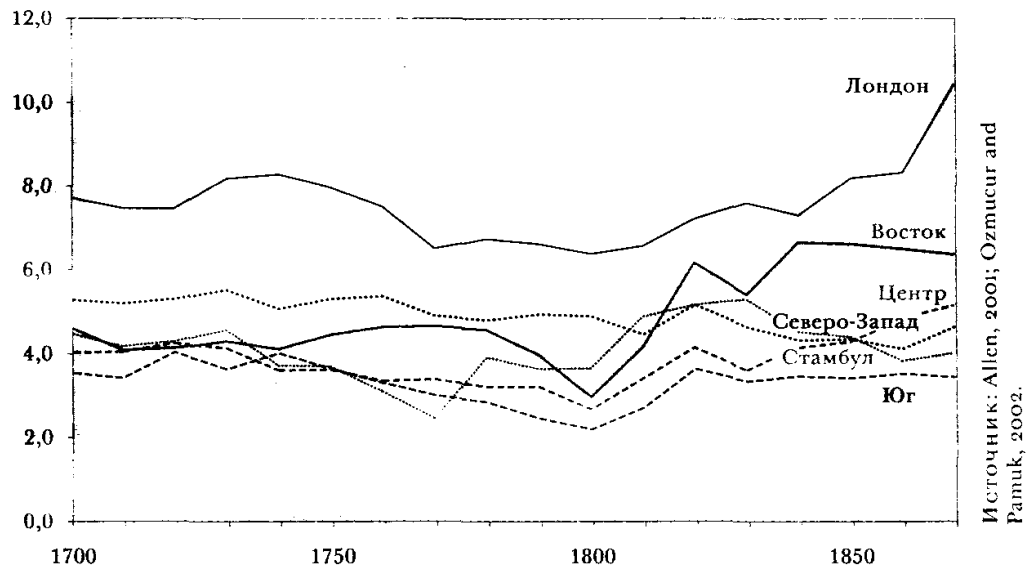

РИС. 9.1.

Реальная заработная плата европейских строительных рабочих низкой квалификации в 1700–1870 гг.

ных строительных рабочих в ведущих городах Европы начиная со второй половины XV в. и до начала Первой мировой войны (Allen, 2001). Исследователь использовал обширный корпус данных, большая часть которых была получена в первой половине XX в. в рамках исследований, проводившихся под эгидой Международного научного комитета по истории цен (Cole and Crandall, 1964). Для того чтобы обеспечить возможность перекрестных и межвременных сравнений, Аллен выразил все ценовые и зарплатные ряды в граммах серебра, а также скорректировал выраженные в серебре номинальные заработные платы на индекс общих потребительских цен, что позволило, используя данные о различиях потребительских корзин между Севером и Югом Европы, создать новые ряды реальной заработной платы. Зарплатные ряды Аллена охватывают лишь один сектор, но их важнейшее преимущество заключается в том, что они открывают возможность межвременных и межрегиональных сравнений.

В соответствии с рядами Аллена, несмотря на краткие и среднесрочные отклонения, в XVIII в. во всех регионах Европы реальная заработная плата городских строителей не демонстрировала ни тенденций к понижению, ни тенденций к увеличению. Более того, в большинстве частей Европы наблюдались близкие друг к другу уровни зара-

ботной платы за одним важным исключением. На протяжении XVIII столетия уровни реальной заработной платы в Великобритании и Нижних землях (Нидерландах) были заметно выше, чем на остальном континенте, даже когда в Нижних землях имело место их снижение (рис. 9.1).

Даже в Великобритании до середины XIX в. повышение реальной заработной платы носило ограниченный характер; поэтому мы никак не можем ожидать значительных ее изменений в сторону повышения в остальных европейских странах до наступления 1850-х гг. (и даже 1870-х). Более того, в последние десятилетия XVIII в. и в период наполеоновских войн в большинстве частей Западной и Северной Европы имело место умеренное, на 10–20%, снижение реальной заработной платы. Ее восстановление (в различной степени) до прежних уровней произошло лишь после 1820 г. Воздействие промышленной революции на уровень реальной заработной платы за пределами Великобритании вплоть до середины XIX в. (и даже до 1870-х) носило ограниченный характер, за исключением восстановления ее уровня после наполеоновских войн. Единственным исключением из этой матрицы была Польша, в которой в первой половине XIX столетия заработная плата в городах росла быстрее, чем в Великобритании. Недавно рассчитанные для Стамбула (Ozmucur and Pamuk, 2002) и Петербурга (Mironov, 2004) индексы показывают, что и в этих городах в 1800–1870 гг. имел место резкий рост реальной заработной платы. Рост реальной заработной платы в Лейпциге происходил быстрее, чем в остальных частях Германии. Возможно, в данном случае мы имеем дело с общей для Восточной и Юго-Восточной Европы тенденцией. Одной из причин повышения заработной платы может быть рост цен на зерновые культуры и другую сельскохозяйственную продукцию, экспортировавшуюся этими регионами в рассматриваемый нами период.

Представляется, что значительный рост производительности, имевший место в период промышленной революции, принес лишь незначительные выгоды рабочим всех западноевропейских стран. Тем не менее, несмотря на быстрый рост населения, заработная плата не уменьшалась. В предыдущие периоды, особенно в XVI столетии (и в XIII в.), быстрый рост численности населения приводил к резкому снижению реальной заработной платы, вероятно, под воздействием мальтузианских сил (Wrigley and Schofield, 1989; Clark, 2007b). Относительная стабиль-

ность уровня заработной платы до 1870 г. может рассматриваться как доказательство зарождающейся устойчивости новой экономики.

Далее мы обсудим, в какой степени схожая тенденция просматривается через другие показатели уровня жизни и неравенства.

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ПЕССИМИСТИЧЕСКОЙ ПОЗИЦИИ

В последние десятилетия такие показатели, как доходы или заработная плата, использовавшиеся для измерения экономического благополучия или благосостояния, подверглись суровой критике со стороны специалистов. Во многих случаях сосредоточение внимания на доходах влечет за собой, например, игнорирование различных отрицательных последствий городской жизни и экономического роста. Ведь показатели реальной заработной платы, как правило, непосредственно относятся к заработкам мужчины, который рассматривается как «кормилец семьи». В то же время динамика уровня жизни детей и женщин может существенно различаться. Вообще, если доходы представляют собой «вход», то благополучие или благосостояние — это «выход» (показатель результативности). Поэтому растущая популярность других, более широких показателей благосостояния или человеческого развития не вызывает ни малейшего удивления. К явлению того же порядка относятся и недавние попытки использовать для определения тенденций в динамике уровня жизни данные о показателях физического развития людей (прежде всего, роста). Поиск фактических данных об уровне жизни детей и женщин привел к использованию показателей связанных с состоянием здоровья, смертностью и ожидаемой продолжительностью жизни.

В одной из своих недавних работ Джон Комлос представил обзор фактических данных о росте жителей различных частей Европы и их значении с точки зрения возможных связей между урбанизацией, экономическим ростом и биологическим уровнем жизни на начальных стадиях индустриализации (Komlos, 1998). Исследователь пришел к выводу, что начиная с 1760 г. и до 1800 г. средний рост мужчин, родившихся в различных частях Западной и Северной Европы, постепенно снижался. Затем показатели

роста восстановились до прежних значений и вновь начали уменьшаться в 1830–1860 гг. Например, в указанные периоды общее сокращение среднего роста английских солдат составило 2 см. Этот процесс носил общеевропейский характер: например, в Нидерландах, экономическое положение которых начиная с 1820 г. оставалось стабильным, в период с середины 1830-х до середины 1850-х гг. наблюдалось снижение среднего роста рекрутов. Более того, если говорить об Англии, то снижение среднего роста мужчин после 1830 г. происходило в период постепенного повышения реальной заработной платы.

Обнаружение этой тенденции ставит под сомнение расхожее мнение, согласно которому следствием увеличения среднедушевого дохода однозначно становится рост человеческого благосостояния. Одновременно возникает вопрос о наличии в рассматриваемый период причинно-следственной связи между показателем роста людей и социально-экономическими переменными. Комлос подчеркивает, что причинно-следственная зависимость между социально-экономическими и структурными изменениями должна была сохраняться. По его мнению, в начальный период индустриализации негативное влияние на средний рост могли оказывать целый ряд факторов. В частности, как подчеркивает Комлос, в условиях быстрого роста населения и повышения относительных цен на продовольственные товары в рационе питания могла произойти замена продуктов с высоким содержанием белка на углеводные продукты. Кроме того, ученый называет такие факторы, как быстрая урбанизация, обусловившая невыгодное положение горожан с точки зрения питания, растущее неравенство в доходах и интенсификация труда. Эти структурные изменения могли привести к возникновению расхождения между средними доходами и заработной платой с одной стороны и биологическим благополучием с другой стороны. Комлос приходит к выводу, что в начальные десятилетия индустриализации ограниченные выгоды увеличения доходов могли быть слишком низкими, чтобы компенсировать ухудшение здоровья в новой социальной среде. С другой стороны, Й. Батен, обнаруживший, что в большинстве случаев реальная заработная плата и рост людей двигались в одном и том же направлении, высказывает предположение, согласно которому «парадокс начального периода роста» был ограничен пределами Англии (и США) (Baten, 2000).

ТАБЛИЦА 9.3.
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении
в ряде европейских стран в 1820–1870 гг.

	Велико- британия	Франция	Германия	Нидерланды	Швеция	Италия	Испания	Польша	Турция	Россия
1820	40	37	32	32	37	30	30	29	27	25
1870	41	42	36	37	45	33	34	32	31	30

Источники: Baten and Pamuk, 2007; Riley, 2005.

В последние годы исследователи получили доступ к еще одному комплексу фактических свидетельств — к данным об ожидаемой продолжительности жизни, учитывающим и детскую смертность, и смертность взрослых людей. Обратившись к представленным в табл. 9.3 данным об ожидаемой продолжительности жизни для ряда европейских стран, мы видим схожую тенденцию: в 1820–1870 гг. наибольшее увеличение рассматриваемого показателя имело место не в Великобритании, но в других странах Западной и Северо-Западной Европы — во Франции, Германии, Нидерландах и особенно в Швеции. Безусловно, демографические показатели периода индустриализации носят противоречивый характер: ускорение роста численности населения вплоть до 1870 гг. сопровождалось очень медленным повышением показателя ожидаемой продолжительности жизни (в некоторых регионах он оставался неизменным). В пользу пессимистических интерпретаций изменений в уровне жизни говорит и такой показатель, как младенческая смертность, повышавшийся во многих крупных частях Западной Европы до середины XIX в. Положение улучшилось только в Скандинавии, где после 1810 г. наблюдалась тенденция к снижению младенческой смертности. Даже в промышленно развитой Северной Англии этот показатель уровня жизни начал снижаться только в середине XIX в., до 1850 г. имел место рост детской смертности (Huck, 1995). Аналогично, не менее пессимистические показатели демонстрировали Австрия и Германия (где детская смертность оставалась очень высокой: в Германии в 1860-е гг. в возрасте до од-

ного года умирали три ребенка из десяти), а также Нидерланды, Бельгия и Испания (Lee and Marschalck, 2002; Chesnais, 1992, pp. 58–59, 580–581).

Очевидно, что отрицательные последствия городской жизни — неотъемлемая часть нашей истории. Саймон Шретер наглядно продемонстрировал, что основными последствиями *laissez-faire* в расходах на социальную сферу английских городов были «разрушение, лишение, болезнь и смерть» (4 D — disruption, deprivation, disease, death) (Szreter, 1997). Положение континентальных городов было немногим лучше. В Гамбурге, например, роль «тревожного колокола» сыграла вспыхнувшая в 1892 г. эпидемия холеры, раскрывшая многим глаза на огромную пропасть между инвестициями в социальную сферу и быстрой экономической экспансией города (Evans, 2005). Попытки анализа показателей гигиенического состояния и уровня развития здравоохранения не позволяют сделать вывод о наличии четкой корреляции с доходом в расчете на душу населения. С одной стороны, Скандинавия (за исключением Финляндии) встала на путь снижения смертности. С другой стороны, поразительными выглядят безрадостные результаты Германии. Одно из объяснений низких демографических показателей заключается в снижении количества женщин, вскармливавших младенцев грудью: чем больше женщин было на рынке труда, тем в большей степени грудное вскармливание уступало место менее гигиеничным способам кормления грудных детей.

Фактические данные, которыми мы располагаем, позволяют сделать однозначный вывод: до начала 1870-х гг. в переживавших индустриализацию странах Западной Европы происходило медленное повышение уровня жизни населения. Важной составной частью изучаемой нами матрицы были изменения относительных цен. Например, установлено, что сельское хозяйство Нидерландов немало выиграло от индустриализации Великобритании. Имеется в виду растущий экспорт продукции животноводства через Северное море. Соответствующее повышение внутренних цен на продовольствие (прежде всего, на такие высококачественные продукты, как масло, сыр и мясо), следствием которого стало ухудшение рациона питания, помогает объяснить стагнацию показателя среднего роста голландцев, продолжавшуюся до середины 1850-х гг. (van Zanden and van Riel, 2004). Вообще говоря, до начавшегося в 1860–1870 гг. «сельскохозяйственного вторже-

2. Так называемый чистый капитализм — идеальная модель функционирования капиталистической экономической системы, в которой: материальные ресурсы находятся в частной собственности; а рынки и цены используются для направления и координации экономической деятельности. — Прим. ред.

ния» цены на продовольствие в Европе неуклонно повышались, что подрывало с точки зрения покупательной способности населения выгоды, связанные с повышением номинальной заработной платы. В этом смысле реальный прорыв в повышении уровня жизни произошел после *примерно* 1865 г. (или даже 1870 г.), когда растущий импорт дешевых зерновых и продуктов животноводства с другой стороны Атлантики привел к радикальному изменению ценовых тенденций и к внезапному и очень сильному повышению реальной заработной платы во время «сельскохозяйственной депрессии» (мировой сельскохозяйственный кризис. — *Ред.*) 1873–1896 гг.

С другой стороны, аналогичные изменения цен происходили и в сельскохозяйственных областях Европы. Начиная с 1820-х гг. резкое снижение цен на хлопчатобумажные изделия и повышение стоимости продукции сельского хозяйства в Восточной и Юго-Восточной Европе способствовали импорту фабричных текстильных изделий, что, в той или иной степени, обусловило снижение активности уже существовавших обрабатывающих производств и углубление аграрной специализации. В кратко- и среднесрочном периодах эта ценовая динамика была выгодна потребителям и сельским производителям. В то же время она означала более поздний переход к индустриализации, а также к экономическому росту современного типа в этих более бедных регионах континента (Williamson, 2006).

В общем, в то время как в Западной Европе медленно повышалась ожидаемая при рождении средняя продолжительность жизни, в остальной части континента до 1870 г. увеличение этого показателя носило еще более ограниченный характер (табл. 9.3). В результате, как и в случае со средними доходами и реальной заработной платой в 1820–1870-е гг. произошло увеличение разрыва в показателях ожидаемой при рождении средней продолжительности жизни между Западной Европой с одной стороны и Южной (Италия и Испания) и Восточной (Россия, Турция и другие страны) Европой с другой стороны.

Третий элемент пессимистической интерпретации связан с отрицательными последствиями появления и развития фабричной системы, предъявлявшей к рабочим такие требования, как высокая дисциплина (капиталоемкий способ производства требовал постоянного внимания со стороны рабочих как условия функционирования машин) и продолжительный рабочий день. Но «вершиной» фаб-

рики стала все более широкая «эксплуатация» женского и детского труда. Возможно, эта трансформация, как было установлено Энгельсом еще в 1844 г. (см. также Thompson, 1967), и сдерживала реальное повышение уровня жизни городского или промышленного населения. Последовательное увеличение рабочего дня вплоть до середины XIX в. подтверждается множеством доступных сегодня документов (особенно в отношении Англии) (Voth 2001a). Аналогичные тенденции имели место и в других переживавших индустриализацию странах. Начиная с 1840-х гг. социальные реформаторы рассматривали это как одну из важнейших отрицательных сторон фабричной системы, предлагая в качестве средства ограничения ее последствий переход к новой социальной политике.

Впрочем, в реальности все было, вероятно, сложнее. Согласно гипотезе Яна де Вриза о «революции трудолюбия» увеличение рабочего дня и повышение интенсивности использования женского и детского труда было откликом домашних хозяйств на новые рыночные возможности или на стимулы, предлагавшиеся рыночной экономикой (появление таких новых товаров, как чай, сахар, кофе и т. д.); соответственно, женский и детский труд позволял домохозяйствам получать добавочный доход (de Vries 1994). Существует широкий круг научной литературы, посвященной исследованиям произошедшей в Западной Европе еще в XVIII столетии «потребительской революции». Исследователи уверены, например, в том, что увеличение потребления колониальных товаров было лишь вершиной айсберга, поскольку европейцам становились доступны и другие «предметы роскоши», такие как высококачественные текстильные изделия, часы, печи и фарфор. Эта проблема еще ждет своего решения. Очевидно, что появление в Европе новых потребительских товаров (от картофеля и поленты до кофе, чая и табака) означало расширение выбора, возможностей удовлетворения потребностей жителей континента, а значит и повышение уровня жизни, которое не способны учесть стандартные показатели реальной заработной платы и покупательной способности.

В то же время мы обязаны помнить о негативных последствиях расширившегося участия детей и женщин на рынке труда. Вероятно, одной из отличительных черт развития Англии в XVIII–XIX в., по сравнению с другими европейскими странами, является гораздо более интен-

ТАБЛИЦА 9.4.
Уровень грамотности* в ряде европейских стран в 1820–1870 гг.

	Великобритания	Франция	Германия	Нидерланды	Швеция	Италия	Испания	Турция	Россия
1820	53	38	65	67	75 [?]	22	20	6 [?]	8
1870	76	69	80	81	80 [?]	32	30	9 [?]	15

* Способность подписать документ (в %).

Источники: Crafts, 1997b, 2002; Baten and Pamuk, 2007.

сивное использование женского и детского труда (Hogrell and Humphries 1995). Побочный эффект этой специфической модели трудоинтенсивной индустриализации заключался, как представляется, в том, что одной из характеристик английской промышленной революции (когда важнейшую роль играло широкое использование в текстильной и других отраслях дешевого женского и детского труда) была стагнация процесса формирования человеческого капитала в период сильной экономической экспансии.

Еще одним важным показателем уровня жизни является грамотность населения. На протяжении XVIII в. уровень грамотности оставался более или менее постоянным, а в первой половине XIX столетия он начал достаточно медленно возрастать. В Англии во времена промышленной революции уровни формирования человеческого капитала были существенно ниже, чем в схожих с ней континентальных странах в периоды индустриализации (см. табл. 9.4) (более подробно см. Crafts, 1985a, p. 64). Англия уступала в этом отношении Швеции, Норвегии, Дании, Шотландии, Нидерландам и Пруссии. Единственной континентальной страной, вставшей на проторенный Англией путь трудоинтенсивной индустриализации, основывавшейся на низком, возможно, даже снижающемся уровне формирования человеческого капитала, была Бельгия (Vandenbroeke, 1985). Государства Юга Европы (Испания, Италия, а также Австрия) встали на путь догоняющего развития в области грамотности только во второй половине XIX в. До 1850 г. (возможно, даже до 1870 г.) разрыв между Севером с одной

стороны и Югом и Востоком континента с другой стороны продолжал расширяться (Boonstra, 1993, pp. 20–28).

Помимо прочего, политика европейских государств, разработанная в соответствии с указаниями либеральной экономической теории, никак не способствовала улучшению положения трудящихся. Согласно новым взглядам представителей политической экономии, общинные земли, издавна служившие основным источником существования значительной части сельского населения, были распределены между крестьянами и закреплены в частной собственности. При этом наиболее обделенными оказались беднейшие группы сельских жителей (de Moor et al., 2002). Одним из последствий Великой французской революции стало упразднение во многих городах гильдий ремесленников, игравших важную роль в городских сетях, обеспечивавших социальную защиту населения. Были пересмотрены законы о бедных — с целью ограничить количество людей, на которых они распространялись, что позволило европейским государствам добиться снижения соответствующих затрат. Наибольшую известность получила осуществленная в 1834 г. английская реформа Закона о бедных. Схожие изменения в сфере права были осуществлены и в других странах (в частности в Нидерландах в 1854 г.). Возможно, эта программа и основывалась на здравых экономических соображениях, а некоторые из предпринимавшихся мер способствовали повышению уровня жизни трудящихся (такие как упразднение Хлебных законов и других форм протекционизма). Но в наиболее развитых странах Европы основная тяжесть либеральных реформ очень часто перекладывалась на плечи беднейших слоев населения.

В то же время нельзя сказать, что либеральная экономическая политика несла с собой населению только плохие новости. Как показал Джером Блум в своей основополагающей работе *The End of the Old Order in Rural Europe* («Конец старого порядка в сельской Европе») (Blum, 1978), посвященной исследованию упразднения традиционных форм крепостничества, реформистское движение, начавшееся в 1760–1770 гг. по инициативе просвещенных правителей в Савойе, Дании и Австрии, получило новый импульс в результате Великой французской революции, а его кульминационным моментом стала отмена в 1840–1860 гг. крепостного права в Центральной Европе и в России. Мы не можем дать однозначную оценку воз-

действия этих реформ на уровень жизни населения, поскольку во многих случаях крестьяне должны были заплатить за свое освобождение немалую цену. Например, в России уже после освобождения крестьяне были «привязаны» к своим деревням и долгам, связанным с процедурой выкупа.

ИНДЕКС РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА

Разработка новых показателей уровня жизни была обусловлена растущей неудовлетворенностью исследователей традиционно использовавшимися показателями уровня жизни населения (ВВП в расчете на душу населения или реальная заработная плата), а также убежденностью в необходимости уделять большее внимание иным, помимо покупательной способности и качества жизни, аспектам благосостояния людей. В последнее время немалую популярность приобрел такой показатель социально-экономического благосостояния людей, как индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП, HDI), разработанный и постоянно используемый ООН при подготовке ежегодного «Доклада о человеческом развитии». Показатель ИРЧП представляет собой индекс, в который входят три основные составляющие — долголетие, знания и доход. Показателем долголетия является ожидаемая продолжительность жизни при рождении в годах, знаний — средневзвешенное индикаторов грамотности взрослых и контингента учащихся школ (в процентах), а также исчисленный по паритету покупательной способности ВВП в расчете на душу населения в долларах США 1990 г. Эти три элемента объединяются в единый индекс посредством измерения каждого из них в терминах выраженной в процентах дистанции между предполагаемыми минимумом и максимумом. Таким образом, ИРЧП принимает значения от 0 до 1. Если усилия ООН сосредоточены на сборе информации и исчислении актуальных ежегодных ИРЧП стран мира, то экономические историки попытались представить оценки этого индекса для XIX в. (Crafts, 1997b, 2002). Поскольку выше мы уже рассмотрели всю необходимую для расчетов информацию, мы можем исчислить ИРЧП для отдельных стран, что позволяет нам под иным углом зрения оценить изменения уровней

ТАБЛИЦА 9.5.

Индекс развития человеческого потенциала в 1820–1870 гг.

	Велико- британия	Франция	Германия	Нидерланды	Швеция	Италия	Испания	Турция	Россия
1820	0,383	0,303	0,344	0,380	0,403	0,221	0,210	0,134	0,129
1870	0,489	0,456	0,448	0,473	0,481	0,284	0,284	0,182	0,196

Источники: рассчитано по данным, приведенным в работах Крафтса (Crafts, 2002), а также Батена и Памука (Baten and Pamuk, 2007).

жизни в различных частях Европы в 1820–1870 гг. Данные вычислений суммированы в табл. 9.5.

Представленные в табл. 9.5 значения ИРЧП соответствуют нашим, сделанным ранее заключениям. Мы видим, что быстрое повышение в Великобритании после 1820 г. ВВП в расчете на душу населения не сопровождалось соответствующим увеличением ИРЧП. В действительности до 1870 г. другие европейские страны демонстрировали менее высокие темпы экономического роста, но имели лучшие достижения с точки зрения развития человеческого потенциала. С другой стороны, во многих континентальных странах наблюдались низкие темпы как роста дохода, так и повышения социально-экономического состояния. Мы имеем в виду Южную и Восточную Европу, в странах которой индустриализация либо осуществлялась очень медленно, либо в рассматриваемый нами период этот процесс даже не начинался. Другими словами, если до 1870 г. в пределах Западной Европы различия в степени развития человеческого потенциала сокращались, то по сравнению с остальным континентом, включая Южную Европу, они увеличивались.

КРИВАЯ КУЗНЕЦА?

Рассматривая приведенные выше фактические данные, мы увидели, что после 1820 г. начался довольно быстрый рост ВВП в расчете на душу населения, в то время как реальная заработная плата и другие показатели (биологического) уровня жизни в большинстве случаев демонстриро-

вали тенденцию к увеличению с довольно значительным лагом во времени. Было высказано мнение о взрывном росте социального неравенства, особенно в тех частях Европы, которые выиграли в наибольшей степени от наступления новой индустриальной эпохи (Williamson 1985). Это повышение степени неравенства послужило дальнейшему увеличению степени неравномерности распределения доходов и богатства, возникшему вследствие экономической экспансии и урбанизации за несколько столетий до начала XVIII века. В наиболее динамичных странах континента (в Англии, Голландии и Франции) уровень неравенства был очень высоким уже в XVIII столетии, что было обусловлено концентрацией земельной собственности и нажитого торговлей богатства (van Zanden, 1995). Во многих случаях свой вклад в усиление неравенства вносила и protoиндустриализация — создание класса живущих на заработную плату рабочих с одной стороны и группы богатых купцов с другой стороны. В других частях Западной Европы, например в Южной Италии, неравенство в доходах было, вероятно, значительно ниже, чем на Северо-Западе континента (Malanima, 2006a).

Исследователи различным образом объясняли возросшее неравенство в доходах. Согласно С. Кузнецу, для этого достаточно изменения отраслевой структуры экономики и повышения нормы урбанизации самих по себе; в соответствии с простой моделью «неограниченного предложения труда», в которой предполагается, что реальная зарплата жителей городов определялась низкой производительностью сельскохозяйственного производства, «экономический рост современного типа» первоначально выражается в повышении степени неравенства в доходах до тех пор, пока доля получателей заработной платы не достигнет примерно 50% численности городского сектора, или до тех пор, пока не начнется существенное повышение реальной заработной платы, вызванное исчерпанием избытка рабочей силы в сельском хозяйстве. Изучение данных о фактических уровнях реальной заработной платы позволяет предположить, что такой поворотной точкой стал период после 1850 г. (возможно, даже после 1870 г.), когда в европейских странах существенно ускорился рост заработной платы рабочих. Иная интерпретация кривой Кузнецца была предложена Дж. Уильямсоном в его исследовании развития английского капитализма (Williamson, 1985); исследователь рассматривает в качестве

движущей силы «гонку между технологией и образованием» (уже проанализированную Я. Тинбергеном (Tinbergen, 1975)). На первых стадиях процесса индустриализации повышение спроса на квалифицированный труд ведет к увеличению квалификационной надбавки к зарплате, следствием чего становится повышение степени неравенства в доходах. В этот период, по мнению Уильямсона, расширение образования не успевает за спросом на квалифицированную рабочую силу. Значительное увеличение ее предложения происходит только через несколько поколений, что ведет к снижению надбавки за квалификацию. В то же время некоторые исследователи, и в частности Файнштейн (Feinstein, 1998), поставили под сомнение использовавшуюся в анализе Уильямсона базу фактических данных. И наконец, вероятно, здесь мы имеем дело с политэкономической историей: развитие парламентской демократии (во второй половине) в XIX столетии, и, прежде всего, расширение прав среднего и низшего социальных классов, имело важнейшие последствия для государственной политики. В их число входили, например, растущее предложение образования, что способствовало дальнейшему ускорению роста (Lindert, 2004), а также социальных программ, направленных на передачу части доходов низшим классам (Acemoglu and Robinson, 2005; практический пример из истории Нидерландов см. в van Zanden and van Riel, 2004). И вновь, поворотный пункт, по всей вероятности, приходится на третью четверть XIX в.: во многих странах поиски ответа на зародившийся в умах европейских политиков после 1848 г. «социальный вопрос» (долгосрочная проблема интеграции «пролетариата» в политическую систему) привели к постепенным реформам, которые помогли остановить волну нараставшего неравенства. Впрочем, на этот путь встали отнюдь не все государства; особенно сложным оказался выход на дорогу реформ для стран, не относившихся к Западной Европе, в которых отсутствовала или была ослаблена система сдержек и противовесов, присущая парламентской демократии. В то же время согласно рассмотренным нами в этой главе фактическим данным за пределами Западной Европы экономический рост, равно как и увеличение степени уже существовавшего неравенства, наблюдались в гораздо меньших масштабах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы приходим к выводу, что Фридрих Энгельс имел все основания для тревоги по поводу растущего неравенства и массовой бедности английских трудящихся. Однако не все его оценки были справедливыми. Очевидно, что в 1700–1870 гг. происходило ускорение экономического роста (на Северо-Западе Европы оно началось раньше и было более сильным, чем на остальном континенте); рост реальной зарплаты, как правило, происходил с задержкой (и вновь, заработная плата была выше на Северо-Западе континента, чем где бы то ни было еще); улучшение других показателей, таких как рост людей, младенческая смертность, грамотность, во многих случаях (в особенности в Англии) отставало во времени еще больше. Плоды промышленной революции распределялись по континенту в высшей степени неравномерно, как с пространственной точки зрения (неудивительно, поскольку индустриализация зародилась в одном из удаленных от центра континента уголков), так и в социально-экономическом смысле. Более всего пространственное неравенство увеличивалось, а социальное неравенство резко нарастало в тех частях Европы, которые извлекали наибольшую прибыль из новой индустриальной эпохи (Williamson, 1985). Таким образом, был придан новый, дополнительный импульс росту неравенства в распределении доходов и богатства, происходившему в предшествовавшие XVIII в. столетия на основе экономической экспансии и урбанизации. Следует добавить, что в 1870–1914 гг. многие из рассмотренных нами в этой главе тенденций повышения степени неравенства внутри отдельных стран и между различными государствами полностью изменились, но это уже тема другой главы.

Таким образом, индустриализация стран Западной Европы происходила в условиях огромного и все более углублявшегося неравенства в доходах. У теоретиков, которые стремятся идентифицировать связи между неравенством и ростом, нет ни малейших оснований для того, чтобы рассматривать Западную Европу как пример региона, в котором экономический рост происходил в условиях относительно низкой степени неравенства в доходах или благосостоянии. Впрочем, здесь необходимо сделать одно уточнение; с точки зрения политических прав и за-

щиты прав собственности граждане западноевропейских государств, возможно, находились в лучших условиях, чем жители других стран мира. В результате «Атлантической революции», и, прежде всего, Великой французской революции, на свет появилось новое понятие гражданства (по крайней мере в теории), а жители стран Западной Европы получили дополнительные политические права. Западные европейцы удалось сохранить их даже в условиях доминирования во внутренней и международной политике в течение нескольких десятилетий начиная с 1815 г. консервативных сил. Ценой, которую пришлось заплатить за эти новые права, стал отказ от традиционных способов организации «голоса» — гильдий, городских собраний и других корпораций. Происходившая в 1776–1848 гг. трудная трансформация политических систем заложила основу для реального прогресса в этом направлении во второй половине XIX в.

ГЛАВА 10

Урбанизация

ПАОЛО МАЛАНИМА

СОДЕРЖАНИЕ

География урбанизации ·	364
Хронология урбанизации ·	372
Урбанистический переход ·	380
Заключение ·	388
Приложение ·	388

Я благодарю Оливера Волькарта за сотрудничество в работе над первым вариантом этой главы.

ДЕВЯТНАДЦАТОЕ столетие ознаменовано переходом Европы от цивилизации, основывавшейся на сельском хозяйстве и жизни в деревнях, к цивилизации, тремя столпами которой являются промышленность, сфера услуг и города. Урбанизация была одним из основных изменений, произошедших в течение длившейся последние два столетия модернизации.

В прошлом превалировали дуалистические экономика и общество, когда городской и сельский миры были глубоко отличными друг от друга сферами, как с социальной, так и с экономической точки зрения. В сельской местности основу человеческих взаимоотношений образовывали семейные связи и интеграция в деревенскую и общинную жизнь. В городах, напротив, преобладали отношения между отдельными людьми, сотрудничавшими друг с другом в рамках более широкой системы социальных и экономических контактов и обменов¹. Если характеристическими чертами городов были инновации и технические изменения, то деревню отличали стабильность и традиции.

Начиная с Макса Вебера и поныне городские центры Запада часто определялись как «города производителя», что позволяет отличать их от древних и не-западных «городов потребителя»². Впрочем, данное различие не соответствует реальности — производство и потребление являются взаимопереплетающимися чертами любого города³. В предшествовавшую Новому времени эпоху европейские столицы были центрами судебной и связанной с ней бюрократии, испытывавшими потребности в услугах, которые также являются видом производительной деятельности⁴. В начале Нового времени европейские города предлагали широкие возможности занятости,

1. См. все еще полезную работу Л. Вирта (Wirth, 1938).

2. М. Вебер остается признанным авторитетом в исследованиях, посвященных средневековым городам и городской жизни в начальный период Нового времени (Weber, 1921).

3. Некоторые дополнительные предположения в рамках рассматриваемой темы могут быть почерпнуты в работе П. Фельбауэра, М. Миттерауэра и В. Швенткера (Feldbauer, Mitterauer, and Schwentker, 2002).

4. См. интересную статью О. Бруннера (Brunner, 1968).

5. В дальнейшем миграция в города поощрялась существованием в средневековом сельском хозяйстве «скрытой безработицы», схожей с той, которая существует в любой преимущественно аграрной экономике; см. работу Дж. Харриса и М. Тодаро, посвященную современным городам в развивающихся странах (Harris and Todaro, 1970).

тем самым привлекая людей, проживавших в сельской местности.

Экономическая модернизация привела сначала к размыванию, а затем и к исчезновению разделения между городом и селом. Следствием структурных изменений, характеризовавшихся уменьшением доли сельского хозяйства в общей численности занятых и объеме производства и возрастанием долей промышленности и сферы услуг, стало относительное снижение роли аграрной сферы и сельской жизни в экономике и обществе.

Фаза урбанизации, которая будет описываться в этой главе, ознаменована переходом от традиционного мира, в котором города были небольшими островками в безбрежном море традиционной аграрной системы, к современному миру, в котором города оказывают глубочайшее влияние на все и каждую черту социальной и экономической жизни. После знакомства с европейской урбанистической географией мы проследим за переходом от старой к современной урбанизации и рассмотрим отношения между этими изменениями в городских системах с одной стороны и началом современного роста с другой стороны.

ГЕОГРАФИЯ УРБАНИЗАЦИИ

Города

Ученые предлагают разные определения того, что следует понимать под «городом». Различия в дефинициях отражают социальные, политические, религиозные и экономические характеристики городского мира. С экономической точки зрения город представляет собой *устойчивое поселение, жители которого заняты различными видами деятельности, преимущественно в промышленности или в сфере услуг*. Это определение распространяется и на «города потребителей», то есть те, в которых преобладает предоставление услуг. Если мы попробуем избрать в качестве критерия определения города долю (в процентах) занятых в промышленности и сфере услуг, у нас возникнет проблема с определением характера поселений в отдаленном прошлом, вызванная недостатком информации о структуре занятости населения. В некоторых частях Северной Европы городскую профессиональную структуру имели центры с населением менее 2000 жителей. И наоборот,

ТАБЛИЦА 10.1.
Нормы урбанизации в 1800 г. (города
с населением 10000 и более человек)

		%
1	Китай	3–4
2	Япония	12
3	Россия	3
4	Европа	8–9
5	Ближний Восток	12
6	Индия	6
7	Остальное Восточное полушарие	1,5
8	Северная Америка	3
9	Южная Америка	7
10	Центральная Америка и Вест-Индия	3,5
	Весь мир	5

Источники: De Vries, 1984, p. 349; приложение к этой главе; Maddison, 2007, p. 39.

на Юге, в поселениях с населением более 10000 человек, могли преобладать крестьянские семьи.

Исследователи, изучающие характер урбанизации в прошлом, довольно часто определяют города как поселения с населением свыше 5000 или более 10000 человек. Нам приходится идти на необходимые упрощения, когда мы пытаемся выйти за региональные границы и провести сравнения различных городских структур и уровней⁶.

Глобальный взгляд

В прошлом в аграрных обществах в городах проживало незначительное меньшинство населения. В современных обществах большинство жителей сконцентрировано в городских центрах. В Европе в начале Нового времени в городских центрах с населением 10000 и более человек проживало менее 10% населения. В конце XX в. доля горожан увеличилась до примерно 70%⁷.

В 1800 г. численность населения Земли составляла 900 млн человек, из которых около 50 млн (5,5%) проживало в городских центрах с населением более 10 тыс. жителей: количество таких центров составляло 1500–1700, а

6. В дальнейшем, в отсутствие особых указаний, мы понимаем под городом центр, население которого превышает 10000 жителей.

7. Короткий, но весьма полезный обзор произошедших изменений см. в работе П. Байроха (Bairoch, 1992).

8. Предлагаемые оценки количества городов и численности их жителей в 1800 г. превосходят данные, представленные Я. де Вризом (de Vries, 1984, p. 349). Они кажутся более достоверными, так как были получены на основе данных, приведенных в наших таблицах, относящихся к Европе, данных в приложении, превышающих оценки де Вриза.

9. Включая Египет, Сирию, Ирак и Турцию. В табл. 10.1 различия в уровне урбанизации зависят от выбора степени охвата рассматриваемых областей. Высокий уровень ближневосточной урбанизации обусловлен существованием в регионе семи крупных городов (в которых в совокупности проживало около 1 млн человек) (de Vries, 1984, p. 350). Если мы исключим некоторые регионы Восточной Европы, показатели европейской урбанизации значительно возрастут и превысят соответствующие значения для Японии и Ближнего Востока.

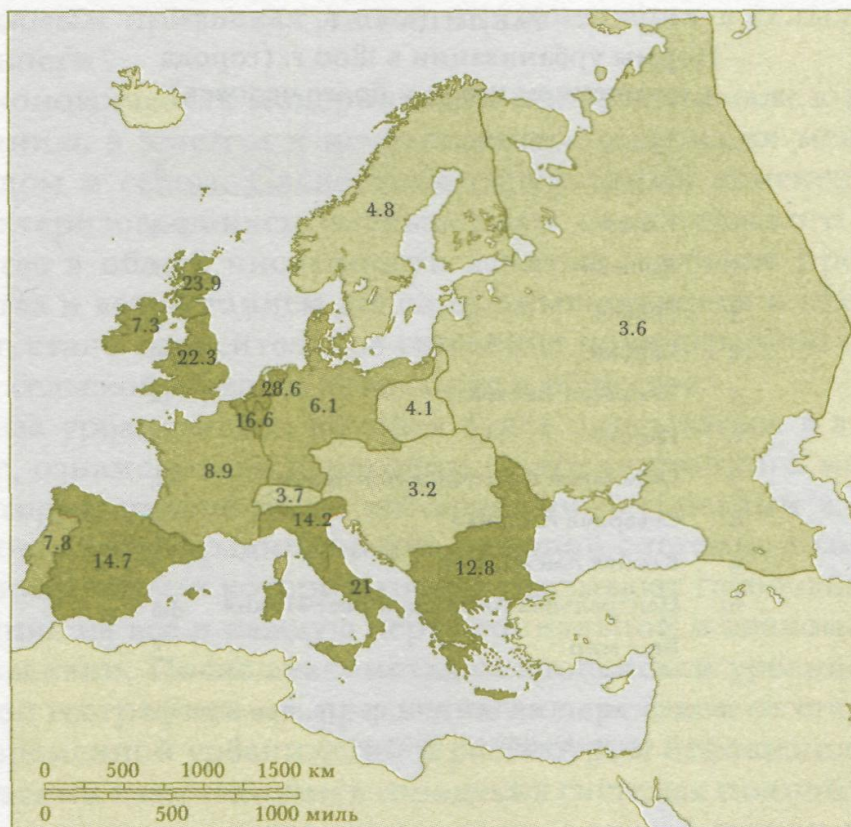

РИС. 10.1.
Европейская урбанизация в 1800 г.

количество городов с населением более 5000 жителей превышало 4000⁸. В то время Европа была одной из наиболее урбанизированных областей мира (табл. 10.1). На ее долю приходилась примерно одна треть от общего количества городов в мире. Коэффициент (норма) урбанизации в Западной Европе превышал 15%. По этому показателю Западная Европа опережала и Японию, и Ближний Восток⁹.

Европейская урбанизация в 1700 г. и в 1800 г.

В 1800 г. норма урбанизации в Европе (8–9%) превосходила среднемировую (5%). В то же время на континенте имели место значительные региональные различия (рис. 10.1). В некоторых восточных регионах континента нормы урбанизации составляли около 3%, в то время как в других странах доля горожан в общей численности населения превышала 20%, а в Голландии она достигала почти 30%.

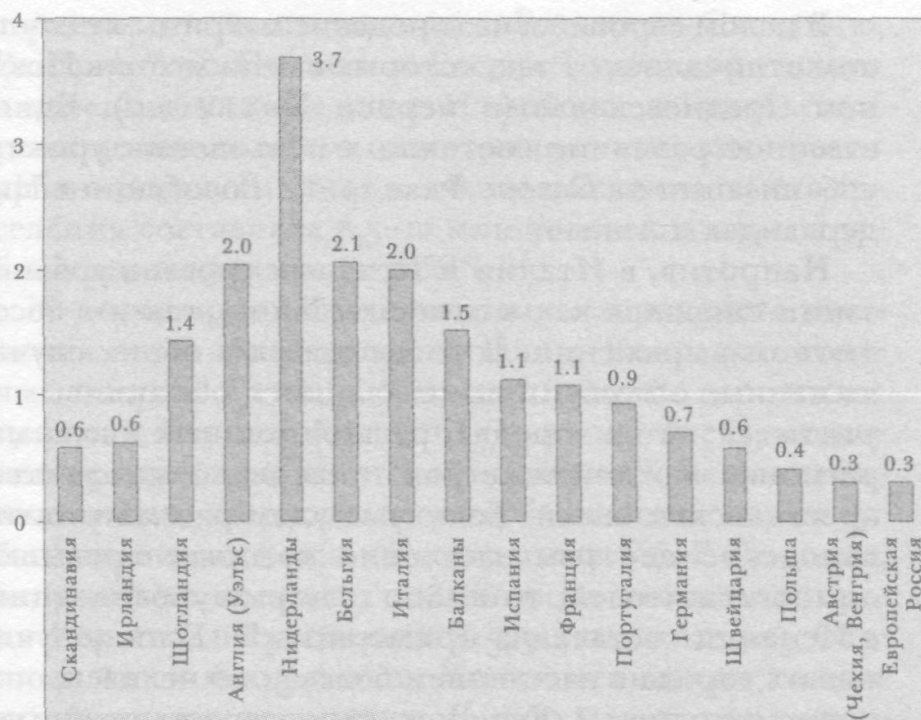

РИС. 10.2.

Европейская урбанизация в 1750 г.
(среднеевропейское значение = 1)

Разделив континент на четыре относительно гомогенные с точки зрения урбанизации области¹⁰, мы обнаружим, что в 1700 г. наиболее высокие ее нормы имели место на Севере — от Фландрии до Голландии и Англии — и в Средиземноморских странах. В обеих областях нормы урбанизации достигали 12–13% в 1700 г, и более чем 15% в 1800 г. В центральноевропейских странах, таких как Франция и Германия, соответствующие показатели не превышали 10%¹¹, а на Востоке¹² — 5%.

Ядро европейской урбанизации

На уровне отдельных стран наиболее высокие уровни нормы урбанизации наблюдались в середине XVIII в. вдоль воображаемой линии, проходившей от Южной Англии, через Нижние земли (Нидерланды) и Северную Францию до Италии (рис. 10.2). К западу от этой линии коэффициенты урбанизации не превышали 10% (за исключением Испании, имевшей высокую норму).

10. См. рис. 10.3, на котором европейские страны разделены на четыре области.

11. Данные о Германии см. также Statistik des Deutschen Reichs (1877).

12. За исключением Балканских стран, о которых см. замечания ниже.

13. Попытка решения трудной задачи, заключающейся в установлении связи между этим изменением и специфическими чертами различных институтов на Севере и на Юге Европы, была принята Б. ДеЛонгом и А. Шлейфером (DeLong and Shleifer, 1993).

14. Эти представленные Э. Лописом Агеланом и М. Гонсалесом Марискалем (Llopis Agelán and Gonzáles Mariscal, 2006) данные превышают аналогичные значения, приведенные в приложении. Более высокими являются и ряды, полученные К. Альваресом-Ногалем и Л. Прадосом де ла Эскосурой (Álvarez-Nogal and Prados de la Escosura, 2007) на основе расчетов с использованием данных, опубликованных в работе П. Байроха, Ж. Бату и П. Шевре (Baïroch, Batou, and Chèvre, 1988). Интересные сведения об испанской урбанизации (используемые мною в этой главе) содержатся в работе А. Каррераса и К. Тафунелля (Carreras and Tafunell, 2005).

В целом европейские городские матрицы не слишком отличались от тех, которые имели место в Позднем Средневековье (в период X–XIV вв.). Единственное различие состояло в повышении уровня урбанизации на Севере Фландрии, и особенно в Нидерландах и Англии¹³.

Напротив, в Италии и Испании уровень урбанизации снизился как в относительном, так и в абсолютном выражении. В то же время в обоих случаях данные об урбанизации являются обманчивыми, учитывая, что в городах, расположенных в южных регионах каждой из стран проживало множество крестьянских семей. Если мы будем рассматривать городские центры, население которых превышало 10000 жителей, то в 1800 г. норма урбанизации в Испании составляла примерно 14%. Если же учитывать города с населением более 5000 человек, она повысится до 24%. Если исключить крестьянские семьи, то соответствующие показатели снизятся до 11% и 14% соответственно¹⁴. Начиная с глубокой древности одной из особенностей Южной Италии с точки зрения урбанизации были широко распространенные в этой области агрогорода (Malanima, 1998, 2002, 2005). Если мы примем во внимание города с населением более 5000 человек, то на Сицилии в 1800 г. норма урбанизации достигла бы 66%, что в то время было, вероятно, мировым рекордом. Если бы урбанизация была показателем богатства и прогресса, то мы должны были бы рассматривать Сицилию как наиболее развитый, в рассматриваемом нами периоде, регион мира, значительно превосходивший Англию (показатель урбанизации — всего лишь 30%). Поэтому имеющиеся данные о городах следует использовать очень осторожно, чтобы избежать упрощений и ошибок.

Периферия городской Европы

15. Данные о скандинавских городах были пересмотрены на основании работы И. Галетти (Galletti, 1822).

Гораздо более низким был уровень урбанизации регионов, соседствовавших с Западной Европой. В Скандинавии крупные центры встречались редко¹⁵, а жители городов составляли около 5% общей численности населения. В восточноевропейских

странах, от Австрии, через Богемию, Словакию, Венгрию¹⁶ до Польши и России¹⁷, доля городского населения была еще ниже. И наоборот, в Балканском регионе имели место относительно высокие нормы урбанизации. В XVIII в. общая численность его населения составляла 8,5–12 млн человек, а нормы урбанизации превышали 12%¹⁸.

В то же время более половины городского населения этой области проживало в Константинополе, который в 1700 г. был крупнейшим городским центром Европы (более 685 тыс. жителей), столицей крупнейшей азиатской империи¹⁹. Если мы исключим его из рассмотрения, балканская норма урбанизации снизится до всего лишь 6%. В Лондоне, втором в то время по численности населения городе Европы, насчитывалось 575 тыс. жителей. Столица Англии превзошла Константинополь только приблизительно в 1750 г. К 1800 г. она стала крупнейшим европейским городом (865 тыс. жителей), оставив позади и Париж (581 тыс. горожан) и Константинополь (560 тыс. человек). В число других крупных городов континента входили Неаполь (320 тыс. жителей), Москва (300 тыс. человек), Вена (231 тыс. человек), Петербург и Амстердам (в обоих проживало около 220 тыс. человек), а также Мадрид, Лиссабон, Дублин и Берлин (150–200 тыс. человек).

Географическая структура урбанизации

Как распределялись города в пределах Европы? Географы и демографы показали, что сегодня в некоторых европейских регионах распределение городов подчиняется правилу «ранг–размер»²⁰, которое может быть выражено следующим уравнением:

$$S_r = \frac{S_1}{r},$$

где S_r — размер (то есть численность населения) отдельного города; S_1 — размер крупнейшего в регионе города; r — ранг, представленный сериями натуральных чисел от 1 (главный город) до n .

Согласно этому правилу численность населения города второго ранга должна составлять полови-

16. Для того чтобы выделить восточные города в регионах, находившихся под суверенитетом Австрии, мы использовали данные, представленные в работе И. Зоммера (Sommer, 1839).

17. Данные конкретно по России см. в работе А. Каппелера (Kappeler, 2002).

18. Данные о численности населения городов и городского населения Балкан содержатся в работах Ф. Картера (Carter, 1977), Б. Макгоуэна (McGowan, 1981), М. Палайрета (Palairer, 1997) и Н. Тодорова (Todorov, 1983). Я благодарен С. Памуку за множество высказанных им предположений относительно численности населения и уровня урбанизации на Балканах.

19. Имеется в виду население европейской части города, гораздо более крупной, чем азиатская. В азиатской части Стамбула проживало 15–20% всего населения города (Meyers Konversations-Lexikon, 1885–1890).

20. Правило «ранг–размер» было предметом оживленных дебатов. Далеко не все ученые согласны с тем, что эта матрица распределения сохраняет силу и в наши дни. Обсуждение этой темы с исторической точки зрения см. в работе де Вриза (de Vries, 1984, pp. 49 ff.).

ну населения города с рангом 1, численность населения третьего по рангу города — одну треть и т.д. Если в аграрных обществах прошлого распределение городов в любом данном регионе следовало бы тому же правилу, мы могли бы легко исчислить численность городского населения, зная только размер первого по рангу города. Для этого мы должны были бы, используя приведенную выше формулу, увеличивать ранг до тех пор, пока не получим результат для выбранного нами порогового значения S_r (10000 человек или 5000 человек). Для того чтобы получить значение численности городского населения региона, достаточно было бы просуммировать исчисленные значения для всех городов.

21. В последние несколько лет было опубликовано большое количество работ, посвященных распределению ранг-размер. Весьма полезным в этом отношении является обзор современных исследований Ф. Нича (Nitsch, 2005). См. также работы К. Су (Soo, 2003) и К. Габе и Я. Иоаннидеса (Gabaix and Ioannides, 2004).

22. Более подробно о распределении ранг-размер и его использовании см. в приложении к этой главе.

Правило «ранга-размера» было проверено и в отношении некоторых современных городских регионов (хотя и со множеством исключений)²¹. В то же время оказалось, что независимо от рассматриваемого региона, распределение первых 5–10 городов не полностью соответствует матрице ранга-размера. Кроме того, статистическому правилу не подчиняются города, численность населения которых составляет менее 2000 жителей. И наоборот, было установлено, что промежуточные города (те, которые находятся между пятым городом и центрами с населением менее 2000 человек) распределяются вдоль прямой линии на графике в логарифмических осях²². Чем больше угол наклона интерполяционной кривой, тем более распределение городов является иерархическим (некоторые крупные города окружены меньшими по численности населения центрами). Чем меньше угол наклона кривой, тем менее очевидной является городская иерархия и тем более полицентрична городская система. В любом случае определение не случайным образом размеров региона, на котором проверяется действие правила, — весьма трудная задача, особенно тогда, когда речь идет о далеком прошлом Европы. Полученный результат во многом зависит от территориальной протяженности выбранного региона: как правило, чем меньше регион, тем больше угол наклона.

Рассредоточение (дисперсия) и иерархия зависят от функций, которые выполняются городом, а также географии и транспортных издержек, которые несут люди, использующие эти городские функции. В то время как агломерационные силы способствуют развитию иерархических структур, транспортные расходы подразумевают рассредоточение функций между большим количеством

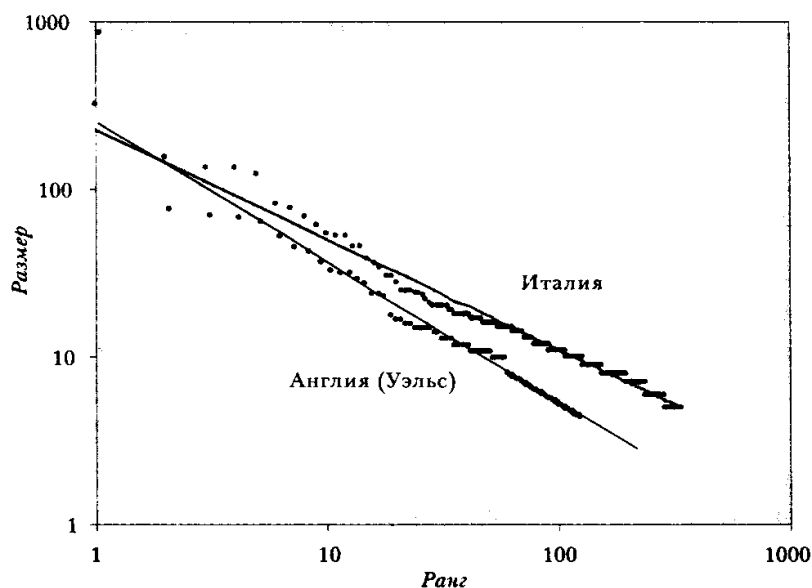

РИС. 10.3.
Распределение по рангу-размеру в Англии (Уэльсе)
и в Италии в 1800 г. (города с населением
5000 и более человек)

различных городов. Произшедшая в XIX в. транспортная революция сыграла важную роль в движении европейских городских систем в сторону более иерархических структур²³.

Два кейса (конкретных примера)

В предшествовавший Новому времени период городской пейзаж Европы состоял из иерархических структур с одной стороны и кластеров крупных городов с другой стороны. Для 1800 г. в качестве ярких примеров этих двух крайностей могут рассматриваться Италия и Англия (рис. 10.3). Известно, что начиная с Позднего Средневековья Англия характеризовалась наличием относительно скромных по размерам городов и крупной по численности населения столицей, или главным городом — Лондоном²⁴. В 1700 г. и в Англии, и в Италии коэффициент урбанизации составлял примерно 13%. Вторым по размерам английским городом был Норвич с населением 29000 человек (одна двадцатая от количества жителей Лондона). В еще одиннадцати городах численность населения превышала 10000 человек. В Италии насчитывалось 66 горо-

23. См. также приведенные ниже замечания относительно первой фазы урбанизации Европы в Новое время.

24. Месту Лондона в английской экономике посвящена работа Э. Ригли (Wrigley, 1967).

25. В то время численность населения Англии составляла менее половины населения Италии.

26. В том случае, если Лондон включается в регрессию, как на рис. 10.1. В случае его исключения угол наклона снижается до 0,65. Коэффициент всегда является отрицательным (см. приложение).

27. О ситуации в конце Средневековья см. все еще полезную работу Дж. Рассела (Russell, 1972).

28. Источники данных для построения графика и данных, используемых в последующих таблицах, перечислены в приложении. В табл. 10.2 и в приложении 1 из некоторых временных рядов исключена Англия, с целью выделить английскую урбанизацию от европейской урбанизации в целом.

дов с населением более 10000 человек. В этой стране было много относительно крупных городов, ни один из которых не занимал доминирующей позиции.

В последующие века распределение городов не претерпело изменений. В 1800 г. для Англии угол наклона интерполяционной кривой был весьма высоким — 0,84²⁶. В Италии угол наклона кривой, характеризовавший распределение ее городской системы, был одним из наименьших в Европе — 0,66. Ближе всего к Италии была Германия (0,66); промежуточное положение занимали Франция и Испания (0,77 и 0,79), в то время как Австро-Венгрия (0,81), Балканы (0,86), Польша (0,86), Нидерланды (0,87) и Россия (0,88) были ближе к Англии.

ХРОНОЛОГИЯ УРБАНИЗАЦИИ

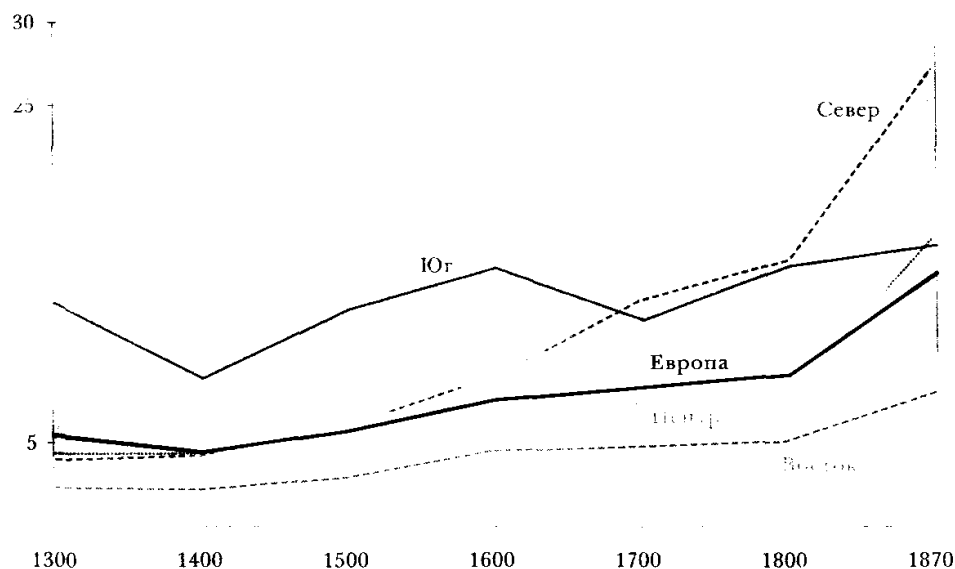
Взгляд издалека

Мы знаем, что урбанизация развивалась и в Средние века. В IX–XIII вв. доля европейского населения, проживавшего в центрах, численность которых превышала 5000 человек возросла с 6–8% до примерно 10% (Baigoch, 1988, pp. 118, 137)²⁷. Однако городское население было в большей степени, по сравнению с сельскими жителями, подвержено воздействию пандемии «черной смерти» (1348–1350 гг.), особенно в Средиземноморье, следствием чего стало снижение уровня урбанизации. Процесс восстановления занял весь период 1400–1600 гг. Последующие два столетия характеризовались медленным ростом. В 1800–1870 гг. доля населения, проживавшего в городских областях, практически удвоилась, если рассматривать центры с населением более 10000 горожан, и увеличилась почти на 60% для центров с количеством жителей свыше 5000 человек (рис. 10.4)²⁸.

Таким образом, в долгосрочной динамике европейской урбанизации мы можем выделить три четко различающиеся между собой фазы: рост в период Высокого Средневековья (900–1300 гг.), период относительной стабильности в 1300–1800 гг. и современный рост начиная с 1800 г.

Темпы роста, достигнутые в конце XX в., едва ли будут превышены когда-либо в будущем, хотя некоторое их увеличение все же возможно — согласно имеющимся прогнозам в 2030 г. уровень урбанизации будет лишь незначитель-

ГЛАВА 10. УРБАНИЗАЦИЯ

Примечание: жирная линия обозначает темпы урбанизации в Европе в целом. В регион *Север* входят Скандинавия, Англия и Уэльс, Шотландия, Ирландия, Нидерланды и Бельгия; в регион *Центр* — Германия, Франция, Швейцария; в регион *Юг* — Италия, Испания, Португалия; в регион *Восток* — Австрия, Богемия, Венгрия, Польша, Балканы и Россия.

РИС. 10.4.

Европейская урбанизация в 1300–1870 гг.

ТАБЛИЦА 10.2.

Европейская урбанизация в 1700–1870 гг. (города с населением 10000 и более и 5000 и более человек, а также индексы)

	Европа	Индекс	Европа без	Индекс без	Европа	Индекс
	(> 10000)	(> 10000)	Англии	Англии	(> 5000)	(> 5000)
			(> 10000)	(> 10000)		
1700	8,2	1,00	7,9	1,00	11,4	1,00
1750	8,0	0,97	7,6	0,96	11,7	1,03
1800	9,0	1,10	8,3	1,05	12,4	1,09
1870	15,2	1,85	13,0	1,64	19,7	1,73

но превышать показатель 2000 г. (70%). После достижения определенного уровня скорость урбанизации неизбежно замедляется и в конечном итоге она останавливается.

Период 1700–1870 гг. может быть разделен на две фазы (табл. 10.2): последняя эпоха *предшествующей современности* стабильности между (1700–1800 гг.) и начало *современного урбанистического перехода* (1800–1870 гг.).

29. См. замечания Ригли (Wrigley, 2004b).

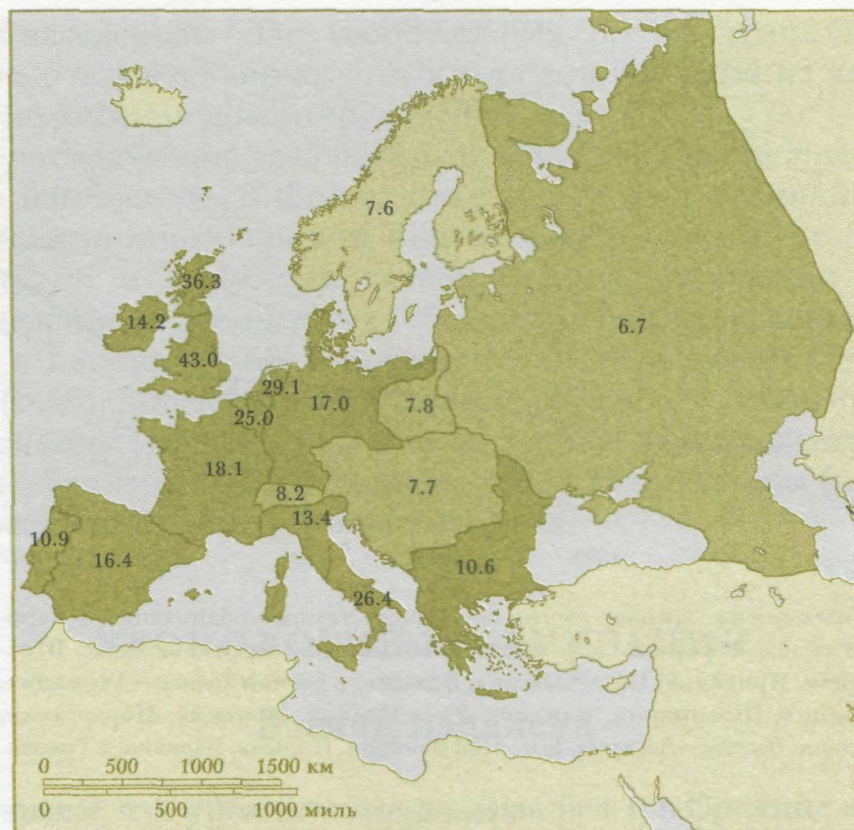

РИС. 10.5.
Европейская урбанизация в 1870 г.

Две эпохи

В первой из этих двух фаз (1700–1800 гг.) показатели роста городов были бы еще более низкими, если бы мы вычли рост аграрного населения, проживавшего в крупных центрах Южной Испании и Южной Италии. С другой стороны, нам известно о развитии в XVIII–XIX вв. protoиндустриальных видов деятельности в сельской местности³⁰. Очевидно, что низкая скорость урбанизации в XVIII в. отражает распространение промышленности за пределами городских стен³¹.

Произошедшая в XVIII столетии остановка урбанизации или, по любым меркам, медленный рост численности населения городов — отнюдь не только европейский феномен. В то время произошло общемировое снижение уровня урбанизации примерно на 10%. В Китае и Индии в 1800 г. доля городского населения была меньше, чем в 1700 г. Лишь в Северной Америке доля горожан увеличилась на 7–8%.

30. См. общий обзор в работе М. Кермана и Ш. Огилви (Cerman and Ogilvie, 1994).

31. См. также работу де Вриза (de Vries, 1994).

ТАБЛИЦА 10.3.

Количество европейских городов и их население в 1700–1870 гг. (города с населением 10000 и более человек, а также индексы)

	Количество городов	Индекс	Количество жителей	Индекс
1700	287	1,00	9375	1,00
1750	361	1,26	11492	1,23
1800	585	2,04	16936	1,81
1870	1299	4,53	47259	5,04

Во второй фазе, в 1800–1870 г. положение изменилось. В XIX в. численность городского населения увеличилась в Европе на 27 млн человек (Baigoch, 1988, p. 291) (в 1800–1870 г. на 22,5 млн). Если в 1800 г. на континенте насчитывалось 1600 городов с населением свыше 5000 жителей, то к 1870 г. их количество возросло до 3419. В целом в развитых сегодня регионах на протяжении XIX столетия нормы урбанизации возросли в три раза, с 10% до 30% (Baigoch, 1988, p. 495). Это был невиданный в истории человечества рост городов (рис. 10.5).

Несмотря на очень низкие темпы роста нормы урбанизации в XVIII в. следует отметить, что в рассматриваемый период происходило непрерывное повышение роли европейских городов. В дальнейшем их значение еще более возросло. Количество городов на континенте быстро росло, даже в тех регионах, где норма урбанизации снижалась или оставалась постоянной (табл. 10.3).

Что касается центров с населением свыше 5000 человек, то на протяжении XVIII в. их количество увеличилось на 86%, а к 1870 г. — в 4 раза. В свою очередь, в 1700–1800 гг. количество центров с населением более 10000 жителей удвоилось. Мы увидим рост и в том случае, если обратимся не к норме урбанизации, а к соотношению численности городского населения и площади территории. Изменение численности жителей городов отражает процесс формирования и развития человеческого капитала. Очевидно, что городские центры отличаются наиболее сильными человеческими взаимодействиями и интенсивным обменом полезными знаниями³². В границах современной Европы по сравнению с 1300 г. численность городского населения

32. О возможности численной оценки развития человеческого капитала в процессе роста городов см. интересные оценки Р. Лукаса (Lucas, 1988).

ТАБЛИЦА 10.4.

Количество европейских центров с населением 10000 и более человек и доля горожан в общей численности (для выборки из 147 городов, преодолевших рубеж 10000 жителей в 1700–1870 гг.)

	Количество	Доля горожан (147 городов), %
1700	287	6,2
1800	585	4,6
1870	1299	5,8

Примечание. Норма урбанизации основывается на количестве городов с населением 10000 и более человек.

увеличилась к 1800 г. в 3 раза, а к 1870 г. — в 9 раз. В 1800 г. городская культура была ближе к любому жителю Европы, чем в 1700 г., и еще более она была близка в 1870 г.

Городское население и городские центры

Для того чтобы подвергнуть анализу характерную для XVII в. урбанистическую стабильность, сменившуюся в XIX в. быстрым ростом городов, было бы полезно разделить процесс городского развития на две составляющие: рост городского населения в уже существовавших городах и рост количества городов. В какие-то периоды времени значительно возрастала численность населения, в то время как количество городов оставалось практически неизменным. В другие периоды численность населения существующих городов оставалась стабильной, но увеличивалось общее количество городских центров. В табл. 10.4 отражены происходившие в рассматриваемый нами период изменения обоих типов для европейских городов с численностью населения свыше 10000 жителей.

Обобщая представленные в табл. 10.4 данные, мы можем сказать, что в период между 1700 и 1800 годами снижение норм урбанизации более чем уравнивалось увеличением количества городских центров. В 1800–1870 гг. возросли и норма урбанизации, и количество городов. В целом рост доли городского населения в большей степени зависел от изменений количества городов, чем от роста

ТАБЛИЦА 10.5.

Нормы европейской урбанизации в четырех основных областях континента в 1700–1870 гг. (города с населением 10000 и более человек)

	1700	1750	1800	1870
Север	13,3	13,2	15,8	29,7
Центр	7,3	7,3	7,5	17,2
Юг	12,3	12,8	15,5	16,8
Восток	4,6	4,4	5,0	7,8
Европа	8,2	8,0	9,0	15,2

ПРИМЕЧАНИЕ. Страны, входящие в представленные группы, см. на рис. 10.4.

ТАБЛИЦА 10.6.

Процентные доли европейского городского населения в четырех основных областях континента в 1700–1870 гг. (города с населением 10000 и более человек)

	1700	1750	1800	1870
Север	21,8	21,2	24,6	31,7
Центр	28,6	27,7	24,5	29,8
Юг	30,1	30,5	28,8	17,2
Восток	19,5	20,5	22,1	21,3

ПРИМЕЧАНИЕ. Страны, входящие в представленные группы, см. на рис. 10.4.

уже существовавших центров. В 1700 г. количество городских центров с населением 5000 и более человек составляло 862, в 1750 г. — 1170, в 1800 г. — 1600, и в 1870 г. — 3419 городов. В то же время темпы роста городского населения лишь незначительно превышали скорость увеличения населения в целом, городами становилось все большее количество центров.

Четыре области

Разделение континента на четыре основные области позволяет нам более четко «рассмотреть» выделенные выше два периода в хронологии европейской урбанизации (табл. 10.5).

В относительных показателях наибольший в XIX в. (1800–1870 гг.) рост был отмечен в Центре (129%), имевшем наихудшие стартовые позиции, и на Севере (75%). Не столь сильным был рост на Востоке (56%) и совсем незаметным — на Юге (всего лишь 8%). Очевидно, что XIX столетие было последней фазой начавшегося еще в Позднее Средневековье перераспределения европейской урбанизации. Если в 1300 г. доля Юга в общем количестве городских жителей составляла 51%, то в 1400 г. она снизилась до 41% и оставалась стабильной (42%) на 1500 г. и на 1600 г. Однако уже в 1700–1750 г. этот показатель снизился до 30–31%, в 1800 г. — до 29%, и в 1870 г. — до 17,2%. С урбанистической точки зрения Евро-Средиземноморский континент становился все менее и менее Средиземноморским (табл. 10.6).

Отклонения от среднего уровня

Используя региональный масштаб, мы получаем возможность установить несколько примечательных отклонений от среднеевропейского уровня. Они относятся к отдельным регионам, которые в прошлом были важнейшими экономическими центрами, но в рассматриваемый нами период их значение неуклонно снижалось. В Италии, за исключением юга полуострова, где повышение нормы урбанизации было обусловлено ростом агрогородов, уровень урбанизации в 1700–1870 гг. застыл на отметке 13–14%. Более того, по сравнению с показателями Позднего Средневековья (18%) он лишь снизился³³. В 1700–1750 гг. уровень урбанизации снизился и в Нидерландах, но потом он оставался относительно стабильным вплоть до 1870 г. В XVI в. норма урбанизации уменьшилась и в Испании, однако в 1750–1870 гг. она восстановилась. В Португалии в XVIII столетии уровень урбанизации был ниже, чем в начале XVII в. (11,4%), и в 1800–1870 гг. он лишь незначительно повысился³⁴. В 1700–1870 гг. снизился уровень урбанизации на Балканском полуострове. В Австрийской империи экстенсивная урбанизация началась с очень низкого уровня (4%), но в дальнейшем темпы роста городского населения были выше, чем в Англии. Впрочем, к 1870 г. доля городских жителей в Австро-Венгрии составляла лишь половину от среднеевропейского уровня. Несмотря на рост численности населения Скандинавских стран в 1800–

33. Имеется в виду Северная и Центральная Италия (исключая Юг, с целью избежать влияния урбанизации, вызванной увеличением количества южных агрогородов).

34. Данные о Португалии цитируются по работе Н. Валерио (Valerio, 2001).

1870 гг., повышение уровня урбанизации в регионе оказалось едва заметным.

В Англии, Шотландии, Ирландии, Бельгии, Германии и Франции норма урбанизации значительно превысила средний уровень. Таким образом, география роста городского населения практически совпадает с географией первой европейской волны индустриализации. В 1800–1870 гг. на долю Англии, Шотландии и Ирландии пришлось 26% от общего роста городского населения Европы в целом.

Городские иерархии

Довольно широкое распространение получило допущение, согласно которому урбанистический переход выразился, в частности, в повышении степени иерархичности распределения ранг-размер в каждом государстве или территориальной области. Внедрение новых технических приемов в сфере транспорта способствовало повышению мобильности населения, следствием чего становилась концентрация функций в более крупных городах (во многих случаях в столицах государств). Силы агломерации взяли верх над силами городского рассеяния. Эта тенденция получила подтверждение в ходе исследований, проводившихся на данных различных регионов в XIX в. На первой фазе модернизации, о которой мы говорим, ситуация была другой. В 1700–1870 гг. наклон кривой урбанистического распределения становился более пологим, что означало возникновение тенденции к рассеянию, а не к централизации. Нас отнюдь не удивило произошедшее за 170 лет снижение угла наклона в таких стационарных с урбанистической точки зрения регионах, как Италия (0,71; 0,67), Испания (0,81; 0,74), Балканы (1,12; 0,80), Россия (1,08; 0,79) и даже Бельгия (0,92; 0,82)³⁵. Однако снижение затронуло и Англию (1,42; 1,03)³⁶. На всем континенте четкая тенденция к более сильной иерархии в урбанистическом распределении была выявлена только в Нидерландах (0,84; 0,91), Франции (0,73; 0,88), Германии (0,66; 0,75) и Польше (0,67; 0,96). Основная причина этих тенденций заключается в том, что, как мы видели в табл. 10.4, в первой фазе современной урбанизации многие небольшие города преодолевали порог 5000–10000 жителей. Следствием этого было расширение базы урбанистических пирамид в большинстве европейских регионов.

35. Первое заключенное в круглые скобки выражение относится к 1700 г., второе — к 1870 г. Все численные значения были получены с использованием регрессий, соответствующих уравнению, представленному в приложении.

36. Лондон был включен в коэффициенты регрессий, но исключен из данных, представленных в приложении. Включение или исключение Лондона влечет за собой значительные изменения в коэффициентах.

УРБАНИСТИЧЕСКИЙ ПЕРЕХОД

Структурные изменения и урбанистический переход

37. Интересная реконструкция европейского урбанистического перехода представлена в работе П. Хоненберга и Л. Лис (Hohenberg and Lees, 1985, chs. 6–8).

Урбанистический переход является одной из важнейших составляющих процесса радикальных изменений, результатом которых стал *экономический рост современного типа*, а также структурных изменений, сопровождавшихся значительным повышением производственных способностей современных национальных хозяйств. Примеры перехода к урбанизации и миграции в города мы встречаем даже в аграрных экономиках прошлого (например, в период Средневековья), но в XIX–XX вв. этот феномен приобрел невиданную в прошлом интенсивность. Доля городского населения, в прошлом составлявшего лишь незначительное меньшинство европейских жителей, непрерывно повышалась. Если в 1800 г. в городах проживало менее 10% европейцев, то в 1900 г. — уже 25–30% (de Vries, 1984, pp. 45–48), а в 2000 г. — 60–80%. В конце XIX столетия на аналогичный путь встали развивающиеся страны за пределами Европы, и во второй половине XX в. они достигли схожих показателей урбанизации. Если говорить о мире в целом, то в 1800 г. уровень урбанизации составлял 5%, в 1900 г. — 15–20%, в 2000 г. — 40% (Baigoch, 1988, p. 405; 1992).

Урбанизация представляет собой частный случай внутренней миграции. В рассматриваемый нами период в городах была более высокая смертность, чем в сельской местности, что было обусловлено плохими гигиеническими условиями. Рост численности городского населения в абсолютном и относительном выражении происходил благодаря притоку в них новых жителей из сельских областей. Миграция из сельской местности в общества прошлого являлась непосредственным источником урбанизации. В XIX–XX вв. рост миграции и норм урбанизации соответствовал тенденциям, представленным на рис. 10.6. Динамика миграции может быть представлена в форме параболы, или перевернутой U-образной кривой, в то время как нормы урбанизации описывались логистической кривой (низкий уровень в предшествующий Новому времени период, затем существенное увеличение в первой фазе современного роста и стабилизация в последние десятилетия XX в.) (de Vries, 1990, p. 54).

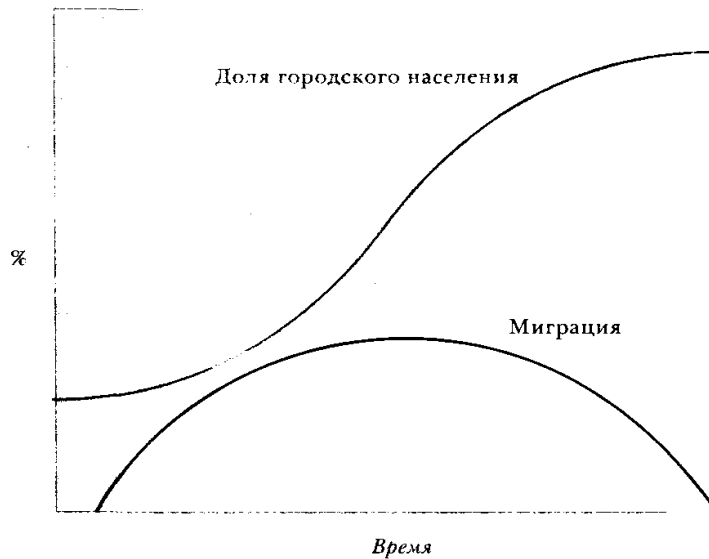

РИС. 10.6.
Урбанистический переход

В конце XIX в. произошло значительное улучшение гигиенических условий жизни в городах. Тем самым были созданы предпосылки для того, чтобы город превзошел село по такому показателю, как естественный рост населения. Вследствие этого показатели роста городского населения складывались из данных о внутреннем демографическом росте и иммиграционном потоке.

Дуалистическая система

Что касается детерминантов миграции из сельской местности, то они могут быть представлены с помощью двухсекторной модели, которая часто используется в экономической теории для объяснения миграционных потоков. Нашей отправной точкой является *дуалистическая экономика* (существовавшая до наступления Нового времени), отличительными чертами которой являются:

1. В сельской местности производятся продукты питания и сырье, а в городе сосредоточены промышленные предприятия и поставщики услуг. Конечно, нам известно, что в действительности имела место более сложная ситуация: производство промышленной продукции и предоставление услуг не были исключитель-

ной прерогативой городов, в то время как многие сельскохозяйственные рабочие жили в городских центрах. Однако этот дуализм оказывается весьма полезным допущением при рассмотрении обществ прошлого.

2. Первичные блага, производившиеся в сельской местности, отличались низкой эластичностью по доходу, в то время как вторичные блага и услуги — высокой. Таким образом, длительный устойчивый рост среднедушевого дохода обусловил снижение относительного спроса на первичные товары и общэкономический сдвиг в пользу производства вторичных товаров и услуг.

Детерминанты роста городского населения

Предположим, что поток инноваций позволил добиться повышения уровня продуктивности сначала в промышленности, а затем и в сельском хозяйстве. Именно это и произошло в начале XIX в. в ходе промышленной революции. Это означает повышение кривой предельной производительности в промышленности и рост заработной платы. Теперь городские виды деятельности привлекают большую, чем прежде, долю рабочих. Процесс, вероятно, будет продолжаться, что приведет к снижению занятости в первичном секторе. Одновременно увеличиваются производственные возможности сельского хозяйства. Однако в силу того, что первичные блага неэластичны к росту дохода, повышение продуктивности сельского хозяйства ведет к уменьшению относительного спроса на его продукцию и дальнейшему снижению занятости в сельской местности. Это, в свою очередь, ведет к возникновению миграционных потоков, направленных в города. Таким образом, центр тяжести экономики постепенно смещается из сельского хозяйства в сферу промышленности.

Заработная плата отражает рост производительности труда в городе, вследствие чего расширяется разрыв между оплатой труда в городе и на селе. За спросом на рабочую силу в наиболее инновационные сектора и удовлетворяющим его миграционным потоком следует дальнейшая миграция в зависимые от них виды деятельности. Благодаря мультипликатору занятости рост в одном или нескольких

городских секторах распространяется и захватывает новые виды городской деятельности (строительство, услуги, администрирование и т. д.). Привлечение сельских рабочих является следствием внутренней, новой динамики городской экономики и предъявляемого ею спроса на труд. Эффект экзогенного шокового воздействия на городскую экономику в целом может быть представлен формулой:

$$\Delta T = \frac{T}{B} \times \Delta B,$$

где ΔT — изменение в совокупной занятости; ΔB — изменение занятости в инновационном секторе и $\frac{T}{B}$ — мультипликатор занятости³⁸. Разворачивавшийся в XIX в. процесс урбанизации сопровождался глубокими трансформациями городской среды: активное строительство жилья, обусловленное быстрым ростом населения, и новой городской инфраструктуры, расширение систем водоснабжения и канализации и т. д. Для описания взаимодействия нескольких различных факторов в процессе урбанизации принято использовать понятие «закона пропорционального эффекта», согласно которому чем крупнее город, тем выше его способность привлекать иммигрантов, учитывая мультипликационные эффекты необходимых ему новых видов деятельности (Hohenberg and Lees, 1985, ch. 7).

38. См. более подробный анализ в работе А. О'Салливана (O'Sullivan, 2003, pp. 119 ff.).

Сельское хозяйство, промышленность и урбанистический переход

Если продуктивность промышленности повышается, а сельское хозяйство «не желает» следовать по аналогичному пути, условием продолжения процесса урбанизации становится существенный импорт продовольствия. Поскольку сельскохозяйственные рабочие не способны удовлетворить растущий спрос со стороны горожан, цены на сельскохозяйственную продукцию начинают повышаться. Вследствие роста цен на продовольствие повышается предельная производительность труда в сельском хозяйстве, что ведет к увеличению заработной платы. Миграционные потоки в направлении городов останавливаются. В некоторых случаях начинается движение из городов в сельскую местность.

Известно множество исторических примеров деурбанизации, вызванной неэластичностью продукции сельского хозяйства, сопровождавшей рост производительности в более развитых и инновационных городских центрах. Мы видели, как во время первой модернизации европейской экономики некоторые регионы со значительным опозданием вставали на путь, проложенный североевропейскими странами. Частично это было вызвано характерной для первичного сектора ситуацией застоя. Отличительной чертой роста, происходившего в первые десятилетия XIX в., было одновременное повышение продуктивности как в первичном секторе, так и в промышленности и сфере услуг. Напротив, в аграрных экономиках прошлого инновации внедрялись преимущественно в городах, в то время как сельское хозяйство на протяжении длительных эпох оставалось в состоянии застоя, что было основным препятствием на пути структурных изменений и развития экономики в целом³⁹. С XIX столетия ситуация принципиально изменилась. Урбанизация, в свою очередь, была одним из главных последствий этого общего экономического роста и развития.

39. Особое внимание этой проблеме уделял Байрох (Baïroch, 1992).

Для Англии и Уэльса XIX в. стал периодом быстрой индустриализации, когда повышались и заработная плата рабочих, и производительность труда в промышленности⁴⁰. Одновременно развивалось и сельское хозяйство страны. По сравнению с оплатой труда в аграрной сфере повысилась заработная плата рабочих-строителей. В реальном выражении разрыв в заработной плате между городом и селом оценивается примерно в 30%. Начиная с 1820 г. резко возросла миграция из сельского хозяйства: она оценивается в диапазоне 0,9–1,6% в год (в то время как в странах Третьего мира в 1960–1980 гг. она не превышала 1,2% в год) (Williamson, 1987с, р. 50; 1991, ch. 2; см. сравнение заработных плат в промышленности и сельском хозяйстве в Clark, 2005, 2007b). Напротив, Италия является примером экономики со снижающейся деловой активностью, в которой произошло снижение, по сравнению с концом XVI в., соотношения городской и сельской заработных плат (Malanima, 2005). Эта тенденция коррелировала с продолжавшимся вплоть до 1880-х гг. снижением роли городов в итальянской экономике (Malanima, 2005; Federico and Malanima, 2004).

40. Полезным источником данных о положении городских жителей Англии являются публикации Бюро переписей Великобритании.

41. По перечисленным выше причинам я исключил из рассмотрения Южную Италию.

Урбанизация и структурные изменения

Таким образом, урбанизация представляет собой динамичный процесс, коррелирующий с экономическим ростом. Последний обуславливает снижение относительной важности сельского хозяйства и последующие структурные изменения. С другой стороны, у нас имеется возможность иначе рассматривать направленность этих отношений, интерпретируя рост как результат приобретения и пополнения полезных знаний, основывающихся на возможных только в городах человеческих взаимодействиях. Конечно, оценка отношений между ростом и урбанизацией — весьма трудная задача. В действительности вплоть до конца XIX в. данные либо недостаточны, либо не могут рассматриваться как достоверные⁴². Даже имеющиеся сегодня оценки объемов производства по десятилетиям за 1800–1870 гг. позволяют лишь высказать предположения о присутствовавших в то время тенденциях, а также провести наиболее важные различия между группами европейских стран. К тому же данные об урбанизации, несмотря на то что их качество, вероятно, выше, весьма далеки от совершенства.

В рассматриваемом нами периоде было бы очень трудно распознать сколько-нибудь значимые взаимосвязи между ростом численности населения и используемыми для объяснения урбанизации переменными⁴³. В то же время едва ли кто будет отрицать существование определенной долгосрочной корреляции между плотностью населения и урбанизацией (пусть и не в первой фазе современного экономического роста). Мы видели, что в XVIII–XIX вв. численность населения возросла во всех европейских регионах; при этом в каждом из них тенденции урбанизации различались как по интенсивности, так и по направлениям⁴⁴.

Уже предпринимавшиеся попытки проверки урбанизации в прошлом позволили сделать вывод о том, что для объяснения роста городов могут использоваться несколько переменных, таких как импорт зерновых, достижения в сфере транспорта, индустриализация и экспорт. Важнейшим же детерминантом урбанизации является производительность труда (Bairoch and Goertz, 1986; Bairoch, 1990). Поскольку обобщающим индексом процесса роста является объем производства в расчете на душу населения, было бы целесообразно проверить наличие его корреляции

42. В любом случае было бы полезно ознакомиться с исследованиями ван Зандена (van Zanden, 2005b).

43. Например, Э. Бозеруп (Boserup, 1965).

44. Включение изменения численности населения не оказывает значимого воздействия на ниже указанную регрессию.

с урбанизацией. В результате мы обнаруживаем ее существование в период 1800–1870 гг. Корреляция становится еще более тесной, если мы включаем в детерминанты уровень урбанизации в 1800 г. Если отношение между урбанизацией и ростом является положительным, то отношение с уровнем урбанизации в начале столетия является отрицательным: чем выше уровень урбанизации в 1800 г., тем ниже годовые темпы роста, что указывает на конвергенцию⁴⁵.

45. Я использовал следующую регрессию:
 $\ln u = \alpha + \beta_1 \ln u + \beta_2 \ln U_{i1} + \varepsilon$, где u , u , и U_{i1} — годовые темпы роста урбанизации (u — между 1800 г. и 1870 г.), подушевого продукта (y) и уровня урбанизации (U_{i1}) в начале рассматриваемого периода (в нашем случае — 1800 г.). Для Италии я использовал данные о подушевом ВВП в соответствии с оценками Маланимы (Malanima, 2006b), а для других стран — оценки А. Мэддисона (по десятилетиям в период 1820–1870 гг.). Результат регрессии:
 $\ln u = 1,28 + 0,84 \ln y + 0,81 \ln U_{i1}$ при $R^2 = 0,8$. Для коэффициентов $\ln u$ и U_{i1} t -значения равны 0,000028 и 0,027 соответственно.

Неравномерность урбанизации

Если в последний период традиционной аграрной экономики в Европе урбанизация находилась в стационарном состоянии, то переход к росту современного типа породил быстрые изменения в процессе урбанизации сначала в Европе, а затем и во всем мире. Как и в случае со многими другими экономическими переменными, это привело к углублению общемировых различий в уровнях урбанизации (табл. 10.7).

Если в 1800 г. уровень урбанизации в Европе лишь незначительно превышал среднемировое значение, то к 1900 г. сложился уже двукратный разрыв. Показатели Европы и Америки находились на одном и том же уровне, в то время как в Азии и в Африке они были в три-шесть раз меньше. Как можно заметить, различия в урбанизации значительно сократились (по крайней мере на уровне континентов).

Нам известно, что в первой фазе экономической модернизации имело место углубление индивидуальных и региональных различий. Напротив, если говорить об урбанизации, то здесь все обстояло прямо противоположным образом. Если обратиться к данным о 17 регионах и четырех областях (Север, Юг, Центр, Восток), на которые мы разделили Европу в этой главе, мы заметим, что начиная с Позднего Средневековья на континенте различия постепенно сокращались (табл. 10.8).

В Позднее Средневековье южная часть европейского Средиземноморья значительно превосходила по уровню развития другие регионы континента (наследство поздней античности, когда характеристиками Юга были цивилизация и города, а Севера — отсталость и небольшое количество городов). Таково было положение в 1300 г. По ту сторону Альп и к северу от Пиренеев города были невелики и их было немного. На континенте имели место заметные

ГЛАВА 10. УРБАНИЗАЦИЯ

ТАБЛИЦА 10.7.

Уровни урбанизации на различных континентах и во всем мире в 1800–1980 гг. (города с населением 5000 и более человек)

	1800	1900	1950	1980
Европа	12	30	43	64
Америка	12	29	48	64
Африка	4	5	12	25
Азия	9	9	15	26
Весь мир	9	16	26	38

Источник: Bairoch, 1988, p. 495 (с некоторыми изменениями).

ТАБЛИЦА 10.8.

Различия в уровнях урбанизации в Европе в 1300–1870 гг. (города с населением 5000 и более человек)

	17 регионов	4 области
1300	0,95	0,77
1400	0,90	0,56
1500	0,86	0,66
1600	0,80	0,57
1700	0,71	0,42
1750	0,68	0,45
1800	0,69	0,53
1870	0,67	0,48

Источник: методы, использовавшиеся для исчисления различий в урбанизации, описываются в приложении.

различия, когда неравномерность в урбанистическом распределении предполагала неравенство в уровнях экономического развития. В начале Нового времени происходит определенное сближение, и имевшие место в прошлом резкие контрасты постепенно размываются. В этой главе мы рассмотрели положение, сложившееся в последней фазе старого аграрного мира и начале новой экономики. Уже около 1700 г. Север обогнал по уровню урбанизации Юг континента. В XIX в. в наибольшей степени по пути урбанизации продвинулись Север и Центр. В конечном итоге в конце XIX столетия различия в урбанизации на континенте в целом оказались меньшими, чем пять веков назад.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

От стабильности к росту и от неравномерности к конвергенции — так мы могли бы вкратце охарактеризовать основные изменения, произошедшие в XVIII–XIX вв. в процессе европейской урбанизации. В 1800 г. география и уровни урбанизации в Европе были во многом такими же, как и в Позднем Средневековье. Основным изменением явился подъем Англии и Шотландии, распространившийся от Фландрии до Нидерландов в начале Нового времени. Это и стало основной причиной уменьшения различий между Севером и Югом континента.

В 1870 г., напротив, и уровень, и география урбанизации существенно различались. По сравнению с прошлым, основным отличием было очевидное доминирование североевропейских стран над средиземноморскими регионами и быстрый рост норм урбанизации. Последний происходил в контексте грандиозных трансформаций европейской экономики на первой фазе современного экономического роста, сосредоточенного, прежде всего, в городах и основывавшегося на применении к экономике полезных знаний, издавна приобретающихся и накапливавшихся в городских центрах. Отсюда у нас возникает предмет для размышлений: являются ли структурные изменения и городское развитие следствиями продолжавшихся экономических изменений, или городская культура должна рассматриваться как основной детерминант современного роста. В этом случае, как и во многих других, определение направления причинно-следственных связей представляет собой довольно трудную задачу.

ПРИЛОЖЕНИЕ

В приложении представлены новые ряды данных, основывающиеся на пересмотре сведений о численности горожан и общей численности населения европейских стран. Эти ряды относятся ко всей Европе в рамках существующих сегодня границ континента. Исходным пунктом стал пересмотр и слияние данных о численности жителей городов, представленных в работах П. Байроха, Ж. Бату и П. Шевре (Bairoch, Batou, and Chèvre, 1988) и Я. де Вриза (de Vries, 1984). Для проверки новой базы данных использовалась современная литература по рассматриваемому нами вопросу (цитировавшаяся в ссылках и в приложении). Необходимость новой базы

данных по урбанизации за 1700–1870 гг. обусловлена тем, что существующие базы не охватывают весь континент и не распространяются на XIX в. (см. ниже).

1. Европейское население

Численность населения различных европейских стран и регионов в 1700–1870 гг. (тыс. чел.) и площадь их территории (кв. км)

	Площадь	1700	1750	1800	1870
1 Скандинавия	1 198	2 900	3 600	5 250	9 540
2 Англия (Уэльс)	151	5 450	6 300	9 250	23 000
3 Шотландия	79	1 200	1 260	1 630	3 420
4 Ирландия	84	1 900	3 120	5 200	5 800
5 Нидерланды	33	1 950	1 950	2 100	3 650
6 Бельгия	30	1 900	2 300	2 900	4 900
7 Франция	544	21 500	24 600	29 000	38 000
8 Италия	301	13 500	15 500	18 100	28 000
9 Испания	505	7 400	9 300	10 500	16 200
10 Португалия	92	2 000	2 600	2 900	4 300
11 Швейцария	41	1 200	1 300	1 700	2 700
12 Австрия (Венгрия)	626	15 500	18 300	24 300	35 700
13 Германия	543	14 100	17 500	24 500	41 000
14 Польша	240	2 800	3 700	4 300	7 400
15 Балканы	516	8 550	9 900	12 000	23 700
16 Россия (европейская часть)	5 400	20 000	22 000	35 000	63 000
Европа	10 383	121 850	143 230	188 630	310 316
Европа (без России)	4 983	101 850	121 230	153 630	247 316

ПРИМЕЧАНИЕ. В таблице представлены данные о численности населения европейских стран в границах на 1870 г. Данные о площади территории стран и регионов представлены в первой колонке. Польша — в границах XV в. Скандинавия включает Финляндию, Швецию, Норвегию и Данию. Австрия включает Венгрию, Богемию, Хорватию, Словению и Трансильванию. Балканы включают Грецию, Сербию, Черногорию, Боснию и Герцеговину, Румынию, Болгарию, Крит и европейскую часть Турции. Исландия, Мальта и несколько малых островов исключены из рассмотрения.

Источники: Из ниже перечисленных работ данные о численности населения в страновом разрезе и по каждой стране конкретно за рассматриваемый нами период представлены только в работе Б. Ц. Урланиса: Reinhard, Armengaud and Dupâquier (1968) (несколько стран); Urlanis (1941), p. 414; Wilson and Parker (1977) (несколько стран, начало Нового времени); de Vries (1984), pp. 36–37 (Западная Европа); Wrigley and Schofield (1989) (Англия, 1700–1870 гг.); Beloch (1937–1961) (Италия, 1700–1800 гг.); Bardet and Dupâquier (1997) (несколько стран); Maddison (2001, 2003a) (несколько стран); de Vries and van der Woude (1997) (Нидерланды); Valerio (2001) (Португалия); McEvedy and Jones (1978) (несколько стран); Glass and Grebenik (1965) (несколько стран); Woods (1989) (Англия в начале Нового времени); Carreras and Tafunell (2005) (Испания); Palairat (1997) (Балканы).

2. Различные оценки европейской урбанизации (1700–1870 гг.)

Мы видели (табл. 10.7), что с агрегированной точки зрения (по крайней мере в рассматриваемый нами в этой главе период, но никак не для Позднего Средневековья) между тремя временными рядами имеют место относительно слабые различия. Гораздо более существенными являются различия в региональных данных о численности населения и урбанизации.

Три оценки урбанизации в Европе в период с 1700 г. по 1850–1870 гг. (города с населением 5000 и более человек и 10000 и более человек)

	П. Байрох > 5000	Индекс	П. Байрох > 10000	Индекс
1700	11,4	1,00	7,8	1,00
1750	12,0	1,05	8,1	1,04
1800	11,9	1,04	8,1	1,04
1850	18,9	1,66		
	Я. де Вриз > 5000	Индекс	Я. де Вриз > 10000	Индекс
1700	11,9	1,00	9,2	1,00
1750	12,4	1,04	9,5	1,03
1800	13,0	1,04	10,0	1,09
1850			16,7	1,81
	Новые оценки > 5000	Индекс	Новые оценки > 10000	Индекс
1700	11,4	1,00	8,2	1,00
1750	11,7	1,03	8,0	0,97
1800	12,4	1,09	9,0	1,10
1850	19,7	1,7	15,2	1,85

Источники: Bairoch, Batou and Chèvre, 1988; Bairoch, 1988, p. 216 (для > 5000 в 1850 г.); de Vries (1984); настоящее приложение.

Рассматриваемые нами ряды имеют различный охват. Если новые ряды распространяются на весь континент, то ряды Байроха — на Европу в целом без европейской части Турции. К тому же в работе Байроха, Бату и Шевре не приводятся данные об урбанизации Европы в XIX в. (Bairoch, Batou, and Chèvre, 1988). Они представлены в другой работе Байроха (Bairoch, 1988). В работе де Вриза предлагается база данных о населении Западной Европы (с учетом Польши) за 1500–1800 гг. В ней отсутствуют данные о его динамике после 1800 г., однако автор предлагает в книге краткие ряды.

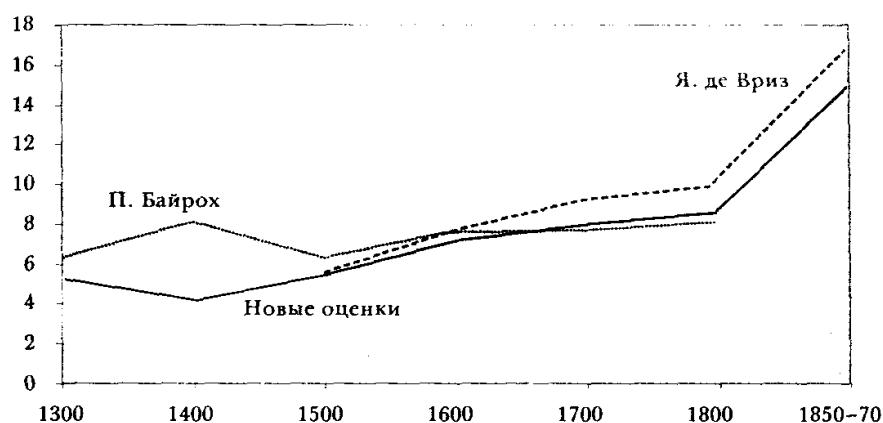

РИС. 10.7.

Три взгляда на урбанизацию 1300–1870 (> 10000 жителей)

3. Количество городов, городских жителей и урбанизация (10000 жителей и более)

В процессе создания базы данных, на которых основываются представленные в приложении таблицы, сведения на 1870 г. были почерпнуты из географического словаря Ф. Предари (Predari, 1871), основанного на данных статистических источников того времени. Для проверки и уточнения серий мы использовали и ряд других словарей (Marmocchi, 1854–1862; Metzger, 1888; Muzzi, 1854; Vivien de Saint-Martin, 1879–1895).

Количество городов (с населением 10000 и более человек)

	1700	1750	1800	1870
1 Скандинавия	3	3	7	21
2 Англия (Уэльс)	11	22	57	147
3 Шотландия	3	7	14	23
4 Ирландия	3	3	8	15
5 Нидерланды	20	18	19	29
6 Бельгия	13	14	20	45
7 Франция	62	63	88	161
8а Италия, Север и Центр	34	40	51	66
8б Италия, Юг и Сицилия	32	49	75	136
9 Испания	25	30	60	107
10 Португалия	2	4	3	14
11 Швейцария	3	4	4	11
12 Австрия (Венгрия)	10	18	31	98
13 Германия	34	38	64	222
14 Польша	4	5	5	18
15 Балканы	20	24	43	65
16 Россия (европейская часть)	8	19	36	121
Европа	287	361	585	1299

Численность городского населения (в городах с численностью населения 10000 и более человек), тыс. чел.

	1700	1750	1800	1870
1 Скандинавия	125	167	251	727
2 Англия (Уэльс)	718	1031	2065	9891
3 Шотландия	64	145	390	1242
4 Ирландия	96	159	382	822
5 Нидерланды	634	577	600	1061
6 Бельгия	404	363	482	1225
7 Франция	1877	2136	2592	6881
8а Италия, Север и Центр	1043	1264	1447	2131
8б Италия, Юг и Сицилия	873	1203	1658	2893
9 Испания	714	846	1542	2649
10 Португалия	190	196	225	470
11 Швейцария	39	60	63	222
12 Австрия (Венгрия)	263	473	770	2753
13 Германия	767	992	1489	6965
14 Польша	106	124	176	580
15 Балканы	1195	1214	1536	2519
16 Россия (европейская часть)	267	542	1268	4228
Европа	9375	11492	16936	47259

Нормы урбанизации (города с численностью населения 10000 и более человек), %

	1700	1750	1800	1870
1 Скандинавия	4,3	4,6	4,8	9,1
2 Англия (Уэльс)	13,2	16,4	22,3	43,0
3 Шотландия	5,3	11,5	23,9	36,3
4 Ирландия	5,1	5,1	7,3	14,2
5 Нидерланды	32,5	29,6	28,6	29,1
6 Бельгия	20,3	15,8	16,6	25,0
7 Франция	8,7	8,7	8,9	18,1
8а Италия, Север и Центр	13,0	13,6	14,2	13,4
8б Италия, Юг и Сицилия	16,1	19,4	21,0	26,4
9 Испания	9,6	9,1	14,7	16,4
10 Португалия	9,5	7,5	7,8	10,9
11 Швейцария	3,3	4,6	3,7	8,2
12 Австрия (Венгрия)	1,7	2,6	3,2	7,7
13 Германия	5,4	5,7	6,1	17,0
14 Польша	3,8	3,4	4,1	7,8
15 Балканы	14,0	12,3	12,8	10,6
16 Россия (европейская часть)	2,1	2,5	3,6	6,7
Европа	8,2	8,0	9,0	15,2
Европа (без учета Англии)	7,9	7,6	8,3	13,0

4. Количество городов, городских жителей и урбанизация (5000 жителей и более)

Для того чтобы рассчитать нормы урбанизации для городов, численность населения которых превышала 5000 жителей (см. последующие таблицы), на основе непосредственных данных об европейских городах с населением более 10000 человек, мы начали со следующего уравнения (см. выше):

$$S_r = \frac{S_1}{r}$$

Для того чтобы провести расчеты, уравнение было изменено следующим образом

$$S_r = \frac{S_1}{r^u} \text{ или } S_r = S_1 r^{-u},$$

где u — наклон кривой. И постоянная S_1 , и коэффициент u могут быть исчислены с помощью следующей регрессии:

$$\log S_r = \log S_1 - u \log r.$$

Эта регрессия использовалась для исчисления численности населения городов, в которых проживало более 5000 человек. Для того чтобы получить данные на 1700 г., 1750 г., 1800 г. и 1870 г., я использовал непосредственные данные для S_1 и рассчитал u для каждой страны на основе непосредственных данных для городов с численностью населения более 10000 человек. Затем у меня появилась возможность, используя результаты регрессий, завершить ряды с расчетной численностью населения для городов с количеством жителей от 5000 до 10000 человек. Для всех регрессий значение R^2 было выше 0,90, и все регрессии были значимыми на уровне 1%. В процессе исчисления регрессий для Англии Лондон рассматривался как особый случай и был исключен из расчетов. В случае включения соответствующих данных по Лондону мы получили бы слишком высокий коэффициент (угол наклона) регрессии и заниженные данные о количестве городов с количеством жителей от 5000 до 10000 человек. Прямые данные о городах с численностью населения от 5 до 10 тысяч человек использовались только для Португалии, поскольку количество таких городов в данной стране было невелико и результаты регрессии оказывались недостоверными.

Количество городов (с населением 5000 и более человек)

	1700	1750	1800	1870
1 Скандинавия	7	8	12	44
2 Англия (Уэльс)	26	84	174	374
3 Шотландия	5	15	45	43
4 Ирландия	7	8	17	28
5 Нидерланды	57	48	49	74

	1700	1750	1800	1870
6 Бельгия	35	49	55	103
7 Франция	185	205	251	371
8a Италия, Север и Центр	84	93	102	138
86 Италия, Юг и Сицилия	130	184	238	378
9 Испания	74	99	140	287
10 Португалия	5	22	28	35
11 Швейцария	21	19	11	41
12 Австрия (Венгрия)	17	37	63	270
13 Германия	123	173	205	637
14 Польша	29	29	25	39
15 Балканы	40	51	96	195
16 Россия (европейская часть)	17	46	89	362
Европа	862	1170	1600	3419

Численность городского населения (в городах с количеством жителей 5000 и более человек), тыс. чел.

	1700	1750	1800	1870
1 Скандинавия	150	204	266	872
2 Англия (Уэльс)	793	1407	2767	11407
3 Шотландия	76	193	597	1370
4 Ирландия	121	212	444	904
5 Нидерланды	884	771	791	1357
6 Бельгия	551	596	702	1576
7 Франция	2653	3067	3613	8190
8a Италия, Север и Центр	1363	1576	1788	2590
86 Италия, Юг и Сицилия	1520	2138	2756	4489
9 Испания	1034	1302	2025	3995
10 Португалия	221	324	416	620
11 Швейцария	147	152	105	413
12 Австрия (Венгрия)	303	586	950	3803
13 Германия	1333	1894	2369	9596
14 Польша	288	292	330	711
15 Балканы	1324	1388	1834	3366
16 Россия (европейская часть)	325	712	1607	5799
Европа	13087	16813	23362	61058

Нормы урбанизации (%) (города с численностью населения 5000 и более человек), %

	1700	1750	1800	1870
1 Скандинавия	5,2	5,7	5,1	9,1
2 Англия (Уэльс)	14,6	22,3	29,9	49,6
3 Шотландия	6,3	15,3	36,6	40,1

ГЛАВА 10. УРБАНИЗАЦИЯ

	1700	1750	1800	1870
4 Ирландия	6,4	6,8	8,5	15,6
5 Нидерланды	45,3	39,5	37,7	37,2
6 Бельгия	29,0	25,9	24,2	32,2
7 Франция	12,3	12,5	12,5	21,6
8a Италия, Север и Центр	13,0	13,6	14,2	13,4
8b Италия, Юг и Сицилия	16,1	19,4	21,0	26,4
9 Испания	14,0	14,0	19,3	24,7
10 Португалия	11,1	12,5	14,3	14,4
11 Швейцария	12,3	11,7	6,2	15,3
12 Австрия (Венгрия)	2,0	3,2	3,9	10,7
13 Германия	9,5	10,8	9,7	23,4
14 Польша	10,3	7,9	7,7	9,6
15 Балканы	15,5	14,0	15,3	14,2
16 Россия (европейская часть)	2,5	3,2	4,6	9,2
Европа	11,4	11,7	12,4	19,7
Европа (без учета Англии)	11,2	11,3	11,5	17,3

5. Урбанистические различия

Различия в уровнях урбанизации могут быть определены по формуле:

$$D = \sqrt{\sum_{i=1}^n \left(\frac{U_i}{U_a} - 1 \right)^2 \cdot \frac{p_i}{p_w}},$$

где D — различие в уровне урбанизации, U_i — урбанизация в отдельном регионе или области, U_a — средний уровень европейской урбанизации, p_i — численность населения региона или области, p_w — общая численность населения Европы.

ГЛАВА 11

Европа в зеркале Азии:
Великое расхождение

БИШНУПРИЯ ГУПТА
ДЕБИН МА

СОДЕРЖАНИЕ

Уровни жизни в Евразии ·	401
Причины Великого расхождения:	
рынки и институты ·	415
Колониальное правление	
и Великое расхождение ·	424
Заключение ·	428

Мы благодарим наших редакторов Стивена Бродберри и Кевина О'Рурка, Иоахима Фотха и Тиртанкара Роя за комментарии и предложения. Ответственность за ошибки ложится исключительно на нас.

Европа — это принадлежащий
Азии полуостров.
Фернан Бродель

ПОЧЕМУ устойчивое промышленное развитие и переход к экономическому росту современного типа начались в Европе, а не где-нибудь еще? Поиски ответа на этот самый сложный исторический вопрос привели к появлению широкого круга литературы на тему «европейской исключительности». Согласно приверженцам этой точки зрения Европа, и прежде всего ее Северо-Запад, имела наилучшие, в некоторых случаях исключительные, экономические условия и социальные институты задолго до начавшегося в Новое время экономического взлета. Данная концепция получила широкое распространение, но во многих отношениях она еще является дискуссионной. Сегодня ее оспаривают многие представители новой волны историков и специалистов по Азии, и в частности Кен Померанц (Ken Pomernanz), Бин Вонг (Bin Wong) и Прасаннан Партасарати (Prasannan Parthasarathi). Согласно представленным исследователями фактическим данным в XVIII в. уровень жизни в наиболее развитых районах Китая и Индии примерно соответствовал показателям европейского Северо-Запада. Кроме того, сторонники ревизионистского подхода выдвигают различные гипотезы, основывающиеся на новых интерпретациях «восхода Запада и заката всего остального мира» с точки зрения факторной и ресурсной обеспеченности, воздействия западной колонизации и, что наиболее важно, зависимости от предыдущего развития (path dependencies).

В этой главе представлен широкий, но выборочный обзор важнейших гипотез и фактических данных относительно исторических сравнений экономических результатов Китая и Индии и Западной Европы. Мы начинаем

с рассмотрения современных исследований, посвященных сравнению реальной заработной платы в различных частях Евразии. Как представляется, уровни жизни в наиболее развитых областях Китая, Японии и Индии, измеренные в реальной заработной плате, были близки, скорее, к оплате труда в отстававших в развитии регионах Европы (Юг и Центр), но никак не к доходам населения Северо-Запада (на чем настаивают ревизионисты). Предлагаемый анализ дополняется сравнительным обзором других фактических данных, таких как антропометрические показатели, уровень грамотности, модели потребления и коэффициенты урбанизации.

Для того чтобы пролить свет на расхождение в уровне жизни и в развитии различных частей Евразии в предшествовавший промышленной революции период, в этой главе предлагается предварительный обзор экономических, политических и социальных институтов и организаций, поддерживавших функционирование рынков факторов производства и товаров в начале Нового времени. Мы рассматриваем результаты исследования сравнительных степеней эффективности в интеграции зернового рынка, а также различные модели коммерческих организаций и торговых сетей в Европе и Азии. Глава заканчивается кратким сравнением результатов воздействия западного империализма на Индию и Китай, а также на Японию, которой, находясь в «тени» доминировавшего Запада, удалось осуществить успешный переход к современному экономическому росту.

Мы согласны с тем, что сравнительное исследование такого масштаба и размера может показаться кому-то чрезмерно амбициозным, а наши обобщения — слишком широкими. По замечанию Ф. Броделя, огромные территориальные размеры Индии и Китая во многих случаях означали, что различия внутри или между этими странами могли быть не менее огромными, чем между ними и Европой. Таким образом, представленный ниже обзор является в высшей степени избирательным. Неудивительно, что некоторые его положения могут восприниматься как спорные или даже спекулятивные.

УРОВНИ ЖИЗНИ В ЕВРАЗИИ

Заработная плата в серебряном
и зерновом выражении

В работе С. Бродберри и Б. Гупты представлен обзор результатов систематического сравнительного исследования уровней жизни, основывавшегося на полученных из различных источников сведениях о выраженной в количестве серебра заработной плате в различных регионах Индии (Broadberry and Gupta, 2006). Имеются в виду данные о доходах ремесленников в период правления Великих Моголов, а также работников различных английских компаний в 1595–1874 гг. Эти данные представлены в таких единицах измерений, которые позволяют провести сравнение доходов, получавшихся в Азии и в Европе. Кроме того, исследователи представили группировку данных в зависимости от регионов. В табл. 11.1 представлены сведения о ежедневной заработной плате неквалифицированных и квалифицированных рабочих, выраженной в количестве серебра и в количестве зерна, которое могло быть приобретено на полученные деньги. В части А табл. 11.1 содержатся сведения об уровне заработных плат в Северной и в Западной Индии (основывающиеся на данных о доходах в городах Агра и Сурат). Используя данные, содержащиеся в работах И. Хабиба (Habib, 1982) и К. Чаудари (Chaudhuri, 1978), исследователи выразили получавшуюся в рупиях заработную плату индийцев в граммах серебра. В части Б табл. 11.1 представлены сведения о заработной плате, получавшейся в различных частях Южной Индии. Анализ предлагаемых исследователями данных позволяет сделать вывод о постепенном росте заработной платы, выраженной в граммах серебра. Кроме того, заработная плата квалифицированных рабочих примерно в два раза превосходила по величине не имеющих квалификации работников.

В табл. 11.2 сравнивается заработная плата в Индии и в Англии. Мы видим, что в конце XVI в. выраженная в количестве серебра заработная плата неквалифицированных индийцев была немногим больше, чем одна пятая дохода таких же рабочих в Англии. Более того, в течение XVIII столетия она снизилась до уровня одной седьмой заработной платы английских неквалифициро-

1. Заработная плата квалифицированных рабочих в 1750 г. (см. табл. 11.16), данные о которой использовал П. Партасарати (Parthasarathi, 1998, 2001), значительно превышала среднюю по региону. В частности сильно различались доходы ткачей. Многие из тех, кто работал помощниками, зарабатывали ниже среднего уровня; заработок ткачей, работавших на одном станке, соответствовал среднему уровню. Кроме того, не следует забывать о квалифицированных ткачах, имевших несколько станков, для обслуживания которых нанимались помощники. Зарботки квалифицированных ткачей превышали средний уровень. К тому же некоторые из них, вероятно, получали надбавку за квалификацию. Очевидно, что зарботки этих рабочих отнюдь не являются средними по региону (как полагает Партасарати). Поэтому мы исключили его оценки из табл. 11.2. В противном случае получилось бы, что в первой половине XVIII столетия выраженная в серебре заработная плата индийских рабочих достигала бы 40% доходов их английских коллег.

ТАБЛИЦА 11.1.

Заработная плата индийских рабочих (неквалифицированных и квалифицированных), выраженная в мерах серебра и зерна, 1595–1874 гг.

А. Северная и Западная Индия

	Серебро, г/день		Пшеница, кг/день		Рис, кг/день	
	Некв.	Квал.	Некв.	Квал.	Некв.	Квал.
1595	0,67	1,62	5,2	12,6	3,1	7,5
1616	0,86		3,0		2,4	
1623	1,08		3,8		2,9	
1637	1,08	2,37	3,8	8,3	2,9	6,5
1640	1,29		4,5		3,5	
1690	1,40		4,3			
1874	1,79	5,27	2,5	7,5		

Б. Южная Индия

	Серебро, г/день		Рис, кг/день	
	Некв.	Квал.	Некв.	Квал.
1610–1613		1,15	5,7	
1600–1650		1,15	3,2	
1680		1,44	3,9	6,9
1741–1750		1,49	2,1	
1750		(3,02)	(4,2)	(10,5)
1779		0,86	1,1	
1790		1,44	1,8	

Источник: Broadberry and Gupta, 2006.

ванных рабочих¹. В табл. 11.3 приводятся данные о заработной плате китайских рабочих. Если сравнить их с заработной платой в Англии, мы увидим, что китайские и индийские матрицы доходов рабочих имеют очень много общего. В конце правления династии Мин заработная плата китайцев (выраженная в серебре) была значительно ниже, чем в Англии.

Для начала мы, используя данные о ценах на зерно, преобразуем заработную плату в денежном выражении в «зерновую» зарплату. Мы уделили особое внимание использованию средних цен, а не более высоких или более низких. Известно, что уровень цен на зерно значительно варьировался в зависимости от той или иной области и с течением

ТАБЛИЦА 11.2.
Сравнение дневной заработной платы английских
и индийских неквалифицированных рабочих
в 1550–1849 гг.

А. Заработная плата, выраженная в серебре, г/день

Годы	Южная Англия	Индия	Отношение зарплат индийских работников к зарплатам английских, %
1550–1599	3,4	0,7	21
1600–1649	4,1	1,1	27
1650–1699	5,6	1,4	25
1700–1749	7,0	1,5	21
1750–1799	8,3	1,2	14
1800–1849	14,6	1,8	12

Б. Заработная плата, выраженная в пшенице и рисе, кг/день

Годы	Англия		Индия	Отношение зарплат индийских работников к зарплатам английских, %
	Пшеница	Пшеница	Рис, в пересчете на эквивалентное кол-во пшеницы	
1550–1599	6,3	5,2		83
1600–1649	4,0	3,8		95
1650–1699	5,4	4,3		80
1700–1749	8,0		3,2	40
1750–1799	7,0		2,3	33
1800–1849	8,6	2,5		29

Источник: Broadberry and Gupta, 2006.

времени. Использование цен, сложившихся в период неурожая, могло бы привести к занижению выраженной в зерне заработной платы, а применение слишком низких цен — к ее завышению. Из табл. 11.2 и табл. 11.3 мы видим, что в Северной и Западной Индии в противоположность растущей динамике «серебряной» заработной платы, выраженная в зерне, понижалась (денежная заработная плата безуспешно, особенно в начале XVII в., «стремилась» соответствовать растущим ценам на зерно). По мнению Дж. Бреннига, в то время минимум потребления для семьи из шести человек составлял 3,1 кг риса в день (Brennig, 1986). Учитывая различное содержание калорий в пшенице и рисе (см. Parthasarathi, 1998), соответствующий

ТАБЛИЦА 11.3.

Сравнение дневной заработной платы английских и китайских неквалифицированных рабочих в 1550–1849 гг.

А. Заработная плата, выраженная в серебре, г/день

Годы	Южная Англия	Дельта Янцзы	Отношение зарплат китайских работников к зарплатам английских, %
1550–1649	3,8	1,5	39
1750–1849	11,5	1,7	15

Б. Заработная плата, выраженная в пшенице и рисе, кг/день

Годы	Англия		Дельта Янцзы Рис, в пересчете на эквивалентное кол-во пшеницы	Отношение зарплат китайских работников к зарплатам английских, %
	Пшеница	Рис		
1550–1649	5,2	3,0	4,5	87
1750–1849	7,8	2,0	3,0	38

Источник: Broadberry and Gupta, 2006.

минимум семейного потребления пшеницы составляет 4,7 кг в день. Исходя из этого мы приходим к выводу, что в начале XVII в. выраженная в зерне заработная плата квалифицированных рабочих превышала их минимальные потребности, в то время как заработок неквалифицированных рабочих находился ниже прожиточного минимума.

Данные, содержащиеся в табл. 11.2, позволяют нам провести прямое сравнение «зерновых» зарплат индийских и английских неквалифицированных рабочих. Заработная плата неквалифицированных индийцев находилась на относительно высоком уровне — до начала XVII в. она составляла более 80% доходов английских рабочих. Однако в конце XVIII столетия индийцы получали уже менее трети от заработной платы англичан. Аналогичная тенденция прослеживается и в том случае, когда мы обращаемся к табл. 11.3, в которой представлены данные о заработной плате китайских рабочих (хотя и менее подробные, чем в отношении Индии). Следует отметить резкое падение «зерновой» заработной платы во второй половине правления династии Цин.

Данные об уровнях «серебряной» зарплаты позволяют высказать однозначное предположение о том, что Великое расхождение между Европой и Азией произошло уже в XVI столетии. Бродберри и Гупта продемонстрировали, что, как и в современных промышленно развитых странах, более высокие денежные заработные платы отражают более высокий уровень экономического развития (Broadberry and Gupta, 2006). Хотя в конце XVII в. азиатские «зерновые» заработные платы оставались на уровне, довольно близком к английской оплате труда, в XVIII столетии между ними произошло резкое расхождение. Частично оно стало результатом роста выраженной в зерне заработной платы английских рабочих, частично — результатом снижения зерновой оплаты труда в Индии. Отсюда следует, что с точки зрения выраженной в серебре и в зерне заработной платы начиная с XVI в. Индия и Китай выглядят, скорее, как отстающие, а не наиболее развитые части Европы, когда высокая, в пересчете на зерно, зарплата отражает изобилие этого продукта, а низкая, в пересчете на серебро, оплата труда, — более низкий уровень общего экономического развития.

Заработная плата в пересчете на зерно и производительность сельского хозяйства

Одно из объяснений относительно высокой зерновой заработной платы — низкие цены на зерно. По Партасарати, высокая производительность сельскохозяйственного производства в Южной Индии была обусловлена не географическими факторами или высокой урожайностью риса, но осуществлявшимися в XVII–XVIII вв. значительными инвестициями (Parthasarathi, 2001, pp. 43–53). Исследователь приводит перечень причин относительно крупных вложений в сельскохозяйственное производство и высказывает мнение о том, что их следствием стали высокий уровень экономического развития, а также низкие заработные платы, в пересчете на серебро. Однако здесь возникает сразу несколько логических противоречий. Допустим, что инвестиции в сельское хозяйство были действительно вызваны конкуренцией за привлечение и закрепление мобильной рабочей силы. Возникает вопрос: почему конкуренция за рабочую силу не привела к повышению заработной платы, пересчитанной в серебре? С точки зрения

Партасарати, инвестиции в улучшение земель привели к изобилию зерна и низким ценам на продукты, но не к вытеснению избыточной рабочей силы из сельского хозяйства. По мнению А. Десаи, производительность труда в 1595 г. была в два раза выше, чем в 1961 г. (Desai, 1972). Однако С. Мусви приводит прямо противоположные оценки: 29% для зерновых культур и 45% во всем сельском хозяйстве (Moosvi, 1973). В своей фундаментальной работе, посвященной потенциалу капиталистического развития Индии во времена Великих Моголов, Хабиб приводит данные о том, что если производительность *земли* и находилась на уровне, сравнимом с аналогичными показателями других, в том числе и западноевропейских, стран, то, учитывая высокий уровень налогообложения, объем прибавочного продукта был незначителен (Habib, 1969). Более того, иностранные путешественники описывают использовавшиеся в индийском сельском хозяйстве технологии как рудиментарные. Как это сказывалось на производительности труда в экономике? По словам Ф. Пелзарта, «работа, с которой в Голландии справился бы один человек, проходила здесь через руки четверых». Таким образом, индийское сельское хозяйство характеризовалось низкими заработными платами и высокой трудоемкостью, но относительно высокой эффективностью использования земли (Habib, 1969, p. 60).

Мы приходим к выводу, что довод о высокой производительности труда в индийском сельском хозяйстве противоречит не только теоретическим основам современного экономического роста и структурных изменений, но и историческим фактам. В развивающихся частях европейского Северо-Запада следствием инвестиций в сельское хозяйство действительно было повышение производительности труда в этой сфере. В то же время оно отнюдь не привело к изобилию зерна и низким ценам на продовольствие, так как часть занятых переместилась в промышленность и сферу услуг. Повышение уровня жизни выражалось в увеличении потребления более дешевых промышленных товаров и относительно постоянном потреблении продуктов питания. Схожая логика применима и в отношении китайского и восточноазиатского сельского хозяйства, где выращивание риса на орошаемых землях позволило добиться, возможно, самой высокой эффективности использования сельскохозяйственных земель с применением традиционной технологии. В то же время, несмотря на высокий

уровень эффективности земледелия, производительность труда в упомянутых выше регионах находилась на относительно низком уровне, по сравнению с высокотоварным английским и голландским сельским хозяйством.

Реальная заработная плата неквалифицированных рабочих

Использование данных об уровне зарплат в пересчете их на зерно является очевидным упрощением. В отсутствие данных о потребительской корзине в целом оно чревато низким качеством оценок. Согласно данным современных исследований рацион питания жителя Индии состоял из риса, проса, бобовых и рыбы для прибрежных районов. Пшеница была не слишком распространенным продуктом. Современные авторы оценивают состояние производства одежды как рудиментарное (Moreland, 1923, pp. 270–278). Кроме того, если мы говорим об изменении уровня жизни с течением времени, необходимо учитывать динамику относительных цен. Как считает Мусви, хотя покупательная способность зерновых в 1874 г. оставалась такой же, как в 1595 г., по сравнению с периодом правления в Индии Великих Моголов такие продукты, как молоко, масло (ги) и мясо были дешевле, а сахар — дороже (Moosvi, 1973). Десаи обнаружил, что в 1595 г. промышленные товары стоили в Индии дороже, чем в 1874 г., и потребление одежды и металлоизделий в среднем оставалось на низком уровне. Безусловно, когда мы говорим о межстрановых сопоставлениях, остается множество вопросов относительно учета различий в климатических факторах и культурных предпочтениях.

В ряде недавних исследований были предприняты попытки осуществления относительно строгого сравнения покупательной способности заработных плат неквалифицированных рабочих в Азии и Европе, основывавшегося на использовании более систематических данных о ценах и потребительских корзинах. В противоположность пересчету денежной заработной платы в количество зерна эти сравнения базируются на анализе широкой потребительской корзины разнообразных товаров и услуг, включая мясо, овощи, одежду и топливо. Упомянутые выше исследования были сосредоточены исключительно на изучении потребительских корзин неквалифицированных рабо-

ТАБЛИЦА 11.4.
Сравнение стоимости потребительской корзины в Европе
и в Северном Китае около 1750 г.

	Потребительская корзина				Цены (серебро), г	
	Минимальная		Достаточная		Лондон	Пекин
	Европа	Китай	Европа	Китай		
Овес/сорго, кг	155	179			0,76	0,48
Хлеб, кг			182	182	1,28	0,95
Бобы, кг			40	40	0,5	0,84
Мясо/рыба, кг	5	3	26	31	3,19	2,04
Сыр, кг			5,2		2,07	
Яйца, шт			52	52	0,37	0,074
Масло, кг	3		5,2		6,45	
Растительное масло, кг		3		5,2		4
Пиво/рисовое вино, л			182	49	0,39	1,98
Мыло, кг	1,3	1,3	2,6	2,6	6,36	1,65
Льняные/хлопчатобу- мажные ткани, м	3	3	5	5	4,87	6,14
Свечи, кг	1,3	1,3	2,6	2,6	5,4	3,3
Ламповое масло, кг	1,3	1,3	2,6	2,6	2,8	3,3
Топливо (тыс. британ- ских тепловых единиц)	3	3	5	5	5,59	11,2
Общая стоимость корзи- ны (серебро), г	213	182,6	558,6	499,3		
Соотношение Европа/Пекин		1,17		1,12		1,14 (ср. геометр.)

Источник: Allen et al., 2010.

чих, проживавших в крупных городских центрах. В работе Р.Аллена и его коллег содержится подробный анализ данных о заработной плате и ценах, а также обсуждаются соответствующие методологические проблемы (Allen et al., 2010).

В табл. 11.4 представлен образец «корзины», созданной для сопоставления потребления в Китае и в Европе. Следующий шаг должен состоять в сборе данных о номинальных заработных платах неквалифицированных рабочих в важнейших городских центрах Евразии. Аллен с коллегами сосредоточили внимание на трех крупнейших городах Китая в XVIII–XX вв.: Пекине, Сучжоу/Шанхае (в нижней части дельты реки Янцзы) и Кантоне, а также на их сравнении с важнейшими европейскими городами.

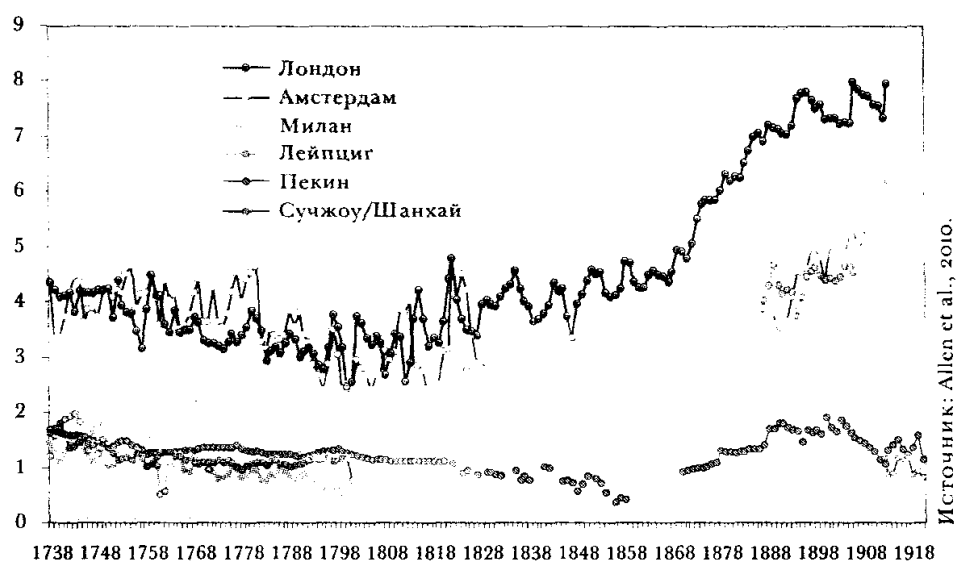

РИС. 11.1.
Реальная заработная плата в Европе и Китае

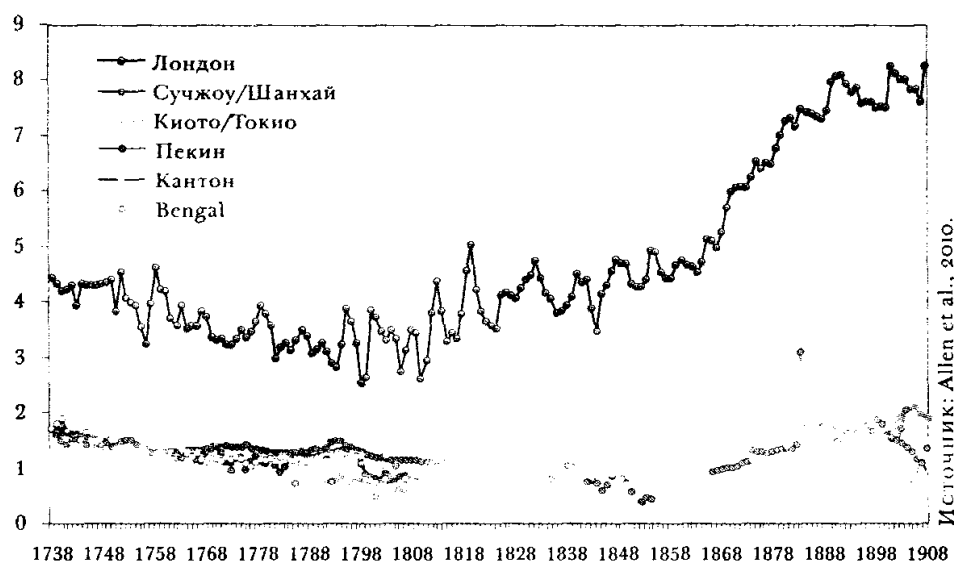

РИС. 11.2.
Реальная заработная плата в Европе и Азии

Исследователи рассмотрели широкую выборку номинальных заработных плат и приняли за среднее то ее значение, которое, вероятно, соответствует наибольшему заработку неквалифицированных рабочих в крупнейших китайских городах. Значения дефлированных на стоимость потребительских корзин номинальных заработных плат представлены на рис. 11.1 и рис. 11.2.

Приведенные данные в общем подтверждают выводы, к которым мы пришли в процессе сравнений зерновой заработной платы. Во-первых, регион дельты реки Янцзы пользовался репутацией наиболее развитой в экономическом отношении китайской провинции. Однако реальная заработная плата в этой области не слишком отличалась от реальной заработной платы в Пекине или Кантоне. Таким образом, китайские города находились примерно на одном уровне с городами Италии (самый низкий уровень жизни в Европе). По показателю реальной заработной платы китайские города находились далеко позади (не выше 30–40% с точки зрения покупательной способности зарплат) Лондона или Амстердама. Во-вторых, на протяжении большей части XVIII в. неквалифицированные рабочие крупнейших городов Китая и Японии (сколь бы бедными они ни были) имели примерно такой же уровень жизни, как и их коллеги в Центральной и Южной Европе.

Данные, отображенные на рис. 11.2, позволяют предположить, что в XVIII в. уровни жизни в Японии и Индии были довольно близкими к тем, которые имели место в крупнейших городских центрах Китая. В свою очередь, эти уровни жизни были близки к минимальному прожиточному уровню неквалифицированных рабочих в большей части не-индустриального мира. Это ставит под сомнение широко распространенную в литературе концепцию «восхода Запада», согласно которой в начале Нового времени Западная Европа в целом превосходила по уровню развития весь остальной мир.

И наконец, рассматриваемые нами результаты исследований динамики реальной заработной платы подтверждают положение о втором «великом расхождении», произошедшем уже после начала промышленной революции. Примерно в середине XIX в. начинает увеличиваться разрыв между уровнем жизни неквалифицированных рабочих, проживавших в городах европейского Северо-Запада и в городах Китая. Промышленное развитие в прошлом отстающих европейских стран, таких как Германия, привело к тому, что к началу Первой мировой войны уровень жизни немецких рабочих значительно превысил стандарты жизни рабочих в Пекине или Шанхае. Уровень жизни в Китае и Индии оставался низким и по сравнению с европейскими регионами, обойденными промышленной революцией.

Одной из задач будущих исследований является датировка процесса первого расхождения в уровнях жизни. Вероятно, в Индии уровень жизни начал снижаться в XVI–XVII вв.² Кроме того, в будущем необходимо создать более продолжительные временные ряды реальных заработных плат для Китая и Индии.

Данные о росте людей и человеческий капитал

Использование такого антропометрического показателя, как рост, широко распространено в исследованиях, посвященных изучению европейской экономической истории, носит на данном этапе предварительный характер. Однако специалисты уже получили весьма многообещающие результаты, которые могут использоваться для численной оценки долгосрочных изменений уровня жизни. Точные данные о показателях роста в Китае отсутствуют. Поэтому исследования С. Моргана (Morgan, 2006) и Й. Батена и С. Хиры (Baten and Hira, 2008) основывались на анализе антропометрических данных о китайских эмигрантах в Австралии и в Южной Азии. Ученые провели реконструкцию временных рядов показателей роста китайских эмигрантов на протяжении XIX в. (период, для которого практически отсутствуют другие систематические количественные показатели). Полученные ими предварительные результаты позволяют сделать вывод о преимущественной, за исключением незначительных флуктуаций, стагнации показателей роста жителей Южного Китая на протяжении всего XIX столетия. Исследователи подчеркивают, что имевшее место в середине XIX в. снижение среднего роста, вероятно, было следствием опустошения, вызванного восстанием тайпинов. Проведенное Морганом исследование роста железнодорожных рабочих позволило выявить тенденцию к незначительному повышению показателей роста в 1900–1930 гг. (0,07 см в расчете на десятилетие) (Morgan, 2004). Однако и здесь имели место сильные региональные отличия.

Представляется, что в исследованиях роста индийцев, обзор которых приводится в работе Батена (Baten, 2006), использовались данные начиная с середины XIX в. При этом были отмечены лишь незначительные изменения

2. Пересмотренные оценки Мусви показывают, что в 1595 г. подушное потребление зерна в 1,05–1,32 раза превосходило уровень 1961 г. Согласно общему мнению в конце XIX в. стандарты жизни различных категорий рабочих находились на более низком уровне, чем в 1595 г. По оценке Мусви, если в 1595 г. после приобретения товаров первой необходимости в распоряжении среднего неквалифицированно-го рабочего оставалось около 10% полученного дохода, то в 1870 гг. имел место дефицит, в размере 16% дохода. Для квалифицированных рабочих различие было меньшим, однако и они согласно имеющимся данным столкнулись с падением реальной заработной платы.

этого антропометрического показателя. В работе А. Гунтупалли и Й. Батена приводятся более подробные сведения о росте индийцев в 1915–1944 гг., позволяющие сделать вывод об отсутствии выраженной тенденции к его повышению (и вновь со значительными региональными различиями) (Guntupalli and Baten, 2006). Результаты этих исследований однозначно подтверждают существование второго расхождения, выявленного в исследованиях реальной заработной платы. Оно было связано с началом промышленной революции и привело к увеличению разрыва в уровнях жизни между Китаем и Индией с одной стороны и быстро развивавшимися промышленностью странами Западной Европы с другой стороны.

Одной из наиболее интересных и перспективных областей антропометрических исследований является измерение уровней грамотности и умения считать. Йорг Батен и его коллеги провели соответствующее исследование, используя индекс Уиппла (обычно применяется для измерения уровня возрастной аккумуляции). Его результаты подтверждают имевшую место в самых разных странах сильную отрицательную корреляцию между уровнем возрастной аккумуляции и показателями грамотности и умением считать. Используя китайские архивные документы XVII–XVIII вв. и данные проводившихся с 1950 гг. переписей населения, исследователи обнаружили поразительно низкие уровни показателя возрастной аккумуляции и высокие показатели математической грамотности. В конце XVII — начале XVIII вв. возрастная аккумуляция достигла в Китае очень низкого уровня (большинству европейских стран не удалось достичь аналогичных показателей даже в конце XVIII столетия). Представляется, что в XIX в. столь же высокие нормы математической грамотности, рассчитанные через показатели уровня возрастной аккумуляции, имели место в Японии и на Тайване (Baten et al., 2010). Согласно представленным Д. Крайен и Й. Батеном предварительным оценкам глобальных тенденций развития математической грамотности начиная с XIX в. Восточная Азия не уступала по этому показателю большинству промышленно развитых стран Запада (Crayen and Baten, 2008). В то же время в Южной Азии возрастная аккумуляция находилась на довольно высоком уровне, что свидетельствует о низком уровне математической грамотности в Индии (Crayen and Baten, 2008, fig. 3).

Интересно сравнить эти предварительные оценки с традиционной историографией по проблеме грамотности в Китае. В переломном исследовании на эту тему Эвелина Ровски оптимистично оценила долю грамотных китайских мужчин в XVIII в. на уровне 30–45%, а женщин — 2–10%. Ее оценки весьма близки соответствующим показателям Японии. Например, согласно Р.Доре и Акире Хайами, то или иное школьное образование имели 43% японцев и 19% японок. Для начального периода Нового времени это едва ли не самый высокий уровень грамотности в мире. И оптимистичная оценка Ровски, и более поздние исследования Ли Божонга (Li Bozhong, 2003) предполагают распространение общественного образования в традиционном Китае, особенно в области низовьев реки Янцзы, за рамки подготовки к экзаменам на право получения официальных должностей в гражданской службе. Исследователи подчеркивают быстрый рост книгоиздания и получения книг во временное пользование, а также приводят документальные подтверждения распространения механических устройств для производства расчетов и счетоводства среди торговцев и в домашних хозяйствах. В работе Батена и др. приводятся более надежные сведения, согласно которым в 1930 гг. 40% китайцев имели то или иное школьное образование, а уровень грамотности составлял примерно 30% (Baten et al., 2010). Представляется, что это еще раз подтверждает результаты исследований относительно XVIII в., если предположить, что показатели грамотности находились в состоянии стагнации в течение двух столетий).

В посвященной Индии историографии делается особый акцент на низких уровнях грамотности вплоть до конца XX в. Грамотой владели в основном представители высших каст, почти исключительно мужчины и представители определенных профессий. Как показывает Т.Рой, данные, относящиеся к 1830 гг., свидетельствуют, что «обучение было широко распространено среди каст духовенства, земельных собственников и купцов; трудящиеся и женщины были лишены этой возможности» (Roy, 2006). Согласно цитируемой Роем оценке в Бенгалии в 1835–1838 гг. доля грамотных мужчин составляла 11%, а женщин — около 1% (Roy, 2008). Эти показатели не слишком отличаются от оценок на 1901 г. Как представляется, уровень грамотности в Индии был ниже, чем в Китае. Вероятно, в начале Нового времени в Китае и Восточной

Азии сложилась уникальная матрица, когда относительно высоко развитый человеческий капитал сочетался с низким среднедушевым доходом. Практические последствия этого вывода нуждаются в дальнейшем изучении и, возможно, особенности рассматриваемой нами модели могли стать одним из важнейших стратегических факторов, способствовавших быстрому догоняющему развитию сначала Японии, а затем и Восточной Азии в целом. Однако для того, чтобы провести более точное межстрановое сравнение понадобятся гораздо более систематические исследования.

Не только уровень жизни. Урбанизация

Помимо диспаритета в уровне жизни следует упомянуть и другие различия в экономических структурах, уже зародившиеся в начале Нового времени между Китаем и Индией с одной стороны и Северо-Западной Европой с другой стороны. Если на Северо-Западе Европы, и, прежде всего, в Англии, доля сельского хозяйства начала снижаться уже в начале рассматриваемого нами периода, то экономика Индии и Китая оставалась преимущественно аграрной.

Еще одним показателем уровня развития является урбанизация. В XVII в. в Индии начинают распространяться различные виды городской деятельности — от крупных и малых городов на севере страны до многочисленных торговых центров, расположенных вдоль Коромандельского берега на юге Индии и прибрежных городов Гуджарата и запада страны. В 1600 г. одежда из хлопчатобумажных тканей и ремесленные изделия производились в 32 городских центрах Могольской империи. Оценки численности городского населения в период правления в Индии Великих Моголов основываются на идее ресурсного потока, направленного из деревень в городские центры. Прямые свидетельства содержатся в записках путешественников того времени. Несмотря на существование упоминавшихся выше городов, большая часть населения Индии проживала в сельской местности. Согласно оценке Хабиба в 1600 г. доля городского населения составляла 15% (Habib, 1999)³. В XVIII–XIX вв. доля городского населения снижалась и лишь в XX в. она начала восстанавливаться.

3. В расчетах учитывались поселения, численность жителей которых превышала 5000 человек, в отличие от оценок урбанизации, приведенных в главе 10, где в качестве порогового значения использовалась численность населения 10000 человек и более.

Обратимся к одному из новых интересных исследований урбанизации в Китае. Работа Ли Божонга примечательна тем, что в ней представлены систематизированные данные за 1550–1850 гг. о росте в таких отраслях, как производство хлопчатобумажных тканей, продуктов питания, одежды, табака, бумаги, книг и инструментов, а также в строительстве и судостроении (предприятия отрасли были сосредоточены в нижнем течении реки Янцзы) (Li Bozhong, 2000). По мнению Ли, эти производства могут быть охарактеризованы как мелкомасштабные, требующие высококвалифицированного труда и ремесленные по своей природе. Все эти факторы обусловили возникновение в нижнем течении Янцзы не мегагородов, но кластеров, небольших, ориентированных на рынок городских поселений, формировавшихся вдоль сложной плотной сети внутренних водных путей и характеризовавшихся географической специализацией на производстве и продаже сельскохозяйственной и ремесленной продукции, размытостью границ между городскими и сельскими областями, а также сложными сочетаниями сельскохозяйственной, коммерческой и промышленной деятельности. Таким образом, используемые в западном контексте стандартные исторические классификации городов едва ли применимы для Китая, поскольку они значительно недооценивают уровень урбанизации. Тем не менее согласно новым пересмотренным агрегированным оценкам нормы урбанизации, даже в наиболее развитых частях Китая, в нижнем течении Янцзы ее уровень существенно уступал показателям Англии и Нидерландов. Как известно, в 1800 г. в этих странах доля населения, проживавшего в городах с численностью 10000 и более человек, составляла 20–30% (см. главу 10).

ПРИЧИНЫ ВЕЛИКОГО РАСХОЖДЕНИЯ: РЫНКИ И ИНСТИТУТЫ

Мы считаем, что объяснение Великого расхождения между Азией и Европой в решающей степени зависит от анализа институтов и их зависимости от предшествующего развития. В то же время в ревизионистской литературе по экономической истории Китая институтам уделяется относительно небольшое внимание⁴. В нашем выборочном обзоре мы рассмотрим лишь несколько связанных с этой литературой специфических тем.

4. См. работу Померанца, в которой рассматривается вопрос о гибкости традиционных китайских рынков факторов производства (Pomeranz, 2000).

Рынки

Имеется ли у нас возможность объяснить разрывы в уровнях жизни с точки зрения различий в уровнях эффективности рынков внутри Евразии? Недавние исследования рыночной интеграции, основывавшиеся на изучении региональных цен на зерно в XVIII–XIX вв., предоставили нам редкую возможность изучить как их динамику, так и сравнительные степени эффективности межрегиональной торговли в Китае, Индии и в Европе. Благодаря тому, что в Китае была создана государственная система подробной отчетности о торговле зерном исследования рыночной интеграции, основывавшиеся на изучении статистической корреляции региональных зерновых цен, позволили ученым заглянуть в далекое прошлое (Wang, 1992; L. Li, 2000; Shiue, 2002; Shiue and Keller, 2007). В частности К. Шайуэ и В. Келлер, опираясь на данные о силе статистической корреляции цен на зерно, осуществили прямое сравнение степени рыночной интеграции в Китае и в Европе (Shiue and Keller, 2007). Они обнаружили, что в конце XVIII в. различия между Китаем и Западной Европой с точки зрения рыночной интеграции были не слишком велики. В то же время степень интеграции английских рынков значительно превышала аналогичные показатели и других стран Западной Европы, и высоко коммерциализированных рынков в дельте реки Янцзы в Китае.

В своем недавнем исследовании Роман Штудер высказывает предположение о том, что в XVIII в. в некоторых частях Индии уровень рыночной интеграции был гораздо ниже, чем в Китае или в Западной Европе, особенно в тех случаях, когда речь шла о торговле на дальние расстояния. Аналогично, анализ цен на зерно в Индии позволяет сделать вывод о более высокой их волатильности (табл. 11.5). Ограниченность возможностей рыночного арбитража обусловила значительные временные и региональные вариации цен. Шоковые воздействия со стороны предложения были причиной значительной разницы в ценах даже в небольших по территории областях. Развитие железнодорожного сообщения в последней четверти XIX в. способствовало значительному повышению степени интеграции рынков, что выразилось, в частности, в улучшении пространственной ценовой корреляции в Индии (Hurd, 1975).

ТАБЛИЦА 11.5.
Цены на пшеницу и рис:
коэффициенты вариации

	1764–1794	1870–1910
Цены на пшеницу		
Пуна	0,34	0,19
Калькутта	0,79	0,14
Дели	0,77	0,18
Париж	0,16	0,14
Лондон	0,16	0,14
Берлин	0,19	0,14
Милан	0,15	0,15
Амстердам	0,17	0,16
Цены на рис		
Калькутта	0,38	0,18
Пуна	0,29	0,12
Долина Янцзы	0,19	0,18
Осака	0,20	0,17

Источник: Studer, 2008.

Впрочем, мы должны не забывать об осторожности, предлагая интерпретацию иерархии рыночной интеграции, основывавшейся на корреляции цен на зерно, когда Англия находилась впереди Европы и Китая, за которыми следовала Индия. Действительно ли ценовая корреляция является точным отражением эффективности рынка, или на нее воздействуют какие-либо другие факторы? Какое влияние на величины корреляции оказали география, технология или институты? Представляется, что относительно высокий уровень корреляции цены на зерно в Китае противоречит историографии, в которой подчеркивается высокая степень раздробленности валютного рынка страны. В действительности, в некоторых из упоминавшихся нами выше исследованиях цен на зерно обсуждалась и весьма сложная проблема китайской валюты в начале Нового времени. И в этом нет ничего удивительного, поскольку все данные о ценах на зерно были получены из соответствующей государственной системы отчетности. В данном случае одна из задач государства состояла

в сглаживании цен и использовании единой, санкционированной валютной единицы — серебряного лян, который довольно редко использовался в реальных рыночных транзакциях.

Торговля на дальние расстояния

В историографии Китая и Индии принято положение, согласно которому в этих странах существовали и бурно развивались коммерческие сети, а также устойчивые каналы торговли зерном. Крестьяне обеих стран доставляли собранное зерно на рынок, а специализировавшиеся на торговле зерном купцы организовывали его дальнейшую транспортировку. Кроме того, существовали и устойчивые сети торговли промышленными товарами. Некоторые ремесленники работали исключительно по заказам знати и государства, в то время как другие продавали свою продукцию купцам, участвовавшим в торговле на дальние расстояния. И в Индии, и в Китае были хорошо развиты собственные системы предоставления кредита и банковских услуг. Широко использовались различные формы векселей, такие как *hundis* в Индии, и платежных поручений. Местные менялы участвовали в учете векселей, а в некоторых случаях предоставляли услуги по хранению вкладов (Raychaudhuri, 1982; Martin, 2008).

В этом коммерциализированном мире очень важную роль играли социальные сети. Например, в Китае историки установили по крайней мере 10 земляческих торговых групп. Наиболее известными из них были группа купцов Хой (Hui), образованная выходцами из города Хойчжоу в провинции Аньхой, и группа банкиров Шаньси (Shanxi) из одноименной провинции на севере Китая. Основная деятельность купцов из группы Хой была связана с торговлей вдоль реки Янцзы, и, прежде всего, в нижнем ее течении. Со временем она распространилась на весь Китай, а в начале XX в. — и за море на Японию. В основе формирования купеческой сети Хой лежала замысловатая система родственных связей, которой согласно недавним исследованиям были присущи некоторые «корпоративные характеристики», когда определенные отношения собственности сохранялись и после смерти отдельных членов группы.

Группа банкиров из Шаньси достигла коммерческой известности даже раньше, чем купцы из группы Хой. Она

прославилась созданием еще в начале XIX в. общенациональной сети денежных переводов. В начале XX в. деятельность этой сети распространилась на Японию и Корею. Банкиры из Шаньси разработали особый комплекс организационных мер, позволявший использовать внешних менеджеров и персонал с минимальным участием собственников, а также схему участия в прибылях, обеспечивавшую приведение интересов наемных служащих в соответствие с долгосрочными интересами фирмы. Однако важнейшей чертой шансийской банковской группы была система производственного обучения, предусматривавшая набор местных работников (включая тех, кто должен был отправиться на службу в отделения банков группы за пределами Шаньси) и тщательную проверку их происхождения, когда гарантами надежности служащих становились их семьи или представители третьей стороны. Уличенный в мошенничестве и уволенный служащий тем самым навсегда лишался возможности поступить на работу в банк, обслуживавший клиентов банковской группы Шаньси (Ма, 2004).

Социальные сети играли важную роль и в определении сферы деятельности индийских купцов. Рассуждая о торговле на дальние расстояния, У. Морленд отмечал, что во внутренней и международной торговле доминировали три купеческих сообщества: мусульманские купцы, специализировавшиеся на заморской торговле, представители индийской касты вани (*baniyas*) из Гуджарата и представители касты четти на Коромандельском побережье. Торговый мир индийских купцов подробно описывал в своих работах Ашин Дас Гупта.

Индийские и китайские купцы участвовали и в международной торговле на дальние расстояния. Корабли индийских купцов доставляли товары в Александрию, Басру и Багдад. На востоке их торговые суда доходили до Суматры. Но в силу недостаточной прочности кораблей индийцы не рисковали заходить в Китайские моря (Бохайский залив, Желтое, Восточно-Китайское и Южно-Китайское моря). Они были вотчиной китайских купцов (Das Gupta, 2001). В 1663 г. только купцам из индийского города Сурабат принадлежало 50 торговых судов (Habib, 1969). Торговля велась не только первичными (рис, бобовые, сахар и шелк-сырец), но и промышленными товарами, такими как текстильные изделия. Впрочем, предметом текстильной торговли были преимущественно ткани низких сортов, в то время как в европейской торговле, напротив, пре-

ТАБЛИЦА 11.6.
Ставки страховых сборов в межрегиональной торговле

Годы	Застрахованные товары	Маршруты	Страховой сбор (в %)
1646	Ценности	Даман—Сурат	1,00
1647	Коммерческие товары	Ахмадабад—Татта	0,50
1655	Наличные деньги	Мачилипатнам—Сурат	1,00
1795	Опиум, одежда	Индаур—Ахмадабад	2,00
1795	Монеты, драг. металлы в слитках	Индаур—Ахмадабад	1,25
1795	Деньги, драг. металлы в слитках	Пуна—Малва	2,00–2,50
1795	Одежда	Наинпур—Малва	0,50–0,63
1795	Одежда	Джална—Индаур	2,00
1795	Одежда	Мирзапур—Индаур	1,50–2,00
1820	Опиум, одежда	Индаур—Ахмадабад	1,00–1,50
1820	Монеты, драг. металлы в слитках	Индаур—Ахмадабад	1,00
1820	Деньги, драг. металлы в слитках	Пуна—Малва	2,50
1820	Одежда	Наинпур—Малва	1,00–1,50
1820	Одежда	Джална—Индаур	1,25–1,50
1820	Одежда	Мирзапур—Индаур	1,75

Источники: XVII в. — работа Хабиба (Habib, 1969); XVIII–XIX вв. — работа Мусви (Moosvi, 2001).

обладали высококачественные ткани. И Китай, и Индия импортировали драгоценные металлы в слитках, пряности из Юго-Восточной Азии, лошадей из Западной Азии и слоновую кость из Восточной Африки. Растущий торговый обмен в зоне Индийского океана и Южно-Китайского моря был сопоставим с европейской торговлей.

Доступные нам количественные показатели о ставках страховых премий (показатель риска и безопасности торговли) в Индии свидетельствуют о широком распространении межрегиональной торговли. Из табл. 11.6 следует, что уже в середине XVII в. страховые ставки в торговле на дальние расстояния находились на умеренно высоком уровне. Их рост в XVIII столетии отражает присущую этому периоду политическую неразбериху; в начале XIX в. ставки страховых премий оставались примерно на том же уровне. Приведенные данные свидетельствуют о том, что межрегиональная торговля получила широкое распространение в Индии и в течение многих веков ее условия не слишком изменялись.

Институты

Одно из объяснений специализации отдельных социальных групп на исполнении тех или иных видов хозяйственной деятельности заключается в том, что общинные связи позволяли преодолеть информационные ограничения. И здесь мы можем провести аналогию с выводами Авнера Грейфа из его известного исследования деятельности магрибских купцов в Средиземноморье в период Позднего Средневековья. Как и магрибские купцы, которые вели торговлю в отсутствие формальных правовых институтов и кодексов, китайские и индийские торговцы полагались, прежде всего, на множество неформальных правил в форме семейных установлений, родственных правил, уставов гильдий или кастовых норм, принуждение к исполнению которых осуществлялось преимущественно посредством коллективных механизмов, призванных облегчить распространение информации и решение проблем выполнения обязательств в условиях неразвитости транспортного сообщения.

Различие между институтами частного и общественного порядка (в терминологии Грейфа) вызывает целый ряд вопросов. В соответствии с одним интересным, но противоречивым исследованием Китай отнюдь не испытывал недостатка ни в формальных сводах законов, ни в институтах, ответственных за принуждение к соблюдению установлений. Действовавшее в Китае в начальный период Нового времени административное право, в какой-то степени сходное с принятым на Западе публичным правом, было, возможно, одной из наиболее сложных и детально прописанных правовых систем. В данном случае решающее различие состоит в том, что китайский правовой аппарат в течение длительного времени был интегральной частью административной системы; при рассмотрении уголовных дел решающее слово всегда оставалось за административной бюрократией в рамках иерархии — начиная с уровня округа и до императора. Действовавшие во времена правления династий Мин и Цин уголовные кодексы, известные своей полнотой и подробной регламентацией, представляли собой свод правил, согласно которым чиновники принимали решения о вынесении наказаний, ответствовавших тяжести уголовных преступлений. Принимавшиеся правовые решения могли быть пересмотрены

или изменены только после вынесения соответствующих решений на различных бюрократических уровнях в рамках административной иерархии. Ни участники процесса, ни независимая третья сторона не имели права оспаривать или интерпретировать действовавшие в то время правовые положения или их части.

Результаты недавних исследований поставили под сомнение традиционные воззрения, согласно которым в предшествовавшую Новому времени эпоху в Китае полностью отсутствовало гражданское или коммерческое право. Окружные чиновники рассматривали огромное количество гражданских и коммерческих исков. В то же время, как подчеркивал ученый-правовед Сузо Сига, решения местных чиновников не относились к числу юридических «судебных решений», как это принято в Западном праве. Они основывались не на установлениях сводов законов или формальных или неформальных традициях, а на общих этических, социальных или правовых нормах. Тем самым чиновники выполняли роль своеобразных посредников. Следует отметить, что отсутствие формального частного права в коммерческой и гражданской сферах отнюдь не было обусловлено недостатком основанных на обычае норм или правил. Причиной тому, скорее, была доминирующая роль китайского государства, коренной интерес которого заключался в сохранении широкой, основывавшейся на сельском хозяйстве налоговой базы и поддержании социальной стабильности. В результате основанные на обычае правила так и не эволюционировали в формальные законы, санкционированные государством.

Схожим образом в доколониальной Индии система торговли и коммерции управлялась с помощью общинных законов, когда каждое торговое сообщество действовало на основе собственного морального кодекса. Система же всеобщих законов отсутствовала. Когда между иностранными и местными купцами возник конфликт, в качестве основы для разрешения споров стали использоваться договоры с заморскими торговыми компаниями (Moreland, 1923).

В чем заключаются последствия применения экономических режимов, базировавшихся на группах, в противоположность режимам, основывавшимся на правилах, с точки зрения эффективности? Согласно одному из выдвигаемых Грейфом и другими исследователями положений относительно функционирования группово-

го, основывающегося на отношениях механизма в случае расширения состава группы и масштаба операций резко возрастают издержки, связанные со сбором и передачей информации, а также с координацией деятельности участников. Напротив, внедрение обеспеченной правовыми санкциями правовой системы, с ее набором кодифицированных и транспарентных стандартов и правил, которые могут оспариваться и интерпретироваться независимыми третьими сторонами, возможно, потребует значительных первоначальных затрат. Однако она предлагает существенную экономию, обусловленную масштабами применения. Такая система позволяет осуществлять крупномасштабную торговлю, возможно, способствуя расширению обезличенного обмена (Greif, 2006).

Вопрос об экономии, обусловленной масштабами деятельности, имеет непосредственное отношение к историческим траекториям, определившим Великое расхождение. Интересной начальной точкой является изучение эволюции капиталов- и контрактно-интенсивных финансовых и коммерческих инструментов, таких как бумажные деньги, векселя, коносаменты, акции или договоры страхования, также как и евразийские форвардные или фьючерсные рынки. Известно, что едва ли не все эти инструменты в той или иной форме были независимо «рождены» в Азии (бумажные деньги, например, пришли из Китая). Но большинство из них применялось лишь в местных масштабах, и их развитие в Азии приостановилось. В то же время, Запад стал свидетелем эволюции и развития крупномасштабного обезличенного обмена, что во многих случаях сопровождалось применением формального законного принуждения и созданием государственных институтов.

Одним из возможных следствий этих различных, прорисованных институтами исторических путей является разрыв в уровне процентных ставок между различными частями Евразии. Вне всяких сомнений, в начале Нового времени процентные ставки в Индии и Китае были значительно выше, чем в Европе, особенно на Северо-Западе континента. По самым консервативным оценкам в Сурате в 1659 г. процентные ставки составляли 7,5–9% в год, что в два раза выше, чем в Англии. В середине XVII в. процентные ставки в Индии находились на еще более высоком уровне (Habib 1982; Moosvi, 2001). Согласно данным, полученным в одном из пионерных исследований,

в процессе которого был обработан крупный массив данных, в Китае в XVII–XIX вв. средние годовые процентные ставки по коммерческим кредитам составляли в среднем не менее 12% (со значительными вариациями) (Peng et al., 2006).

Роль этого разрыва в величине процентных ставок с точки зрения экономического развития нуждается в дальнейшем изучении и осмыслении. Еще один важный вопрос — различия в обеспеченности факторами производства: действительно ли присущее Европе более высокое, по сравнению с Индией и Китаем, значение коэффициента капитал–труд, следствием которого стала более низкая цена капитала относительно труда, была не экзогенным, но эндогенным результатом возрастания роли организованных финансовых посредников в Западной Европе? Ответ на него, возможно, позволит осветить или оспорить так называемую трудоинтенсивную модель азиатского развития, которая в действительности была долгосрочным откликом на относительную ограниченность капитала, условием, которое сформировалось в силу неэффективности государственных институтов или, возможно, отсутствия надежных гарантий соблюдения прав собственности⁵. Многие ученые подчеркивали важное значение связей между развитием европейских финансовых инструментов и посредников, заимствованиями со стороны государственных институтов и развитием способности к сбору налогов государств Европы в Новое время (North and Weingast, 1989). Основу этих важных связей образовывали множество стержневых институциональных достижений в начале Нового времени, таких как акционерные организации, представительное правление и переход к верховенству закона (North, 1981; Rosenberg and Birdzell, 1986).

5. Трудоинтенсивный путь развития подробно рассматривается в работе К. Сугихары (Sugihara, 2003).

КОЛОНИАЛЬНОЕ ПРАВЛЕНИЕ И ВЕЛИКОЕ РАСХОЖДЕНИЕ

Возможно ли, что расхождение в судьбах Европы и Азии было вызвано колонизацией? В индийском контексте следствиями политической подчиненности сначала правлению Ост-Индской компании (начиная с середины XVIII в.), а затем перехода под политический контроль английской короны были использование метрополиями в своих интересах ресурсов, которыми располагала

колония, осуществление соответствующей экономической политики и изменения в институциональной структуре. Выгоды Индии с точки зрения ее развития могли ассоциироваться с внедрением новых институтов, таких как система землепользования, основанная на принципе индивидуальных прав собственности, доступ к гораздо более развитому рынку капитала метрополии, специализация, основанная на установлении связей с глобальным рынком, а также строительство железнодорожной сети и ирригационной системы. Представители школы зависимости рассматривают отношения в рамках империи как эксплуататорские со стороны метрополии, а специализацию на основе торговли как причину расширения разрыва в развитии между Европой и Азией (Frank, 1975). Другие исследователи обнаруживают и положительные последствия интеграции индийского рынка в мировую экономику, заключавшиеся, в частности, в увеличении производства товарных сельскохозяйственных культур (Roy, 2006). Имеющиеся оценки национального дохода в расчете на душу населения в 1870–1900 гг. позволяют сделать вывод о существовании в то время тенденции к его повышению (не слишком значительному), что было обусловлено специализацией индийской экономики на производстве сельскохозяйственных продуктов (Heston, 1977). Критика глобализации основывается на отрицательных эффектах деиндустриализации, поскольку индийская текстильная индустрия была вынуждена конкурировать с промышленно развитой экономикой Англии (Thorner, 1962).

Независимо от результатов дебатов по перечисленным выше проблемам эмпирические данные об экономическом росте в первой половине XX в. свидетельствуют о расширении разрыва между Европой и Индией. В рассматриваемый период европейский среднедушевой ВВП существенно увеличился, в то время как индийский рост демонстрировал отрицательную тенденцию вплоть до окончания колониального периода (Sivasubramonian, 2000). Стагнация индийской экономики могла быть вызвана застоем в национальном сельском хозяйстве и несостоятельностью колониального государства с точки зрения преодоления экологического кризиса, вызванного ростом численности населения. Гораздо труднее ответить на вопрос об обратном — по какому пути развивалась бы Индия в отсутствие колониальной эксплуатации? Очевидно, что ограниченность инвестиций в сельское хозяйство

и развитие ирригационных систем не позволили бы добиться повышения производительности. Промышленное развитие подверглось бы отрицательным воздействиям в отсутствие независимой тарифной политики в период, когда страны, запоздавшие с индустриализацией, осуществляли протекционистскую политику в отношении новых отраслей экономики.

В литературе, посвященной анализу выгод, полученных Англией от колониального правления, высказываются предположения, что они были не слишком велики. В данном случае рассматриваются как эффекты торговли с колониями и получение отдачи на инвестиции, так и затраты, связанные с управлением и чистый отток ресурсов из Индии (O'Brien 1988b, Davis and Huttenback, 1988). Вероятно, колониальное правление могло способствовать расширению разрыва между Востоком и Западом. Однако, анализ представленных в этой главе фактических свидетельств позволяет предположить, что экономическое расхождение уходит своими корнями в XVII столетие.

По сравнению с Индией западный колониализм оказал на Китай гораздо более ограниченное воздействие (и по масштабам, и по продолжительности). В середине XVIII в., когда Ост-Индская компания осуществляла активные действия, направленные на полную колонизацию Индостана, империя Цин достигла пика своей власти и процветания благодаря мудрой государственной политике императора Цянлуна. Только в 1840-е гг. английские канонерки вторглись в береговые воды Китая, чтобы принудить его и Восточную Азию в целом к свободной торговле. Но даже тогда западные страны не подвергли Китай полной колонизации. Политика империализма проявлялась в требованиях о предоставлении особых торговых прав, передаче территорий в долгосрочную аренду, провозглашении экстерриториальности портов или объявлении об их вхождении в сферы особых интересов. Действительно, западные инвестиции и деятельность современных предприятий, защищенных теми или иными привилегиями, могли привести к краху или неконкурентоспособности местного бизнеса или китайских производств. В то же время представители Запада играли роли агентов передачи технологии и прямых зарубежных инвестиций. Точно так же, несмотря на то что представители западных стран получили контроль над такими ключевыми институтами, как морская таможня и имперская поч-

товая служба, соответствующие денежные поступления направлялись и на удовлетворение налоговых потребностей империи Цин, а затем и республиканского правительства. Кроме того, в начале XX в. полученные средства использовались для финансирования строительства важнейших объектов инфраструктуры, таких как железные дороги.

Возможно, самым продолжительным воздействием западного империализма стал запуск в Китае процесса политических беспорядков, которые привели к дестабилизации империи. Его кульминацией стал крах династии Цин в 1911 г. Началась эра правления хаотически сменявших друг друга у кормила власти военных. Однако даже в этом случае у нас есть все основания говорить о противоречивых результатах. Как продемонстрировал в своих работах Д. Ма, в первые три десятилетия XX в. открытые для внешней торговли портовые города Китая, такие как Шанхай, Тяньцзинь и Ухань, превратились в опорные пункты экономического роста (Ма, 2008а, 2008b). Один из его важнейших факторов заключался в том, что предоставлявшимися открытым портам так называемыми колониальными привилегиями пользовались представители не только западного, но и китайского бизнеса (формально или неформально). Следует отметить, что часть этих «привилегий» совпадала с необходимыми для роста условиями, такими как поддержание мира и порядка в государстве, обеспечение прав собственности и исполнения контрактов, отказ от произвола в налогообложении и недопущение поборов со стороны чиновников. Неудивительно, что золотая эпоха роста пришлась на 1910–1920 гг., когда контролируемому западными странами Шанхаю удалось добиться едва ли не полной политической и правовой автономии от Китая. По сути, в 1920-е гг. Шанхай превратился в «город-государство».

Еще более важным, но с трудом поддающимся оценке следствием внедрения западных институтов были возникшие вместе с ними интеллектуальные стимулы к долгосрочным экономическим изменениям в Китае. Один из образцов для сравнения — период Мэйдзи в Японии, которая после 1872 г. занимала гораздо более агрессивную позицию с точки зрения принятия западных политических и экономических институтов. В конечном итоге Япония стала первой промышленно развитой не-западной страной, после чего встала на путь колонизации Восточной Азии. Очевидно, что само по себе принятие западных

институтов отнюдь не является достаточным объяснением успехов, достигнутых Японией в XIX–XX вв.; важную роль сыграли и множество других факторов, от географического до исторических случайностей. Но в отсутствие осуществленных в период Токугава-Мэйдзи важных институциональных изменений Япония, весьма вероятно, могла пойти по пути других азиатских империй и государств, вслед за западным империализмом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Опираясь на выводы, которые следуют из представленного в этой главе обзора, мы в большей степени склоняемся к традиционной, а не ревизионистской позиции относительно сравнительных уровней жизни в разных частях Евразии. Рассмотренные нами фактические данные свидетельствуют о том, что различия в уровне жизни между Азией и европейским Северо-Западом существовали уже в начале Нового времени. По мере развертывания промышленной революции этот разрыв все более расширялся. Выделявшиеся на фоне других азиатских стран Индия и Китай были похожи, скорее, на отстававшие части Европы, чем на более развитые страны Северо-Запада континента. В XVII в. Великое расхождение набрало полный ход.

Библиография

- Abel, W. 1980. *Agricultural Fluctuations in Europe*. New York: St. Martins Press.
- Abū'l-Fazl 1927 [1595]. *The Ā'in-i-Akbarī*. Delhi: Low Price Publications.
- Accominotti, O., and M. Flandreau. 2008. Bilateral Treaties and the Most-Favored-Nation Clause. The Myth of Trade Liberalization in the Nineteenth Century. *World Politics* 60: 147–188.
- Acemoglu, D., and S. Johnson. 2005. Unbundling Institutions. *Journal of Political Economy* 113: 949–995.
- Acemoglu, D., and J. A. Robinson. 2000. Why Did the West Extend the Franchise? *Quarterly Journal of Economics* 115: 1167–1199.
- . 2005. *Economic Origins of Dictatorship and Democracy*. Cambridge University Press.
- . 2006. Persistence of Power Elites and Institutions. *American Economic Review* 98: 267–293.
- Acemoglu, D., and F. Zilibotti. 1997. Was Prometheus Unbound by Chance? Risk, Diversification, and Growth. *Journal of Political Economy* 105: 709–751.
- Acemoglu, D., S. Johnson, and J. A. Robinson. 2001. The Colonial Origins of Comparative Development: An Empirical Investigation. *American Economic Review* 91: 1369–1401.
- . 2005. The Rise of Europe: Atlantic Trade, Institutional Change and Economic Growth. *American Economic Review* 95: 546–579.
- Acemoglu, D., D. Cantoni, S. Johnson, and J. A. Robinson. 2008. The Consequences of Radical Reform: The Economic Consequences of the French Revolution, mimeo.
- Agren, M., ed. 1998. *Iron-Making Societies: Early Industrial Development in Sweden and Russia, 1600–1900*. Oxford: Berghahn.
- A'Hearn, B., J. Baten, and D. Crayen. 2009. Quantifying Quantitative Literacy: Age Heaping and the History of Human Capital. *Journal of Economic History* 69: 783–808.
- Alesina, A., S. Ozler, N. Roubini, and P. Swagel. 1996. Political Instability and Economic Growth. *Journal of Economic Growth* 2: 189–213.
- Allen R. C. 1981. Entrepreneurship and Technical Progress in the Northeast Coast Pig Iron Industry, 1850–1913. *Research in Economic History* 6: 35–71.
- . 1992. *Enclosure and the Yeoman*. Oxford: Clarendon Press.
- . 1994. Agriculture during the Industrial Revolution. In R. Floud and D. N. McCloskey, eds., *The New Economic History of Britain*, Vol. I: 1700–1860, 2nd edn. Cambridge University Press.

- . 2000. Economic Structure and Agricultural Productivity in Europe, 1300–1800. *European Review of Economic History* 4: 1–26.
- . 2001. The Great Divergence in European Wages and Prices from the Middle Ages to the First World War. *Explorations in Economic History* 38: 411–447.
- . 2003. Progress and Poverty in Early Modern Europe. *Economic History Review* 56: 403–43.
- . 2004. Agriculture During the Industrial Revolution, 1700–1850. In *The Cambridge Economic History of Modern Britain*, ed. R. Floud and P. Johnson. Cambridge University Press.
- . 2006. The British Industrial Revolution in Global Perspective: How Commerce Created the Industrial Revolution and Modern Economic Growth, mimeo, University of Oxford.
- . 2007. The Industrial Revolution in Miniature: The Spinning Jenny in Britain, France and India, mimeo, University of Oxford.
- Allen, R. C., J.-P. Bassino, D. Ma, C. Moll-Murata, and J. L. van Zanden. 2010, forthcoming. Wages, Prices, and Living Standards in China, Japan, and Europe, 1738–1925. *Economic History Review*.
- Alter, G. 1992. Theories of Fertility Decline: A Nonspecialist's Guide to the Current Debate. In J. R. Gillis, L. A. Tilly and D. Levine, eds., *The European Experience of Declining Fertility, 1850–1970*. Cambridge, MA: Blackwell.
- Álvarez-Nogal, C., and L. Prados de la Escosura. 2007. The Decline of Spain (1500–1850): Conjectural Estimates. *European Review of Economic History* 11: 319–366.
- Arasaratnam, S. 1980. Weavers, Merchants and Company: The Handloom Industry in Southeastern India 1750–1790. *Indian Economic and Social History Review* 17: 257–281.
- . 1980. Merchants, Companies and Commerce on the Coromandel Coast, 1650–1740. Delhi: Oxford University Press.
- Ariès, P. 1960. Interpretation pour une histoire des mentalités. In H. Bergues, ed., *La prévention des naissances dans la famille: ses origines dans les temps modernes*. Paris: Presses Universitaires de France.
- Arnould, A.M. 1791. De la balance du commerce et des relations commerciales extérieures de la France dans toutes les parties du globe particulièrement à la fin du règne de Louis XIV et au moment de la Révolution. Paris: Buisson.
- Ashton, T. S. 1955. *An Economic History of England: The Eighteenth Century*. London: Methuen.
- . 1959. *Economic Fluctuations in England, 1700–1800*. Oxford: Clarendon Press.
- Babbage, C. 1830. Reflexions on the Decline of Science in Britain and on Some of Its Causes. *Quarterly Review* 43: 307–342.
- Bairoch, P. 1976. Commerce extérieur et développement économique de l'Europe au XIXe siècle. Paris: Mouton.
- . 1982. International Industrialization Levels from 1750 to 1980. *Journal of European Economic History* 11: 269–333.
- . 1988. *Cities and Economic Development from the Dawn of History to the Present*. University of Chicago Press.
- . 1989. European Trade Policy, 1815–1914. In P. Mathias and S. Pollard, eds., *The Cambridge Economic History of Europe, Volume VIII, The Industrial Economies: The Development of Economic and Social Policies*. Cambridge University Press.
- . 1990. The Impact of Crop Yields, Agricultural Productivity, and Transport Costs on Urban Growth between 1800 and 1910. In A. Van der Woude, A. Hayami, and J. de Vries, eds., *Urbanization in History. A Process of Dynamic Interactions*. Oxford: Clarendon Press.

- . 1992. *Storia delle città. Dalla proto-urbanizzazione all'esplosione urbana del terzo mondo*. Milan: Jaca Book.
- . 1997. Une nouvelle distribution des populations: villes et campagnes. In J.-P. Bardet and J. Dupâquier, eds., *Histoire des populations de l'Europe*. Paris: Fayard.
- Bairoch P., and G. Goertz. 1986. Factors of Urbanization in the Nineteenth Century Developed Countries: A Descriptive and Econometric Analysis. *Urban Studies* 23: 285–305.
- Bairoch P., J. Batou, and P. Chèvre. 1988. *La population des villes européennes de 800 à 1850*. Geneva: Droz.
- Banerjee, A., and L. Iyer. 2005. History, Institutions, and Economic Performance: The Legacy of Colonial Land Tenure Systems in India. *American Economic Review* 95: 1190–1213.
- Banken, R. 2005. The Diffusion of Coke Smelting and Puddling in Germany, 1796–1860. In C. Evans and G. Ryden, eds., *The Industrial Revolution in Iron: The Impact of British Coal Technology in Nineteenth-Century Europe*. Aldershot: Ashgate.
- Basu, S., and A. M. Taylor. 1999. Business Cycles in International Historical Perspective. *Journal of Economic Perspectives* 13: 45–68.
- Bardet J.-P., and J. Dupâquier, eds. 1997. *Histoire des populations de l'Europe*. Paris: Fayard.
- Bassino, J. P., and D. Ma. 2005. Wages and Living Standards of Japanese Unskilled Laborers in 1720–1913: An International Comparison. *Research in Economic History* 23: 229–248.
- Baten, J. 2000. Heights and Real Wages in the 18th and 19th Centuries. *Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte* 2000: 61–77.
- . 2006. Global Height Trends in Industrial and Developing Countries, 1810–1984: An Overview, mimeo, Tübingen.
- Baten, J., and S. Hira. 2008. Anthropometric Trends in Southern China, 1830–1864. *Australian Economic History Review* 48: 209–226.
- Baten, J., and Ş. Pamuk. 2007. Inequality in Standards of Living across Europe, 1820–2000, A Preliminary Look. Presented at workshop on Human Capital, Inequality and Living Standards, Measuring Divergence and Convergence in a Globalising Europe, Lund.
- Baten, J., and J. L. van Zanden. 2008. Book Production and the Onset of Modern Economic Growth. *Journal of Economic Growth* 13: 217–235.
- Baten, J., D. Ma, S. Morgan and Q. Wang. 2010, forthcoming. Evolution of Living Standards and Human Capital in China in the 18–20th Centuries: Evidences from Real Wages, Age-Heaping, and Anthropometrics. *Explorations in Economic History*.
- Beck, L. 1897. *Die Geschichte des Eisens: Dritte Abteilung. Das XVIII. Jahrhundert*. Braunschweig: Friedrich Vieweg.
- Becker, G. S. 1960. An Economic Analysis of Fertility. In UNBCFE Research, ed., *Demographic and Economic Change in Developed Countries*. Princeton University Press.
- . 1965. A Theory of the Allocation of Time. *Economic Journal* 75: 493–517.
- Becker, G. S., and R. J. Barro. 1988. A Reformulation of the Economic Theory of Fertility. *Quarterly Journal of Economics* 103: 1–25.
- Becker, G. S., Murphy, K., and Tamura, R. 1990. Human Capital, Fertility, and Economic Growth. *Journal of Political Economy* 98: S12–S37.
- Beik, W. 2005. Review Article: The Absolutism of Louis XIV as Social Collaboration. *Past and Present* 188: 195–224.
- Beloch J. 1937–61. *Bevölkerungsgeschichte Italiens*. Berlin and Leipzig: De Gruyter.

- Bengtsson, T., and D. S. Reher. 1998. Short- and Medium-Term Relations between Population and Economy. In C. E. Núñez, ed., *Debates and Controversies in Economic History*. Madrid: Fundación Ramón Areces.
- Berelowitch, W., J. Dupâquier, and I. Gieysztor. 1997. L'Europe orientale. In J.-P. Bardet and J. Dupâquier, eds., *Histoire des populations de l'Europe*. Paris: Fayard.
- Berg, M. 2007. The Genesis of Useful Knowledge. *History of Science* 45: 123–134.
- Beylen, J. Van. 1977. Scheepstypen. In L. M. Akveld, S. Hart, and W. J. Van Hoboken eds., *Maritieme Geschiedenis der Nederlanden*, 11. Bussum: De Boer Maritiem.
- Bielenberg, A. 1998. The Irish Brewing Industry and the Rise of Guinness, 1790–1914. In R. G. Wilson and T. R. Gourvish, eds., *The Dynamics of the International Brewing Industry since 1800*. London: Routledge.
- Blum, A., and I. Troitskaja. 1996. Mortality in Russia during the Eighteenth and Nineteenth Centuries: Local Assessments Based on the Revizii. *Population* 51: 303–328.
- Blum, J. 1978. *The End of the Old Order in Rural Europe*. Princeton University Press.
- Bogart, D. 2005a. Did Turnpike Trusts Increase Transportation Investment in Eighteenth-Century England? *Journal of Economic History* 65: 439–468.
- . 2005b. Turnpike Trusts and the Transportation Revolution in Eighteenth-Century England. *Explorations in Economic History* 42: 479–508.
- . 2008. Nationalizations and the Development of Transport Systems: Cross-Country Evidence From Railroad Networks, mimeo, Department of Economics, UC Irvine.
- Bogart, D. 2009. Nationalizations and the Development of Transport Systems: Cross-Country Evidence from Railroad Networks, 1860–1912. *Journal of Economic History* 69: 202–237.
- Bonney, R. 1995. Revenues. In R. Bonney, ed., *Economic Systems and State Finance*. Oxford: Clarendon Press.
- . 1999. France, 1494–1815. In R. Bonney, ed., *The Rise of the Fiscal State in Europe, 1200–1815*. Oxford University Press.
- Boonstra, O. W. A. 1993. *De waardij van eene vroege opleiding*. Wageningen: Landbouwwuniversiteit.
- Boot, H. M. 1995. How Skilled Were Lancashire Cotton Factory Workers in 1833? *Economic History Review* 48: 283–303.
- . 1999. Real Incomes of the British Middle Class, 1760–1850. *Economic History Review* 52: 638–668.
- Bordo, M. D., and E. N. White. 1991. A Tale of Two Currencies: British and French Finance during the Napoleonic Wars. *Journal of Economic History* 51: 303–316.
- Boserup, E. 1965. *The Conditions of Agricultural Growth: The Economics of Agrarian Change Under Population Pressure*. London: G. Allen & Unwin.
- Boucekkine, R., D. de la Croix, and D. Peeters. 2007. Early Literacy Achievements, Population Density and the Transition to Modern Growth. *Journal of the European Economic Association* 5: 183–226.
- Bourdelaïs, P. 2006. *Epidemics Laid Low: a History of What Happened in Rich Countries*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Bowler, P. J., and I. R. Morus. 2005. *Making Modern Science*. University of Chicago Press.
- Boyd, R., and P. J. Richerson. 1985. *Culture and the Evolutionary Process*. University of Chicago Press.
- . 2005. *Not by Genes Alone: How Culture Transformed Human Evolution*. University of Chicago Press.
- Brändström, A. 1997. Infant Mortality in Sweden, 1750–1950: Past and Present Research into Its Decline. In C. A. Corsini and P. P. Viazzo, eds., *The Decline of Infant and Child Mortality: The European Experience, 1750–1990*. The Hague and Cambridge, MA: Martinus Nijhoff Publishers/Kluwer Law International.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Brautaset, C., and R. Grafe. 2004. A Long Distance Affair. Shipping and Global Integration in the 19th Century. In Peter Vikstrom, ed., *Studying Economic Growth. New Tools and Perspectives*. Umea University Press.
- Brennig, J. J. 1986. Textile Producers and Production in Late Seventeenth-Century Coromandel. *Indian Economic and Social History Review* 23: 333–356.
- Brewer, J. 1989. *The Sinews of Power: War, Money and the English State*. London: Unwin Hyman.
- Briggs, C. 2006. Manor Court Procedures, Debt Litigation Levels, and Rural Credit Provision in England, c.1290–c.1380. *Law and History Review* 24: 519–558.
- Broadberry, S. N. 1997. *The Productivity Race: British Manufacturing in International Perspective, 1850–1990*. Cambridge University Press.
- . 2007. Recent Developments in the Theory of Very Long Run Growth: A Historical Appraisal, Warwick Economics Research Paper 818, available at www2.warwick.ac.uk/fac/soc/economics/research/workingpapers/publications/twerp_818.pdf.
- Broadberry, S. N., and B. Gupta. 2006. The Early Modern Great Divergence: Wages, Prices and Economic Development in Europe and Asia, 1500–1800. *Economic History Review* 59: 2–31.
- . 2008. Lancashire, India and Shifting Competitive Advantage in Cotton Textiles, 1700–1850: The Neglected Role of Factor Prices. *Economic History Review* 62: 279–305.
- Broadberry, S. N., and A. Klein. 2008. Aggregate and per Capita GDP in Europe, 1870–2000: Continental, Regional and National Data with Changing Boundaries, mimeo, University of Warwick.
- Brown, J. C., and T. W. Guinnane. 2002. Fertility Transition in a Rural Catholic Population: Bavaria 1880–1910. *Population Studies* 56: 35–50.
- . 2007. Regions and Time in the European Fertility Transition: Problems in the Princeton Project's Statistical Methodology. *Economic History Review* 60: 574–595.
- Brunner O. 1968 [1953]. Stadt und Bürgertum in der europäischen Geschichte. In O. Brunner, *Neue Wege der Verfassungs- und Sozialgeschichte*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
- Brunt, L. 2003. Mechanical Innovation in the Industrial Revolution: The Case of Plough Design. *Economic History Review* 56: 444–477.
- Brunt, L., and E. Cannon. 2007. Do Banks Generate Financial Market Integration? mimeo, University of Lausanne.
- Brunt, L., and A. Fidalgo. 2008. Why Europe and Not Asia? Agricultural Productivity and Industrial Revolution around the World before 1870, mimeo, University of Lausanne.
- Brunt, L., J. Lerner, and T. Nicholas. 2008. Inducement Prizes and Innovation, mimeo, Harvard Business School.
- Buenstorf, G. 2001. Sequential Production, Dynamic Complementarities and Endogenous Decomposability: A Note on the Microdynamics of Technological Change, mimeo, Max Planck Institute for Research into Economic Systems, Jena.
- Bulbeck, D., A. Reid, L. C. Tan, and Y. Wu. 1998. *Southeast Asian Exports since the 14th Century: Cloves, Pepper, Coffee and Sugar*. Leiden: KITLV Press.
- Burnette, J. 2006. How Skilled were English Agricultural Labourers in the Early Nineteenth Century? *Economic History Review* 59: 688–716.
- Bush, M. L., ed. 1996. *Serfdom and Slavery; Studies in Legal Bondage*. London: Longman.
- Butel, P. 1999. *The Atlantic*. London and New York: Routledge.

- Butel, P., and F. Crouzet. 1998. Empire and Economic Growth: The Case of 18th Century France. *Revista de Historia Económica* 16: 177–193.
- Cameron, R. E., ed. 1967. *Banking in the Early Stages of Industrialization*. New York: Oxford University Press.
- Capella Martínez, M., and A. Matilla Tascon. 1957. *Los Cinco Gremios Mayores De Madrid. Estudio Crítico-Histórico*. Madrid: Cámara Oficial de Comercio e Industria.
- Capie, F. 1999. Banking in Europe in the Nineteenth Century: The Role of the Central Bank. In R. Sylla, R. Tilly, and G. Tortella, eds., *The State, the Financial System, and Economic Modernization*. Cambridge University Press.
- Capra, C. 1995. The Eighteenth Century. I. The Finances of the Austrian Monarchy and the Italian States. In R. Bonney, ed., *Economic Systems and State Finance*. Oxford University Press.
- Carreras, A., and X. Tafunell, eds. 2005. *Estadísticas históricas de España (siglos XIX–XX)*. Bilbao: Fundación BBVA.
- Carter, F. W. 1977. Urban Development in the Western Balkans 1200–1800. In F. Carter, ed., *An Historical Geography of the Balkans*. London: Academic Press.
- Cerman M., and S. C. Ogilvie, eds. 1994. *Protoindustrialisierung in Europa. Industrielle Produktion vor dem Fabrikzeitalter*. Vienna: Verlag für Gesellschaftskritik.
- Cervellati, M., and U. Sunde. 2005. Human Capital Formation, Life Expectancy, and the Process of Economic Development. *American Economic Review* 95: 153–167.
- Chandler, A. 1977. *The Visible Hand: The Managerial Revolution in American Business*. Cambridge, MA: Belknap Press.
- Chapman, S. 1984. *The Rise of Merchant Banking*. London: Unwin Hyman.
- Chassagne, S. 1991. *Le Coton et ses Patrons: France, 1760–1840*. Paris: EHESS.
- . 2003. Calico Printing in Europe before 1780. In D. T. Jenkins, ed., *The Cambridge History of Western Textiles*. Cambridge University Press.
- Chaudhuri, K. N. 1978. *The Trading World of Asia and the English East India Company, 1660–1760*. Cambridge University Press.
- . 1985. *Trade and Civilisation in the Indian Ocean: An Economic History from the Rise of Islam to 1750*. Cambridge University Press.
- Chesnais, J.-C. 1992. *The Demographic Transition*. Oxford University Press.
- Cipolla, C. M. 1972. The So-Called “Price Revolution”: Reflections on the Italian Situation. In P. Burke, ed., *Economy and Society in Early Modern Europe*. New York: Harper & Row.
- Clapham, J. 1944a. *The Bank of England: A History*. Volume 1 1694–1796. Cambridge University Press.
- . 1944b. *The Bank of England: A History*. Volume 2 1797–1914. Cambridge University Press.
- Clark, G. 1987. Productivity Growth without Technical Change in European Agriculture before 1850. *Journal of Economic History* 47: 419–432.
- . 1988. The Cost of Capital and Medieval Agricultural Technique. *Explorations in Economic History* 25: 265–294.
- . 1994. Factory Discipline. *Journal of Economic History* 54: 128–163.
- . 2005. The Condition of the Working Class in England, 1209–2004. *Journal of Political Economy* 113: 1307–1340.
- . 2007a. *A Farewell to Alms*. Princeton University Press.
- . 2007b. The Long March of History: Farm Wages, Population, and Economic Growth, England 1209–1869. *Economic History Review* 60: 97–135.
- Clark, G., and G. Hamilton, 2006. Survival of the Richest: The Malthusian Mechanism in Pre-industrial England. *Journal of Economic History* 66: 707–736.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Clark, P. 2000. *British Clubs and Societies, 1580–1800: The Origins of an Associational World*. Oxford: Clarendon Press.
- Clarkson, L. A. 1985. *Proto-industrialization: The First Phase of Industrialization?* Basingstoke: Macmillan.
- . 2003. The Linen Industry in Early Modern Europe. In D. T. Jenkins, ed., *The Cambridge History of Western Textiles*. Cambridge University Press.
- Cleland, J., and C. Wilson. 1987. Demand Theories of the Fertility Transition: An Iconoclastic View. *Population Studies* 41: 5–30.
- Coale, A. J. 1973. *The Demographic Transition Reconsidered. International Population Conference*. Liege: International Union for the Scientific Study of Population.
- Coale, A., and S. C. Watkins, eds. 1986. *The Decline of Fertility in Europe*. Princeton University Press.
- Cole, A. H., and R. Crandall. 1964. The International Scientific Committee on Price History. *Journal of Economic History* 24: 381–388.
- Coleman, A. 1999. Storage, Arbitrage and the Law of One Price: New Theory of an Old Problem, mimeo, Princeton University.
- Collins, E. J. L. 1969. Labour Supply and Demand in European Agriculture, 1800–1880. In E. L. Jones and S. J. Woolf, eds., *Agrarian Change and Economic Development: The Historical Problems*. London: Methuen.
- Collins, M. 1988. *Money and Banking in the UK: a History*. London: Croom Helm.
- Condillac, Abbé de. 1776. *Commerce et le gouvernement considéré l'un à l'autre*. Paris: Jombert & Cellot.
- Coppens, H. 1992. De financiën van de centrale regering van de Zuidelijke Nederlanden aan het einde van het Spaanse en onder Oostenrijks bewind (ca. 1680–1788). Vol. 54/142, *Verhandelingen van de Koninklijke Academie voor Wetenschappen, Letteren en Schone Kunsten van België. Klasse der Letteren*. Brussels: Paleis der Academiën.
- Cottrell, P. L., and L. Newton. 1998. Joint-Stock Banking in the English Provinces 1826–1857: To Branch or Not to Branch? *Business and Economic History* 27: 115–128.
- . 1999. Banking Liberalization in England and Wales 1826–1844. In R. Sylla, R. Tilly and G. Tortella, eds., *The State, the Financial System, and Economic Modernization*. Cambridge University Press.
- Crafts, N. F. R. 1977. The Industrial Revolution in England and France: Some Thoughts on the Question, Why Was England First? *Economic History Review* 30: 429–441.
- . 1985a. British Economic Growth During the Industrial Revolution. Oxford University Press.
- . 1985b. English Workers' Real Wages during the Industrial Revolution: Some Remaining Problems. *Journal of Economic History* 45: 139–144.
- . 1987. British Economic Growth, 1700–1850, Some Difficulties of Interpretation. *Explorations in Economic History* 24: 245–268.
- . 1995. Exogenous or Endogenous Growth? The Industrial Revolution Reconsidered. *Journal of Economic History* 55: 745–772.
- . 1997a. Some Dimensions of the Quality of Life during the Industrial Revolution. *Economic History Review* 50: 617–639.
- . 1997b. The Human Development Index and Changes in Standards of Living: Some Historical Comparisons. *European Review of Economic History* 1: 299–322.
- . 1998. Forging Ahead and Falling Behind: The Rise and Relative Decline of the First Industrial Nation. *Journal of Economic Perspectives* 12: 193–210.
- . 2002. The Human Development Index, 1870–1999: Some Revised Estimates. *European Review of Economic History* 6: 395–405.

- . 2004. Steam as a General Purpose Technology: A Growth Accounting Perspective. *Economic Journal* 114: 338–351.
- Crafts, N. F. R., and C. K. Harley. 1992. Output Growth and the British Industrial Revolution: A Restatement of the Crafts-Harley View. *Economic History Review* 45: 703–730.
- Crafts, N. F. R., and T. Mills. 2009. From Malthus to Solow: How the Malthusian Economy Really Evolved. *Journal of Macroeconomics* 31: 68–93.
- Craig, L. A., and D. Fisher. 1997. *The Integration of the European Economy, 1850–1913*. London: Macmillan.
- . 2000. *The European Macroeconomy: Growth, Integration and Cycles 1500–1913*. North Hampton: Edward Elgar.
- Craig, L. A., D. Fisher, and T. Spencer. 1995. Inflation and Money Growth under the International Gold Standard, 1850–1913. *Journal of Macroeconomics* 17: 207–226.
- Crayen, D., and J. Baten. 2008. Global Trends in Numeracy 1820–1949 and Its Implications for Long-Run Growth, CESifo Working Paper Series No. 2218.
- Crouzet, F. 1964. Wars, Blockade, and Economic Change in Europe, 1792–1815. *Journal of Economic History* 24: 567–588.
- Cuberes, D., and M. Jerzmanowski. 2007. Growth Cycles and Democracy, mimeo, Clemson University.
- Cuenca Esteban, J. 1989. The Markets of Latin American Exports, 1790–1820: A Comparative Analysis of International Prices. In L. L. Johnson and E. Tandeter, eds., *Growth and Integration in the Atlantic Economy*. Albuquerque: University of New Mexico Press.
- . 1997. The Rising Share of British Industrial Exports in Industrial Output, 1700–1851. *Journal of Economic History* 57: 879–906.
- Cullen, L. M. 1993. History, Economic Crises, and Revolution: Understanding Eighteenth-Century France. *Economic History Review* 46: 635–657.
- Czap, P., Jr. 1978. Marriage and the Peasant Joint Family in the Era of Serfdom. In L. Ransel, ed., *The Family in Imperial Russia: New Lines of Historical Research*. Urbana: University of Illinois Press.
- Dam, K. W. 2005. *The Law-Growth Nexus: The Rule of Law and Economic Development*. Washington: Brookings Institution Press.
- Das Gupta, A. 2001. *The World of the Indian Ocean Merchant*. New Delhi: Oxford University Press.
- Das Gupta A., and M. N. Pearson. 1987. *India and the Indian Ocean*. New Delhi: Oxford University Press.
- Dasgupta, P., and P. A. David. 1994. Toward a New Economics of Science. *Research Policy* 23: 487–521.
- Daudin, G. 2004. Profitability of Slave and Long Distance Trading in Context: The Case of 18th Century France. *Journal of Economic History* 64: 144–171.
- . 2005. Commerce et prospérité: la France au XVIIIe siècle. Paris: PUPS.
- . 2006. Do Frontiers Give or Do Frontiers Take? The Case of Intercontinental Trade in France at the end of the Ancien Régime. In O. Pétré-Grenouilleau, P. Emmer, and J. Roitman, eds., *A Deus Ex Machina Revisited. Atlantic Colonial Activities and European Economic Development*. Leiden: Brill.
- . 2007. Traders, Intercontinental Trade, and Growth before the Industrial Revolution, mimeo.
- Daunton, M. J. 1995. *Progress and Poverty: An Economic and Social History of Britain, 1700–1850*. Oxford and New York: Oxford University Press.
- Davis, L. E., and R. A. S. Huttenback. 1988. *Mammon and the Pursuit of the Empire*. Cambridge University Press.
- Davis, R. 1962. English Foreign Trade 1700–1774. *Economic History Review* 15: 285–303.

БИБЛИОГРАФИЯ

- . 1969. English Foreign Trade (1700–1774). In W. E. Minchinton, ed., *The Growth of English Overseas Trade in the Seventeenth and Eighteenth Centuries*. London: Methuen.
- . 1978. Maritime History: Progress and Problems. In S. Marriner, ed., *Business and Businessmen: Studies in Business, Economic and Accounting History*. Liverpool University Press.
- . 1979. The Industrial Revolution and British Overseas Trade. Leicester University Press.
- Deane, P., and W. A. Cole. 1962. *British Economic Growth 1688–1959: Trends and Structure*. Cambridge University Press.
1969. *British Economic Growth, 1688–1959: Trends and structure*, 2nd edn. Cambridge University Press.
- De la Croix, D. 2008. Adult Longevity and Economic Take-off: From Malthus to Ben-Porath, mimeo.
- DeLong, J. B. 1999. Introduction to the Symposium on Business Cycles. *Journal of Economic Perspectives* 13: 19–22.
- DeLong, J. B., and A. Shleifer. 1993. Princes and Merchants: European City Growth before the Industrial Revolution. *Journal of Law and Economics* 36: 671–702.
- Dennison, T. K. 2006. Did Serfdom Matter? Russian Rural Society 1750–1860. *Historical Research* 79: 74–89.
- Dennison, T. K., and S. Ogilvie, 2007. Serfdom and Social Capital in Bohemia and Russia. *Economic History Review* 60: 513–544.
- Déroutet, B. 1980. Une démographie sociale différentielle: clés pour un système auto-régulateur des populations rurales d'Ancien Régime. *Annales: Economies, Sociétés, Civilisations* 35: 3–41.
- Desai, A. V. 1972. Population and Standards of Living in Akbar's Time. *Indian Economic and Social History Review* 9: 43–62.
- . 1978. Population and Standards of Living in Akbar's Time — A Second Look. *Indian Economic and Social History Review* 15: 53–79.
- Desmet, K., and S. L. Parente. 2006. Bigger Is Better: Market Size, Demand Elasticity and Resistance to Technology Adoption, CEPR Discussion Paper 5825.
- Dickmann, N. 2003. Fertility and Family Income on the Move: An International Comparison over Twenty Years. Syracuse: Maxwell School, Syracuse University.
- Dickson, P. G. M. 1967. The Financial Revolution in England: A Study in the Development of Public Credit, 1688–1756. London: Macmillan.
- . 1987. Finance and Government under Maria Theresa 1740–1780. Oxford University Press.
- Dincecco, M. 2006. A Quantitative Analysis of Fiscal Fragmentation and Centralization in Europe, 1700–1871, mimeo, IMT Lucca Institute for Advanced Studies.
- . 2009. Fiscal Centralization, Limited Government, and Public Revenues in Europe, 1650–1913. *Journal of Economic History* 69: 48–103.
- Dion, R. 1977. Histoire de la Vigne et du Vin au France. Paris: Flammarion.
- Doepke, M. 2004. Accounting for Fertility Decline during the Transition to Growth. *Journal of Economic Growth* 9: 347–383.
- Doepke, M., and F. Zilibotti. 2005. The Macroeconomics of Child Labor Regulation. *American Economic Review* 95: 1492–1524.
- . 2008. Occupational Choice and the Spirit of Capitalism. *Quarterly Journal of Economics* 123: 747–793.
- Dormans, E. H. M. 1991. Het Tekort. Staatsschuld in de tijd der Republiek, NEHA Series III. Amsterdam: NEHA.
- Doveri, A. 2000. Land, Fertility, and Family: A Selected Review of the Literature in Historical Demography. *Genus* 56: 19–59.

- Drelichman, M. 2005. The Curse of Moctezuma: American Silver and the Dutch Disease. *Explorations in Economic History* 42: 349–380.
- Drelichman, M., and H.-J. Voth. 2008. Debt Sustainability in Historical Perspective: The Role of Fiscal Repression. *Journal of the European Economic Association* 6: 657–667.
- Duffy, I. P. H. 1982. The Discount Policy of the Bank of England during the Suspension of Cash Payments, 1797–1821. *Economic History Review* 35: 67–82.
- . 1985. Bankruptcy and Insolvency in London during the Industrial Revolution. New York: Garland.
- Duranton, G., and D. Puga. 2004. Micro-foundations of Urban Agglomeration Economies. In V. Henderson and J.-F. Thisse, eds., *Handbook of Regional and Urban Economics*, IV. Amsterdam: North-Holland.
- Dutton, H. 1984. The Patent System and Inventive Activity during the Industrial Revolution 1750–1852. Manchester University Press.
- Easterlin, R. A. 1981. Why Isn't the Whole World Developed? *Journal of Economic History* 41: 1–19.
- Edwards, M. M. 1967. *The Growth of the British Cotton Trade, 1780–1815*. Manchester University Press.
- Ellickson, R. C. 1991. *Order without Law: How Neighbors Settle Disputes*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Elliott, J. H. 1990. The Seizure of Overseas Territories by European Powers. In H. Pohl, ed., *The European Discovery of the World and its Economic Effects on Pre-Industrial Society, 1500–1800*, *Vierteljahrschrift für Sozial-und Wirtschaftsgeschichte* 89: 43–61.
- Engels, F. 1892. The Condition of the Working Class in England in 1844. London: Allen & Unwin.
- Engerman, S. L. 1972. The Slave Trade and British Capital Formation in the Eighteenth Century: A Comment on the Williams Thesis. *Business History Review* 46: 430–443.
- . 1998. British Imperialism in a Mercantilist Age, 1492–1849: Conceptual Issues and Empirical Problems. *Revista de Historia Económica* 16: 195–233.
- Engerman, S., and K. L. Sokoloff. 1997. Factor Endowments: Institutions, and Differential Paths of Growth among New World Economies: A View from Economic Historians of the United States. In S. Haber, ed., *How Latin America Fell Behind: Essays on the Economic Histories of Brazil and Mexico, 1800–1914*. Stanford University Press.
- Epstein, S. R. 2000. *Freedom and Growth: Markets and States in Pre-modern Europe*. New York: Routledge.
- Ertman, T. 1997. *Birth of the Leviathan: Building States and Regimes in Mediaeval and Early Modern Europe*. Cambridge University Press.
- Evans, R. J. 2005. *Death in Hamburg: Society and Politics in the Cholera Years 1830–1910*. New York: Penguin Books.
- Fairchild, C. 1993. The Production and Marketing of Populuxe Goods in Eighteenth-Century Paris. In J. Brewer and R. Porter, eds., *Consumption and the World of Goods*. London and New York: Routledge.
- Farnie, D. A. 2003. Cotton, 1780–1914. In D. T. Jenkins, ed., *The Cambridge History of Western Textiles*. Cambridge University Press.
- . 2004. The Role of Merchants as the Prime Movers in the Expansion of the Cotton Industry, 1760–1990. In D. A. Farnie and D. J. Jeremy, eds., *The Fibre that Changed the World: The Cotton Industry in International Perspective, 1600–1990s*. Oxford University Press.
- Federico, G. 1997. *An Economic History of the Silk Industry, 1830–1930*. Cambridge University Press.

БИБЛИОГРАФИЯ

- A Capital Intensive Innovation in a Capital Scarce World: Steam Threshing in 19th-Century Italy. *Advances in Agricultural Economic History* 2: 75–114.
- Federico G., and P. Malanima. 2004. Progress, Decline, Growth: Product and Productivity in Italian Agriculture, 1000–2000. *Economic History Review* 57: 437–464.
- Federico, G., and K. G. Persson. 2007. Market Integration and Convergence in the World Wheat Market, 1800–2000. In T. J. Hatton, K. H. O'Rourke, and A. M. Taylor, eds., *The New Comparative Economic History: Essays in Honor of Jeffrey G. Williamson*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Feinstein, C. H. 1972. National Income, Expenditure and Output of the United Kingdom, 1855–1965. Cambridge University Press.
- . 1978. Capital Formation in Great Britain. In P. Mathias and M. M. Postan, eds., *The Cambridge Economic History of Europe Vol. 8, Pt. 1, The Industrial Economies: Capital Labour and Enterprise*. Cambridge University Press.
- . 1988. Review: The Rise and Fall of the Williamson Curve. *Journal of Economic History* 48: 699–729.
- . 1998. Pessimism Perpetuated: Real Wages and the Standard of Living in Britain during and after the Industrial Revolution. *Journal of Economic History* 58: 625–658.
- Feldbauer P., M. Mitterauer, and W. Schwentker, eds. 2002. *Die vormoderne Stadt. Asien und Europa im Vergleich*. Vienna: Verlag für Geschichte und Politik.
- Fenoaltea, S. 2003. Peeking Backward: Regional Aspects of Industrial Growth in Postunification Italy. *Journal of Economic History* 63: 1059–1102.
- Ferguson, N. 1998. *The House of Rothschild: Money's Prophets, 1798–1848*. London: Penguin.
- Filipczak-Kocur, A. 1999. Poland-Lithuania before Partition. In R. Bonney, ed., *The Rise of the Fiscal State in Europe, 1200–1815*. Oxford University Press.
- Finer, S. E. 1997. *The History of Government from the Earliest Times*. Oxford University Press.
- Findlay, R. 1990. The Triangular Trade and the Atlantic Economy of the Eighteenth Century: A Simple General Equilibrium Model. *Essays in International Finance* 177. Princeton University Press.
- Findlay, R., and K. H. O'Rourke. 2007. *Power and Plenty: Trade, War, and the World Economy in the Second Millennium*. Princeton University Press.
- Fink, K. 1991. The Beginnings of Railways in Russia, available at www.fink.com/papers/russia.html.
- Fisher, D. 1989. The Price Revolution: A Monetary Interpretation. *Journal of Economic History* 49: 883–902.
- Flandreau, M., C. Galimard, C. Jobst, and P. Nogués Marco. 2008. The Bell Jar: Commercial Interest Rates between Two Revolutions, 1688–1789. In J. Attack and L. Neal, eds., *The Origin and Development of Financial Institutions and Markets*. Cambridge University Press.
- . 2009. Monetary Geography before the Industrial Revolution. *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, 2: 149–171.
- Flinn, M. W. 1974. Trends in Real Wages, 1750–1850. *Economic History Review*, 27: 395–413.
- . 1985. *The European Demographic System, 1500–1820*. Baltimore: Johns Hopkins.
- Flora, P. 1983. *State, Economy and Society in Western Europe, 1815–1975: A Data Handbook*. Frankfurt, London, and Chicago: Macmillan, St. James Press.
- Flora, P., F. Kraus, and W. Pfenning. 1983. *State, Economy and Society in Western Europe 1815–1975*, I. Chicago: St. James Press.
- Florén, A. 1998. Iron-Making Societies: The Development of the Iron Industry in Sweden and Russia, 1600–1900. In M. Agren, ed., *Iron-Making Societies, Early Industrial Development in Sweden and Russia, 1600–1900*. Oxford: Berghahn.

- Floud, R., and D. N. McCloskey. 1981. *The Economic History of Britain since 1700*. Cambridge University Press.
- Floud, R., and P. Johnson, eds. 2004. *The Cambridge Economic History of Modern Britain*, Vol. 1, Industrialisation, 1700–1870. Cambridge University Press.
- Fontana, J. 1991. La crisis colonial en la crisis del Antiguo Régimen español. In Bonilla, ed., *El sistema colonial en la América española*. Barcelona: Ariel.
- Foreman-Peck, J. 2006. Review of Brinley Thomas's *Migration and Economic Growth: A Study of Great Britain and the Atlantic Economy*, EH.Net.
- Forsyth, P. J., and S. J. Nicholas. 1983. The Decline of Spanish Industry and the Price Revolution: A Neoclassical Analysis. *Journal of European Economic History* 12: 601–610.
- Francis, N., and V. Ramey. 2005. Is the Technology-Driven Real Business Cycle Hypothesis Dead? *Journal of Monetary Economics* 52: 1379–1399.
- Frank, A. G. 1975. *On Capitalist Underdevelopment*. New York: Oxford University Press.
- Freedman, C. E. 1979. *Joint-Stock Enterprise in France, 1807–1867: From Privileged Company to Modern Corporation*. Chapel Hill: University of North Carolina Press.
- Fregert, K., and R. Gustafsson. 2005. Fiscal Statistics for Sweden, 1719–2003, Working Paper No. 40, Department of Economics, Lund University.
- Fremdling, R. 1986. Technologischer Wandel und internationaler Handel im 18. und 19. Jahrhundert, Die Eisenindustrien in Großbritannien, Belgien, Frankreich und Deutschland. Berlin: Duncker & Humblot.
- . 1989. British Coal on Continental Markets, 1850–1913. In C. — L. Holtfrerich, ed., *Interactions in the World Economy*. New York: Harvester Wheatsheaf.
- . 1996. Anglo-German Rivalry in Coal Markets in France, the Netherlands and Germany 1850–1913. *Journal of European Economic History* 25: 599–646.
- . 2000. Transfer Patterns of British Technology to the Continent: The Case of the Iron Industry. *European Review of Economic History* 4: 195–222.
- . 2004. Continental Response to British Innovations in the Iron Industry during the Eighteenth and Early Nineteenth Centuries. In L. Prados de la Escosura, ed., *Exceptionalism and Industrialisation: Britain and its European Rivals, 1688–1815*. Cambridge University Press.
2005. Foreign Trade — Transfer — Adaptation: British Iron Making Technology on the Continent (Belgium and France). In C. Evans and G. Rydén, eds., *The Industrial Revolution in Iron: The Impact of British Coal Technology in Nineteenth-Century Europe*. Aldershot: Ashgate.
- Fremdling, R., and B. P. A. Gales. 1994. Iron Masters and Iron Production During the Belgian Industrial Revolution: The «Enquete» of 1828. In P. Klep and E. van Cauwenberghe, eds., *Entrepreneurship and the Transformation of the Economy*. Leuven University Press.
- French, C. J. 1987. Productivity in the Atlantic Shipping Industry: A Quantitative Study. *Journal of Interdisciplinary History* 17: 613–638.
- Fritschy, W. 1988. De patriotten en de financiën van de Bataafse Republiek. Hollands krediet en de smalle marges voor een nieuw beleid (1795–1811). The Hague: Stichting Hollandse Historische Reeks.
- Fritschy, W. 2003. A «Financial Revolution» Revisited: Public Finance in Holland during the Dutch Revolt, 1568–1648. *Economic History Review* 56: 57–89.
- Fritschy, W., and R. Liesker. 2004. Gewestelijke financiën ten tijde van de Republiek der Verenigde Nederlanden. Deel IV Holland (1572–1795). The Hague: Instituut voor Nederlandse Geschiedenis.
- Gabaix X., and Y. Ioannides. 2004. The Evolution of City Size Distributions. In V. Henderson and J. F. Thisse, eds., *Handbook of Urban and Regional Economics*. Amsterdam: North-Holland Publishing Company.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Galletti, J. G. A. 1822. Allgemeines geographische Wörterbuch. Oder alphabetische Darstellung aller Länder, Städte, Flecken, Dörfer, Ortschaften, Meere, Flüsse u. s. w. Mit genauer Angabe ihrer Grösse, Bevölkerung, Producte, Manufacturen, Fabriken, ihres Gewerbes, Handels u. s. w., I. Pesth: Hartleben.
- Galloway, P. R. 1988. Basic Patterns in Annual Variations in Fertility, Nuptiality, Mortality, and Prices in Pre-industrial Europe. *Population Studies* 42: 275–302.
- Galor, O. 2005. From Stagnation to Growth: Unified Growth Theory. In P. Aghion and S. N. Durlauf, eds., *Handbook of Economic Growth Vol. 1A*. Amsterdam: North Holland Press.
- Galor, O., and O. Moav. 2002. Natural Selection and the Origins of Economic Growth. *Quarterly Journal of Economics* 117: 1133–1191.
- . 2006. Das Human Kapital: A Theory of the Demise of the Class Structure. *Review of Economic Studies* 73: 85–117.
- Galor, O., and D. N. Weil. 1996. The Gender Gap, Fertility, and Growth. *American Economic Review* 86: 374–387.
- . 1999. From Malthusian Stagnation to Modern Economic Growth. *American Economic Review* 89: 150–154.
- . 2000. Population, Technology, and Growth: From Malthusian Stagnation to the Demographic Transition and Beyond. *American Economic Review* 90: 806–828.
- García-Iglesias, C., and J. K. Kilponen. 2004. Trends, Cycles and Economic Growth in the Nordic Countries during the Classical Gold Standard Period, mimeo, World Congress of Cliometrics.
- Gardarsdóttir, Ó. 2002. Saving the Child: Regional, Cultural and Social Aspects of the Infant Mortality Decline in Iceland, 1770–1920. Umeå: Demographic Data Base, Umeå University.
- Geiger, R. 1994. Planning the French Canals: Bureaucracy, Politics, and Enterprise under the Restoration. Newark: Delaware University Press.
- Gerhold, D. 1996. Productivity Change in Road Transport before and after Turnpiking, 1840. *Economic History Review* 49: 491–515.
- Gerschenkron, A. 1962. *Economic Backwardness in Historical Perspective*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Gervaise, Isaac. 1720. *The System or Theory of the Trade of the World*. London. Available at <http://socserv.mcmaster.ca/econ/ugcm/3ll3/gervaise/trade>.
- Gijssbers, W. M. 1999. Kapitale ossen: de internationale handel in slachtvee in Noordwest-Europa (1300–1750). Hilversum: Verloren.
- Gillard, L. 2004. La Banque d'Amsterdam et le florin européen au temps de la République Néerlandaise (1610–1820). Paris: EHESS.
- Gillispie, C. C. 1980. Science and Polity in France at the end of the Old Regime. Princeton University Press.
- Glaeser, E., R. La Porta, F. Lopez-de-Silanes, and A. Shleifer. 2004. Do Institutions Cause Growth? *Journal of Economic Growth* 9: 271–303.
- Glass, D. V., and E. Grebenik. 1965. World Population, 1800–1950. In H. J. Habakkuk and M. Postan, eds., *The Cambridge Economic History of Europe*, Vol. VI, *The Industrial Revolution and After: Incomes, Population and Technological Change*, Part I. Cambridge University Press.
- Glete, J. 1993. Navies and Nations: Warships, Navies and State Building in Europe and America, 1500–1860. 2 vols. Stockholm: Almqvist and Wiksell International.
- Gonzalez de Lara, Y., A. Greif, and S. Jah. 2008. The Administrative Foundations of Self-Enforcing Constitutions. *American Economic Review* 98: 105–109.
- Goodman, J. 1993. Tobacco in History: The Cultures of Dependence. London: Routledge.

- Granger, C. W. J., and C. M. Elliot. 1967. A Fresh Look at Wheat Prices and Markets in the Eighteenth Century. *Economic History Review* 20: 257–265.
- Greif, A. 2005. Commitment, Coercion, and Markets: The Nature and Dynamics of Institutions Supporting Exchange. In C. Menard and M. M. Shirley, eds., *Handbook for New Institutional Economics*. Norwell, MA: Kluwer Academic Publishers.
- . 2006. Institutions and the Path to the Modern Economy: Lessons from Medieval Trade. Cambridge University Press.
- Grigg, D. 1992. The Transformation of Agriculture in the West. Oxford: Blackwell.
- Grytten, O. H. 2007. Norwegian Wages, 1726–2006. In Ø. Eitrheim, J. T. Klovland and J. F. Qvigstad, eds., *Historical Monetary Statistics for Norway*, part 11, Norges Banks skriftserie/occasional papers 38.
- Guinnane, T., R. Harris, N. R. Lamoreaux, and J. — L. Rosenthal. 2007. Putting the Corporation in its Place. *Enterprise and Society* 8: 687–729.
- Guiso, L., P. Sapienza, and L. Zingales. 2006. Does Culture affect Economic Outcomes? NBER Working Paper 11999.
- Guntupalli, A. M., and J. Baten. 2006. The Development and Inequality of Heights in North, West and East India 1915–1944. *Explorations in Economic History* 43: 578–608.
- Guy, K. M. 2003. When Champagne Became French: Wine and the Making of a National Identity. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Habakkuk, H. J. 1962. American and British Technology in the Nineteenth Century. Cambridge University Press.
- Habib, I. 1969. Potentialities of Capitalist Development in the Economy of Mughal India. *Journal of Economic History* 29: 32–78.
- . 1982. Monetary System and Prices. In T. Raychaudhuri and I. Habib, eds., *The Cambridge Economic History of India, Volume 1: c.1200-c.1750*. Cambridge University Press.
- . 1999. *The Agrarian System of Mughal India*. Delhi: Oxford University Press.
- Hagen, W. 2002. Ordinary Prussians: Brandenburg Junkers and Villagers, 1580–1840. Cambridge University Press.
- Hajnal, J. 1965. European Marriage Pattern in Historical Perspective. In D. V. Glass and D. E. C. Eversley, eds., *Population in History*. London: Arnold.
- Hall, R. A. 1974. What Did the Industrial Revolution in Britain Owe to Science? In N. McKendrick, ed., *Historical Perspectives: Studies in English Thought and Society*. London: Europa Publications.
- Hall, R. E., and C. I. Jones. 1999. Why Do Some Countries Produce So Much More Output per Worker than Others? *Quarterly Journal of Economics* 114: 83–116.
- Hambly, G. R. G., and B. Stein. 1978. Towns and Cities. In T. Raychaudhuri and Habib, eds., *The Cambridge Economic History of India, Volume 1: c.1200-c.1750*. Cambridge University Press.
- Hamilton, E. J. 1934. *American Treasure and the Price Revolution in Spain, 1501–1650*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Hansen, G. D., and E. C. Prescott. 2002. Malthus to Solow. *American Economic Review* 92: 1205–1217.
- Hansen, J. 2003. Financial Cycles and Bankruptcies in the Nordic Countries. *Sveriges Riksbank Working Paper Series* 149.
- Hansen, S. A. 1970. *Early Industrialisation in Denmark*. Copenhagen: G.E.C. Gads Forlag.
- Hansson, G., and O. Olsson. 2006. Country Size and the Rule of Law: Resuscitating Montesquieu, mimeo, Göteborg University.
- Harley, C. K. 1971. The Shift from Sailing Ships to Steamships, 1850–1890: A Study in Technological Change and Its Diffusion. In D. N. McCloskey, ed., *Essays on a Mature Economy: Britain after 1840*. Princeton University Press.

- . 1982. British Industrialization before 1841: Evidence of Slower Growth during the Industrial Revolution. *Journal of Economic History* 42: 267–289.
- . 1988. Ocean Freight Rates and Productivity, 1740–1914: The Primacy of Mechanical Invention Reaffirmed. *Journal of Economic History* 48: 851–876.
- . 1999. Reassessing the Industrial Revolution: A Macro View. In J. Mokyr, ed., *The British Industrial Revolution: An Economic Perspective*, 2nd edn. Boulder: Westview Press.
- Harris, G. R., and M. P. Todaro. 1970. Migration, Unemployment and Development: A Two-Sector Analysis. *American Economic Review* 60: 126–142.
- Harris, R. 2000. Industrializing English Law Entrepreneurship and Business Organization, 1720–1844. Cambridge University Press.
- Hartmann, P. C. 1979. Das Steuersystem der Europäischen Staaten am Ende des Ancien Regime. Eine offizielle französische Enquete (1763–1768). Dokumente, Analyse und Auswertung England und die Staaten Nord- und Mitteleuropas. Zurich and Munich: Artemis Verlag.
- Hawke, G. R. 1970. Railways and Economic Growth in England and Wales, 1840–1870. Oxford: Clarendon.
- Heckman, J. J., and Y. Rubinstein. 2001. The Importance of Noncognitive Skills: Lessons from the GED Testing Program. *American Economic Review* 91: 145–149.
- Hecksher, E. 1954. *An Economic History of Sweden*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Henry, L. 1956. Anciennes familles genevoises; étude démographique: XVIe-XXe siècle. Paris: Presses universitaires de France.
- Herlihy, D. 1997. *The Black Death and the Transformation of the West*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Herranz-Loncan, A. 2007. Infrastructure Investment and Spanish Economic Growth, 1850–1935. *Explorations in Economic History* 44: 452–468.
- Heston, A. W. 1977. The Standard of Living in Akbar's Time: A Comment. *Indian Economic and Social History Review* 14: 391–396.
- Hicks, J. 1969. *A Theory of Economic History*. Oxford: Clarendon.
- Hilaire, J. 1986. *Introduction, Historique au droit commercial*. Paris: Presses Universitaires de France.
- Hildebrand, K.-G. 1992. Swedish Iron in the Seventeenth and Eighteenth Centuries: Export Industry before the Industrialization. Stockholm: Jernkontoret.
- Hjerppe, R. 1989. *The Finnish Economy, 1869–1985*. Helsinki: Government Printing Centre.
- Hobsbawm, E., and G. Rudé. 1968. *Captain Swing*. Harmondsworth: Penguin.
- Hoch, S. L. 1982. Serfs in Imperial Russia — Demographic Insights. *Journal of Interdisciplinary History* 13: 221–246.
- Hoffman, P. 1994. Early Modern France, 1450–1700. In P. Hoffman and K. Norberg, eds., *Fiscal Crises, Liberty, and Representative Government*. Stanford: Stanford University Press.
- Hoffman, P. 1996. Growth in a Traditional Society: The French Countryside 1450–1815. Princeton University Press.
- Hoffman, P. T., and J.-L. Rosenthal. 1997. The Political Economy of Warfare and Taxation in Early Modern Europe: Historical Lessons for Economic Development. In J. N. Drobak and J. V. C. Nye, eds., *The Frontiers of the New Institutional Economics*. San Diego: Academic Press.
- Hoffman, P. T., G. Postel-Vinay and J.-L. Rosenthal. 2000. *Priceless Markets: The Political Economy of Credit in Paris, 1662–1869*. University of Chicago Press.
- Hoffman, P. T., D. S. Jacks, P. Levin, and P. H. Lindert. 2002. Real Inequality in Europe since 1500. *Journal of Economic History* 62: 381–413.
- Hoffmann, W. G. 1955. *British Industry 1700–1950*. Oxford: Blackwell.

- . 1965. Das Wachstum der deutschen Wirtschaft seit der Mitte des 19. Jahrhunderts. Berlin: Springer.
- Hohenberg, P.M., and L. H. Lees. 1985. *The Making of Urban Europe 1000–1950*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Holtfrerich, C.-L. 1973. *Quantitative Wirtschaftsgeschichte des Ruhrkohlenbergbaus im 19. Jahrhundert*. Dortmund: Gesellschaft für Westfälische Wirtschaftsgeschichte.
- Homer, S., and R. Sylla. 1991. *A History of Interest Rates*. New Brunswick: Rutgers University Press.
- Hoppit, J. 1986. Financial Crises in Eighteenth-Century England, *Economic History Review* 39: 39–58.
- . 1987. *Risk and Failure in English Business, 1700–1800*. Cambridge University Press.
- Horrell, S., and J. Humphries 1995. Women's Labour Force Participation and the Transition to the Male-Breadwinner Family, 1790–1865. *Economic History Review* 48: 89–117.
- Huck, P. 1995. Infant Mortality and Living Standards of English Workers during the Industrial Revolution. *Journal of Economic History* 55: 528–550.
- Humphries, J. 2003. English Apprenticeships: A Neglected Factor in the First Industrial Revolution. In P. A. David and M. Thomas, eds., *The Economic Future in Historical Perspective*. Oxford University Press.
- . 2007. «Because They Are too Menny...» Children, Mothers and Fertility Decline — The Evidence from Working-Class Autobiographies of the Eighteenth and Nineteenth Centuries. In A. Janssens, ed., *Gendering the Fertility Decline in the Western World*. Bern, New York: Peter Lang.
- Hurd, J. 1975. Railways and the Expansion of Markets in India, 1861–1921. *Explorations in Economic History* 12: 263–288.
- Hyde, C. K. 1977. *Technological Change and the British Iron Industry, 1700–1870*. Princeton University Press.
- Irigoin, M. I., and R. Grafe. 2006. Bargaining for Absolutism: A Spanish Path to Nation State and Empire Building, University of Oxford Discussion Papers in Economic and Social History.
- Jacks, D. S. 2004. Market Integration in the North and Baltic Seas, 1500–1800. *Journal of European Economic History* 33: 285–329.
- . 2005. Intra- and International Commodity Market Integration in the Atlantic Economy, 1800–1913. *Explorations in Economic History* 42: 381–413.
- . 2006. What Drove 19th Century Commodity Market Integration? *Explorations in Economic History* 43: 383–412.
- Jacob, M. C. 1997. *Scientific Culture and the Making of the Industrial West*, 2nd edn. New York: Oxford University Press.
- Jenkins, D. T. 2003. The Western Wool Textile Industry in the Nineteenth Century. In T. Jenkins, ed., *The Cambridge History of Western Textiles*. Cambridge University Press.
- Jenkins, D. T., and K. G. Ponting 1982. *The British Wool Textile Industry, 1770–1914*. London: Heinemann.
- Jeremy, D. J. 1981. *Transatlantic Industrial Revolution*. Oxford: Basil Blackwell.
- Jones, C. I. 2001. Was the Industrial Revolution Inevitable? Economic Growth over the Very Long Run. *Advances in Macroeconomics* 1: 1–42.
- Jones, E. L. 1981. *The European Miracle*. Cambridge University Press.
- . 2006. *Cultures Merging*. Princeton University Press.
- Jonker, J. 1996. Merchants, Bankers, Middlemen: The Amsterdam Money Market during the First Half of the 19th Century. Amsterdam: NEHA.
- Joslin, D. M. 1954. London Private Bankers, 1720–85. *Economic History Review* 7: 167–186.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Juglar, C. 1967 [1889]. *Des crises commerciales et leur retour periodique en France, en Angleterre, et aux Etats-Unis*. New York: A. M. Kelley.
- Justice, Alexander. 1707. *A General Treatise of Monies and Exchanges*. London.
- Kahan, A. 1985. *The Plow, the Hammer and the Knout*. University of Chicago Press.
- Kanefsky, J. W. 1979. *The Diffusion of Power Technology in British Industry*. Ph.D. dissertation, University of Exeter.
- Kappeler, A. 2002. *Stadluft macht nicht frei! Die russische Stadt in der Vormoderne*. In P. Feldbauer, M. Mitterauer, and W. Schwentker, eds., *Die vormoderne Stadt. Asien und Europa im Vergleich*. Vienna: Verlag für Geschichte und Politik.
- Kaukiainen, Y. 2001. Shrinking the World: Improvements in the Speed of Information Transmission, c.1820–1870. *European Review of Economic History* 5: 1–28.
- Keefer, P. 1996. Protection against a Capricious State: French Investment and Spanish Railroads, 1845–1875. *Journal of Economic History* 56: 170–92.
- Kelly, M. 1997. The Dynamics of Smithian Growth. *Quarterly Journal of Economics* 112: 939–964.
- . 2005. *Climate and Pre-Industrial Growth*, mimeo, University College Dublin.
- Kelly, P. 1821. *The Universal Cambist, and Commercial Instructor*, 2nd edn. London.
- Keynes, J. M. 1930. *Economic Possibilities for Our Grandchildren*. Nation and Atheneum.
- Khan, B. Z., and K. L. Sokoloff. 1998. Patent Institutions, Industrial Organization, and Early Technological Change: Britain and the United States, 1790–1850. In M. Berg and K. Bruland, eds., *Technological Revolutions in Europe*. Cheltenham: Edward Elgar.
- Kindleberger, C. P. 1989. *Manias, Panics, and Crashes: A History of Financial Crises*. New York: Basic Books.
- . 1993. *A Financial History of Western Europe*, 2nd edn. Oxford University Press.
- King, P. 2005. The Production and Consumption of Bar Iron in Early Modern England and Wales. *Economic History Review* 58: 1–33.
- . 2006. Errata. *Economic History Review* 59: 264.
- King, W. T. C. 1936. *The History of the London Discount Market*. London: Routledge.
- Kirby, P. 1999. The Historic Viability of Child Labor and the Mines Act of 1842. In M. Lavalette, ed., *A Thing of the Past? Child Labour in Britain in the Nineteenth and Twentieth Centuries*. Liverpool University Press.
- Komlos, J. 1983. *The Habsburg Monarchy as a Customs Union*. Princeton University Press.
- . 1998. Shrinking in a Growing Economy? The Mystery of Physical Stature during the Industrial Revolution. *Journal of Economic History* 58: 779–802.
- Kremer, M. 1993. Population Growth and Technological Change: One Million B. C. to 1990. *Quarterly Journal of Economics* 108: 681–716.
- Kriedte, P., H. Medick., and J. Schlumbohm. 1981. *Industrialization Before Industrialization: Rural Industry in the Genesis of Capitalism*. Cambridge University Press.
- Kuznets, S. 1955. Economic Growth and Income Inequality. *American Economic Review* 45: 1–28.
- . 1974. *Population, Capital and Economic Growth: Selected Essays*. London: Heinemann, 165–184.
- Lains, P. 2003. *Os Progressos do Atraso. Uma Nova Historia Economica de Portugal, 1842–1992*. Lisbon: Imprensa de Ciencias Sociais.
- . 2006. Growth in a Protected Environment: Portugal, 1850–1950. *Research in Economic History* 24: 121–163.
- Lamoreaux, N. R., and J.-L. Rosenthal. 2005. Legal Regime and Business's Organizational Choice: A Comparison of France and the United States during the Mid-Nineteenth Century. *American Law and Economic Review* 7: 28–61.

- Landes, D. 1969. *The Unbound Prometheus: Technological Change and Industrial Development in Western Europe from 1750 to the Present*. Cambridge University Press.
- Lane, F. C., and R. C. Mueller. 1985. *Money and Banking in Medieval and Renaissance Venice*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Lang, A. W. 1968. *Seekarten der Südlichen Nord- und Ostsee*. Hamburg: Deutsches Hydrographisches Institut.
- La Porta, R., F. Lopez de Silanes, A. Shleifer, and R. Vishny. 1997. Legal Determinants of External Finance. *Journal of Finance* 52: 1131–1150.
- Laslett, P. 1977. *Family Life and Illicit Love in Earlier Generations: Essays in Historical Sociology*. Cambridge University Press.
- Laslett, P., and R. Wall. 1974. *Household and Family in Past Time: Comparative Studies in the Size and Structure of the Domestic Group over the Last Three Centuries in England, France, Serbia, Japan and Colonial North America, with Further Materials from Western Europe*. Cambridge University Press.
- Leasure, J. W. 1963. Factors Involved in the Decline of Fertility in Spain 1900–1950. *Population Studies* 16: 71–285.
- Lee, J. Z., and C. Campbell. 1997. *Fate and Fortune in Rural China: Social Organisation and Population Behaviour in Liaoning, 1774–1873*. Cambridge University Press.
- Lee, J., and F. Wang. 1999. *One Quarter of Humanity, Malthusian Mythology and Chinese Realities, 1700–2000*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Lee, R. D. 1981. Short-term Variation: Vital Rates, Prices, and Weather. In A. Wrigley and R. S. Schofield, eds., *The Population History of England, 1541–1871: A Reconstruction*. London: Edward Arnold.
- . 1987. Population Dynamics of Humans and Other Animals. *Demography* 24: 443–465.
- . The Demographic Transition. Three Centuries of Fundamental Change. *Journal of Economic Perspectives* 17: 167–190.
- Lee, R. D., and M. Anderson. 2002. Malthus in State Space: Macroeconomic-Demographic Relations in English History, 1540 to 1870. *Journal of Population Economics* 15: 195–220.
- Lee, R. W., and P. Marschalck. 2002. Infant Mortality in Bremen in the 19th Century. *History of the Family* 7: 557–583.
- Lenoir, T. 1998. Revolution from Above: The Role of the State in Creating the German Research System, 1810–1910. *American Economic Review* 88: 22–27.
- Lerner, J., and J. Tirole. 2004. *The Economics of Technology Sharing: Open Source and Beyond*, NBER Working Paper 10956.
- Lescoeur, C. 1877. *Essai historique et critique sur la législation des sociétés commerciales en France et à l'étranger*. Paris: A. Marescquin.
- Lesthaeghe, R. J. 1977. *The Decline of Belgian Fertility, 1800–1970*. Princeton University Press.
- . 1991. Moral Control, Secularization and Reproduction in Belgium (1600–1900). In Société Belge de Démographie, ed., *Historiens Et Populations: Liber Amicorum Etienne Hélin*. Louvain-la-Neuve: Academia.
- . 1992. Beyond Economic Reductionism: The Transformation of the Reproductive Regimes in France and Belgium in the 18th and 19th Centuries. In Goldscheider, ed., *Fertility Transitions, Family Structure, and Population Policy*. Boulder: Westview Press.
- Lesthaeghe, R. J., and C. Wilson. 1986. Modes of Production, Secularization, and the Pace of the Fertility Decline in Western Europe, 1870–1930. In A. J. Coale and S. Watkins, eds., *The Decline of Fertility in Europe*. Princeton University Press.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Leunig, T. 2001. Piece Rates and Learning: Understanding Work and Production in the New England Textile Industry a Century Ago, mimeo, London School of Economics.
- . 2006. Time is Money: A Reassessment of the Passenger Social Savings from Victorian British Railways. *Journal of Economic History* 66: 635–673.
- Levere, T. H., and G. L' E. Turner. 2002. Discussing Chemistry and Steam: The Minutes of a Coffee House Philosophical Society 1780–1787. Oxford University Press.
- Lévy-Leboyer, M. 1968. La croissance économique en France au XIXe siècle. *Annales* 23: 788–807.
- Lévy-Leboyer, M., and F. Bourguignon. 1990. *The French Economy in the Nineteenth Century*. Cambridge University Press.
- Li, B. 1998. Agricultural Development in Jiangnan, 1620–1850. New York: St. Martin's Press.
- . 2000. Jiangnan de Zaoqi Gongyehua 1550–1850 (Early Industrialization in Jiangnan, 1550–1850). Beijing: Publishing Press of Social Science Materials.
- . 2002. Lilun, Fangfa, Fazhan Qushi (Theory, Methodology and Developmental Trends). Beijing: Tsinghau University Press, 2002.
- . 2003. Bagu zhi wai: Ming Qing Jingnan de jiaoyu ji qi dui jingji de yingxiang (Beyond the Eight-Legged Essay: Education and its impact on Jiangnan Economy in Ming and Qing). *Qing shi yanjiu* (Research in Qing History), 4.
- Li, L. 2000. Integration and Disintegration in North China's Grain Markets, 1738–1911. *Journal of Economic History* 60: 665–699.
- Lin, J. Y. 1995. The Needham Puzzle: Why the Industrial Revolution Did Not Originate in China. *Economic Development and Cultural Change* 43: 269–292.
- Lindert, P. H. 1986. Unequal English Wealth since 1670. *Journal of Political Economy* 94: 1127–1162.
- . 2004. Growing Public: Social Spending and Economic Growth since the 18th Century. Cambridge University Press.
- Lindert, P. H., and J. G. Williamson 1983. English Workers' Living Standards during the Industrial Revolution: A New Look. *Economic History Review* 36: 1–25.
- Lipsey, R. G., K. I. Carlaw, and C. T. Bekar, 2005. Economic Transformations: General Purpose Technologies and Long-Term Economic Growth. Oxford University Press.
- Livi Bacci, M. 1991. Population and Nutrition: An Essay on European Demographic History. Cambridge University Press.
- . 2000. *The Population of Europe: A History*. Malden, MA: Blackwell Publishers.
- Llopis Agelán E., and M. Gonzáles Mariscal. 2006. La Tasa de Urbanización de España a Finales del Siglo XVIII: el Problema de las Agrociudades, Documento de Trabajo de la Asociación Española de Historia Economica DT-AEHE 0601.
- Llopis Agelán, E., and M. Jerez Méndez. 2001. El Mercado De Trigo En Castilla y Leon, 1788: Arbitraje Espacial E Intervencion. *Historia Agraria* 25: 13–68.
- Long, J. 2006. The Socioeconomic Return to Primary Schooling in Victorian England. *Journal of Economic History* 66: 1026–1053.
- Long, J. B., Jr., and C. I. Plosser. 1983. Real Business Cycles. *Journal of Political Economy* 91: 39–69.
- Lucas, R. E. 1988. On the Mechanics of Economic Development. *Journal of Monetary Economics* 22: 3–42.
- . 2002. The Industrial Revolution: Past and Future. In R. E. Lucas, *Lectures on Economic Growth*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Lucassen, J., and R. Unger. 2000. Labour Productivity in Ocean Shipping, 1500–1850. *International Journal of Maritime History* 12: 127–141.

- Ma, D. 2004. Growth, Institutions and Knowledge: A Review and Reflection on the Historiography of 18th-20th Century China. *Australian Economic History Review* 44: 259–277.
- . 2004. Law and Commerce in Traditional China, an Institutional Perspective on the “Great Divergence”. *Keizai-Shirin* 73.
- . 2007. Law and Economic Growth: The Case of Traditional China – a Review with some Preliminary Hypotheses, mimeo.
- . 2008a. Economic Growth in the Lower Yangzi Region of China in 1911–1937: A Quantitative and Historical Perspective. *Journal of Economic History* 68: 385–392.
- 2008b. Shanghai-based Industrialization in the Early 20th Century: A Quantitative and Institutional Analysis, mimeo.
- Maddison, A. 2001. *The World Economy: A Millennial Perspective*. Paris: OECD.
- . 2003a. *The World Economy: Historical Statistics*. Paris: OECD.
- . 2003b. Growth Accounts, Technological Change, and the Role of Energy in Western Growth. In S. Cavaciocchi, ed., *Economia e Energia Secc. XIII–XVIII: Atti della «Trentaquattresima Settimana di Studi» 15–19 aprile 2002*. Prato: Le Monnier.
- . 2007. *Chinese Economic Performance in the Long Run*. Paris: OECD.
- Mak, J., and G. M. Walton. 1972. Steamboats and the Great Productivity Surge in River Transportation. *Journal of Economic History* 32: 619–640.
- Malanima, P. 1998. Italian Cities 1300–1800. A Quantitative Approach. *Rivista di Storia Economica* 14: 91–126.
- . 2002. *L'economia italiana. Dalla crescita medievale alla crescita contemporanea*. Bologna: Il Mulino.
- . 2005. Urbanisation and the Italian Economy during the last Millennium. *European Review of Economic History* 9: 97–122.
- . 2006a. Pre-modern Equality: Income Distribution in the Kingdom of Naples (1811), presented at «A Global History of Income Distribution in the Long 20th century», XIV International Congress of Economic History, Helsinki.
- . 2006b. An Age of Decline. Product and Income in Eighteenth-Nineteenth-Century Italy. *Rivista di Storia Economica* 21: 91–133.
- Malthus, T. R. 1970 [1798]. *An Essay on the Principle of Population as it Affects the Future Improvement of Society with Remarks on the Speculations of Mr Godwin, M. Condorcet, and Other Writers*. London: Penguin.
- Mankiw, N. G. 1989. Real Business Cycles: A New Keynesian Perspective. *Journal of Economic Perspectives* 3: 79–90.
- Marczewski, J. 1961. Some Aspects of the Economic Growth of France, 1660–1958. *Economic Development and Cultural Change* 9: 369–86.
- Marmocchi, F. C. 1854–62. *Dizionario Geografico Universale*. Turin: Sebastiano.
- Marshall, J. 1833. *A Digest of All Accounts*. London.
- Martin, M. 2008. Hundi/Hawala: The Problem of Definition. *Modern Asian Studies* 43: 909–937.
- Mathias, P. 1979. *The Transformation of England*. New York: Columbia University Press.
- Mathias, P., and P. K. O' Brien. 1976. Taxation in Britain and France, 1715–1810. *Journal of European Economic History* 5: 601–650.
- Marx, K. 1967 [1867]. *Das Kapital*. English translation, *Capital*, by S. Moore and Aveling, 2 vols. New York: International Publishers.
- Maynes, M. J. 2002. Class Cultures and Images of Proper Family Life. In D. I. Kertzer and M. Barbagli, eds., *Family Life in the Long Nineteenth Century 1780–1913*. New Haven: Yale University Press.
- McArdle, F. 1978. *Altopascio: A Study in Tuscan Rural Society 1587–1784*. Cambridge University Press.

БИБЛИОГРАФИЯ

- McCallum, B. 1989. Real Business Cycle Models. In R. J. Barro, ed., *Modern Business Cycle Theory*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- McCloskey, D. N. 1981. The Industrial Revolution, 1780–1860: A Survey. In R. Floud and D. McCloskey, eds., *The Economic History of Britain since 1700, Volume 1: 1700–1860*. Cambridge University Press.
- McCusker, J. J. 1978. *Money and Exchange in Europe and America, 1650–1775: A Handbook*. Chapel Hill: University of North Carolina Press.
- McEvedy, C., and R. Jones. 1978. *Atlas of World Population History*. New York: Viking Penguin.
- Macfarlane, A. 1979. The Origins of English Individualism: The Family, Property, and Social Transition. Cambridge University Press.
- . 1987. *The Culture of Capitalism*. Oxford: Blackwell.
- McGowan, B. 1981. Economic Life in Ottoman Europe, Trade and the Struggle for Land, 1600–1800. Cambridge University Press.
- McKeown, T. 1976. *The Modern Rise of Population*. New York: Academic Press.
- McKeown, T., and R. G. Record. 1962. Reasons for the Decline of Mortality in England and Wales during the Nineteenth Century. *Population Studies* 16: 94–122.
- MacLeod, C. 1988. Inventing the Industrial Revolution: The English Patent System, 1660–1800. Cambridge University Press.
- MacLeod, C., and A. Nuvolari. 2007. Inventive Activities, Patents, and Early Industrialization: A Synthesis of Research Issues, mimeo.
- Menard, R. R. 1991. Transport Costs and Long-Range Trade, 1300–1800: Was There a European Transport Revolution in the Early Modern Era? In J. D. Tracy, ed., *The Political Economy of Merchant Empires*. Cambridge University Press.
- Mendels, F. F. 1972. Proto-Industrialization: The First Phase of the Industrialization Process. *Journal of Economic History* 32: 241–261.
- Mercer, A. 1990. Disease, Mortality, and Population in Transition. Leicester University Press.
- Metzger, E. 1888. Geographisch-statistisches Welt-Lexikon. Stuttgart: Kraiss.
- Meyers Konversations-Lexikon*. Eine Enzyklopädie des allgemeinen Wissens (1885–1890), 4., gänzlich umgearbeitete Auflage. Leipzig: Bibliographisches Institut.
- Michie, R. C. 1999. *The London Stock Exchange: A History*. Oxford University Press.
- . 2000. The Development of London as a Financial Centre. London: Tauris.
- Milward, A. S., and S. B. Saul. 1973. *The Economic Development of Continental Europe 1780–1870*. Totowa, NJ: Rowman & Littlefield.
- Millward, R. 2005. Private and Public Enterprise in Europe: Energy Telecommunications and Transport, 1830–1990. Cambridge University Press.
- Mingay, G. E., ed. 1989. The Agrarian History of England and Wales, Volume VI, 1750–1850. Cambridge University Press.
- Mironov, B. N. 2004. Real Wages in St. Petersburg for Three Centuries, 1703–2003, presented at «Towards a Global History of Prices and Wages», Utrecht.
- Mironov, B. N., and B. Eklof. 2000. *A Social History of Imperial Russia, 1700–1917*. Boulder: Westview Press.
- Mitch, D. F. 1984. Underinvestment in Literacy: The Potential Contribution of Government Involvement in Elementary Education to Economic Growth in 19th-Century England. *Journal of Economic History* 44: 557–566.
- . 1991. The Rise of Popular Literacy in Victorian England: The Influence of Private Choice and Public Policy. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- . 1993. The Role of Human Capital in the First Industrial Revolution. In J. Mokyr, ed., *The British Industrial Revolution: An Economic Perspective*. Boulder: Westview.

- . 1999. The Role of Education and Skill in the First Industrial Revolution. In J. Mokyr, ed., *The British Industrial Revolution: An Economic Perspective*. Boulder: Westview.
- . 2004. Education and the Skill of the British Labour Force. In R. Floud and P. Johnson, eds., *The Cambridge Economic History of Modern Britain, Volume 1: Industrialisation, 1700–1860*. Cambridge University Press.
- Mitchell, B. R. 1975. *European Historical Statistics, 1750–1970*. London: Macmillan.
- . 1978. *European Historical Statistics, 1750–1970*. New York: Columbia University Press.
- . 1988. *British Historical Statistics*. Cambridge University Press.
- . 1992. *International Historical Statistics: Europe, 1759–1988*. New York: Stockton Press.
- . 2003. *International Historical Statistics. Europe 1750–2000*. Basingstoke and New York: Palgrave Macmillan.
- Moav, O. 2005. Cheap Children and the Persistence of Poverty. *Economic Journal* 115: 88–110.
- Moch, L. P. 1992. *Moving Europeans: Migrations in Western Europe since 1650*. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press.
- Moehling, C. M. 1999. State Child Labor Laws and the Decline of Child Labor. *Explorations in Economic History* 36: 72–106.
- Mokyr, J. 1977. Demand vs. Supply in the Industrial Revolution. *Journal of Economic History* 37: 981–1008.
- . 1985. *Why Ireland Starved*, rev. edn. London: Allen and Unwin.
- . 1987. Has the Industrial Revolution Been Crowded Out? *Explorations in Economic History* 24: 293–319.
- . 1990. The Lever of Riches: Technological Creativity and Economic Progress. New York: Oxford University Press.
- . 1993. Editor's Introduction: The New Economic History and the Industrial Revolution. In J. Mokyr, ed., *The British Industrial Revolution: An Economic Perspective*. Boulder: Westview.
- . 1994. Technological Change, 1700–1830. In R. Floud and D. McCloskey, eds., *The Economic History of Britain Since 1700, Second Edition, Volume 1: 1700–1860*. Cambridge University Press.
- . 2002. *The Gifts of Athena: Historical Origins of the Knowledge Economy*. Princeton University Press.
- . 2006. The Great Synergy: The European Enlightenment as a Factor in Modern Economic Growth. In W. Dolsma and L. Soete, eds., *Understanding the Dynamics of a Knowledge Economy*. Cheltenham: Edward Elgar.
- . 2008. The Institutional Origins of the Industrial Revolution. In E. Helpman, ed., *Institutions and Economic Performance*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Mokyr, J., and J. Nye. 2007. Distributional Coalitions, the Industrial Revolution, and the Origins of Economic Growth in Britain. *Southern Economic Journal* 74: 50–70.
- Moon, D. 1999. *The Russian Peasantry 1600–1930: The World the Peasants Made*. London and New York: Longman.
- Moor, M. de, L. Shaw-Taylor, and P. Warde, eds. 2002. *The Management of Common Land in North West Europe, c. 1500–1850*. Turnhout: Brepols.
- Moosvi, S. 1973. Production, Consumption and Population in Akbar's Time. *Indian Economic and Social History Review* 10: 181–195.
- . 1977. Note on Professor Heston's «Standard of Living in Akbar's Time» — A Comment. *Indian Economic and Social History Review* 14: 397–401.
- . 1987. *The Economy of the Mughal Empire c.1595*. Delhi: Oxford University Press.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Moosvi, S. 2001. The Indian Economic Experience 1600–1900: A Quantitative Study. In K. N. Panikkar, T. J. Byres, and U. Patnaik, eds., *The Making of History: Essays Presented to Irfan Habib*. New Delhi: Tulika.
- Moreland, W. H. 1923. *From Akbar to Aurangzeb: A Study in Indian Economic History*. London: Macmillan.
- Morgan, S. 2004. Economic Growth and the Biological Standard of Living in China, 1880–1930. *Economic and Human Biology* 2: 197–218.
- . 2006. The Biological Standard of Living in South China during the 19th Century: Estimates Using Data from Australian Immigration and Prison Records, Asia-Pacific Economic and Business History Conference, Queensland University of Technology, Brisbane, 16–18 February, available at www.uow.edu.au/commerce/econ/ehsanz/pdfs/Morgan1.pdf.
- . 2008. The Biological Standard of Living in South China during the 19th century: Estimates Using Data from Australian Immigration and Prison Records. *Explorations in Economic History* 16: 363–380.
- Moser, P. 2005. How Do Patent Laws Influence Innovation? Evidence from Nineteenth-Century World's Fairs. *American Economic Review* 95: 1214–1236.
- Mousnier, R. 1974. *Les institutions de la France sous la monarchie absolue: 1598–1789*. Paris: Presses Universitaires de France.
- . 1970. French Institutions and Society, 1610–1661. In J. P. Cooper, ed., *The New Cambridge Modern History, Volume 4: The Decline of Spain and the Thirty Year's War*. Cambridge University Press.
- Muhleman, M. L. 1896. *Monetary Systems of the World*. New York: Charles H. Nicoll.
- Murphy, K. M., A. Shleifer, and R. Vishny. 1989. Industrialization and the Big Push. *Journal of Political Economy* 97: 1003–1026.
- Musson, A. E., and E. Robinson. 1960. The Origins of Engineering in Lancashire. *Journal of Economic History* 20: 209–233.
- . 1969. *Science and Technology in the Industrial Revolution*. Manchester University Press.
- Murphy, A. E. 1986. *Richard Cantillon: Entrepreneur and Economist*. Oxford: Clarendon Press.
- . 1987. *John Law: Economic Theorist and Policy-Maker*. Oxford: Clarendon Press.
- Muzzi, S. 1854. *Dizionario Geografico Universale*. Bologna: Monti.
- Nardinelli, C. 1980. Child Labor and the Factory Acts. *Journal of Economic History* 40: 739–755.
- Neal, L. 1990. *The Rise of Financial Capitalism: International Capital Markets in the Age of Reason*. New York: Cambridge University Press.
- . 1991. A Tale of Two Revolutions: International Capital Flows 1789–1819. *Bulletin of Economic Research* 43: 57–92.
- . 1994. The Finance of Business during the Industrial Revolution. In R. Floud and D. McCloskey, eds., *The Economic History of Britain Since 1700, Second Edition, Volume 1: 1700–1860*. Cambridge University Press.
- . 1998. The Financial Crisis of 1825 and the Restructuring of the British Financial System. *Federal Reserve Bank of St. Louis Review* 80: 53–76.
- . 2000. How It All Began: The Monetary and Financial Architecture of Europe from 1648 to 1815. *Financial History Review* 7: 117–140.
- Ngai, L. R. 2004. Barriers and the Transition to Modern Growth. *Journal of Monetary Economics* 51: 1353–1383.
- Nicolini, E. 2007. Was Malthus Right? A VAR Analysis of Economic and Demographic Interactions in Pre-industrial England. *European Review of Economic History* 11: 99–121.
- Nitsch, V. 2005. Zipf Zipped. *Journal of Urban Economics* 57: 86–100.

- Norberg, K. 1994. The French Fiscal Crisis of 1788 and the Financial Origins of the Revolution of 1789. In K. Norberg and P. Hoffman, eds., *Fiscal Crises, Liberty, and Representative Government*. Stanford University Press.
- Nordhaus, W. D. 2004. Schumpeterian Profits in the American Economy: Theory and Measurement, Cowles Foundation Discussion Paper 1457.
- North, D. C. 1981. *Structure and Change in Economic History*. New York: Norton.
- Understanding the Process of Economic Change. Princeton University Press.
- North, D. C., and B. Weingast. 1989. Constitutions and Commitment: The Evolution of Institutions Governing Public Choice in Seventeenth-Century England. *Journal of Economic History* 49: 803–832.
- Nugent, J. B., and N. Sanchez. 1989. The Efficiency of the Mesta Reconsidered: A Parable. *Explorations in Economic History* 26: 261–84.
- O'Brien, P. K. 1982. European Economic Development: The Contribution of the Periphery. *Economic History Review* 35: 1–18.
- . 1988a. The Political Economy of British Taxation, 1660–1815. *Economic History Review* 41: 1–32.
- . 1988b. The costs and Benefits of British Imperialism, 1846–1914. *Past and Present* 120: 163–200.
- . 2001. Fiscal Exceptionalism: Great Britain and its European Rivals. From Civil War to Triumph at Trafalgar and Waterloo, mimeo, London School of Economics.
- O'Brien, P. K., and S. L. Engerman. 1991. Exports and Growth of the British Economy from the Glorious Revolution to the Peace of Amiens. In B. L. Solow, ed., *Slavery and the Rise of the Atlantic System*. Cambridge University Press.
- O'Brien, P. K., and C. Keyder. 1978. *Economic Growth in Britain and France 1780–1914: Two Paths to the Twentieth Century*. London: Allen & Unwin.
- O'Brien, P. K., and L. Prados de la Escosura. 1998. The Costs and Benefits for Europeans from their Empires Overseas. *Revista de Historia Económica* 16: 29–89.
- . 1992. Agricultural Productivity and European Industrialization, 1890–1980. *Economic History Review* 45: 514–536.
- O'Brien, P. K., T. Griffiths, and P. Hunt 1991. Political Components of the Industrial Revolution: Parliament and the English Cotton Textile Industry, 1660–1774. *Economic History Review* 44: 395–423.
- Officer, L. H. 2001. Comparing the Purchasing Power of Money in Great Britain from 1264 to Any Other Year Including the Present, available at www.eh.net/hmit/ppowerbp/.
- Ogilvie, S. 1997. *State Corporatism and Proto-Industry: The Württemberg Black Forest, 1580–1797*. Cambridge University Press.
- . 2001. The Economic World of the Bohemian Serf: Economic Concepts, Preferences and Constraints on the Estate of Friedland 1583–1692. *Economic History Review* 54: 430–453.
- . 2005. Communities and the «Second Serfdom» in Early Modern Bohemia. *Past and Present* 187: 69–119.
- Ogilvie, S., and K. Cerman. 1996. The Theories of Proto-Industrialization. In S. Ogilvie and M. Cerman, eds. *European Proto-Industrialization*. Cambridge University Press.
- Ogilvie, S., and J. Edwards. 2000. Women and the «Second Serfdom»: Evidence from Bohemia. *Journal of Economic History* 60: 961–994.
- Ó Gráda, C. 1988. *Ireland before and after the Famine*. Manchester University Press.
- . 2007. Making Famine History. *Journal of Economic Literature* 45: 5–38.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Oliner, S. D., and D. E. Sichel. 2000. The Resurgence of Growth in the Late 1990s: Is Information Technology the Story? *Journal of Economic Perspectives* 14: 3–22.
- O'Rourke, K. H. 1997. The European Grain Invasion, 1870–1913. *Journal of Economic History* 57: 775–801.
- . 2006. The Worldwide Economic Impact of the French Revolutionary and Napoleonic Wars, 1793–1815. *Journal of Global History* 1: 123–149.
- O'Rourke, K. H., and J. G. Williamson. 1999. *Globalization and History: The Evolution of a Nineteenth-Century Atlantic Economy*. Cambridge, MA: MIT Press.
- . 2002a. After Columbus: Explaining the Global Trade Boom 1500–1800. *Journal of Economic History* 62: 417–456.
- . 2002b. When did Globalization Begin? *European Review of Economic History* 6: 23–50.
- From Malthus to Ohlin: Trade, Industrialisation and Distribution since 1500. *Journal of Economic Growth* 10: 5–34.
- O'Rourke, K. H., A. Rahman, and A. M. Taylor. 2008. Luddites and the Demographic Transition, mimeo.
- O'Sullivan, A. 2003. *Urban Economics*. Irwin: McGraw-Hill.
- Owen, T. 1991. *The Corporation under Russian Law; A Study in Tsarist Economic Policy*. Cambridge University Press.
- Ozmucur, S., and Ş. Pamuk 2002. Real Wages and Standards of Living in the Ottoman Empire, 1489–1914. *Journal of Economic History* 62: 292–321.
- Palairot, M. 1997. *The Balkan Economies c.1800–1914. Evolution Without Development*. Cambridge University Press.
- Pamuk, Ş. 2006. Estimating Economic Growth in the Middle East since 1820. *Journal of Economic History* 66: 809–828.
- Parry, J. H. 1971. *Trade and Dominion: The European Oversea Empires in the Eighteenth Century*. London: Weidenfeld & Nicolson.
- Parthasarathi, P. 1998. Rethinking Wages and Competitiveness in the Eighteenth Century: Britain and South India. *Past and Present* 158: 79–109.
- . 2001. *The Transition to a Colonial Economy: Weavers, Merchants and Kings in South India, 1720–1800*. Cambridge University Press.
- Paulinyi, A. 2005. Good Ore but no Coal, or Coal but Bad Ore: Responses to the British Challenge in the Habsburg Monarchy. In C. Evans and G. Rydén, eds., *The Industrial Revolution in Iron: The Impact of British Coal Technology in Nineteenth-Century Europe*. Aldershot: Ashgate.
- Pearson, R., and D. Richardson. 2001. Business Networking in the Industrial Revolution. *Economic History Review* 54: 657–679.
- Pedreira, J. M. 1993. La economía portuguesa y el fin del imperio luso-brasileño. In L. Prados de la Escosura and S. Amaral, eds., *La independencia americana: consecuencias económicas*. Madrid: Alianza.
- Peng, K., et al. 2006. A Research Report: Chinese Interest Rates in the Early and Modern Eras, mimeo.
- Perkins, D. H. 1969. *Agricultural Development in China, 1368–1968*. Chicago: Aldine Publishing Co.
- Persson, K. G. 1999. *Grain Markets in Europe, 1500–1900: Integration and Deregulation*. Cambridge University Press.
- Piketty, T., G. Postel-Vinay, and J. — L. Rosenthal. 2006. Wealth Concentration in a Developing Economy: Paris and France, 1807–1994. *American Economic Review* 96: 236–256.

- Pinto, Isaac De. 1771. *Traité de la circulation et du crédit. Contenant une analyse raisonnée des fonds d'Angleterre, & de ce qu'on appelle commerce ou jeu d'actions.* Amsterdam: Chez Marc Michel Rey.
- Plosser, C. I. 1989. Understanding Real Business Cycles. *Journal of Economic Perspectives* 3: 51–77.
- Poell, T. 2008. Local Particularism Challenged (1795–1813). In O. Gelderblom, ed., *The Political Economy of the Dutch Republic*. Aldershot: Ashgate.
- Pollard, S. 1964. Fixed Capital in the Industrial Revolution in Britain. *Journal of Economic History* 24: 299–314.
- . 1965. *The Genesis of Modern Management*. London: Penguin.
- . 1981. *Peaceful Conquest: The Industrialization of Europe, 1760–1970*. Oxford University Press.
- Pomeranz, K. 2000. *The Great Divergence: Europe, China, and the Making of the Modern World Economy*. Princeton University Press.
- Posner, E. A. 2000. *Law and Social Norms*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Post, J. D. 1988. The Mortality Crises of the Early 1770s and European Demographic Trends. *Journal of Interdisciplinary History* 21: 29–62.
- Pounds, N. J. G. 1990. *An Historical Geography of Europe*. Cambridge University Press.
- Poussou, J.-P. 1997. Migrations et mobilité de la population en Europe à l'époque de la révolution industrielle. In J.-P. Bardet and J. Dupâquier, eds., *Histoire des populations de l'Europe*. Paris: Fayard.
- Prados de la Escosura, L. 1988. De imperio a nación: Crecimiento y astraso económico en España (1780–1930). Madrid: Alianza.
- . 1993. La pérdida del imperio y sus consecuencias económicas. In L. Prados de la Escosura and S. Amaral, eds., *La independencia americana: consecuencias económicas*, Madrid: Alianza.
- . 1994. Terms of Trade between Spain and Britain, 1714–1913: Testing the Prebisch Hypothesis during the Industrial Revolution, working paper in economic history, Universidad Carlos III.
- . 2000. International Comparisons of Real Product, 1820–1990: An Alternative Dataset. *Explorations in Economic History*, 37: 1–41.
- . 2003. El progreso económico de España, 1850–2000. Madrid: Fundación BBVA.
- Prak, M., and J. L. van Zanden. 2006. Towards an Economic Interpretation of Citizenship: The Dutch Republic between Mediaeval Communes and Modern Nation-States. *European Review of Economic History* 10: 111–146.
- Predari, F. 1871. *Dizionario di Geografia Antica e Moderna*. Milan: M. Guigoni.
- Pressnell, L. 1956. *Country Banking in the Industrial Revolution*. Oxford: Clarendon Press.
- Price, J. M. 1980. *Capital and Credit in British Overseas Trade: The View from the Chesapeake, 1770–1776*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Price, R. 1983. *The Modernization of Rural France: Communication Networks and Agricultural Market Structures in Nineteenth-Century France*. New York: St. Martin's Press.
- Quinn, S. 2004. Money, Finance and Capital Markets. In R. Floud and P. Johnson, eds., *The Cambridge Economic History of Modern Britain*. Cambridge University Press.
- Ramaswamy, V. 1985. *Textile Weavers in Medieval South India*. Delhi: Oxford University Press.
- Ramirez, F. O., and J. Boli. 1987. The Political Construction of Mass Schooling — European Origins and Worldwide Institutionalization. *Sociology of Education* 60: 2–17.
- Ransel, D. L. 2000. *Village Mothers: Three Generations of Change in Russia and Tataria*. Bloomington: Indiana University Press.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Rao, D. D. P. 1993. Intercountry Comparisons of Agricultural Output and Productivity, Food and Agriculture Organization Economic Development Paper 12, Rome.
- Rawski, T. G., and L. M. Li, eds. 1992. *Chinese History in Economic Perspective*. Berkeley: University of California Press.
- Raychaudhuri, T. 1982. The State and the Economy: The Mughal Empire. In T. Raychaudhuri and I. Habib, eds., *The Cambridge Economic History of India, Volume 1, c.1200-c.1750*. Cambridge University Press.
- Redish, A. 1990. The Evolution of the Gold Standard in England. *Journal of Economic History* 50: 789–805.
- Reinhard, M., A. Armengaud, and J. Dupaquier. 1968. *Histoire générale de la population mondiale*. Paris: Montchrestien.
- Reis, J. 2005. Economic Growth, Human Capital Formation and Consumption in Western Europe before 1800. In R. C. Allen, T. Bengtsson, and M. Dribe, eds., *Living Standards in the Past: New Perspectives on Well-being in Asia and Europe*. Oxford University Press.
- Reuss, C., E. Koutny, and L. Tychon. 1960. Le progrès économique en sidérurgie, Belgique, Luxembourg, Pays-Bas 1830–1955. Louvain: Nauwelaerts.
- Riley, J. C. 1986a. Insects and the European Mortality Decline. *American Historical Review* 91: 833–858.
- . 1986b. The Seven Years War and the Old Regime in France: The Economic and Financial Toll. Princeton University Press.
- . 2001. *Rising Life Expectancy: A Global History*. Cambridge University Press.
- . 2005. Estimates of Regional and Global Life Expectancy, 1800–2001. *Population and Development Review* 31: 537–543.
- Ringrose, D. R. 1996. *Spain, Europe, and The «Spanish Miracle», 1700–1900*. Cambridge University Press.
- Roche, D. 2000. A History of Everyday Things: The Birth of Consumption in France, 1600–1800. Cambridge University Press.
- Rodrik, D., A. Subramanian, and F. Trebbi. 2004. Institutions Rule: The Primacy of Institutions over Geography and Integration in Economic Development. *Journal of Economic Growth* 9: 131–165.
- Rogers, J. 1995. *The Early History of the Law of Bills and Notes*. Cambridge University Press.
- Romano, R. 1962. Per una valutazione della flotta mercantile europea alla fine del secolo XVIII. In A. Giuffré, ed., *Studi in onore di Amintore Fanfani*. Milan: A. Giuffré.
- Romer, Christina D. 1999. Changes in Business Cycles: Evidence and Explanations. *Journal of Economic Perspectives* 13: 23–44.
- Rosenberg, M. 1972. Factors Affecting the Diffusion of Technology. *Explorations in Economic History* 10: 3–34.
- Rosenberg, N., and L. E. Birdzell. 1986. *How the West Grew Rich*. London: I. B. Tauris.
- Rosenberg, N., and M. Trajtenberg. 2004. A General-Purpose Technology at Work: The Corliss Steam Engine in the Late-Nineteenth-Century United States. *Journal of Economic History* 64: 61–99.
- Rosenthal, J.-L. 1992. *The Fruits of Revolution, Property Rights, Litigation and French Agriculture (1700–1860)*. New York: Cambridge University Press.
- Roses, J. R., K. H. O'Rourke, and J. G. Williamson. 2007. Globalization, Growth and Distribution in Spain 1500–1913, NBER Working Paper 13055.
- Roseveare, H. 1991. *The Financial Revolution 1660–1760*. London: Longman.
- Rostow, W. W. 1975. *How It All Began: Origins of the Modern Economy*. New York: McGraw-Hill.
- Rothenbacher, F. 2002. *The European Population, 1850–1945. The Societies of Europe*. Houndmills and New York: Palgrave Macmillan.

- Roy, T. 2006. *The Economic History of India 1857–1947*, 2nd edn. Oxford University Press. Knowledge and Divergence from the Perspective of Early Modern India. *Journal of Global History* 3: 361–387.
- Russell, J. C. 1972. *Medieval Regions and their Markets*. Newton Abbot: David & Charles.
- Rydén, G. 2005. Responses to Coal Technology without Coal: Swedish Iron Making in the Nineteenth Century. In C. Evans and G. Rydén, eds., *The Industrial Revolution in Iron: The Impact of British Coal Technology in Nineteenth-Century Europe*. Aldershot: Ashgate.
- Sandberg, L. G. 1979. Case of the Impoverished Sophisticate — Human Capital and Swedish Economic Growth before World War I. *Journal of Economic History* 39: 225–241.
- Sanderson, W. C. 1976. On Two Schools of the Economics of Fertility. *Population and Development Review* 2: 469–477.
- Sargent, T. J., and F. R. Velde 1995. Macroeconomic Features of the French Revolution. *Journal of Political Economy* 103: 474–518.
- Sauerbeck, A. 1878. *Production and Consumption of Wool*. London: J. J. Metcalfe.
- Schofield, R. 1973. Dimensions of Illiteracy, 1750–1850. *Explorations in Economic History* 10: 437–454.
- Schön, L. 1988. *Historiska Nationalräkenskaper för Sverige: Industri och Hantverk 1800–1980*. Lund: Ekonomisk-historiska föreningen.
- Schulze, M. S. 2000. Patterns of Growth and Stagnation in the Late Nineteenth Century Habsburg Economy. *European Review of Economic History* 4: 311–340.
- Schumpeter, J. A. 1939. *Business Cycles: A Theoretical, Historical, and Statistical Analysis of the Capitalist Process*. New York: McGraw-Hill.
- Sen, A. K. 1981. *Poverty and Famines*. Oxford University Press.
- Serruys, M. W. 2008. Urban Networks on the Move. The Austrian Netherlands' Transit Policy and the Influence on the Commercial Flows between the Southern Netherlands and the Dutch Republic (1713–1789), paper given at the Seventh European Social Science History Conference.
- Sewell, W. H., Jr. 1988. Uneven Development, the Autonomy of Politics, and the Dockworkers of Nineteenth-Century Marseille. *American Historical Review* 93: 604–637.
- Shaw-Taylor, L., and E. A. Wrigley. 2008. The Occupational Structure of England, c.1750–1851: A Preliminary Report, mimeo, University of Cambridge.
- Shepherd, J. F., and G. M. Walton. 1972. *Shipping, Maritime Trade, and the Economic Development of Colonial North America*. Cambridge University Press.
- Shepherd, J. F., and G. M. Walton. 1976. Economic Change after the American Revolution. *Explorations in Economic History* 13: 397–422.
- Shiue, C. 2002. Transport Costs and the Geography of Arbitrage in Eighteenth-Century China. *American Economic Review* 92: 1406–1419.
- . 2005. From Political Fragmentation towards Customs Union: Border Effects of the German Zollverein, 1815–1855. *European Review of Economic History* 9: 129–162.
- Shiue, C., and W. Keller. 2007. Markets in China and Europe on the Eve of the Industrial Revolution. *American Economic Review* 97: 1189–1216.
- Simpson, J. 1995. *Spanish Agriculture: The Long Siesta, 1765–1965*. Cambridge University Press.
- Sivasubramonian, S. 2000. *The National Income of India in the Twentieth Century*. New Delhi: Oxford University Press.
- Skinner, G. W. 1997. Family Systems and Demographic Processes. In D. I. Kertzer and T. E. Fricke, eds., *Anthropological Demography: Toward a New Synthesis*. University of Chicago Press.
- Smets, F., and R. Wouters. 2007. Shocks and Frictions in US Business Cycles. *American Economic Review* 97: 586–606.

- Smith, A. 1966 [1776]. *The Wealth of Nations*. New York: Augustus M. Kelley.
- . 1976. *The Wealth of Nations*. University of Chicago Press.
- Smith, B. G. 1981. *Ladies of the Leisure Class: The Bourgeoises of Northern France in the 19th Century*. Princeton University Press.
- Smith, T. C., R. Y. Eng, and R. T. Lundy. 1977. Nakahara: Family Farming and Population in a Japanese Village, 1717–1830. Stanford University Press.
- Smits, J.-P., E. Horlings and J. L. van Zanden. 2000. Dutch GDP and its Components, 1800–1913, Groningen Growth and Development Centre, available at <http://www.ggdcc.net/index-dseries.html#top>.
- Solar, P. M. 1990. The Irish Linen Trade, 1820–1852. *Textile History* 21: 54–85.
- . 2003. The Linen Industry in the Nineteenth Century. In D. T. Jenkins, ed., *The Cambridge History of Western Textiles*. Cambridge University Press.
- Sombart, W. 1928. *Der moderne Kapitalismus*, XXII. Munich: Duncker & Humblot.
- Sommer, J. G. 1839. *Das Kaiserthum Oesterreich, geographisch-statistisch dargestellt*. Prague: J. G. Calve'sche Buchhandlung.
- Soo, K. T. 2003. Zipf's Law for Cities: A Cross-Country Investigation, mimeo, Centre for Economic Performance, London School of Economics.
- Soysal, Y. N., and D. Strang. 1989. Construction of the First Mass Education Systems in 19th-Century Europe. *Sociology of Education* 62: 277–288.
- Sperling, J. 1962. The International Payments Mechanism in the Seventeenth and Eighteenth Centuries. *Economic History Review* 14: 446–468.
- Stabel, P., B. Blond  , and A. Greve, eds. 2000. *International Trade in the Low Countries (14th–16th Centuries): Merchants, Organisation, Infrastructure, Studies in Urban, Social, Economic, and Political History of the Medieval and Early Modern Low Countries* (Marc Boone, general editor), no. 10. Leuven: Apeldoorn.
- Statistik des Deutschen Reichs. 1969 [1877]. *A. F. Band 25, zweiter Teil: Monatshefte zur Statistik des Deutschen Reichs fuer das Jahr, Repr.* Osnabrueck: Otto Zeller.
- Stern, W. M. 1960. *The Porters of London*. London: Longman.
- Studer, R. 2008. India and the Great Divergence: Assessing the Efficiency of Grain Markets in Eighteenth- and Nineteenth-Century India. *Journal of Economic History* 68: 393–437.
- Sugihara, K. 2003. The East Asian Path of Economic Development: A Long-Term Perspective. In G. Arrighi, T. Hamashita, and M. Selden, eds., *The Resurgence of East Asia: 500-, 150- and 50-Year Perspectives*. London: Routledge.
- Sullivan, R. J. 1989. England's «Age of Invention»: The Acceleration of Patents and Patentable Invention during the Industrial Revolution. *Explorations in Economic History* 26: 424–452.
- Sundb  rg, A. G. 1968. *Aper  us statistiques internationaux*. New York: Gordon & Breach Science Pub.
- Syll  , R., R. Tilly, and G. Tortella, eds. 1999. *The State, the Financial System, and Economic Modernization*. Cambridge University Press.
- Szreter, S. 1988. The Importance of Social Intervention in Britain's Mortality Decline c. 1850–1914: A Re-interpretation of the Role of Public Health. *Social History of Medicine* 1: 1–37.
- . 1996. *Fertility, Class and Gender in Britain, 1860–1940*. Cambridge University Press.
- . 1997. Economic Growth, Disruption, Deprivation, Disease, and Death: On the Importance of the Politics of Public Health for Development. *Population and Development Review* 23: 693–728.
- Tabellini, G. 2006. Culture and Institutions: Economic Development in the Regions of Europe, mimeo, Bocconi.
- Tarkka, J. 1993. *Rahaja rahapolitiikka*. Jyv  skyl  : Gaudeamus.

- Temin, P. 1997. Is it Kosher to Talk about Culture? *Journal of Economic History* 57: 267–287.
- Temin, P., and H.-J. Voth. 2008. Interest Rate Restrictions in a Natural Experiment: Loan Allocation and the Change in the Usury Laws in 1714. *Economic Journal* 118: 743–758.
- t'Hart, M., J. Jonker, and J. L. van Zanden, eds. 1997. *A Financial History of the Netherlands*. Cambridge University Press.
- Thomas, B. 1973. *Migration and Economic Growth: A Study of Great Britain and the Atlantic Economy*. Cambridge University Press.
- Thomas, R. P., and D. N. McCloskey. 1981. Overseas Trade and Empire, 1700–1860. In R. Floud and D. McCloskey, eds., *The Economic History of Britain since 1700, Volume 1: 1700–1860*. Cambridge University Press.
- Thompson, E. P. 1967. Time, Work-Discipline, and Industrial Capitalism. *Past and Present* 38: 56–97.
- Thorner, D., and A. Thorner. 1962. *Land and Labour in India*. Bombay: Asia Publishing House.
- Tielhof, M. van. 2002. *The «Mother of All Trades». The Baltic Grain Trade in Amsterdam from the Late 16th to the Early 19th Century*. Leiden: Brill.
- Tilly, C. 1992. *Coercion, Capital, and European States, ad 990–1992*. Oxford: Blackwell.
- Tinbergen, J. 1975. *Income Distribution: Analysis and Policies*. Amsterdam: North-Holland.
- Todorov, N. 1983. *The Balkan City, 1400–1900*. Seattle and London: University of Washington Press.
- Tortella, G., and F. Comín. 2001. Fiscal and Monetary Institutions in Spain (1600–1900). In M. D. Bordo and R. Cortés Conde, eds., *Transferring Wealth and Power from the Old to the New World. Monetary and Fiscal Institutions in the 17th through the 19th Centuries*. Cambridge University Press.
- Toutain, J.-C. 1987. Le Produit intérieur brut de la France de 1789 à 1982. *Économies et Sociétés* 15: 1–237.
- Tracy, J. D., ed. 1990. *The Rise of the Merchant Empires. Long-Distance Trade in the Early Modern World, 1350–1750*. Cambridge University Press.
- . 1991. *The Political Economy of Merchant Empires*. Cambridge University Press.
- Trebilcock, C. 1981. *The Industrialization of the Continental Powers 1780–1914*. New York: Longman.
- Tunzelmann, G. N. von. 1978. *Steam Power and British Industrialization to 1860*. Oxford University Press.
- . 1981. Technical Progress during the Industrial Revolution. In R. Floud and McCloskey, eds., *The Economic History of Britain since 1700, Volume 1: 1700–1860*. Cambridge University Press.
- Unger, R. W. 1992. The Tonnage of Europe's Merchant Fleets 1300–1800. *The American Neptune* 52: 247–261.
- . 2006a. Investment and Risk: Ship Design and Investment in Port Infrastructure, 1200–1800. In S. Cavaciocchi, ed., *Ricchezza del mare. Ricchezza dal mare. Secc. XIII–XVIII-Atti delle «Settimane di Studi» 11–15 aprile 2005*. Prato: Le Monnier.
- . 2006b. Warships, Cargo Ships and Adam Smith: Trade and Government in the 18th Century. *The Mariner's Mirror* 92: 41–59.
- United Kingdom Board of Trade. Various years. *Abstract of Foreign Statistics*.
- United Kingdom House of Commons. 1968 [1831]. *Population: Comparative Account of the Population of Great Britain in the Years 1801, 1811, 1821, and 1831*. Shannon: Irish University Press.
- United Kingdom Parliamentary Papers. 1841. *Report on Roads* 27: 79.
- Urlanis, B. T. 1941. *Rost Naselenie v Europe*. Moscow: Ogiz.

- Valerio, N., ed. 2001. *Portuguese Historical Statistics*. Lisbon: Instituto Nacional de Estatística.
- Van Bavel, J. 2004. Diffusion Effects in the European Fertility Transition: Historical Evidence from within a Belgian Town (1846–1910). *European Journal of Population/Revue européenne de démographie* 20: 63–85.
- Vandenbroeke, C. 1985. *Sociale Geschiedenis van het Vlaamse Volk*. Leuven: Kritak.
- Veenendaal, A. J. 1995. State versus Private Enterprise in Railway Building in the Netherlands, 1838–1938. *Business and Economic History* 24: 186–193.
- Velde, F. R. 2003. Government Equity and Money: John Law's System in 1720 France, Federal Reserve Bank of Chicago working paper.
- Vial, J. 1967. *L'industrialisation de la sidérurgie Française 1814–1864*. Paris: Mouton.
- Ville, S. 1986. Total Factor Productivity in the English Shipping Industry: The North-East Coal Trade, 1700–1850. *Economic History Review* 39: 355–370.
- . 1990. *Transport and the Development of the European Economy, 1750–1918*. Basingstoke: Macmillan.
- Viner, J. 1948. Power versus Plenty as Objectives of Foreign Policy in the Seventeenth and Eighteenth Centuries. *World Politics* 1: 1–29.
- Vivien de Saint-Martin, M. 1879–95. *Nouveau dictionnaire de géographie universelle*. Paris: Hachette.
- Voigtländer, N., and H.-J. Voth. 2006. Why England? Demographic Factors, Structural Change and Physical Capital Accumulation during the Industrial Revolution. *Journal of Economic Growth* 11: 319–361.
- . 2008. The Horsemen of Growth: Plague, War and Urbanization in Early Modern Europe, mimeo, Pompeu Fabra.
- Voth, H.-J. 1998. Time and Work in Eighteenth-Century London. *Journal of Economic History* 58: 29–58.
- . 2001a. *Time and Work in England 1750–1830*. Oxford University Press.
- . 2001b. The Longest Years: New Estimates of Labor Input in England, 1760–1830. *Journal of Economic History* 61: 1065–1082.
- . 2003. Living Standards during the Industrial Revolution: An Economist's Guide. *American Economic Review* 93: 221–226.
- . 2004. Living Standards and the Urban Environment. In R. Floud and P. Johnson, eds., *The Cambridge Economic History of Modern Britain, Volume 1, Industrialisation, 1700–1860*. Cambridge University Press.
- Vries, J. de. 1978. *Barges and Capitalism: Passenger Transportation in the Dutch Economy 1632–1839*. Wageningen: A. A. G. Bijdragen.
- . 1981. *Barges and Capitalism: Passenger Transportation in the Dutch Economy, 1632–1839*, 2nd edn. Utrecht: HES.
- . 1984. *European Urbanization 1500–1800*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- . 1990. Problems in the Measurement, Description, and Analysis of Historical Urbanization. In A. Van der Woude, A. Hayami, and J. De Vries, eds., *Urbanization in History. A Process of Dynamic Interactions*. Oxford: Clarendon Press.
- . 1994. The Industrial Revolution and the Industrious Revolution. *Journal of Economic History* 54: 249–270.
- . 2001. Economic Growth before and after the Industrial Revolution: A Modest Proposal. In M. Prak, ed., *Early Modern Capitalism: Economic and Social Change in Europe, 1400–1800*. London: Routledge.
- . 2003. Connecting Europe and Asia: A Quantitative Analysis of the Cape-Route Trade, 1497–1795. In D. O. Flynn, A. Giráldez and R. von Glahn, eds., *Global Connections and Monetary History, 1470–1800*. Aldershot: Ashgate.
- . 2008. *The Industrious Revolution*. Cambridge University Press.

- Vries, J. de, and A. van der Woude. 1997. *The First Modern Economy: Success, Failure, and Perseverance of the Dutch Economy, 1500–1815*. Cambridge University Press.
- Wall, R., J. Robin, and P. Laslett. 1982. *Family Forms in Historic Europe*. Cambridge University Press.
- Wang, Y.-C. 1992. Secular Trends of Rice Prices in the Yangzi Delta, 1638–1935. In T. Rawski and L. Li, eds., *Chinese History in Economic Perspective*. Berkeley: University of California Press.
- Warde, P. 2006. *Ecology, Economy and State Formation in Early Modern Germany*. Cambridge University Press.
- Waterways Association. 1913. *Digest of the Report and Recommendations of the Royal Commission on Canals*. Birmingham.
- Watkins, S., and J. Menken. 1985. Famines in Historical Perspective. *Population and Development Review* 11: 647–675.
- Watkins, S., and E. van de Walle. 1985. Nutrition, Mortality, and Population Size: Malthus' Court of Last Resort. In R. I. Rotberg and T. K. Rabb, eds., *Hunger and History*. Cambridge University Press.
- Weber, M. 1921. *Wirtschaft und Gesellschaft*. Tübingen: Mohr.
- Wee, H. van der. 1977. Monetary, Credit and Banking Systems. In E. E. Rich and C. H. Wilson, eds., *The Cambridge Economic History of Europe, Volume V, The Economic Organization of Early Modern Europe*. Cambridge University Press.
- . 2003. The Western European Woollen Industries, 1500–1750. In D. T. Jenkins, ed., *The Cambridge History of Western Textiles*. Cambridge University Press.
- Weir, R. B. 1977. The Patent Still Distillers and the Role of Competition. In L. M. Cullen and T. C. Smout, eds., *Comparative Aspects of Scottish and Irish Economic and Social History 1600–1900*. Edinburgh: Donald.
- Wells, H. G. 2005 [1905]. *A Modern Utopia*. New York: Penguin.
- Wertimie, T. A. 1962. *The Coming of the Age of Steel*. University of Chicago Press.
- White, E. N. 1989. Was There a Solution to the Ancien Regime's Financial Dilemma? *Journal of Economic History* 49: 545–568.
- . 1995. The French Revolution and the Politics of Government Finance, 1770–1815. *Journal of Economic History* 55: 227–255.
- . 2001. France and the Failure to Modernize Macroeconomic Institutions. In M. D. Bordo and R. Cortes Conde, eds., *Transferring Wealth and Power from the Old to the New World. Monetary and Fiscal Institutions in the 17th through the 19th Centuries*. Cambridge University Press.
- Willan, T. S. 1964. *River Navigation in England, 1600–1750*. Cambridge University Press.
- Willcox, W. F. 1929. *International Migrations*. New York: National Bureau of Economic Research.
- Williams, E. E. 1966. *Capitalism and Slavery*. New York: Capricorn.
- Williamson, J. G. 1982. The Structure of Pay in Britain, 1710–1911. *Research in Economic History* 7: 1–45.
- . 1985. *Did British Capitalism Breed Inequality?* London: Allen and Unwin.
- . 1987a. Has Crowding Out Really Been Given a Fair Test? A Comment. *Journal of Economic History* 47: 214–216.
- . 1987b. Debating the Industrial Revolution. *Explorations in Economic History* 24: 269–292.
- . 1987c. Did English Factor Markets Fail During the Industrial Revolution? *Oxford Economic Papers* 39: 641–648.
- . 1991. *Inequality, Poverty and History*. Cambridge, MA: Blackwell.
- . 2006. *Globalization and the Poor Periphery before 1950*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Wilson, C., and G. Parker G., eds. 1977. *An Introduction to the Sources of European Economic History 1500–1800, 1, Western Europe*. London: Weidenfeld & Nicolson.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Wirth, L. 1938. Urbanism as a Way of Life. *American Journal of Sociology* 44: 1–24.
- Woloch, I. 1994. *The New Regime: Transformations of the French Civic Order, 1789–1820s*. New York: Norton.
- Woodford, M. 2003. *Interest and Prices: Foundations of a Theory of Monetary Policy*. Princeton University Press.
- Woods, R. 1989. Population Growth and Economic Change in the Eighteenth and Nineteenth Centuries. In P. Mathias and J.A. Davis, eds., *The First Industrial Revolution*. Oxford: Blackwell.
- . 2000. *The Demography of Victorian England and Wales*. New York: Cambridge University Press.
- . 2003. Urban-Rural Mortality Differentials: An Unresolved Debate. *Population and Development Review* 29: 29–46.
- Wrigley, E. A. 1967. A Simple Model of London's Importance in Changing English Society and Economy 1650–1750. *Past and Present* 37: 44–70.
- . 1983. The Growth of Population in Eighteenth-Century Britain: A Conundrum Resolved. *Past and Present* 98: 121–150.
- . 1991. Energy Availability and Agricultural Productivity. In B. M. S. Campbell and M. Overton, eds., *Land, Labour and Livestock*. Manchester University Press.
- . 2004a. British Population during the «Long» Eighteenth Century, 1680–1840. In R. Floud and P. Johnson, eds., *The Cambridge Economic History of Modern Britain*. Cambridge University Press.
- . 2004b. *Poverty, Progress, and Population*. Cambridge University Press.
- . 2006. The Transition to an Advanced Organic Economy: Half a Millennium of English Agriculture. *Economic History Review* 59: 435–480.
- Wrigley, E. A., and R. S. Schofield. 1989. *The Population History of England 1541–1871: A Reconstruction*, 2nd edn. Cambridge University Press.
- Wrigley, E. A., R. S. Davies, J. E. Oeppen, and R. S. Schofield. 1997. *English Population History from Family Reconstitution, 1580–1837*. Cambridge University Press.
- Zanden, J. L. van. 1995. Tracing the Beginning of the Kuznets Curve: Western Europe during the Early Modern Period. *Economic History Review* 48: 643–664.
- . 2001. Early Modern Economic Growth: A Survey of the European Economy, 1500–1800. In M. Prak, ed., *Early Modern Capitalism Economic and Social Change in Europe, 1400–1800*. London and New York: Routledge.
- . 2005a. Cobb-Douglas in Pre-modern Europe: Simulating Early Modern Growth, IISH working paper.
- . 2005b. Una estimacion del crecimiento económico en la edad moderna. *Investigaciones de Historia Economica* 1: 9–38.
- . 2009. The Road to the Industrial Revolution: Institutions and Human Capital Formation in Europe in Global Perspective, 1000–1800. Leiden: Brill.
- Zanden, J. L. van, and T. de Moor. 2010. Girl Power: The European Marriage Pattern and Labour Markets in the North Sea Region in the Late Medieval and Early Modern Period. *Economic History Review* 63: 1–33.
- Zanden, J. L. van, and A. van Riel. 2004. *The Strictures of Inheritance: The Dutch Economy in the Nineteenth Century*. Princeton University Press.
- Zarnowitz, V. 1999. Theory and History behind Business Cycles: Are the 1990s the Onset of a Golden Age? *Journal of Economic Perspectives* 13: 69–90.

Научное издание

КЕМБРИДЖСКАЯ
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ
ЕВРОПЫ НОВОГО
И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

Том 1: 1700–1870

Главный редактор издательства Валерий Анашвили
Научный редактор издательства Артем Смирнов
Выпускающий редактор Елена Попова
Корректор Ольга Герасенкова
Художник серии Валерий Коршунов
Верстка Сергея Зиновьева

Издательство Института Гайдара
125993, Москва, Газетный пер., д. 3–5, стр. 1

Подписано в печать 26.10.12. Тираж 1000 экз.
Формат 70×100/16. Заказ № 1639.
Отпечатано в типографии ППП «Типография „Наука“»
121099, Москва, Шубинский пер., 6